

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№10—12 ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1918

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Егоръ Сазоновъ. Воспоминанія, письма, матеріалы для біографіи. Съ предисл. С. П. Мельгунова	5
II. В. И. Самевскій. Кирилло-Меѳодіевское общество	101
III. А. А. Шиловъ. Изъ исторіи революціоннаго движенія 1860-хъ гг.	159
IV. Е. К. Брешко-Брешковская. Изъ воспоминаній. (С. А. Лешернъ, Н. А. Армфельдтъ, Т. И. Лебедева, М. К. Крылова, М. Г. Гельфманъ	169
V. А. С. Поляковъ. Второе 1 марта. (Покушеніе на императора Александра III въ 1887 г.).	237
VI. А. М. Хирьяковъ. Зинаида Коноплянникова	297
VII. Мелочи прошлаго. А. О. Керенскій въ борьбѣ за Учредительное собраніе въ 1915 г.	236
VIII. Рисунки и портреты. 1) Въ Акатуйской тюрьмѣ (13). 2) Е. С. Сазоновъ (25). 3) Е. К. Брешко-Брешковская—1904 г. (171). 4) С. А. Лешернъ (177). Н. А. Армфельдтъ (197). 6) Т. И. Лебедева (209). 7) З. В. Коноплянникова (301).	
IX. Новыя книги	303

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія VI)

*Свѣтлой памяти
В. И. Селевскаго*

№ 10—12 ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1918

МОСКВА.—1919.

ТИПОГРАФИЯ КООПЕРАТ. Т-ВА ПЕЧАТН. И ИЗДАТ. ДЪЛА „ЗАВРУГА“.
Воздвиженка, Крестово-Воздвиженский, 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Егоръ Сазоновъ. Воспоминанія, письма, материалы для біографіи. Съ предисл. С. П. Мельгунова	5
II. В. И. Семевскій. Кпринло-Меводіевское общество	101
III. А. Шилевъ. Изъ исторіи революціоннаго движенія 1860-хъ гг.	159
IV. Е. К. Брешко-Брешковская. Изъ воспоминаній. (С. А. Лешернъ, Н. А. Армфельдъ, Т. И. Лебедева, М. К. Крылова, Г. М. Гельфманъ	169
V. А. С. Поляковъ. Второе 1 марта. (Покушеніе на императора Александра III въ 1887 г.).	237
VI. А. М. Хирьяковъ. Зинаида Конопляникова	297
VII. Мелочи прошлаго. А. Ф. Керенскій въ борьбѣ за Учредительное собраніе въ 1915 г.	236
VIII. Рисунки и портреты. 1) Въ Акатуйской тюрьмѣ (13). 2) Е. С. Сазоновъ (25). 3) Е. К. Брешко-Брешковская—1904 г. (171). 4) С. А. Лешернъ (177). Н. А. Армфельдъ (197). 6) Т. И. Лебедева (209). 7) З. В. Конопляникова (301).	
IX. Новыя книги	308

По независящимъ отъ редакціи причинамъ при настоящемъ номерѣ не могъ быть приложенъ „Указатель Голоса Минувшаго“ за 1917 г. Указатели за 1917 г. и 1918 г. будутъ выпущены отдѣльною брошюрою и разосланы подписчикамъ журнала.

Егоръ Сазоновъ.

(Материалы для біографіи).

Въ нашемъ распоряженіи пачка поистинѣ замѣчательныхъ писемъ Егора Сергѣевича Сазонова, охватывающихъ пятилѣтній періодъ (1905—1910 гг.), т.-е. періодъ тюремнаго заключенія, отъ убійства Плеве до дня катастрофы на Зерентуйской каторгѣ, вызвавшей самоубійство Егора Сазонова, въ видѣ протеста противъ каторжанскаго режима и во имя предупрежденія ~~тотъ~~говорящихся массовыхъ самоубійствъ. Эти интимныя письма, направленные частью съ оказіей, частью черезъ обычный прокурорскій надзоръ къ роднымъ, должны сдѣлаться достояніемъ широкихъ круговъ читателей. Они такъ ярки для личной характеристики «убійцы» Плеве, такъ образно рисуютъ намъ внутренній обликъ одного изъ русскихъ террористовъ, его всеобъемлющую по своимъ интересамъ натуру, удивительную нѣжность и задушевность этого активнаго и страстнаго борца,—что навсегда останутся однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ документовъ для характеристики тѣхъ психологическихъ переживаній, которыя ставили людей типа Сазонова въ ряды террористовъ.

Эти письма такъ цѣлостны, столь непосредственно захватываютъ читателя, что едва ли надо на основаніи ихъ пытаться даже изобразить благородную фигуру одного изъ тѣхъ героевъ русскаго революціоннаго движенія, которые отдали свою жизнь за благо народное. Ихъ надо прочесть непосредственно—силенѣе и ярче, быть можетъ, тогда будетъ впечатлѣніе.

Говорятъ, что «изученіе прошлыхъ битвъ—лучшій урокъ будущимъ борцамъ». Пусть прочитаютъ письма Сазонова, однако, не только то подрастающее молодое поколѣніе, которому предстоитъ пережить еще тяжелый искукъ общественнаго служенія, и которое готовится къ нему въ атмосферѣ моральнаго разложенія великихъ помысловъ, одухотворявшихъ еще такъ недавно молодыхъ вождей русской общественности, горѣвшихъ энтузіазмомъ и вѣрой въ будущее русской революціи. Наша современность какъ будто бы безжалостно стерла все идеалистическое, что было въ прошломъ, чѣмъ жила поколѣнія. Но когда переживаешь вмѣстѣ съ «отошедшими» ихъ чувства и мысли, то вновь черпаешь бод-

рость духа, и личная драма отходитъ на задній планъ передъ тѣмъ великимъ и вѣчнымъ, что неизбежно трядетъ, какъ ни тяжелы были бы окружающія насъ условія, какъ ни глубоко было бы наше разочарованіе.

Пусть прочитаютъ эти письма не только тѣ, которые должны черпать изъ сокровищницы прошлаго завѣты и традиціи для оформленія своего міросозерцанія. Пусть прочитаютъ ихъ и тѣ, которые считали себя въ рядахъ единомышленниковъ Сазонова и на отвѣтственность которыхъ ложится большая доля вины за ходъ русской революціи, той революціи, которую ждали, которую готовили и за которую умерли Сазоновъ и его старшіе предшественники. Пусть прочитаютъ эти письма «Маруся Спиридонова», о которой съ такой нѣжностью говоритъ въ своихъ письмахъ Сазоновъ. Она одна изъ тѣхъ, во имя спасенія которыхъ погибъ Сазоновъ. Тогда она была молоденькой неопытной еще дѣвушкой. Этотъ нѣжный ростокъ русской общественности, о которомъ такъ трогательно думалъ и заботился легко отдававшій во имя великаго служенія идеѣ свою личную жизнь Сазоновъ, пережила мучительныя испытанія каторжанской жизни. Оторванная отъ жизни, она пришла въ новыя условія русской общественности, потерявъ чувство дѣйствительности и забывъ традиціи, тѣ самыя, которыми жилъ Сазоновъ, о которыхъ онъ говоритъ на каждой страницѣ своихъ подчасъ проникновенныхъ писемъ. Пусть она ихъ прочтетъ... Неотступно стоитъ мысль: что сказалъ бы въ дни трагедіи, которую суждено переживать нашей родинѣ, тотъ, кто называлъ себя «братомъ» и ея и за ней идущихъ.

Прочтите письма, эти интимныя письма, которыя писались не на показъ, въ которыхъ выливалась кристально-чистая душа ихъ автора, — и вы поймете, что сказалъ бы онъ теперь, отошедшій изъ русской жизни, какъ и многіе другіе, слишкомъ рано.

Комментировать письма не надо. Намъ хотѣлось бы только для цѣльности впечатлѣнія воспроизвести еще разъ разсказъ, едва ли извѣстный опромному большинству русскихъ читателей, разсказъ автобиографическій, изъ показаній на судѣ, о томъ, какъ Сазоновъ «мало по малу превратился въ революціонера и дошелъ до рѣшимости убить человѣка». Это можетъ служить наилучшимъ введеніемъ къ самымъ письмамъ. Такимъ же введеніемъ служитъ письмо Сазонова къ друзьямъ, въ свое время опубликованное въ заграничной печати и говорящее о подробностяхъ убійства Плева. Мы воспроизводимъ и его, наряду съ нѣкоторыми новыми не опубликованными еще документами.

С. Мельгуновъ.

І. Убіўца Плевае.

1. Циркуляры Департамента Полиціі.

15 іюля 1904 г. быў убитъ Плевае. Едва ли это быль не единственныи террористическiй актъ, встрѣченный всеобщимъ сочувствiемъ: «Радостно вздохнетъ каждый обитатель обширной Руси, услыхавъ благую вѣсть»,—такъ, наприимѣръ, начиналась прокламація по поводу убійства, изданная петербургскимъ соц.-дем. комитетомъ.

Тѣмъ временемъ департаментъ полиціи, несмотря на блестяще поставленную, казалось бы, агентуру въ охранныхъ отдѣленiяхъ, не могъ самъ найти слѣдовъ для розысканiя фамилии убійцы, какъ то свидѣтельствуютъ приводимыя нами три шифрованныя телеграммы директора департамента Лопухина на имя начальника московскаго охраннаго отдѣленiя.

17 іюля 1904 г.

«Убіўца по виду сознательный ремесленникъ или сельскiй учитель, видимо съ юга, выше средняго роста, тѣлосложенiя плотнаго, блондинъ, рыжеватый, слабые слѣды оспы на обѣихъ щекахъ, носъ горбинкой, усы темнорусые подстриженные, лицо русское, одѣтъ желѣзнодорожную форму, онъ заявляетъ принадлежности боевой организаціи, подготовлявшейся нѣсколькою неудачныхъ покушенiй также Сѣверной гостиницѣ, черезъ часъ послѣ событiя задержанъ на Невѣ нѣкiй еврей выбросившій воду какой-то свертокъ подозрѣвается соучастiи. Телеграфируйте не отлучался ли кто-либо наблюдаемыхъ членовъ боевой организаціи, учините агентурныя розыски».

Тоже.

«По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что убійца лѣчился въ Москвѣ можетъ-быть отъ нервной болѣзни. Произведите по имѣющимся у васъ примѣтамъ и этимъ указанiямъ тщательный розыскъ во всѣхъ лѣчебныхъ заведенiяхъ Москвы и результатъ телеграфируйте».

18 іюля.

«Убіўца бреду называетъ имена: Петыка, Миша, Валентинъ, Николай Ильичъ, себя называетъ Александромъ Ивановичемъ Петровымъ, но имя не настоящее».

31 юлн.

«Въ дополненіе къ циркуляру ютъ 17 іюля 1904 г. за № 8292, Дир. Деп. Пол. увѣдомляетъ Васъ, Мил. Гос., что личность убійцы статс-секретаря Плеве нынѣ вполне установлена и тѣловымъ оказался фазыски-ваемый, цирк. отъ 12 дек. 1903 г., за № 12500, бывший студентъ Московскаго Университета Егоръ Сергѣевъ Сазоновъ».

«Справка.

Сазоновъ Егоръ Сергѣевичъ, сынъ купца, бывший студентъ Моск. Унив., род. 26 мая 1876 г. въ с. Петровскомъ, Уржумск. у., Вятской губ., раскольникъ, воспитывался въ Уфимск. гимназіи, по окончаніи коей поступилъ въ Московскій Университетъ, откуда былъ уволенъ со второго курса въ апрѣлѣ 1901 г. за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ; отецъ Сергѣй Лазаревъ, мать—Акулина Лопинова и братъ Зоть проживаютъ въ г. Уфѣ, гдѣ отецъ и братъ занимаются лѣсной торговлей.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго во 2 день іюля 1903 г., за государственное преступленіе подлежатъ высылкѣ въ Восточн. Сибирь подъ тласный надзоръ полиціи на 5 лѣтъ.

Слѣдуя въ Якутскую область, назначенную ему мѣстомъ водворенія для отбытія надз. полиціи, Сазоновъ 23 августа 1903 г. изъ села Усть-Балайскаго, Иркутск. у. и губ., скрылся неизвѣстно куда.

Примѣты: ростъ 2 арш. 8¼ верш., тѣлосложенія посредственнаго, производитъ впечатлѣніе скромнаго молодого человѣка, волосы темно-русые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, немного курчавые, зачесываетъ ихъ къверху, глаза каріе, голова продолговатая средняго размѣра, лобъ прямой, высокій, носъ римскій, подбородокъ острый, лицо продолговатое, румяное, въ веснушкахъ, ротъ маленькій, губы тонкія, голосъ теноровый».

Какимъ образомъ былъ обнаруженъ убійца, извѣстно—у Сазонова вывѣдали во время бреда, прибѣгая для данной цѣли къ самымъ навѣроятнымъ выдумкамъ.

Подробно рассказываетъ объ этомъ самъ Сазоновъ въ приводимомъ ниже письмѣ *). Правильность разсказа вполне подтверждена официальными документами.

2. Убіѣство Плеве.

(Письмо Сазонова).

Дорогіе товарищи! Отвѣчаю на вашу просьбу сообщить вамъ нѣкоторыя подробности о «дѣлѣ 15 іюля 1904 г.». Едва ли я могу дать вамъ что-нибудь новое, кромѣ того, что уже, навѣрное, публиковалось въ революціонной печати, то есть, кромѣ обнаруженнаго слѣдствіемъ.

*) Оно было напечатано въ изданіи «Вѣстникъ Народной Воли», 1907 г. Вып. I. «Къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи».

Мой костюмъ желѣзнодорожнаго служащаго объясняется тѣмъ, что дѣло должно было произойти гдѣ-нибудь поблизости вокзаловъ: въ этомъ костюмѣ я не обращалъ на себя вниманія среди массы желѣзнодорожниковъ, проходившихъ тамъ. Предполагаютъ, что бомбу я несъ совершенно открыто, подъ мышкой. По показаніямъ одной бабы, моя бомба была завернута въ газету и походила на колбасу или кругъ холста.

При появленіи на мѣсто дѣйствія я по обстановкѣ замѣтилъ, что встрѣча съ Плеве неминуема... Обстановка была обычная, плевиновская: усиленный нарядъ полиціи, конной и пѣшей, начиная съ Балтійскаго вокзала и по всему Исаѣйловскому проспекту. На тротуарѣ цѣпь агентовъ самой разнообразной формы: босяки и элегантно одѣтые господа, то стоявшіе въ задумчивой позѣ людей, погруженныхъ въ заоблачныя мечтанія, то прогуливавшіеся лѣнивой, барской походкой, но на всѣхъ лицахъ каинова печать, у всѣхъ алчные, западочные, блудящіе, нахальные взоры. Жутко и весело идти съ бомбой подъ перекрестнымъ огнемъ такихъ взоровъ. Мой защитникъ Карабчевскій весьма мѣтко выразился, что мнѣ пришлось «пробиваться сквозъ стѣну охраны», прибавлю, съ рискомъ въ любой моментъ получить неосторожный толчекъ и влетѣть преждевременно на воздухъ.

Извѣстно, что я шелъ отъ Варшавскаго вокзала навстрѣчу Плеве. Карету министра я завидѣлъ очень далеко, шаговъ за 70 или дальше. Объ ея приближеніи я могъ бы судить еще раньше по той ажитации, какая началась въ этотъ моментъ среди полиціи и агентовъ.

Какъ разъ посрединѣ между мной и каретой, приблизительно на самомъ мѣстѣ роковой встрѣчи, остановилась конка. Мнѣ пришлось убавить шагъ, чтобы дать конкѣ время уѣхать или каретѣ приблизиться; это-то замедленіе шага, вѣроятно, и обратило на меня вниманіе нѣкоторыхъ свидѣтелей, утверждавшихъ потомъ, что они «замѣтили» меня.

Я очень хорошо ориентировался въ окружающемъ: замѣтилъ, что на тротуарѣ *нейтральной* шублики было не больше, чѣмъ обыкновенно, т.-е. немного, около тротуара изрѣдка стояли извозчики, на мѣстѣ встрѣчи, какъ разъ, ихъ не было. На мое счастье и конка пронулась, мѣсто очистилось. Да и пора было.

Карета приближалась съ быстротою стрѣлы. Уже оставался интервалъ шаговъ въ 20.

Быстро, но не бѣгомъ, пошелъ я навстрѣчу, на перерѣзъ каретѣ, съ цѣлью какъ можно ближе подойти къ ней. Уже я подошелъ почти вплотную, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось. Я увидѣлъ, какъ Плеве быстро перемѣнилъ положеніе, наклонился и припалъ къ стеклу. Мой взглядъ встрѣтился съ его широко раскрытыми глазами. Медлить было нельзя: наконецъ-то мы повстрѣчались. Я былъ убѣжденъ въ успѣхѣ и не зналъ, что происходитъ за спиной у меня: можетъ-быть,

меня уже ловятъ, можетъ-быть, Плева крикнетъ или выскочитъ изъ кареты на противоположную сторону. Карета почти поразилась со мной. Я плавно раскатулъ бомбу и бросилъ, цѣлясь прямо въ стекло...

Что затѣмъ произошло, я не видѣлъ, не слышалъ, все исчезло изъ глазъ и сознанія. Но уже въ слѣдующій моментъ сознаніе вернулось. Я лежалъ на мостовой. Первая мысль—это удивленіе, что я еще живъ. Я встрепенулся, чтобы подняться, но не почувствовалъ тѣла: какъ будто, кромѣ мысли, у меня ничего не осталось.

Мнѣ страстно хотѣлось узнать о послѣдствіяхъ; кое-какъ приподнялся на локоть и оглянулся: сквозь туманъ увидѣлъ валяющуюся неподалеку красную генеральскую шинель и еще что-то, но ни кареты, ни лошадей. Блаженство побѣды, охватившее меня, вырвалось въ крикъ: долгой самодержавіе, да здравствуетъ Б. О... По показаніямъ свидѣтелей, я крикнулъ: да здравствуетъ свобода.

Не зная, насколько тяжело я раненъ, я почувствовалъ желаніе не даваться живымъ, но безсильнымъ врагу. «Буду бредить,—подумалось мнѣ,—лучше харакири, по образцу японцевъ, чѣмъ гнусныя руки жандармовъ». Попытался достать изъ кармана тукурки приготовленный для отпора револьверъ, но мои руки не повиновались мнѣ.

А между тѣмъ, на мой крикъ подбѣжалъ агентъ-велосипедистъ, всегда сопровождавшій карету Плева. Онъ упалъ на меня, придавилъ своимъ тѣломъ... и началась обычная, въ такихъ случаяхъ, исторія: Гартманъ (велосипедистъ) первый началъ меня бить. На судѣ онъ самъ очень живописно изобразилъ, какъ онъ меня билъ: «сначала я ударилъ его по правой щекѣ,—докладывалъ онъ и въ то же время жестомъ показывать процедуру заушения,—а затѣмъ ударилъ по лѣвой щекѣ».

На крики Гартмана: «вотъ, вотъ преступникъ!» подбѣжалъ какой-то полицейскій чинъ, сталъ пинать меня и кричалъ: «ахъ, ты, сволочь, чуть и меня-то не убилъ!».. Подбѣжали еще другіе и били меня, кто какъ хотѣлъ: кулаками, пинками, въ лицо, голову, бока, ноги, топтали меня... Но я не чувствовалъ ни боли, ни обиды: мнѣ было все равно, въ блаженствѣ побѣды и спокойствіи приближающейся смерти тоскуто все. Было одно противно: когда стали плевать въ лицо: какая-то красная, остервенѣвшая отъ животной злобы, рожа склонилась надо мной и звучно, смачно харкала мнѣ въ глаза. Кричали: гдѣ еще бомба? Мнѣ казалось излишнимъ, если бы мой револьверъ выстрѣлилъ при встрѣнкѣ и кого-нибудь нечаянно ранилъ, и я сказалъ: «Отстаньте, бомбы нѣтъ, возьмите изъ кармана револьверъ!».

Свидѣтели - агенты старались увѣрить, что я сопротивлялся. не хотѣлъ даваться имъ въ руки и отдать револьверъ. Ихъ счастье, что это было не такъ: я былъ черезъ-чуръ слабъ, чтобы думать о бѣгствѣ или сопротивленіи.

Велосипедистъ Гартманъ первоначально утверждалъ, что онъ хотѣлъ сдѣлаться спасителемъ трона и отечества: будто бы онъ, ѣдучи съзади кареты, еще издалека замѣтилъ, какъ я выскочилъ съ подьѣзда Варшавской гостиницы и, сразу сообразивъ, въ чемъ дѣло, направилъ свой велосипедъ прямо на меня, сбилъ меня съ ногъ и такимъ образомъ очутился на мнѣ. Остроумно! Одного не сообразилъ этотъ самоотверженный шпионъ: если бы онъ сбилъ меня съ ногъ, то, вѣроятно же всего, мы бы съ нимъ оба первыми попали на тотъ свѣтъ, а главный виновникъ, пожалуй, остался бы живъ, и во всякомъ случаѣ Гартманъ не отдѣлался бы такими пустяками, какъ это было на самомъ дѣлѣ. Сей достопадный мужъ былъ уличенъ своимъ собратомъ по профессіи, агентомъ Смирновымъ, который всегда ѣздилъ за Плевѣ въ пролеткѣ: Смирновъ показалъ, что Гартманъ не могъ и думать спасти Плевѣ, по той простой причинѣ, что онъ въ моментъ катастрофы ѣхалъ такъ, что не могъ издали замѣтить меня...

Неправда также, будто карета Плевѣ была оставлена какимъ-то извозчикомъ, пересѣкающимъ ей путь. Я прекрасно помню и ручаюсь, что этого не было.

Невѣроятно, что меня билъ публика: публика была напугана и стиснута, и я былъ въ полной власти агентовъ, полиціи, дворниковъ.

Били, били меня на мостовой, затѣмъ рѣшили унести съ улицы: схватили за ноги и тшволокли, такъ что голова стучала о мостовую. Втащили на третій этажъ Варшавской гостиницы, въ отдѣльный №. Пока тащили по лѣстницѣ, съ молчаливой злобой упощали меня пинками въ спину, щипали. Бросили на голый полъ, сорвали всю одежду и опять били со скрежетомъ зубовнымъ. Долго ли я пролежалъ тамъ нагой на голомъ полу, не помню, былъ въ полубабыти... какъ сквозь туманъ видѣлъ, что въ комнатѣ толпились полицейскіе, жандармы, судейскіе... будто бы кто-то ощупалъ мнѣ голову и сказалъ: «Будетъ живъ, но бить опасно».

Почти не помню, какъ и когда свезли меня въ больницу. Виолнѣ пришелъ въ себя на операционномъ столѣ отъ ужасно непріятнаго ощущенія, которое получилось, когда мнѣ въ люльку вставили какую-то трубку, чтобъ очистить желудокъ (отъ предполагаемаго отравленія). Затѣмъ усыпили хлороформомъ.

Помню, въ первый моментъ, какъ очнулся послѣ операціи, мнѣ страшно хотѣлось пить. Я попросилъ и услышалъ въ отвѣтъ странно далекій голосъ (я еще не зналъ, что оглохъ): «Какъ ваше имя?».—«Дайте пить»,—повторилъ я. И опять тотъ же голосъ: «Скажите имя, тогда дамъ».—«Кто же вы?» спросилъ я.—«Сестра».—«Боже мой, сестра! Какъ стыдно! Лучше бы поѣхали на войну, чѣмъ допрашивать». Мнѣ

дали пить. Послышался новый голосъ (на глазахъ у меня была повязка). «Я судебный слѣдователь. Вы обвиняетесь въ томъ, что убили министра Плеве при исполненіи служебныхъ обязанностей. Скажите, какъ ваше имя, и каковы ваши мотивы?». Не зная, останусь ли я живъ, я счелъ своимъ долгомъ дать поскорѣе разъясненія. Я отказался назвать себя и только сказалъ, что я членъ Б. О. П. С.-Р. Этимъ бы и слѣдовало удовлетвориться, но я, совершенно безсознательно, пустился также въ объясненіе мотивовъ. Допросъ длился довольно долго, совершенно обезсилилъ, измучилъ меня, въ теченіе его нѣсколько разъ почти терялъ сознание, подкрѣплялся питьемъ, просилъ прекратить пытку.

На утрѣ 16 июля меня перевезли въ Сольницю Крестовъ. Минѣ говорили въспосѣдствіи, что я ужасно кричалъ, когда меня по лѣстницамъ поднимали въ камеру, а я этого совершенно не помню. Потерялъ сознание, не знаю, надолго ли.

Когда я пришелъ въ себя, я ничего не видѣлъ изъ-за повязки, лежавшей на глазахъ. Кто-то съ ласковымъ, интеллигентнымъ голосомъ, склонился надо мною и спрашивалъ, какъ я себя чувствую. «Я докторъ,—назвался онъ.—Мы ждали вашего пробужденія и теперь можно сказать вамъ: вы бредили, называли имена (такія-то). Минѣ очень жаль васъ (и онъ взялъ мою руку и тепло пожалъ ее). Я понимаю васъ, я самъ когда-то увлекался и пострадалъ за убѣжденія. Только просите, я долженъ замѣтить, понижаюсь современный революціонеръ. Зачѣмъ вы прибѣгли къ такому ужасному средству? Развѣ нельзя было взять пулей? Ни за что не повѣрю этому. Нѣтъ, понижаюсь революціонеръ, это уже не герой—народоволецъ. Вотъ и вышли ужасные результаты: отъ вашей бомбы много убитыхъ и раненыхъ. Особенно жаль, убита 5-лѣтняя дѣвочка». Я вскрикнулъ и схватился за руку «доктора».—«Ну, что же вы? Развѣ вамъ не безразлично? Есть еще болѣе ужасная вѣсть для васъ: кромѣ васъ, захваченъ еще одинъ—еврей (такой-то наружности, въ такомъ-то костюмѣ) и взятъ при ужасающей обстановкѣ: онъ ѣхалъ на извозчикѣ, подѣхалъ къ Невѣи, должно-быть, хотѣлъ выскочить, чтобъ бросить бомбу въ рѣку. Бомба взорвалась, убила извозчика, такъ что и слѣдствъ отъ него не осталось, и тяжело переранила и перебила человекъ 11 рабочихъ-пружниковъ, выпружавшихъ дрова неподалеку, тѣхъ самыхъ рабочихъ, во имя которыхъ вы учинили дѣло». Меня потрясала нервная дрожь, у меня почти не хватало силъ сдерживать крикъ ужаса. Пылка прогрессивно усиливалась.

«Бѣдный еврей тоже раненъ, хотя несерьезно; онъ болѣе потрясенъ событіемъ. Онъ теперь здѣсь, у насъ въ больницѣ. И тоже бредить. Онъ сказалъ то-то и то-то».

Пылка была выше силъ: не то стонъ, не то рыданіе потрясло меня, началась истерика. Я узналъ «доктора», просилъ не дѣлать изъ меня

Въ Академическомъ тюрьмѣ

Въ Дкатуевекой тюрьмѣ.

предателя и опять впалъ въ забытiе *). «Докторъ» успѣлъ предупредить меня: «Вы такъ взволнованы теперь, что я ухожу. Когда понадобится, скажите, что желаете видѣть доктора Михаила Александровича, я мигомъ явлюсь».

Придя въ себя, я сталъ спрашивать «служителей» и фельдшеровъ, которые ходили за мной, про доктора Михаила Александровича. Всѣ говорили, что такого не знаютъ. Скоро явился и самъ «докторъ», опять мямый, ласковый. Я не далъ ему говорить. «Уйдите, убивайтесь, не то буду кричать. Вы не «докторъ», а или слѣдователь, или агентъ». — «Ну, что же кричите, отвѣтилъ тутъ «докторъ» освѣтъ по-полицейски. — Только вы напрасно обижаете меня, потомъ сами увидите». И онъ ушелъ и уже никогда больше не появлялся **).

Его мѣсто заняли дѣйствительно медики: главный тюремный фельдшеръ Николай Васильевичъ Жуксовскій и фельдшеръ изъ заразнаго барака Петровъ. Особенно постарался Жуксовскій. Ему было поручено все время находиться при мнѣ для моихъ услугъ, онъ былъ чрезвычайно ласковъ, внимателенъ и дѣйствительно умѣлъ облегчить мнѣ физическiя страданiя. Онъ началъ очень осторожно. Увѣрялъ, что никого, кромѣ насъ, нѣтъ въ камерѣ, «по секрету» передавалъ то, что происходило на вольтъ, сообщалъ тѣ данныя, которыя имѣются въ рукахъ полицiи. Онъ сказалъ мнѣ, что имя еврея—Сикорскiй, что онъ—изъ Бѣлостока, что дознано, будто въ Бѣлостокѣ вмѣстѣ съ Сикорскимъ жилъ русскiй, предполагаютъ—я. Подтвердилъ сообщенiе «доктора» о моемъ бредѣ, о бредѣ Сикорскаго и объ ужасныхъ результатахъ взрыва нашихъ бомбъ, увѣрялъ, что я ошибся и напрасно обидѣлъ «доктора», этого «миллiйшаго человѣка».

Я находился въ ужаснѣйшемъ положенiи невѣдѣнiя, беспомощности, въ темнотѣ. Физическая боль отъ ранъ была сущими мушкетками сравнительно съ моральнымъ адомъ, въ который попалъ: меня утешала мысль, что я предатель и еще могу въ бреду наговорить, Богъ знаетъ что. Звалъ смерть, завидовалъ счастьемъ, которое было такъ возможно, близко, и такъ обмануло меня, счастьемъ умереть на дѣлѣ. Я съ

*) Записка Сазонова изъ Крестовъ.

«Когда меня арестовали, то лицо представляло сплошной кровоподтекъ, глаза вышли изъ орбитъ, былъ раненъ въ правый бокъ почти смертельно, на лѣвой ногѣ оторваны два пальца и раздроблена ступня. Атешы подъ видомъ докторовъ внезапно будили меня, приводили въ возбужденное состоянiе, рассказывали ужасы о взрывахъ. Вслащски клеветали на «еврейчика» Сикорскаго. Это было для меня пыткой!»

Врагъ безконечно подлъ, и опасно отдавался ему въ руки расшатымъ. Прошу это передать на волю. Прощайте, дорогие товарищи. Прощайте восходящему солнцу—свободѣ». (Революція, 1905 г., № 71).

**.) Подъ видомъ доктора въ данномъ случаѣ фигурировалъ провокаторъ Гуровичъ, бывший редакторъ марксистскаго журнала «Начало».

ужасомъ думалъ, что теперь будетъ съ дѣломъ, съ товарищами. Мнѣ было невыносимо жалъ дѣла, такъ славно начавшагося, блестяще удавшагося и безславно мною погубленнаго... Лучше бы мнѣ не родиться, чѣмъ умереть предателемъ, погубить, опозорить дорогое дѣло, изменить товарищамъ, обмануть ихъ вѣру въ меня... такъ думалось мнѣ.

Я былъ убѣжденъ, что меня обманываютъ, что вкромѣ меня шпионы, іуды, мнѣ оспрастно хотѣлось выбраться изъ того моря лжи, въ которое попалъ я, вывести ихъ на свѣжую воду, узнать, наконецъ, что было правдой и что ложью въ шпионскихъ поклепахъ на меня и Сикорскаго. И я не зналъ, какъ выбраться.

Особенно старались фельдшера узнать мою фамилію. Недѣли двѣ я молчалъ. Но въ ихъ рукахъ уже были данныя, основанныя на моемъ бредѣ, о томъ, что я бѣжалъ изъ Сибири, былъ за праницей и что-то о мѣстахъ, близкихъ къ родинѣ.

Они нащупывали почву, все приближаясь къ цѣли.

Наконецъ, мнѣ была невыносима неувѣренность относительно фельдшера Ж. Съ одной стороны я убѣжденъ былъ, что онъ старается ради Департ. Полиціи, съ другой, вся его манера держаться со мной была такъ подкупающа, человѣчна, что не хотѣлось вѣрить въ его предательство. Онъ плелъ какую-то ерунду, объясняя свое желаніе узнать мою фамилію, очевидную ложь. Я рѣшилъ однимъ ударомъ прекратить пытку. Чтобы испытать искренность фельдшера, я рѣшилъ назваться ему и сказалъ ему: «Вы ходите за мной, какъ отецъ родной, и я вѣрю вамъ, какъ отцу. Въ доказательство этого скажу вамъ, что моя фамилія начинается на С...». Черезъ день или два мнѣ объявили, что я опознанъ. Для довершенія комедіи привезли начальника Уфимской тюрьмы, который будто бы и уличилъ меня.

Послѣ того, какъ выяснился вопросъ о шпионахъ, мнѣ сразу стало легче: уже не я, а они были у меня въ рукахъ. Кромѣ того, я слышалъ, что многое въ шпионскихъ разказахъ о нашихъ съ Сикорскимъ «предательствахъ» оказалось чепухой, и появилась надежда, что и остальное окажется тѣмъ же.

Легче дышалось, но все-таки душу еще терзали ужасныя, нечеловѣческія мученія отъ сомнѣнія въ чистотѣ нашего дѣла. Эти мученія продолжались до окончанія слѣдствія, когда выяснилось, что имѣлось въ рукахъ правительства. Мы оба съ Сикорскимъ могли вздохнуть свободно и съ тихимъ спокойствіемъ, съ сладкимъ сознаніемъ чистоты нашей революціонной чести, ожидать окончательной развязки нашего дѣла.

Какъ будто того и ждали, чтобы узнать мою фамилію: не помню, въ тотъ же день или черезъ день доктора вѣдали, что мои пораненія на

лицѣ достаточно зажили, и сняли повязку съ глазъ. Боже, что я уви-дѣлъ...—при моей постели неотступно дежурили жандармъ и надзира-тель... Наглецы! Они еще старались меня увѣрить, что стража триста-влена ко мнѣ только съ момента снятія повязки (на судѣ одинъ изъ жандармовъ, выступившій свидѣтелемъ, принужденъ былъ сознаться, что стража стояла при мнѣ съ перваго дня). Еще и теперь пробираетъ дрожь омерзѣнія, когда вспомнишь, въ какое болото мерзости и за-пустѣнія пришлось окунуться. Слишкомъ сладко и велико было упое-ніе побѣдой, если нашлись силы не задохнуться въ немъ, не сойти съ ума, не умереть съ горя...

Въ довершеніе разсказа добавлю кое-что о взрывѣ и его послѣд-ствіяхъ для меня. По показаніямъ свидѣтелей, бомба была брошена на разстояніи шаговъ 8 отъ кареты, попала почти въ стекло, немного ближе къ кучеру. Всю карету разнесло, несмотря на то, что она была блинди-рована (извѣстна даже мастерская, изъ которой вышла карета).

Я былъ сбитъ съ ногъ взрывомъ и на мнновеніе потерялъ созна-ніе. Мои пораненія: рваныя раны на двухъ пальцахъ ноги, рана оскол-комъ бомбы въ правую сторону живота (мнѣ говорили, если бы еще поглубже на толщину спички, была бы поранена брюшина), масса ма-ленькихъ ранокъ на лицѣ и по всей лѣвой ногѣ, прорывъ барабанныхъ перепонокъ въ обоихъ ушахъ: это—все, что можно было учесть и за-нести въ протоколъ подъ видомъ сухой и корявой фразы: «получилъ незначительныя пораненія».

Я не добивался истины, для меня было безразлично, какими они считали мои пораненія, опасными или неопасными.

Вамъ, товарищи, я долженъ сказать, что было на самомъ дѣлѣ. Я былъ весь разбитъ или избитъ—трудно судить, вѣроятно, то и дру-гое. Лицо вспухло, такъ что, по словамъ видѣвшихъ меня въ то время, страшно было смотрѣть: щеки отвисли мѣшками, глаза выпли изъ орбитъ, у подбородка образовался какъ бы зобъ. Руками я почти не владѣлъ, онѣ были опалены. Все тѣло съ ногъ до головы было въ бин-тахъ и повязкахъ. Подъ хлороформомъ извлекли изъ меня осколки бомбы и отрѣзали два пальца на ногѣ. Съ ранами потомъ выпли ослож-ненія; въ ранѣ на животѣ образовалось злокачественное нагноеніе, вся ступня лѣвой ноги была разбита, не то взрывомъ, не то пингами охра-ны, началось воспаленіе сухожильныхъ влагалищъ, мучительныя пере-вязки, безконечныя разрѣзы. Поговаривали, что я могу не выжить, что, пожалуй, придется отрѣзать всю лѣвую ступню. Нѣсколько разъ при-ѣзжалъ на консультацію лейбъ-хирургъ професс. Павловъ. Какъ ре-зультатъ тяжелаго паденія на мостовую или омятъ—таки ппюнискихъ пин-говъ въ спину—травматическій плевритъ... И въ довершеніе всего силь-ныя головныя боли, адскій шумъ въ ушахъ...

Но повторяю, все это пустяки сравнительно съ тѣмъ, что пришлось пережить морально. Минѣ бы даже не хотѣлось теперь напоминать людямъ эту старую исторію моихъ болѣзней, о которыхъ самъ я давно позабылъ. Но разъ вы требуете рассказать подробности ю «дѣлѣ», то я хочу обрисовать самое дѣло и все, что въ связи съ нимъ.

Первые два съ половиной мѣсяца я лежалъ пластомъ, недвижимый, беспомощный, какъ ребенокъ. Только въ концѣ третьяго мѣсяца началъ присаживаться, на четвертомъ уже взялся за костыли.

На судѣ вышелъ еще совсѣмъ слабымъ, съ тяжелою головою, не владея мыслями: это сказалось на процессѣ... Минѣ было не до суда.

Писать ли вамъ, товарищи, о самомъ судѣ? Думаю, не къ чему, потому что объ этомъ-то вы уже должны знать... *). Минѣ почти не дали говорить о самомъ дѣлѣ, выяснить свои мотивы и задачи партіи. Минѣ было вообще трудно связать мысли, а тутъ еще постоянно обрывали... Измучили—и въ концѣ-концовъ, самому же было противно, что принималъ участіе въ комедіи.

Идти я, конечно, смерти, былъ увѣренъ въ ней, несмотря на завѣренія стражи въ томъ, что «этого» не будетъ, потому что «времена перемѣнились». О началѣ измѣненія курса я могъ догадаться и по тому, что насъ не передали военному суду.

Если бы вы знали, товарищи, какимъ счастьемъ вѣяло на меня отъ глухихъ слуховъ о происходящихъ на волѣ перемѣнахъ! Это—величайшее для человѣка счастье еще заживо убѣдиться, что вѣра въ дѣло не обманула, что «царство небесное»—не мечта, что оно грядетъ, близится.

Я знаю: только пробужденію общества и народа обязанъ я жизнью—еще разъ народъ получилъ право на нее.

Вотъ и все, товарищи, о «дѣлѣ 15 іюля» и обо мнѣ. Я надѣялся, вы и весь народъ давно знали все это.

Объ арестѣ Сизорскаго вы знаете изъ обвинительнаго акта. Но еще никому неизвѣстно, что пришлось пережить ему за время слѣдствія.

Трусевичъ и еще какой-то агентъ изрутились около него въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, пробуя всѣ средства развращенія, съ которыми эта полицейская сволочь обыкновенно подходитъ къ рабочему, томили его чуть не ежедневно на 5—7 часовыхъ допросахъ. Они передавали ему мой бредъ и старались увѣрить его, что я выдало, смѣюсь надъ нимъ, ругаю его «жидомъ», «дуракомъ», издѣвались надъ нимъ, называя его «слѣпымъ орудіемъ, ипрушкой, фонографомъ»

*) Подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ можно найти у Карабчевскаго «Второе приращеніе въ книгѣ «Рѣчи». «Дѣло Олсцова». 1906 г. II въ брошюрѣ «Убіеніе трехъ министровъ». 1906 г. Изд. Балашова.

въ рукахъ хитрыхъ интеллигентовъ, прятавшихся за его спиной, обѣщали деньги, прощенье, спасеніе за границу за одно раскаяніе... И въ концѣ-концовъ злы они были на него еще больше, чѣмъ на меня.

Прибавлю кое-что о бомбѣ. Экспертизу надъ осколками моей бомбы производилъ артиллерійскій профессоръ ген. Забудскій, тотъ же самый, кому былъ порученъ одинъ изъ снарядовъ, оставшихся послѣ взрыва въ Сѣверной гостиницѣ. На основаніи однихъ осколковъ генералъ не могъ притти ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Только въ августѣ, уже послѣ того, какъ рыбаки случайно выловили бомбу Синкорскаго и въ полной цѣлости доставили эксперту, онъ разрѣшилъ задачу изслѣдованія. По его словамъ, бомба была начинена магnezіальнымъ динамитомъ, тѣмъ же самымъ веществомъ, которое было употреблено въ бомбахъ Сѣверной гостиницы. Я очень жалѣлъ, что я—не Кибатъчичъ и не имѣлъ возможности уличить т.на профессора въ невѣжество. Экспертъ отзывался очень одобрительно объ устройствѣ бомбъ: констатировалъ въ бомбахъ 15 іюля большой прогрессъ въ тонкости работы и обезпеченности взрыва, сравнительно съ снарядами Сѣверной гостиницы.

Привѣтъ, товарищи.—Е. Сазоновъ.

3. Начало революціонной дѣятельности.

(Изъ показаній—автобіографія).

«По рожденію я происхожу изъ благомыслящей, въ высшей степени религіозной и монархически настроенной крестьянской семьи, которая переселилась изъ деревни въ городъ и тамъ быстро разбогатѣла эксплуатацией баширскихъ лѣсовъ—сравнительно уже поздно, когда мнѣ было лѣтъ 10—11. Тотъ духъ, которымъ я былъ пропитанъ, пока находился всецѣло и единственно подъ вліяніемъ родной семьи, былъ въ высшей степени враждебенъ какому-либо протесту или недовольству строемъ русской жизни. Царскіе портреты, наравнѣ съ иконами, украшаютъ комнаты моего отца. Гимназія тоже не могла никоимъ образомъ подорвать традиціи, вынесенныхъ изъ родительскаго дома, но еще сильнѣе развила бы ихъ во мнѣ, если бы вообще была способна оказывать какое-нибудь вліяніе на молодые умы. Гимназія моего времени для меня и для всѣхъ безъ исключенія моихъ сверстниковъ и товарищей была учрежденіемъ ненавистнымъ. Тамъ истребляли въ насъ все живое, тамъ систематически утѣпали нашъ духъ; всякіе живые вопросы, возникавшіе въ приближившихся уммахъ, не только не получали никакаго отвѣта, но и грубо подавлялись. Самый живой предметъ—исторія—преподавалась въ юдофобскомъ стилѣ. Учителя почти откровенно издѣвались надъ «жидками» и поляками. Да. Не вина русской интеллигентной молодежи, что она

еще на ученической скамьѣ привыкла видѣть ложь въ казенной маскѣ, и потому, предоставленная собственнымъ силамъ, самостоятельно вырабатывала свои убѣжденія, враждебныя прежнимъ традиціямъ.

Итакъ, изъ родной семьи я вышелъ чуждымъ общественнымъ интересамъ, безъ критическаго отношенія къ существующимъ въ Россіи порядкамъ. Если у меня и были туманные гуманистическіе запросы, то ими я кое-чѣло обязанъ русской литературѣ. Гимназия тутъ не при чемъ. Я поѣхалъ въ Московскій университетъ съ жаждой знаній, съ мечтой пройти нѣсколько факультетовъ, чтобы въ концѣ-концовъ сдѣлаться земскимъ врачомъ, непремѣнно врачомъ для бѣдныхъ. Мнѣ пришлось сильно огорчить отца тѣмъ, что я отказался послѣдовать его совѣту поступить въ какое-нибудь специальное высшее учебное заведеніе, чтобы потомъ сдѣлать блестящую инженерскую карьеру. Слово карьера—было мнѣ ненавистно. Университетская наука и умственное богатство, которое я нашелъ въ публичной библиотекѣ, произвели въ моемъ умѣ, конечно, цѣлую революцію. Достаточно было нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы появились бреши и трещины въ міровоззрѣніи, создавшемся всею прежнею жизнью, но это была лишь интеллектуальная революція. Первый годъ въ университетѣ я изъ газетъ читалъ «Моск. Вѣд.» да «Свѣтъ». Ни о какихъ революціяхъ я не помышлялъ, и, если зналъ о нихъ что-нибудь, то лишь настолько, сколько объ этомъ пишется въ подобнаго рода печати; относился къ нимъ равнодушно, скорѣе неодобрительно, къ студенческому движению 1899 г. я остался непричастенъ. Чего желали студенты, хорошо не понималъ, на сходки не ходилъ, и только изъ престопа товарищескаго чувства отказался держать экзамены на второй курсъ. Я, человѣкъ наиболѣе обезпеченный изъ всѣхъ своихъ земляковъ, устыдился оставлять на первомъ курсѣ своихъ замѣшавшихъ въ волненіяхъ товарищей. Лишь на второй годъ пребыванія моего въ университетѣ, я случайно наткнулся на вопросы общественнаго характера, благодаря чтенію книгъ по политической экономіи и по всеобщей исторіи. Я очень хорошо зналъ торговую среду, я отчасти даже самъ нѣсколько участвовалъ въ торговлѣ моихъ родныхъ, пока былъ въ гимназій. Поэтому мнѣ было хорошо извѣстно, какимъ путемъ создаютъ богатства, и я очень сознательно и критически могъ отнестись къ вопросамъ, трактуемымъ общественными науками. Чѣмъ больше я умственно росъ и развивался, тѣмъ мои взгляды становились болѣе идеалистическими и либеральными, впрочемъ, въ гуманитарномъ смыслѣ, а не въ политическомъ. Уже я не читалъ съ довѣріемъ «Моск. Вѣд.» и «Свѣта», уже проповѣдь тѣлесныхъ наказаній и челоуконенавистничества возмущала меня, но и второй годъ моей университетской жизни прошелъ для меня благополучно. Я не принималъ участія даже въ земляческихъ кружкахъ. Существовали ли кружки другого рода—я не зналъ. О существованіи рабочаго вопроса въ Россіи ничего

не вѣдалъ, съ нелегальной литературой былъ абсолютно незнакомъ. Я былъ до того наивенъ въ этомъ, что мнѣ не принесло никакой пользы даже случайное знакомство съ однимъ московскимъ рабочимъ, пожелавшимъ учиться у меня «поэзіи и арифметикѣ». Цѣлый годъ по воскресеньямъ ходилъ ко мнѣ этотъ рабочій. Я принималъ его совершенно открыто, ничуть не зная, что такого рода знакомства могутъ кому-либо показаться подозрительными и могутъ повести къ неприятымъ послѣдствіямъ для насъ обоихъ. Арифметикѣ я этого крестьянина научилъ, но не помню, чтобы хоть и разъ говорили мы съ нимъ о политикѣ. Моя революціонная жизнь начинается лишь въ началѣ 1901 года, когда я принялъ серьезное участіе въ студенческомъ движеніи, начавшемся по поводу сдачи кievскихъ и петербургскихъ студентовъ въ солдаты, но и въ то время я все-таки не былъ ни социалистомъ, ни революционеромъ, самое большое либераломъ.

Первой нелегальщиной, съ которой мнѣ довелось познакомиться, были студенческія прокламаціи. Мои товарищи хорошо знаютъ, съ какимъ трудомъ я рѣшился принять участіе въ протестѣ противъ нарушенія основныхъ законовъ о военной службѣ. Я зналъ, что если я рѣшусь на протестъ, то пойду до конца, а за это мнѣ прозвѣла военщина. Но въ то время носился упорный слухъ о разстрѣляніи студентовъ, отказавшихся отъ присяги или нарушившихъ военную дисциплину. Русской печати запрещено было писать о студентахъ. Однѣ «Моск. Вѣд.» карали зловѣще среди гробовой тишины. Казалось, тьма нависла въ ту пору надъ Россіей, и въ этой тьмѣ терялись дѣйствительныя очертанія предметовъ и нельзя было угадать, до чего дойдутъ правительственныя репрессаліи. Я бросился въ движеніе, несмотря на мольбы родителей—быть благо-разумнымъ. 1901 годъ былъ для меня, какъ и для многихъ въ Россіи, роковымъ. Сначала, когда раздался выстрѣлъ Карповича, я съ ужасомъ стшатнулся отъ этого факта: меня страшила мысль, что, можетъ-быть, въ смерти Боголѣпова виноватъ я. Но послѣдующія событія, какъ нарочно, постарались перевернуть мои взгляды. Я увидѣлъ, какъ въ университетѣ хозяйничала полиція и шпионы. Я имѣлъ удовольствіе быть подвергнутымъ академическому суду, гдѣ мнѣ старались внушить мысль, что правительство не можетъ считаться съ требованіемъ студентовъ и не должно дѣлать этого. Я былъ въ московскомъ манежѣ, куда меня отвели со сходки вмѣстѣ съ другими студентами. Такъ мы просидѣли три дня, окруженные стѣною солдатскими штыками и казаками. Тамъ я слышалъ, какъ выбивали двери снаружи; солдаты намъ сообщили, что то студенты и рабочіе пришли избавлять насъ. И мы увидѣли, какъ при первомъ же громѣ выбиваемой двери, противъ нашихъ освободителей выстроились солдаты, топовые пулями и штыками встрѣтить ихъ. Потомъ насъ перевели въ Бутырскую тюрьму, я въ первый разъ сталъ арестан-

томъ. Въ этой тюрьмѣ я впервые познакомился съ революціонными издателями, впервые услышалъ смѣлое революціонное слово. Какъ разъ въ это время въ Москвѣ произошли массовыя движенія, волненія; рабочіе протянули руку студентамъ и этимъ вытащили насъ изъ академической борьбы на широкое поприще политической революціи. Въ это время Св. Прав. Синодъ отлучилъ отъ церкви великаго писателя земли русской. Я зналъ Толстого только какъ беллетриста и не зналъ его религиозныхъ воззрѣній. И вотъ этотъ уважаемый и любимый писатель вдругъ проклятъ за невѣдомыя мнѣ прегрѣшенія. Попы свободно проклинали Толстого, тогда какъ онъ не имѣлъ свободы высказаться. И я понялъ, что въ Россіи нѣтъ ни свободы совѣсти, ни свободы слова. Въ то время избилъ петербургскихъ студентовъ палачами во время демонстраціи на Казанской площади. Вотъ съ какимъ опытомъ я вышелъ изъ студенческихъ волненій. Окумуувшись въ нихъ, я вышелъ несомнѣнно революціонно настроенъ. Моя дальнѣйшая судьба была почти что рѣшена. Мое вступленіе на путь активной революціонной дѣятельности стало только вопросомъ времени. Едва прошелъ мѣсяць или два, какъ я попалъ послѣ волненій домой, уже меня снова арестуютъ—въ апрѣлѣ 1901 года. Я обвинялся за храненіе нелегальной литературы. Да, по исключеніи изъ университета, я съ жадностью читалъ нелегальныя изданія, знакомился по нимъ съ задачами революціонеровъ, съ приемами ихъ борьбы; я начиналъ сознавать себя солидарнымъ съ ними. Но когда меня арестовали такъ скоро послѣ высылки изъ Москвы, я при всемъ желаніи не успѣлъ бы и не сумѣлъ проявить свои убѣжденія въ дѣятельности. Я былъ арестованъ впервые за убѣжденія, за направленіе мыслей. Если бы еще могло случиться безъ этого факта, что я бы воздержался отъ активного участія въ революціи, то послѣ наказанія правительствомъ за одни убѣжденія, я уже не могъ, не имѣлъ права не быть революціонеромъ. Да, правительство сдѣлало изъ меня революціонера, само само объявило меня внѣ закона, само толкнуло меня въ революціонныя ряды. Соціалистомъ я сталъ, конечно, не благодаря правительству. Свои соціальныя идеалы я выработалъ на основаніи изученія зла въ современныхъ обществахъ и изученія путей, ведущихъ къ искорененію этого зла. Соціалистомъ я сдѣлался уже послѣ того, какъ сталъ революціонеромъ. И когда я сталъ соціалистомъ, то мои революціонныя воззрѣнія еще болѣе окрѣпли, потому что, борясь за соціальныя идеалы, я необходимо долженъ былъ столкнуться съ противодѣйствіемъ правительства. Я принялъ нѣкоторое участіе въ Ур. Союзѣ соц.-дем. и соц.-рѣв. Первоначально я не былъ террористомъ, и только дѣятельность Сипягина и Плеве мало по малу приводила меня къ признанію необходимости вооруженныхъ отвѣтовъ на насиліе министровъ. Съ какимъ трудомъ мы, русскіе революціонеры, рѣшились признать эту печальную необходимость, показываетъ, напримѣ-

мѣрь, программа Уральск. Союза. Хотя необходимость террористическихъ актовъ влисла въ воздухъ, хотя со времени Сипягина чуть не ежедневно лилась кровь и совершались другія настилія, Ур. Союзъ не рѣшился ввести терроръ въ число программныхъ задачъ. Программа Ур. Союза гласила: «Не вводя террористическихъ приѣмовъ борьбы въ программу, Союзъ оставляетъ ихъ на личный рискъ и страхъ членовъ Союза». Таково же было и мое отношеніе къ террору; въ тѣ времена я сознавалъ, что въ иныхъ случаяхъ терроръ среди трудящихся массъ необходимъ, но я, слишкомъ дорожа мирной продуктивной работой среди трудящихся массъ, не считалъ возможнымъ вмѣнить его въ обязанность революціонной партіи. Я былъ увѣренъ, что среди революціонеровъ всегда найдутся столь чуткіе и рѣшительные люди, что не побоятся выступить на защиту жизни и чести гражданъ. Ставши революціонеромъ 1901 г., я въ мартѣ 1902 года былъ опять арестованъ за полгода дѣятельности въ Урал. Союзѣ, просидѣлъ полтора года въ тюрьмѣ и былъ отправленъ на 5 лѣтъ въ Якутскую обл. Моя революціонная жизнь длилась всего три года, изъ которыхъ половину я провелъ въ тюрьмѣ. Жизнь и въ тюрьмѣ не давала мнѣ покоя къ мирному прозябанію. На обыскѣ мнѣ ломали руки и раздирали ротъ, потому что я попытался уничтожить все-какія бумаги. Картина обыска была до того отвратительна, что родители мои подумали, что я лишу себя жизни. Жандармы изъ личной злобы на меня не давали мнѣ покоя даже въ тюрьмѣ. Меня тамъ по приказанію жандармовъ ежедневно подвергали самому унижительному обыску съ ногъ до головы. Жалобы на это прокурору ничуть не помогли. Меня ежедневно сводили съ ума сценами самого отвратительнаго обращенія съ уголовными, вплоть до ихъ избиенія. Мои жалобы на это прокурору, губернатору не помогали, мнѣ отвѣчали: не ваше дѣло. Свиданія съ родителями для меня и для моей матери превращались въ пытку, благодаря грубости и придирчивости жандармскихъ солдатъ. Мать моя подверглась прубымъ выходкамъ со стороны жандармскаго правленія, когда обращалась за разрѣшеніемъ свиданія. На нее грубо кричали, ей совѣтовали отказаться отъ сына злодѣя. На мои жалобы прокурору онъ отвѣчалъ: «Жалуйтесь шефу жандармовъ». Для протеста противъ жандармскихъ насилій я вынужденъ былъ объявить голодовку и голодать 7 дней. Губернаторъ Бодановичъ, явившись непрощеннымъ въ мою камеру, объявилъ мнѣ, что жизнь одного человека ничто, сравнительно съ интересами государства. Не прошло года, какъ онъ доказалъ, что для него ничто жизнь десятковъ людей... Результатомъ голодовки былъ переводъ въ Самарскую тюрьму. Въ Самарской тюрьмѣ мнѣ приходилось встрѣчаться съ революціонерами, набранными со всѣхъ концовъ Россіи. Отъ нихъ, какъ отъ личныхъ свидѣтелей, я узнавалъ, что то, что творилось со мной, повторялось всюду.

Я лично видѣлъ людей, которыхъ били въ тюрьмахъ и полицейскихъ участкахъ, людей, которые не одинъ разъ выносили 10—12-дневную годовку, людей, которые голодовками и тюремнымъ режимомъ вгонялись въ чахотку. Мнѣ известны фамиліи уфимскихъ рабочихъ, которыхъ били въ участкѣ. Ежедневно я видѣлъ партіи политическихъ, отправлявшихся въ далекую Сибирь. Сидя въ тюрьмѣ, я не переставалъ учиться революціонной мудрости. Раздумывая надъ доходившими до меня слухами о событіяхъ на волѣ, я превращался въ рѣшительнаго соц.-рев. Потрясающее впечатлѣніе произвели на меня извѣстія о поркахъ, учиненныхъ въ Вильнѣ и Харьковѣ. И особенно разстрѣліаніе золотоустовскихъ рабочихъ. Мнѣ довелось въ тюрьмѣ лично выслушивать отъ самихъ рабочихъ печальную повѣсть объ этомъ кровавомъ дѣлѣ. Я, какъ бывший членъ Ур. Союза, положительно знаю, что люди, подвергавшіеся разстрѣліанію, какъ враги отечества, были люди очень простые, почти ничего не слышавшіе о революціи. Они знали только въ томъ, что не захотѣли, чтобы уменьшали ихъ жалованье, чтобы казна (Злат. заводы казенные) отнимала у нихъ трудовой кусокъ хлѣба. Мнѣ рассказывали, что на площади были люди разнаго возраста, женщины и дѣти. Никто не ожидалъ такого конца; когда заигралъ рожокъ, какъ сигналъ къ битвѣ, люди ничего не поняли... И 28 гробовъ, раненымъ итѣ числа, два залпа сотенъ солдатъ. Слушая это, я старался припомнить описаніе войны, и картины войны блѣднѣли передъ ужасами одного сраженія, заданнаго тщедушнымъ гражданскимъ губернаторомъ на мирныхъ улицахъ ничтожнаго русскаго городишки... И я понималъ тогда, насколько неострима сила аффекта, подъ давленіемъ котораго совершается убійство. О, въ какой безсильной ярости я метался тогда въ своей тюремной клеткѣ, какъ бился головой о тюремную стѣну... Какъ безсильно ломать руки, которые не могли сокрушить тюремныхъ рѣшетокъ, и какъ горько, какими унижительными торькими слезами я плакалъ. Я молилъ судьбу, о, если бы мнѣ теперь воля... За то когда я узналъ, что палачъ золотоустовцевъ погибъ, какъ свободно, полно грудью я вздохнулъ, Боже мой. Да будутъ благословенны тѣ люди, которые сдѣлали, что должно было сдѣлаться. Богдановичъ долженъ былъ погибнуть. Эта гибель чувствовалась въ воздухѣ. Какъ гроза, она повисла, и всѣ, тяжело притаивъ дыханіе, только ждали: когда же разразится. Одинъ Богдановичъ не ждалъ. Заручившись одобреніемъ главнаго палача Плева, онъ чувствовалъ себя спокойно и спокойно навѣщалъ свою любовницу, спокойно прогуливался въ паркѣ, наслаждаясь весной и жизнью. Да, правитель-ство сдѣлало изъ меня—человѣка мирнаго—революціонера. Цѣлый рядъ убійствъ и другихъ преступленій, содѣянныхъ министрами и ихъ агентами, заставили меня сначала оправдать, затѣмъ признать и возвести въ программу террористическіе акты.

Е. С. Сазоновъ.

(Портретъ, снятый въ охранномъ
отдѣленіи).

Почему именно я перешелъ отъ теоріи къ практикѣ (потому что, вѣдь, не всѣ же соц.-рев. рѣшаются на выступленіе съ оружіемъ)—на это отвѣтить я не могу.

Видно, перстъ Божій отмѣтилъ меня. Когда я бѣжалъ изъ Сибири *), я чувствовалъ, что за моей спиною стоятъ кровавые призракъ, не оставлявшіе меня ни днемъ ни ночью, шептавшіе мнѣ: ты долженъ, ты долженъ пойти на Плевне.

Когда я зналъ, что творится министрами въ Россіи, я чувствовалъ себя не въ правѣ пользоваться благоденствіемъ и мирнымъ житіемъ. Мирная дѣятельность лично для меня уже невозможна. Убивая министра Плевне, я совершилъ только то, чего требовала моя совѣсть. Очень жалѣю, что съ министромъ погибъ его куучеръ, и что подвергся серьезной опасности капитанъ Цвѣтинскій».

4. Бѣгство изъ Сибири **).

Выходя въ качествѣ пересыльнаго арестанта изъ Александровской тюрьмы (близъ Иркутска), Сазоновъ рѣшилъ воспользоваться первымъ же сколько-нибудь удобнымъ случаемъ, чтобы вернуться на свободу, осуществить давно желѣвшіяся имъ, за долгое сидѣнье, мечты. Иркутско-Якутскій трактъ долженъ былъ представить въ этомъ отношеніи не мало подходящихъ моментовъ, такъ какъ этапы на этомъ пути довольно шервобытные, а стража больше полагается на одианенность и пустынную мѣстность, на опасность побѣга среди дикаго «брацкаго» (бурацкаго) населенія, чѣмъ на прочность и высоту палей (забора изъ высокихъ заоспренныхъ бревень). Дѣйствительно, на одномъ изъ первыхъ же станковъ Сазонову представились довольно счастливыя обстоятельства. Едва только партія, съ которой онъ путешествовалъ, вошла въ этапный. Сазоновъ, воспользовавшись всеобщей суматохой среди партіи и среди стражей, обыкновенно сопровождающей пришествіе на новый этапъ, успѣлъ быстро обслѣдовать тюрьму. Онъ замѣтилъ, что очень легко забраться на этапный чердакъ, оттуда перейти въ сосѣднее конвойное зданіе, а затѣмъ уже прямо спуститься за пали. Онъ все это быстро продѣлалъ, не перемѣнивши даже костюма, не захвативъ пальто, а оставшись въ томъ лифчикѣ, въ которомъ онъ путешествовалъ. Ему надо было спѣшить, пока трупомъ этапа еще не были разставлены часовые. Очувтившись на свободѣ, онъ направился въ близлежащій лѣсъ, мимо рѣчки, около которой крестьянки стирали бѣлье. Крестьянки удивленно взглянули на эту, необычную въ такомъ мѣстѣ, фигуру, но съ сибирской флегмой продолжали свое дѣло, не заинтересовавшись прохожимъ. Очувтившись въ

*) Разсказъ объ этомъ бѣгствѣ продолжается дальше.

***) «Революціонная Россія», № 63. 5 апрѣля 1905 г.

лѣсу, Сазоновъ рѣшилъ не углубляться въ него и, ожидая событій, залегъ въ высокую траву и кустарники около дороги. Скоро онъ услышалъ раздавшійся выстрѣлъ и понялъ, что его отсутствіе замѣчено, и началась тревога. Черезъ нѣсколько времени изъ этажа выбѣжала ватага солдатъ съ двумя жандармами, обыкновенно сопровождающими политическую партію. Погоня бросилась къ прачкамъ. На вопросъ, не проходилъ ли тутъ бѣглець, прачки отвѣтили утвердительно и указали, что тотъ отправился въ лѣсъ. Вся ватага пробѣжала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ притаившагося Сазонова, но почти сейчасъ же остановилась, естрѣливъ двухъ крестьянъ. Завязалась продолжительная бесѣда. Крестьяне заявили, что никого не встрѣчали, и высказали мнѣніе, что бѣглець удачно проберется къ Иркутску.

— Ну, гдѣ ему добраться?—замѣтилъ одинъ изъ жандармовъ.— Мѣста адѣшняго онъ не знаетъ, заплутается, и мы его полыми руками возьмемъ...

Однако, мужики не сдавались.

— Чай, человѣкъ-то онъ ученый, знаетъ, что рѣчка къ Иркутску течетъ; всего-то 60 верстъ, въ два дня вдоль по рѣчкѣ-то и отмахаетъ!

— А кормиться чѣмъ станетъ?—возразилъ жандармъ. Съ голоду подохнетъ прежде, чѣмъ до Иркутска доберется.

— Ну, человѣкъ образованный знаетъ, сколько теперь въ лѣсу брусники-то; брусничкой два дня отлично проживетъ...

Сазоновъ все это моталъ себѣ на усъ. Теперь снѣ зналъ и направленіе, по которому надо двинуться, и чѣмъ кормиться ему.

Послѣ двинулась дальше, а Сазоновъ рѣшилъ не раньше выйти изъ своей засады, какъ наступитъ темь. Прошло такъ часа два-три. Вдругъ онъ слышитъ по дорогѣ осторожныя, крадущіеся шапы. Оказалось, что одинъ изъ жандармовъ, вернувшись изъ неудачной погони, рѣшилъ обследовать кустарники вдоль дороги и для большей вѣрности захватилъ съ собою охотничью собаку. Шагъ за шагомъ приближался онъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Сазоновъ. Собака, обнюхавши кусты, направилась прямо на лежащаго бѣглеца, и онъ уже могъ слышать ея тяжелое дыханіе. Все было потеряно, надо было отдаться опять въ руки властей. Сопротивляться жандармамъ безъ оружія въ рукахъ было немислимо, но встать и заявиться передъ взорами начальства было такъ напряжно и глупо, что Сазоновъ рѣшилъ лучше ждать, пока жандармъ самъ его подниметъ. Вдругъ совершилось какое-то чудо: собака постояла нѣкоторое время, обнюхивая Сазонова, и затѣмъ, не издавъ звука, двинулась дальше, уведя за собою жандарма. Сазоновъ былъ спасенъ. Дождавшись ночи, онъ направился къ рѣчкѣ и, слѣдуя берегомъ по ея теченію, шелъ всю ночь. Рано утромъ онъ набралъ достаточное количество

брусники, которая въ это время года была очень мучнистая и питательная. День онъ опять пролежалъ въ кустахъ, а къ слѣдующему утру добрался до Иркутска.

Въ Иркутскѣ ему пришлось прожить довольно долго, пока онъ не раздобылъ паспорта и денегъ. Затѣмъ сѣлъ въ сибирскій курьерскій поѣздъ и полетѣлъ въ Россію. Въ вагонѣ ему попался попутчикъ, какой-то генералъ съ дочкою, которому Сазоновъ очень понравился и съ которымъ онъ не разлучался во всю дорогу. Въ буфеты на станціяхъ они отправлялись всегда вмѣстѣ, и жандармы вытягивались во фронтъ, отдавая честь бѣглецу.

Прошло немного времени, и вотъ Сазоновъ уже на границѣ. Въ пограничномъ мѣстечкѣ онъ не засталъ рекомендованнаго ему контрабандиста и долженъ былъ въ корчмѣ дожидаться его прихода. Вдругъ вваливается урядникъ и, увидавъ незнакомаго человѣка, требуетъ у него паспортъ. Паспортъ Сазонова—простая, видѣть не прописанная новая фальшивка—не понравился представителю «порядка».

— Ты зачѣмъ сюда заѣхалъ?

— Закупать скотъ.

— Нѣтъ, шарень, неладно твое дѣло. Я оставлю протоколъ и препровожу тебя къ становому, пускай разберетъ.

Дѣлать было нечего. Приступили къ составленію протокола. Столъ оказался настолько приятнымъ, что на него невозможно было положить бумагу. Сазоновъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ лежитъ номеръ «Дружескихъ Рѣчей», журнальчика, издаваемого княземъ Мещерскимъ на казенныя деньги. Егоръ вытащилъ номеръ и любезно предложилъ разостлать его на столѣ. Дѣйствіе получилось совершенно неожиданное!.. Это было время, когда «Дружескія Рѣчи», посредствомъ цѣлаго ряда циркуляровъ, усердно рекомендовались высшимъ начальствомъ низшему «для распространенія здравыхъ понятій въ народѣ». Урядникъ циркуляры зналъ, самой же премудрости, о которой писались эти циркуляры, еще не видѣлъ; теперь онъ этого сподобился и тѣмъ сильнѣе былъ пораженъ. Портретъ царя во всѣхъ репаліяхъ и знакахъ царскаго достоинства, помѣщенный на первой страницѣ, окончательно убѣдилъ блюстителя порядка въ томъ, какою маху онъ далъ, отнесшись подозрительно къ обладателю такой патентованной благонадежности, какъ эта книжка. Тонъ урядника совершенно перемѣнился; о протоколѣ онъ совершенно забылъ и, напившись чаю, оставилъ Сазонова... дожидаться своего контрабандиста» *).

***) СЕКРЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА.**

Нач-къ Саратовскаго Охр. Отд. Нач-чу М. Охр. Отд. 8 ноября 1903 г.

«3-го сего ноября, по вѣдѣніямъ Жанд. желѣзнодорожной полиціи, на расположеннѣи въ 8 ми верстахъ отъ г. Саратова «Трофимовскій разъѣздъ» на извозчикѣ пріѣхалъ одинъ

«Когда я бѣжалъ изъ Сибири, я чувствовалъ, что за моей спиной стоятъ кровавые призраки... И я совершилъ то, чего требовала моя совесть»,—заканчиваетъ Сазоновъ свое объясненіе на судѣ.—«Что могъ бы я сказать въ объясненіе моего преступленія». Въ первой части этого объясненія онъ подробно развиваетъ взгляды партіи социалистовъ-революціонеровъ и въ частности на терроръ. Мы опускаемъ эти объясненія, такъ какъ они носятъ теоретическій характеръ и не имѣютъ въ данномъ случаѣ значенія для характеристики Е. С. Сазонова. «Я утверждаю,—заключаетъ онъ эту часть своего объясненія:—бросая бомбу въ министра Плеве, я вовсе не думаю, что она попадетъ въ существующій въ Россіи образъ правленія. Я бросаю бомбу въ Плеве, не такъ въ русскаго министра (ихъ еще много осталось); я бросаю бомбу въ Плеве, какъ въ опрощенную личность, опредѣленнымъ образомъ исполнявшаго роль министра внутреннихъ дѣлъ Плеве. Борюсь съ народнымъ недовольствомъ, прибѣгая къ самому грубому насилію, онъ совершилъ величайшія преступленія». И далѣе Сазоновъ перечисляетъ эти всѣмъ извѣстныя дѣйствительно преступленія бывшаго министра.

II. Письма къ роднымъ.

Сазоновъ былъ приговоренъ петербургскою судебною палатою къ ссылкѣ въ каторжные работы безъ срока. 28 декабря 1904 года приговоръ вошелъ въ силу. Но по манифесту, изданному въ связи съ рожденіемъ наследника, безсрочная каторга для Сазонова могла быть замѣнена срочной каторгой на 14 лѣтъ «по распоряженію надзирающей административной власти». Для отбыванія наказанія Сазоновъ, а равно и Сикорскій, приговоренный къ 20 годамъ каторги, были отправлены въ Шлиссельбургскую тюрьму. Отсюда и адресовано было *первое* (почти черезъ годъ послѣ приговора) письмо къ роднымъ—къ матери и отцу.

невысокій, на видъ 35—38 лѣтъ, средняго роста, толстый, шатень, съ рыжими усами и пробивающейся послѣ бритья бородой, одѣтый въ пальто на меземъ мѣху и артуголю барашковую шапку, ш, деждавшіеся проходящаго изъ Саратова на Москву скорого поезда № 11, съѣлъ въ него безъ билета, а на станціи Маршловка вѣлъ билетъ II класса до Москвы, куда и долженъ былъ съ тѣмъ же поездомъ прибыть 4 ноября около 3-хъ часовъ дня.

Сообщая объ изложенномъ для свѣдѣній Вашего Высочайшаго Вѣдомства, имѣю честь приподумать, что по свѣдѣніямъ Намѣстника Уфимск. Омр. Отд., въ указанное выше время могъ появиться въ г. Саратовѣ сарышійся изъ Сибири административно-ссылный сыкъ уфимскаго купца Егоръ Сергѣевъ Овзоровъ, матери котораго 31-го октября было отправлено изъ Саратова въ Уфу условное письмо, могущее касаться ея сына Егора.

Ротмистръ Бобровскій».

1905 годъ.

21 ноября.

.....Дорогіе мои, живъ я и жива душа моя. Знаю, много страшныхъ мыслей приходило Вамъ въ голову, неизвѣстность создавала передъ Вами картины одну ужаснѣй другой. Вы разстались со мной еще съ большимъ. Въ воспоминаніяхъ Вы, вѣроятно, ежеминутно видѣли меня умирающимъ вдали отъ Васъ, страдающимъ одиноко безъ родной руки. Гоните же прочь всѣ страшныя мысли, ибо снѣ совершенно не ствѣчаютъ дѣйствительности. Всѣ болѣзни, какія были, постепенно прошли, и я чувствую себя теперь физически совершенно здоровымъ. И руки, и ноги снова въ моей власти; могъ бы снова работать, копать, рыться въ саду или огородѣ; да и дѣлалъ бы я это сейчасъ, если бы не зима. Обхожусь безъ костыля, съ лѣкарствами знакомство прекратилъ, изъ себя цвѣту, аппетитъ волчий, сонъ богатырскій. Однимъ словомъ, мнѣ даже стыдно распространяться о моемъ здоровьѣ, потому что я увѣренъ, съ Вами дѣло обстоитъ не столь благополучно. Вотъ если бы кому-нибудь изъ Васъ или даже всѣмъ Вамъ одолжить этого добра. Относительно ушей я долженъ признаться, дѣло плохо. Но глухота уже не такой изъянъ, чтобъ изъ-за него стоило особенно унывать. Ну, не буду слышать музыки, отъ театра придется отказаться, и только. Себя самого слышу, своихъ ближайшихъ собесѣдниковъ тоже—съ меня довольно. Что касается психической стороны дѣла, то и здѣсь могу сообщить Вамъ только самое утѣшительное. Чувствую себя совершенно нормально; если и есть уклоненія, такъ во всякомъ случаѣ въ пріятную для меня сторону. Чую, какъ силушка по жиламъ такъ и переливается, право. Имѣя въ виду Ваше состояніе, мнѣ опять неловко хвалиться, какимъ широмъ преисполнена душа моя, сколько неизрасходованной энергіи осталось еще у меня, какъ чешутся руки на работу и горитъ сердце отъ желанія не затюхнуть преждевременно для жизни.....

Имѣйте въ виду вотъ что: неизвѣстно, по правилу ли или же случайно, письма здѣсь получаютъ въ большинствѣ случаевъ въ январѣ и юлѣ. Если пошлете въ другое время, рискуете задаромъ потратить бумагу и напрасно измучить себя ожиданіями отвѣта. Условимся, поэтому, я буду писать Вамъ въ декабрѣ и іюнѣ, или мѣсяцемъ раньше-позже; различіе въ два-три мѣсяца не придавайте значенія, не объясняйте тоже страшными предположеніями; такое заложаніе всегда легко можетъ случиться по какимъ-либо мелкимъ случайностямъ. Постарайтесь къ подобнаго рода неожиданностямъ относиться похладнокровнѣй, зная главное: что я здоровъ и храню еще много жизнеспособности, энергіи преодолѣть и не такое настоящее, какимъ живу теперь...

1906 годъ.

1.

30 января.

Дорогіе мои. Пишу наскоро. Сегодня меня увозятъ, какъ сказали, въ Москву. Что ждетъ дальше, абсолютно не знаю. Надѣюсь, Департаментъ Полиціи не сочтетъ возможнымъ долго держать васъ въ томительной неизвѣстности и своевременно дастъ вамъ разъясненія относительно моей особы. А пока, умоляю васъ, не волнуйтесь преждевременно. Не беспокойтесь, не придавайтесь излишней тревогѣ за меня, что бы со мной ни случилось. Я уже писалъ Вамъ въ первомъ письмѣ, что я заранѣе готовъ ко всякаго рода перемѣнамъ въ моей судьбѣ и встрѣчу ихъ во всоружіи бодрости и хладнокровія. Такъ и случилось. Я не знаю, что со мной сдѣлаютъ, но чего-нибудь, превышающаго силы моего терпѣнія, во всякомъ случаѣ не жду. Увѣряю васъ, я не настолько слабъ и изнѣженъ, хотя ваша любовь и нѣжная заботливость порядочно избаловали меня, чтобъ придавать большое значеніе тѣмъ маленькимъ неудобствамъ, которыя еще могутъ встрѣтиться на моемъ пути. У меня достаточный запасъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, здоровья, бодрости и энергіи, и вы можете быть убѣждены, что я еще доживу до лучшихъ дней. А вы доживете-ли?...

2. (Отъ у).

28 апрѣля (Бутырская тюрьма).

.....Можетъ быть Васъ порадуетъ тотъ фактъ, что моему терпѣнію, за которое Вы высказываете опасеніе, еще далеко до конца, что еще многое могу вынести, еще долго могу ждать. Не знаю, какъ Вы тамъ въ одиночествѣ воспринимаете и понимаете текущія дѣла. Не черезчуръ ли давить на Васъ ужасъ дѣйствительности, видите ли Вы просвѣтъ впереди, надѣетесь ли Вы на хорошее хоть въ будущемъ? Настоящее тяжело, и у кого въдобавокъ еще нѣтъ будущаго, тому плохо живется. За себя могу сказать, у меня чудное будущее, до того гудное, что я головъ еще долго-долго ждать его, только бы оно настало. А оно настанетъ и уже настаетъ. Хотя бы мнѣ самому не пришлось дожить до него, моя радость не поблѣднѣла бы оттого. Могу ли я унывать теперь, когда всѣ самыя завѣтныя, самыя святыя мечты мои осуществляются, претворяются въ дѣло? Если хватило рѣшимости пойти на смерть за дѣло, которое тогда мнѣ самому казалось правымъ, но далекимъ, то что-же, кромѣ глубочайшей радости, долженъ испытывать я теперь, когда живу и вижу, какъ дѣло днѣ за днѣмъ изъ малой искорки разгорается въ могучее пламя? Какъ должна удесяттериться моя вѣра, способность терпѣть, ждать, выносить...

Не думайте, что я обманываю себя и легкомысленно закрываю глаза на все зло, окружающее меня. Да, зло ужасно, почти не хватаетъ человѣческаго терпѣнія пережить все то горе, которымъ каждый день даритъ насъ—конечно, я говорю не про личное. И я убѣжденъ, что еще не скоро конецъ, что самое ужасное, пожалуй, еще впереди. Можетъ быть, мы стоимъ наканунѣ момента, когда польются рѣки слезъ, горя и крови. И все-таки я убѣжденно говорю: наша беретъ. Вы знаете, что творится, знаете, какъ блестяще народъ оправдываетъ нашу вѣру въ него. Народъ богатъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ. То, что еще недавно казалось безумною мечтою несчастной кучки юношей-фантазеровъ, это претворилось въ общенародное вѣрованіе, выставляется, какъ самое первое и главное требованіе народа, которое и поддерживается всею силою народа. Пусть насъ томятъ, замучиваютъ, народъ нашъ, наша беретъ... Вѣдь, 130 депутатовъ въ Думѣ встали подъ то самое знамя, съ которымъ я выходилъ на Измайловскій проспектъ... Это уже сила, сила, которая, несомнѣнно, будетъ главенствовать въ Думѣ. Я не вѣрю въ мирный исходъ, я не жду отъ правительства ни совѣсти, ни ума, ни сердца. Будетъ борьба великая. И въ этой борьбѣ бороться и легче, и слаще, чѣмъ въ одиночку. Я счастливъ, что дожился до этого момента. Я проклиная то проклятое время, когда злая необходимость заставляла людей съ чуткимъ сердцемъ брать на себя тяжелую роль народныхъ судей и защитниковъ. Дай Богъ, чтобы оно поскорѣе прошло и никогда больше не возвращалось къ намъ, это проклятое время.

Что ждетъ меня впереди? Не знаю и мало задумываюсь надъ этимъ. Всѣ мои мечты, надежды, пожеланія тамъ, гдѣ кипитъ борьба за великое, святое народное дѣло. Не скрою отъ Васъ, родной мой, да, надеюсь, это для Васъ и такъ ясно, что для меня уже нѣтъ иной жизни, иной дѣятельности, какъ жить и работать для народа. Если будетъ амнистія, въ которую я не вѣрю, то вмѣстѣ съ волей народъ подаритъ мнѣ обязанность отплатить ему за эту волю. Къ счастью, не тою монетою, которую я по силѣ возможности пытался отплатить народу за мои, за наши (всей нашей семьи) долги передъ нимъ... Я думаю, у Васъ нѣтъ никакихъ основаній бояться за меня. Если для меня и мнѣ подобныя дѣятелей будетъ амнистія, это будетъ означать, что правительство рѣшилось на коренныя уступки, и тогда, значить, возможна будетъ мирная борьба. Если же правительство намѣрено еще сопротивляться и воевать, то никакой амнистіи оно намъ не допуститъ, и мы въ безопасности просидимъ гдѣ-нибудь въ тихомъ углу все горячее время военныхъ дѣйствій.

Дорогой, родной мой. Я пишу Вамъ откровенно въ надеждѣ на то, что моя откровенность не только не огорчитъ Васъ, но, напротивъ, въ случаѣ неудачнаго исхода вопроса съ амнистіей и русскими свободами, поможетъ Вамъ легче пережить первыя разочарованія. Я вѣрю и терпѣ-

ливъ, потому что мрачное настоящее не заклоняетъ для меня свѣтлаго будущаго...

3. (Матери).

Май (Бутырская тюрьма).

...У меня нѣтъ страданій, я не могу страдать и мучиться: что бы мнѣ ни выпало на долю, я все, все, даже смерть съ радостью приму за то святое дѣло, которому я на вѣки вѣчные отдался. Я въ него вѣрю, какъ въ спасеніе своей души: если бы мнѣ самому не пришлось дожить до того момента, когда мое дѣло окончательно побѣдитъ, я не пожалѣю объ этомъ: если мы умремъ, дѣло, которое мы любимъ больше всего на свѣтѣ, будетъ жить.

Не оплакивай же меня, потому что я счастливъ, такъ счастливъ, какъ только можетъ быть человѣкъ... Я глубоко вѣрю, что рано или поздно и даже скоро я буду свободенъ, и тогда никто и ничто не помѣшаетъ намъ любить другъ друга и свободно наслаждаться взаимною близостью. А до тѣхъ поръ, во время нашей разлуки, думай обо мнѣ, не какъ о несчастномъ, страдающемъ сынѣ, думай обо мнѣ, какъ о молодомъ, здоровомъ, сильномъ и бодромъ человѣкѣ, который радостно живетъ для своего великаго дѣла. Крѣпись, вѣрь, жди и надѣйся. Пойми, ради Бога, вѣдь, мы мученики нашей вѣры, нашей религіи: какъ тѣ отдавали свою жизнь за Христа, такъ мы готовы отдать свою за нашу правду, святую правду, которая, по моему, идетъ отъ Христа. Развѣ можно плакать о мученикахъ? Не плачь и о насъ, потому что намъ, вѣдь, и не приходится терпѣть мукъ мучениковъ...

4.

Изъ Бутырокъ.

Родные мои, ненаглядные! Пользуюсь случаемъ, чтобы поговорить съ вами по душѣ. Не знаю, дастъ ли намъ судьба счастье дожидаться того времени, когда мы свободные опять сойдемся вмѣстѣ одною семьею, — тогда все объяснится, тогда то, надѣюсь, вы совершенно поймете своего сына и будете не только любить и жалѣть, но и гордиться имъ, а не стыдиться его, какъ, можетъ-быть, еще недавно.

Родные! Великое счастье, что вы уже дожили до поры, когда событія должны на многое открыть вамъ глаза. Раньше, года два тому назадъ, вы не могли слышать ни одного голоса въ защиту меня и моего дѣла. Я совершилъ величайшій грѣхъ, возможный для человѣка, два убійства, запятналъ себя кровью; «честные люди» приговоромъ суда на вѣки покрыли меня позоромъ, осудили, какъ убійцу и врага общества... и весь этотъ позоръ свалился на вашу неповинную голову... Тяжелѣ вамъ

было... тяжело: для отца съ матерью быть не можетъ. Но теперь-то, поняли ли вы? Выслушайте меня.

Прежде всего, не будемъ искать смягчающихъ вину обстоятельствъ, не покривимъ душой передъ Богомъ. Вы знаете, я не въ безуміи рѣшилъ и совершилъ мое дѣло. Никогда я не былъ осмотрительнѣе, разсудительнѣе, чѣмъ когда рѣшился. И не въ одинъ день рѣшилъ... Нѣтъ, долгіе дни и безсонныя ночи въ самарской тюрьмѣ были проведены въ мукахъ раздумья. Все передумалъ, взвѣсилъ, пережилъ ожидавшія васъ страданія... Затѣмъ, не вините никого другого, кромѣ меня самого. Я не ребенокъ, и, слава Богу, поворачать, не особенно тлупъ. Значить, могъ понять, что дѣлалъ, а не былъ шпунскою въ рукахъ какихъ-то злонамѣренныхъ людей, спрятавшихся за моей спиной, по увѣреніямъ разной правительственной сволочи. Можетъ-быть, я даже другого натолкнулъ на такое же ужасное дѣло.

Да, дорогіе мои, ужасное дѣло... Я первый признаю это. Вы знаете мой характеръ. Для того ли я былъ созданъ, чтобъ проливать кровь. Вспомните мои молодыя мечты о мирной дѣятельности на благо несчастнаго люда. И вдругъ, при такомъ-то робкомъ миролюбивомъ характерѣ передо мной возсталъ страшная задача... И я не могъ сбросить ее съ своихъ плечъ. Я долженъ былъ ее выполнить—долженъ... и даже теперь, послѣ всего случившагося, я не могъ бы рѣшить по иному.

Вы часто меня упрекали, что я, вкусивши науки, позабылъ о Богѣ. Дорогіе мои! Земной мой поклонъ вамъ и мое вѣчное спасибо за то, что вы научили меня свято относиться къ вопросамъ совѣсти. Вѣдь, потому-то я совершилъ дѣло, что я чувствовалъ, что моя совѣсть, моя религія, мое евангеліе, мой Богъ преобладали этого отъ меня. Могъ ли я послушаться? Да, родные мои, мои революціонныя и социалистическія вѣрованія слились воедино съ моей религіей. Я считаю, что мы, социалисты, продолжаемъ дѣло Христа, который проповѣдывалъ братскую любовь между людьми, призывалъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ и умеръ, какъ политическій преступникъ, за людей... Но вы скажете, что Христосъ не убивалъ, а прощалъ своихъ враговъ. Въ томъ-то и ужасъ, что люди не доросли до христіанскихъ истинъ, и, несмотря на примѣръ и ученіе Христа, попрежнему остаются звѣрями. Мало того, они исказили, запачкали своими грязными и окровавленными руками чистѣйшее ученіе Христа. Тѣ, которые называются служителями Христа и которые вѣчно должны повторять народу: любите другъ друга, учить его, чтобъ человѣкъ каждаго человѣка любилъ, какъ самого себя, эти-то лживые учителя оправдываютъ всю неправду на землѣ. Требованія Христа ясны—кто ихъ исполняетъ? Мы, социалисты, хотимъ исполнить ихъ, чтобъ царство Христово настало на землѣ. А на счетъ убійства—такъ я обращаюсь опять къ вашей религіи. Положите руку на сердце и скажите, какъ передъ Богомъ: всегда ли и во всѣхъ ли случаяхъ свята

и непреложна заповѣдь: не убій? Если такъ, то почему же царя, по машию котораго проливаются рѣвки крови, называютъ благочестивѣйшимъ, а солдатъ, которые избивали не только японцевъ, но и своихъ же братьевъ русскихъ, величаютъ христоклюбивымъ воинствомъ, хвастаются, что солдаты убиваютъ за вѣру (царя и отечество)? Значить, имъ можно убивать и, если они умрутъ на войнѣ, то достойны за то царствія Божія. Почему же такая разница? Или дѣло въ томъ, что они убиваютъ и умираютъ за отечество? Если только вы признаете, что война на этомъ основаніи оправдывается, то мы оправданы и убѣлены паче снѣга. Мы воевали за отечество, за дѣло народа. Уже народъ промко признаетъ наше дѣло своимъ дѣломъ, и, если ему не дадутъ открыто высказаться, то не мы виноваты: мы только и желаемъ и добиваемся, чтобы сняли повязку съ устъ народныхъ. Да, мы отдавали свою жизнь за други своя и получали за то не георгиевскіе кресты и медали, а позоръ, позорную смерть... висѣлица замѣнила крестъ, который нѣкогда предназначался тоже, какъ позорнѣйшее наказаніе. Послѣ нашей смерти враги наши глумились на нашихъ могилахъ, предавая насъ анафемѣ. Не слава прельщала насъ. Послѣ страшной борьбы и мученій, только подъ вѣтомъ печальной необходимости мы брались за мечъ, который не мы первые поднимали. Не судите же насъ строже, чѣмъ мы того заслуживаемъ, не будьте, какъ прокуроры, несправедливы передъ Богомъ. Да, я виновенъ передъ Богомъ, но я спокойно жду его суда и знаю, что онъ будетъ судить меня не такъ, какъ здѣсь судили — судомъ неправеднымъ.

Не упрекайте еще меня за то, что я именно васъ ввернулъ въ эту бездну горя. Подумайте, могъ ли иначе поступить, когда я слышалъ, какъ мой учитель говорилъ: возьми крестъ свой и иди за Мною, и еще: кто возлюбитъ отца своего или мать свою больше, чѣмъ Меня, тотъ недостоинъ Меня... Не Онъ ли заставилъ Свою мать увидѣть Его крестную смерть, а развѣ она меньше любила своего сына, чѣмъ ты, мама, меня? Не могъ я отказаться отъ своего креста, мои бѣдныя... Поймите же и простите... Поймите и поднимите свои, поникшія, подъ тяжестью горя, головы, глядите всѣмъ прямо въ глаза и говорите всѣмъ гордо: нашъ сынъ былъ честный солдатъ и сражался за то, что онъ считалъ правдой. Счастье наше, уже недолго намъ носить нашъ позоръ. Скоро, скоро общество, народъ разсудитъ насъ съ правительствомъ, и скоро наши судьи попадутъ на наше мѣсто на скамью обвиняемыхъ. Народъ скажетъ про меня и про моихъ товарищей, казненныхъ и оставленныхъ въ живыхъ, какъ сказалъ на судѣ мой защитникъ: «Бомба ихъ была начинена не динамитомъ, а горемъ и слезами народными... бросая бомбы въ правителей, они хотѣли уничтожить кошмаръ, который давилъ народную грудь», скажетъ и оправдаетъ насъ, а нашихъ противниковъ, тѣхъ, которые своими насильями надъ народомъ доводили насъ до не-

обходимости проливать кровь, осудить и память ихъ предать вѣчному проклятію...

Будемъ ждать этого великаго и очастливаго мита, а до тѣхъ поръ не будемъ слишкомъ предаваться печали по поводу тѣхъ небольшихъ лишеній, которыя еще ждутъ меня. Они ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что могло бы выпасть на мою долю и что выпало на долю моихъ незабвенныхъ милыхъ товарищей, Балмашова, Каляева и др. Всегда помните о нихъ, молитесь о нихъ и о народномъ дѣлѣ, а обо мнѣ не горюйте. Не слушайте нашихъ враговъ, откройте ваши уши и сердце для тѣхъ, которые говорятъ въ пользу нашего, моего дѣла, будьте опра-ведливы къ дѣлу вашего сына, окажите ему еще эту любовь... А вамъ—моя любовь и вѣчная благодарность.

5.

22 ноя.

...Наше положеніе пока не выяснилось. Администрація поговариваетъ, что нѣкоторыхъ изъ насъ скоро выпустятъ въ вольную команду, ждутъ указаній и распоряженій изъ главнаго управленія каторги, которое отсюда находится верстахъ въ 30-ти (въ Горномъ Зерентуѣ). Надняхъ, или въ теченіе іюля, все выяснится. Къ тѣмъ, къ кому не былъ примененъ манифестъ 1904 г., онъ применится теперь: тогда получаютъ сроки для Герш. и Мельн. по 7 л., а для Петруся 5 л., Герш., Мельн. и Сик. должны сейчасъ же выйти въ вольную команду, а Петрусь—на поселеніе. На поселеніе посылаютъ обыкновенно въ Забайкальскую же область, приписываютъ крестьяниномъ къ какой-нибудь волости. И тутъ полная свобода. Вольная команда—это жизнь около тюрьмы, но не въ тюремныхъ стѣнахъ; здѣсь тоже пахнетъ волей. Для меня срокъ еще не вышелъ, и мѣсяцевъ 9 или съ годъ, вѣроятно, еще придется пожить въ тюрьмѣ.

Пока живется очень хорошо и вольготно. Насъ здѣсь ждали и приняли съ распростертыми объятіями. Товарищи готовились къ торжественной встрѣчѣ: дѣлали подписку на грандіозный пиръ, собирались выѣхать за 16 верстъ (въ Александровскій заводъ) на тройкахъ на встрѣчу, при чемъ здѣсь ждали насъ староста съ хлѣбомъ-солью, какъ какого-нибудь губернатора... Но мы своимъ неожиданнымъ приѣздомъ разстроили всѣ замыслы товарищей, и встрѣча вышла проще, но не менѣе душевной: всѣ эти оваціи и изъявленія расположенія мы, конечно, относимъ не на нашъ личный счетъ, а на счетъ любви и преданности тому великому дѣлу, во имя котораго всѣ мы сюда попали. Но все-таки мнѣ доставляетъ гордую радость видѣть то уваженіе, которое окружаетъ нашего дорогого Григорія Андреевича: всѣ, если не видятъ, то чувствуютъ цѣну этого человѣка, и нужно его видѣть именно среди

людей, чтобы по всей справедливости оцѣнить его. Какъ я ни быть подготовленъ къ тому, чтобы предполагать за нимъ различные таланты, но все же приходится удивляться ему: онъ какъ бы растетъ и развертывается на людяхъ. Здѣсь онъ возвышается надъ всѣми на цѣлую голову. Впрочемъ, здѣшняя обстановка слишкомъ даже низка, чтобы служить ему мѣркой. Нужна широкая арена, чтобы онъ развернулъ всѣ свои силы. И для нашего дѣла непоправимый страшный убытокъ, что такая могучая политическая сила скована въ данный моментъ...

Съ нашимъ прибытіемъ тюремная жизнь замѣтно улучшилась: мы привезли книгъ и денегъ, на деньги улучшили столъ, такъ что каждый день стали имѣть мясо и бѣлый хлѣбъ, чего прежде не полагалось. Если черезъ мѣсяцъ общество не поддержитъ насъ, то снова придется перейти на прежнюю пищу.

Ждемъ газетъ и книгъ.

Мой совѣтъ: моихъ писемъ не хранить, а предавать ихъ уничтоженію тотчасъ же, по прочтеніи.

6.

25 іюня.

Дорогіе мои. Не имѣю возможности писать вамъ много. Сегодня утромъ къ намъ привезли Спиридонову, Измаиловичъ, Школьникъ, Фіалку, Биценко и Езерскую. Всѣ мы въ страшномъ волненіи, что намъ выпало такое неожиданное счастье или несчастье жить подъ одной кровлей съ Маріей Александровной. Еще не могу прийти въ себя. Последние нѣсколько дней вся тюрьма словно съ ума сошла отъ ажитации, отъ радостныхъ хлопотъ и припотовленій ко встрѣчѣ. И встрѣча вышла торжественная, прекрасная, грандіозная, хоть бы подъ стать большому городу: всякій изъ насъ стремился выразить всю свою любовь, все благоговѣніе къ славной дѣвушкѣ.

По первому впечатлѣнію не рѣшаюсь говорить, какъ выглядитъ М. А. Когда глядишь на нее, сердце сжимается отъ тяжелыхъ воспоминаній о томъ, что ей пришлось претерпѣть, прошлое подавляетъ настоящее...

7.

31 августа.

У насъ за это время ничего не измѣнилось, хотя въ Россіи измѣнилось многое. Лѣса, покрывающіе сосѣднія горы, разодѣлись въ осенній нарядъ. Листья пожелтѣли, но надежда и вѣра, несмотря ни на что, желтѣть не хотятъ. Суровая зима скоро задушитъ въ своихъ ледяныхъ оковахъ всю окружающую жизнь, но вы вѣдь знаете, что мы живемъ для будущаго. Что намъ зима, что намъ оковы, что намъ самая смерть, когда тамъ, впереди, широкій весенній просторъ, весенняя красота, весеннее оживленіе всего, имѣющаго дыханіе...

Что смерть? Развѣ мы не вѣримъ, что мы живемъ для будущей жизни, гдѣ не будетъ печали, воздыханій, зла, несправедливости? Отецъ, мамочка! Развѣ вы не вѣрите въ будущую жизнь?

Не вздыхайте же по вашему сынѣ, который тоже хочетъ жить для будущей жизни, не жалуйте его, что у него нѣтъ настоящей жизни.

Потомъ, это неправда, что у меня нѣтъ жизни: я живу самую полную, самую счастливою жизнью. Я испытываю величайшее въ мирѣ счастье жить такъ, какъ велитъ моя совѣсть, жить для своей правды. Эту правду у меня никто не властенъ отнять: ни смерть, ни царь. Я умру, но моя правда, то, что для меня дороже жизни, останется жить. Она восторжествуетъ, она будетъ жить вѣчно, а вмѣстѣ съ нею буду жить и я.

Ну, скажите, кто изъ васъ, изъ всѣхъ вашихъ знакомыхъ, счастливѣе меня?..

Итакъ, не жалуйте меня, зазидуйте мя: я—счастливѣйшій изъ смертныхъ. Пусть идутъ зимнія вьюги, ледяныя оковы, зимній шнеть. Я живу для весны, для будущаго. Да здравствуетъ весна... Да здравствуетъ тепло, свѣтъ, правда и справедливость... Я чувствую, мое сердце велико и охватываетъ всѣхъ, кому нужна любовь и сочувствіе. Всѣ страждущіе—мои друзья, мои родные, мои братья. У меня много горя, но много радостей. Я всѣмъ своимъ существомъ слился, спаялся съ моимъ народомъ... Да здравствуетъ мой братъ, моя мать, моя невѣста—моя родина...

8.

17 сентября.

...Теперь такъ мало радостнаго на свѣтѣ. Каждый день приносить все болѣе и болѣе тяжелыя вѣсти. Нѣтъ конца страшной борьбѣ. Измученный, истекающій кровью, народъ обреченъ на погибель. Онъ долженъ бороться, бороться, если не хочетъ самъ себя подписать смертный приговоръ. Онъ долженъ бороться подобно человѣку, къ торлу котораго приставили ножъ, ежесекундно готовый вонзиться въ живое мясо. Бороться, бороться... Душно жить, нельзя жить въ такихъ условіяхъ. Мама, молись за тѣхъ, кто борется, молись, чтобъ сильна и мѣтка была рука ихъ. Не плачь о тѣхъ, которые погибаютъ въ борьбѣ: они сами идутъ на смерть, чтобъ другимъ дать свободу жить. Плачь и молись за тѣхъ, кто является невинною жертвою обезумѣвшихъ, потерявшихъ совѣсть, стыдъ, всѣ человѣческія чувства, изверговъ. Плачь по народѣ, по его великимъ, безмѣрнымъ страданіямъ, по его безпомощности, безсиліи возстать и стряхнуть съ себя палачей... Нѣтъ у народа силъ постоять за себя... Еще требуются иные, кто бы защитилъ его.

Но, дорогая, плача по страданіямъ, не теряй надежды на ихъ конецъ, на свѣтлое будущее, которое, несомнѣнно, настанетъ. Можетъ-

быть, мы до него и не доживемъ, но не все ли равно? Развѣ плохо, если изъ нашихъ маленькихъ страданій расцвѣтутъ, какъ цвѣты на могилѣ, яркіе, пышные цвѣты всеобщаго счастья, мира, успокоенія? Развѣ не радостно будетъ, когда къ нашимъ могиламъ будутъ приходить счастливыя веселыя дѣти народа и станутъ любоваться на роскошныя цвѣты, распустившіеся на нашихъ могилахъ? Намъ будетъ такъ радостно въ нашихъ могилахъ отъ сознанія, что дѣти народа больше не страдаютъ, что они могутъ мирно наслаждаться ласками матерей, могутъ мирно, честно и радостно работать для всеобщаго счастья... Ахъ, какъ радостно будетъ намъ отдыхать въ могилахъ съ мыслью, что мы за нихъ, за дѣтей народа, отстрадали...

Дорогая, въ своихъ печаляхъ никогда не забывай, что ты болѣе всего одною болью вмѣстѣ съ милліонами русскихъ матерей. Не забывай же чужихъ печалей и не предавайся слишкомъ своей. Я бы очень, очень желалъ, чтобы тебѣ прочли въ июльской книжкѣ «Былого» «Годы скорби». Ты познакомишься бы съ великою скорбью другой матери...

Я радъ каждой твоей строчкѣ... Эта радость могла бы омрачиться только въ одномъ случаѣ: если бы ты вздумала хулить мою святыню. Но я знаю, насколько ты далека отъ этого. Поэтому пиши, не стѣсняйся, все, что тебѣ Богъ на душу пошлетъ. Я радъ, что все вы пока живы, здоровы. Мы здѣсь тоже здоровы, живемъ по-старому.

Дорогіе, простите, можетъ-быть, я затруднилъ васъ. Прося у васъ денегъ, въ прежнихъ письмахъ, вѣдь я предупреждалъ, что самъ я ни въ чемъ не нуждаюсь, а нашъ монастырь нуждается; потому-то я и писалъ, чтобы вы присылали денегъ, но не изъ своихъ средствъ—личныхъ средствъ на это не хватило бы, и я не рѣшился бы обратиться съ такою просьбою—я просилъ о деньгахъ, которыя могли бы собраться среди людей, признающихъ свою обязанностью помогать тѣмъ, кто борется... А мнѣ денегъ не надо, не присылайте...

9.

2 октября.

Недавно Петруся получилъ отъ своей матери ящикъ сластей. Вотъ еумасшествіе. Не подражайте этому дурному примѣру.

Насъ забываютъ мало-по-малу. Прекращается притокъ средствъ, и скоро придется положить зубы на полку. Видно, не до насъ теперь. Ну, да какъ-нибудь просуществоуемъ и на казенномъ...

Обо мнѣ и моихъ близкихъ друзьяхъ не безпокойся. Намъ не хуже другихъ и въ общемъ всегда выходило, что лучше.

Мы бодры и здоровы. Пока все хорошо, и все еще есть.

Чувствуемъ себя крѣпко, какъ на зимнихъ квартирахъ. Усиленно учимся, занимаемся, чтобы, когда вернемся къ жизни, не остаться по-

зади требованій, которыя жизнь предъявить намъ. Удастся ли подготовиться къ этому, неизвѣстно. Но мы стараемся не терять времени.

Время летитъ незамѣтно.

Маруся оправилась. И теперь она такой же товарищъ, какъ остальные. Не приходится въ отношеніи къ ней бояться каждаго жеста и слова.

Что о ней появляется въ газетахъ, не вѣрьте. Все ерунда. Газетамъ, очевидно, выгодно трепать ея имя. Доходятъ до того, что сочиняютъ за нее письма. Безобразіе...

10.

13 октября.

Спѣшу подѣлиться съ вами великою радостью, которая выпала на долю акатуевскихъ узниковъ. Наша гордость, нашъ дорогой Григорій Андреевичъ *) сегодня вдругъ не оказался при вечерней повѣркѣ. Какъ, что такое?—объ этомъ, конечно, не намъ знать, а «кому слѣдуетъ», т.-е. начальству. Бѣдное начальство, только бы ему не захворать отъ огорченія. Желало нашимъ друзьямъ тамъ, наверху, разнымъ Трусевицамъ и Столыпиннымъ не особенно свирѣпствовать съ досады...

Дорогая, порадуйся вмѣстѣ съ нами—не все-то тебѣ плакать да горевать. И молись за здоровье раба Божія Григорія, да здравствуетъ на счастье народа... Обнимаю всѣхъ горячо.

11.

14 октября.

Вчера уже послана вамъ открытка съ извѣщеніемъ о побѣгѣ Гершуни. Но, вѣроятно, ее перехватятъ. Поэтому напишу подробнѣе.

За время нашего пребыванія здѣсь у насъ смѣнилось уже 4 начальника. Мы встали здѣсь привольную жизнь. Не чувствовалось тюрьмы. Дошло до того, что ежедневно половина тюрьмы уходила въ горы безъ всякой охраны, только на честное слово. Съ утра до вечера у насъ въ тюрьмѣ торчали жены семейныхъ, могли даже почти ночевать. Сообщеніе съ волей, проносъ всякихъ вещей были, конечно, вполне свободны. И, конечно, вышли безобразія. Мы гаранте знали, что въ нашей публикѣ, среди сотни новоиспеченныхъ революціонеровъ, которые даже, можетъ-быть, и о революціи-то никогда не мечтали, найдется много такихъ, которымъ наплевать на всякое честное слово... Поэтому мы ни разу не принимали участія въ льготахъ и сидѣли въ стѣнахъ; между тѣмъ произошло то, чего слѣдовало ожидать. Бѣжалъ сначала одинъ, нарушивши слово. Начальника прогнали... Прислали новаго, офицера, бывшего на войнѣ. Мы ожидали репрессій. И онъ на первыхъ шагахъ хвалился, что при немъ все будетъ смирно. Мы приготовились бороться, но

*) Гершуни.

бороться не пришлось, потому что вскорѣ оказалось, что бравый капитанъ только на словахъ храбръ, а на самомъ дѣлѣ пьяница, человѣкъ вѣзлмошный, котораго забрать въ руки ничево не стоить... При немъ-то и началась потѣха. Люди гуртами побѣжали изъ тюрьмы. Происходило нарушение слова одно за другимъ, а капитанъ продолжалъ пить и пускать на-слово. Только Мельниковъ съ Окунцовымъ и ушли въ это время честно. Въ концѣ-концовъ, капитана смѣстили и отдали подъ судъ.

На смѣну прислали старика, который чуть не 20 лѣтъ прослужилъ въ кагоржаной администраціи. Тутъ мы опять ждали прижимокъ. Но ничего худого не случилось, только холостыхъ перестали пускать на честное слово. А женатыхъ пускали, и женатые надули. За это отдали подъ судъ начальнишка и его помощника. Прислали, наконецъ, четвертаго, бывшаго помощника на Сахалинѣ. Старая собака... И этотъ сразу поворотилъ вкрутую. Всякіе выпуски изъ тюрьмы прекратили. Женъ въ тюрьму пускать пересталъ. Но что касается внутреннихъ порядковъ, то они попрежнему остались хорошими, т.-е. начальство во внутреннюю жизнь тюрьмы не вмѣшивалось. Мы радовались такимъ переменамъ, потому что прекратилась возможность для нарушеній слова, что является сущимъ безобразіемъ для всякаго политическаго и вообще пятнаетъ честь революціи. Можно было теперь вести дѣло освобожденія на чистый манеръ. И повели.

За послѣднее время обнаружено три неудавшихся подкупа. Было тяжело. Но наконецъ-то мы вознаграждены, да еще такъ, что теперь можемъ удовлетвориться и посидѣть спокойно лишній годикъ. Такъ или иначе, съ 13 октября нашъ Григорій Андреевичъ на волѣ. Еще не окончательно въ безопасности, но хочется вѣрить, что не провалится то, что такъ блестяще началось. Вышло такъ.

Въ 6 часовъ вечера 13 октября во время вечерней повѣрки я и мой сожитель Сидорчукъ сидѣли въ своей библиотекѣ и вели громкій и интересный фазговоръ о погодѣ. На койкѣ Григорія Андреевича лежало нѣчто до того отвратительное, что становилось жутко... Растворяется дверь въ нашу камеру, и черезъ порогъ заглядываетъ старшій надзиратель. «Всѣ дома?» спрашиваетъ онъ. Мы продолжаемъ спорить и мимоходомъ отвѣчаемъ: «всѣ». Дверь захлопывается и запирается. Мы съ Сидорчукомъ съ торжесствомъ принимаемъ за чай, то и дѣло призывая «Григорія Андреевича» выпить чайку. Уже прошло полчаса. Мы готовы повѣрить въ полный успѣхъ. Какъ вдругъ снова открывается дверь и входитъ надзиратель. Прямо къ койкѣ Гершуни, смотритъ на нѣчто и спрашиваетъ: «Кто тутъ лежитъ?» Я отвѣчаю: «Гершуни». — «Хорошъ Гершуни, нечего сказать», — и выходитъ оповѣстить администрацію о странной находкѣ. Суматоха... Тюрьма моментально узнала о новости. Гогочетъ отъ восторга... А начальство бросилось въ деревню, въ Акагуй... Оцѣпили войсками всю окрестность, перерыли всѣ сундуки у бабъ, за-

глядывали въ подполья, въ погреба, на сѣновалы, даже въ кринки съ молокомъ—все искали Гершуни.

Какой-то солдатъ сболтнулъ, что онъ видѣлъ Гершуни вечеромъ около деревни. Начальникъ былъ въ полной увѣренности, что захватить бѣглеца еще по свѣжимъ слѣдамъ. Разослалъ тонцовъ по всѣмъ дорогамъ. Только утромъ на слѣдующій день вспомнили, что вчера утромъ вывезли изъ тюрьмы въ погребъ бочку съ капустой. Бросились въ погребъ и увидѣли: большая бочка, наполненная до половины капустой... Порылись въ капустѣ и нашли луттаперчевую трубку, виниченную въ дно. На этомъ основаніи предполагаютъ, что Григорія Андреевича вынести въ этой самой капустѣ. А чтобы ему можно было дышать, и была проведена трубочка въ ротъ. Вишь какъ хитро, если правда. Тутъ только начальникъ вспомнилъ, что впопыхахъ онъ позабылъ телеграфировать губернатору и по желѣзнымъ дорогамъ.

Такимъ образомъ въ распоряженіи бѣглеца оказалось свободныхъ 24 часа, и можно надѣяться, что все закончится благополучно.

Начальникъ рветъ и мечетъ, а мы злорадуемъ... Нѣтъ, серьезно, вся тюрьма отнеслась съ самой искренней радостью, какъ будто признаетъ всю громадную важность событій. Начальникъ сказалъ: «Ушелъ только одинъ человекъ, но онъ стоитъ полттюрмы». Неправда—цѣлою тюрьмы, даже неизмѣримо больше.

Что за симъ послѣдуетъ, неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что и этотъ начальникъ полетитъ туда же, куда улетѣли его предшественники, и къ намъ пришлютъ еще болѣе ретивое начальство. Пускай теперь. *Теперь* на все согласны. Если будетъ прижимъ, то ненадолго, до первой оттепели тамъ у васъ, на волѣ...

12.

21 октября.

Поздравь меня, я теперь могу быть маляромъ. Съ того дня, какъ мы разстались съ Г. А. и къ намъ пришелъ новый сожигатель, Петрусь, мы занимались приведеніемъ нашей хаты на зимнее положеніе: замазывали щели глиной, штукатурили, бѣлили. Работы было съ утра до вечера на 3 дня. Выбились изъ силъ, доработались до мозолей... За то наша комната приняла чистенькій, довольно уютный, видъ. И тепло, какъ у васъ въ комнатахъ... И подумай, все это дѣло рукъ нашихъ. Но главное, за работой мы незамѣтно провели первые и самые тяжелые дни разлуки... Разлука чувствуется сильно... Теперь надо заниматься, заниматься, учиться, учиться...

13.

28 октября.

Надѣюсь, вы всѣ въ добромъ здоровьѣ, дорогая мамочка. А у насъ, къ великому сожалѣнію, не всѣ: наша Маруся послѣдніе дни опять что-

то дурно себя чувствуетъ: кровохарканье, обмороки. Какъ видно, ея здоровье, несмотря на хорошій наружный видъ, хрупко и ненадежно. Грустно въ такія скверныя минуты, помочь ничѣмъ нельзя. И вотъ, когда ея положеніе принимаетъ опять угрожающій характеръ, я снова обращаюсь къ вамъ съ просьбой: присылайте денегъ... Не сразу много, но все-таки не такъ мало въ мѣсяцъ, какъ я прежде писалъ. Присылайте рублей по 25—30 ежемѣсячно. Надѣюсь, что не затруднитъ васъ особенно. Скоро наша община прогоритъ совершенно. Средства не притекаютъ, а народу все прибываетъ. На-дняхъ еще пришло 30 человѣкъ владивостокскихъ солдатъ, такъ что вся наша обитель биткомъ набита. Подумайте, 160 человѣкъ тамъ, гдѣ полагается 90—100... И еще конца не предвидится. Въ библиотекѣ насъ теперь четверо. Кромѣ Петруся, къ намъ поселился еще одинъ товарищъ, с.-р., кавказецъ Прошьянцъ. Нарень хорошій.

О Г. А. пока ни слуху, ни духу. Можетъ-быть, это хорошо. Все начинаетъ входить въ норму, начальство мало-по-малу успокоилось. И все по-старому. Начальника, повидимому, не смѣняютъ. Пострадалъ только одинъ надзиратель, привратникъ, дежурившій у воротъ въ моментъ, когда вывозили бочку съ капустой.

Вещей вашихъ пока еще нѣтъ. Должно-быть, въ дорогѣ.

Ахъ, какъ намъ нужны книги, если бы вы знали... а книгъ мало. Я обвиняю тебя, братъ, и всѣхъ друзей за халатность. Чего вы не добьетесь, чтобы либеральныя книгоиздательства снабжали насъ книгами. Какія книги? Да всякія, хорошія и старыя и новыя, научныя и научно-популярныя, по всѣмъ отраслямъ... У насъ самый разнообразный составъ публики, и всякому нужна своя книга... Неужели не найдется столько порядочности у этихъ филантроповъ, мечтающихъ о народномъ просвѣщеніи, чтобы хоть Акатуй-то обставить, какъ слѣдуетъ... Прямо возмутительно.

А про физическое голоданіе мы не смѣемъ уже говорить... Вотъ теперь назначили по 1 р. 50 к. ежемѣсячно на человѣка. И на это покупай все, что знаешь: чай, сахаръ, марки... А ѣда—это мясныя щи одинъ разъ ежедневно и чернаго хлѣба 2 фунта.

Неужели нельзя дѣлать сборовъ въ Уфѣ: обратитесь къ Володѣ...

14.

30 октября.

Обращаюсь къ тебѣ съ просьбами. Если не очень затруднительно, устрой.

Во-первыхъ, ты должна вспомнить слова Христа, обращенныя къ тѣмъ, кто стоялъ одесную: «Я нагъ былъ, и вы одѣли меня».

Мы наги. Т.-е. не я, собственно, но это все равно. Среди полуроста человѣкъ здѣшнихъ товарищей громадное большинство не имѣетъ

и не имѣть надежды завести бѣлья. Мнѣ пришла въ голову мысль, что въ вашихъ краяхъ за дешевую цѣну можно достать холсты и крестьянскія самоканныя издѣлія для рубахъ и остального бѣлья. Если это дѣйствительно такъ, то купи, мамочка, нѣсколько кусковъ холста и пестряди и пришли для насъ. Будемъ чрезвычайно рады...

Вторая просьба: среди насъ много людей, которые очень желаютъ учиться. Нужны учебники, а взять негдѣ. Обратись къ знакомымъ гимназистамъ, чтобы они собрали все имъ ненужное, и пришли намъ. По всѣмъ предметамъ, кромѣ древнихъ языковъ...

15.

16 декабря.

...Я слышалъ, ты собираешься весной навѣстить меня. Не знаю, что посоветовать тебѣ. Объ этомъ еще рано говорить, многое можетъ измѣниться къ тому времени. Прошу тебя только объ одномъ, не спрой себѣ иллюзіи относительно здѣшнихъ условій. Все, что было раньше, и что дѣйствительно могло соблазнить тебя; все это прошло. И теперь дѣло обстоитъ такъ, что пріѣхать-то ты пріѣдешь и свиданіе можешь получить, но жить тебѣ здѣсь нельзя, и не только жить, а даже и переночевать въ деревнѣ нельзя. И это послѣ того, какъ тебѣ пришлось бы проѣхать версты 200 на лошадахъ. Такое издѣвательство надъ тобой было бы для меня невыносимо. Но объ этомъ рано еще говорить. Подождемъ—увидимъ.

Но не приходи и въ отчаяніе за насъ. Ничего худого у насъ не случилось. Конечно, сравнительно съ тѣмъ, что было здѣсь лѣтомъ, теперь стало хуже. Но вѣдь чего же и спрашивать съ тюрьмы? Развѣ надолго можетъ сохраниться такой порядокъ, какой былъ?.. То была дама, а не тюрьма. Да и теперь все еще лучше, чѣмъ было, напр., въ Москвѣ. Никакихъ стѣненій во внутреннемъ распорядкѣ нѣтъ... Мы внутри стѣнъ живемъ сами по себѣ, сами себѣ пишемъ законы. Значитъ, особенно плакаться нечего. Одно плохо—ежедневно видѣть, какъ люди полуголодаютъ... Но исправить эту бѣду зависитъ отъ васъ, нашихъ родныхъ и друзей... Какъ вы сами никогда не забываете о насъ, такъ же должны вы и другихъ заставлять постоянно помнить о насъ. Да и въ этомъ отношеніи наши дѣлишки, кажется, начинаютъ поправляться. Книжный вопросъ тоже улаживается. На мои просьбы, съ которыми я 1½ мѣсяца тому назадъ обратился во всѣ прогрессивныя книгоиздательства, я на-дняхъ получилъ цѣлую кучу книгъ, рублей на 100. И все даромъ. И не только книги, даже прислали роскошныя гравюры...

Наша милая, добрая тетушка изъ Читы прислала намъ 200 рублей на «елку». Вся наша община празднуетъ теперь, какъ слѣдуетъ... Кстати, эта тетушка на-дняхъ ѣдетъ въ Москву къ своей дочери. Она намѣрена навѣстить тебя по дорогѣ. Дорогая мамуся, прими ее такъ любовно и такъ горячо, насколько ты только можешь. Ничего удивительнаго нѣтъ, что ты

и родные любите меня и заботитесь о насъ. Но, чтобы такъ полюбить чужой человекъ, какъ она полюбила всѣхъ насъ, для этого нужно быть святымъ человекомъ. Мамочка, если только ты не постарайся хоть отчасти своимъ вниманіемъ отплатить ей за меня и всѣхъ насъ, я просто разочаруюсь въ тебѣ. Намъ никогда, никогда въ жизни не отплатить ей за ея любовь...

16.

29 декабря.

...Прежде всего, спѣшу успокоить тебя. Опять появились невѣрные слухи о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Пишутъ, и какъ будто со словъ недавно ревизовавшаго нашу тюрьму чиновника, будто у насъ люди умираютъ съ голоду, отъ психическаго расстройства, заболѣваютъ острымъ ревматизмомъ оттого, что, благодаря тѣснотѣ, многимъ приходится спать на голую полу.

Не понимаемъ, откуда могутъ появляться такіе слухи: они только вредятъ намъ, тѣмъ, что, изображая нашу жизнь въ невѣрномъ свѣтѣ, невольно заставляютъ думать, что у насъ здѣсь нѣчто противоположное слухамъ, нѣчто въ родѣ рая. Слухи заранѣе подрываютъ вѣру въ извѣстія объ Акалуѣ, и случись теперь у насъ одинъ изъ тѣхъ инцидентовъ, которыми такъ богата русская жизнь, міръ не узнаетъ истины, пока не сгніютъ кости пострадавшихъ, и пока, значить, виновные не успѣютъ опочить на лаврахъ.

Пока у насъ никто не умираетъ и не заболѣваетъ съ голоду, никто еще не сходитъ съ ума, на полу пока никто не спитъ, и тѣмъ болѣе на каменномъ, потому что у насъ во всей тюрьмѣ деревянные полы.

Правда, у насъ хроническое недоѣданіе, часто сидятъ безъ чаю, безъ сахара, частенько къ вечеру не хватаетъ казеннаго чернаго хлѣба (хотя надо сказать, отъ такого недоѣданія и недопиванія страдаетъ большинство, а не болѣе счастливое меньшинство, увы, какъ и вездѣ). Правда и то, что населеніе нашей тюрьмы въ 2 раза превышаетъ норму, поэтому воздуху не хватаетъ, особенно вечеромъ и ночью, когда мы замкнуты въ четырехъ стѣнахъ... Все это правда и правда невеселая. Только этой правды должно быть достаточно для того, чтобы порядочные люди, гуляющіе на свободѣ, не забывали о насъ и дѣлать все, что въ ихъ силахъ, для заслуженнаго облегченія политическихъ каторжанъ... Незачѣмъ еще болѣе расписывать и безъ того невеселую правду.

И повторяю, пока мы всѣ здоровы, энергичны, бодры, жизнерадостны, почти не замѣчаемъ неудобствъ нашего положенія, помня, что теперь на Руси немногимъ весело живется.

И мы будемъ до тѣхъ поръ здоровы и психически нормальны (за это мы можемъ поручиться), пока насъ намѣренно не начнутъ сводить съ ума тѣми способами, на которые такъ изобрѣтательны и щедры хо-

злева жизни. О, конечно, при желаніи они могутъ добиться нашего сумасшествія, въ этомъ-то уже надо отдать имъ честь и справедливость. Но тутъ уже совершенно безсильны. Тутъ воистину нѣкое божеское поущеніе.

Но пока—пока, мамочка, насъ миновалъ гладъ, моръ, нашествіе игоплеменниковъ и тысячи друтихъ напастей. А посему успокойся и не придавай значенія неосновательнымъ слухамъ. Зачѣмъ терзаться, пока еще нѣтъ причинъ для терзанія... Мы молоды и сильны и можемъ многое вынести, насколько это зависитъ отъ насъ... Будемъ же съ вѣрою ожидать будущаго... Свѣтлое будущее не за горами, и мы доживемъ, непрѣмьно доживемъ до него, если окажемся въ числѣ тѣхъ счастливицевъ, которыхъ минуетъ горькая чаша настоящаго.

Итакъ, мои ненаглядные, живите себѣ вѣрою и надеждою, которыя должны почерпаться вами, если не изъ политическихъ, то изъ религіозныхъ убѣжденій...

1907 годъ.

1.

Февраль.

Сегодня я отправляюсь съ 15 человекъ друтихъ товарищей въ Алгаинскую тюрьму, за 40 версть отсюда.

Ты изъ газетъ или друтихъ постороннихъ источниковъ узнаешь, что эта высылка является наказаніемъ. Узнаешь ты и мое «преступленіе». Мнѣ нужно объяснить тебѣ, ложно или правильно возводимое на меня обвиненіе. Ты меня знаешь и понимаешь, что если бы я захотѣлъ что-нибудь сдѣлать, что мнѣ казалось бы нужнымъ по моимъ взглядамъ, я сдѣлалъ бы это, не взирая ни на какія угрозы... Много смѣшного и противнаго въ томъ фактѣ, что испугались или моего взгляда, или произвольнаго движенія, которымъ достаютъ носовой платокъ... Да, тутъ много дикаго и унижительно, только для кого? Впрочемъ, чего удивляться, чего не бываетъ нынче на свѣтѣ?

Для меня лично скверно то, что я стерпѣлъ многое, чего можетъ-быть не должно бы терпѣть, я пережилъ увозъ больныхъ женщинъ, и именно теперь, послѣ того, какъ все это я продѣлалъ съ своимъ сердцемъ и терпѣніемъ, вдругъ мнѣ приписывается роль «мстителя», отъ которой я сознательно, по опредѣленнымъ мотивамъ, отказался. Конечно, въ этомъ есть иронія судьбы.

При первыхъ слухахъ ты, можетъ-быть, не будешь знать, какъ къ нимъ отнестись, я не хочу, чтобы вы, мои родные и близкіе, считали за мной ту заслугу, которой я не заслужилъ...

Я бы за честь считалъ для себя признать ее за собой, но не имѣю на то права...

2.

19 февраля.

Родная моя. Считаю обязательнымъ для себя поскорѣе увѣдомить тебя обо всемъ происшедшемъ у насъ, чтобы свѣдѣнія, полученные изъ газетъ и другихъ постороннихъ источниковъ, не причинили тебѣ излишняго безпокойства...

Я уже писалъ тебѣ о давно полученномъ распоряженіи губернатора выслать отсюда въ Мальцевскую нашихъ женщинъ. Цѣлый мѣсяцъ вопросъ оставался висѣть въ воздухѣ, потому что начальникъ Зуб—кій не рѣшался лишить больныхъ женщинъ той ничтожной гарантіи, которая представляется каторжнымъ закономъ послѣднему головному мужчигѣ. Зуб—кій все ждалъ пріѣзда врача, который бы засвидѣтельствовалъ болѣзнь.

Недѣли полторы тому назадъ сюда наѣзжала изъ управленія коммисія для освидѣтельствванія здоровья уголовныхъ. Казенный каторжный врачъ Рогалевъ осмотрѣлъ, между прочимъ, и женщинъ и нашелъ здоровье Сп—вой, Ез—кой и Шк. въ такомъ состояніи, что зимній переѣздъ для нихъ былъ прямо недопустимъ. И если бы это были простыя уголовныя бабы, конечно, послѣ такого діагноза никакая властная рука не рѣшилась бы посылать этихъ бабъ на вѣрную смерть. Но, вѣдь, то были не уголовныя бабы—чего стѣсняться съ такими, какъ Сп—ва, Шк...

Мы одно время надѣялись, что инцидентъ благополучно исчерпанъ. Наивныя души, у насъ еще осталась крупица вѣры, что есть все-таки предѣлъ произволу. И, конечно, жестоко ошиблись въ своей дѣтской наивности. Всего черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда коммисіи, во главѣ съ помощникомъ начальника каторги Ивановскимъ, 11-го февраля нашъ начальникъ получилъ категорическое предписаніе: завтра же отправить всѣхъ женщинъ, не дѣлая исключенія и больнымъ. На случай протеста предлагалось примѣнить всѣ средства...

Что оставалось дѣлать? Для всѣхъ насъ казалось прямо недопустимымъ подчиниться дикости, посылающей на смерть нашихъ товарищей. Тѣ женщины, которыя чувствовали себя болѣе или менѣе здоровыми, конечно, соглашались ѣхать, но онѣ и мы умоляли нашихъ больныхъ дать намъ право отстаивать ихъ хотя бы цѣною нашей жизни. Намъ удалось убѣдить Сп—ву и Шк. остаться. 12 утромъ мы скрѣпя сердце попрощались съ уѣзжавшими. Теперь оставалось ждать, что-то будетъ. Начальникъ Зубковскій рѣшился послушаться категорическаго предписанія, шедшаго вразрѣзъ съ закономъ, и не отправилъ больныхъ.

12-го, ночью меня и Петруся неожиданно вызвали въ женскія одиночки, подъ предлогомъ, что Марусѣ дурно. Придя, мы увидѣли тамъ чиновника, который объявилъ, что онъ командированъ выслать и остав-

шихся женщинъ, чего бы это ни стоило. «Въ случаѣ безпорядковъ въ тюрьмѣ я прикажу стрѣлять». Маруся и М. М. принялись умолять насъ снять съ нихъ тяжелый долгъ сопротивленія произволу и, такимъ образомъ, вызвать разстрѣлы. Добрая мамочка, вѣдь твоё сердце давно поняло, что нашъ терроризмъ похожъ на кроткость лица сравнительно съ той чисто-животной безграничной свирѣпостью, которою отличаются тѣ, на кого падаютъ наши террористическіе удары... Двѣ дѣвушки-террористки не захотѣли быть причиною пролитія крови изъ-за нихъ. А у насъ, двухъ мужиковъ, не хватило силы рѣшить вопреки волѣ дорогихъ людей... Мы кое-какъ собрали и одѣли въ наше мужское платье увозимыхъ и простились съ ними среди глубокой ночной тишины *)...

На утро, послѣ кошмарной ночи, насталъ кошмарный день. Тотъ же ночной герой, оказавшійся начальникомъ алгачинской тюрьмы Бородулиннымъ, приступилъ къ введенію реформъ. Вся тюрьма переполнилась вооруженными солдатами, слышались переговоры Бор—на съ войсками: «Будьте хладнокровны и стрѣляйте въ случаѣ малѣйшаго протеста, — только не пощадите въ надзирателей, — это не входитъ въ мои планы». На глазахъ нашихъ старость, собравшихся переговорить, Бор. игралъ браунингомъ и говорилъ: «Моя специальность наводитъ лоскъ по тюрьмамъ... Я былъ въ Ригѣ, Алгачахъ, таперь здѣсь. Я знаю, что меня могутъ убить, но я не боюсь и пройду по вашимъ трупамъ.»...

Вся пышная демонстрація грубой силы, продѣланная такъ торжественно г. Б., оказалась, въ сущности, совершенно излишней, потому что не до защиты своихъ ногъ отъ кандаловъ было людямъ, у которыхъ только-что выкрали Сп—ву. Насъ заковали, переодѣли въ арестантское платье, заперли по камерамъ, пуская на прогулку часа на 2—3 въ день... 5 дней пробылъ у насъ каратильный начальникъ, а мы пережили такъ много, какъ будто прошли цѣлые годы... Приведя тюрьму въ порядокъ, Б. вчера, наконецъ, уѣхалъ... Пока начальство у насъ остается старое и дальнѣйшихъ переменъ не предвидится. Но надолго ли сохранятся остатки тѣхъ удобствъ, которыя у насъ еще остались (книжки, газеты), ничего опредѣленнаго не скажешь.

Дорогая моя! Вотъ и все, что произошло у насъ. Если это пережили, значитъ, много въ насъ живучести. Все переживемъ, все перетерпимъ во имя свѣтлаго будущаго. Будь спокоинъ.

Въ эти тревожные дни намъ выпала великая радость: наконецъ, Пепрусь, просидѣвши лишній годъ, выпущенъ на поселеніе. Сегодня его отправили на мѣсто, въ Баргузинскій округъ. Въ пути онъ пробудетъ около мѣсяца...

*) Уѣхавшія упрекъ женщины ожидали, какъ потомъ оказалось, Сп. и Шк. въ Алеко-заводѣ.

3.

23 марта.

Родная ненаглядная мамочка! Сердце больно сжимается, когда вспоминаю тебя и подумало, какъ ты страдала и еще будешь страдать при полученіи извѣстій о нашихъ исторіяхъ. Опнова и снова тебѣ приходится переживать смертныя муки и, можетъ быть, для тебя было бы легче, если бы тебѣ тогда, въ 1904 году, пришлось пережить ужаснѣйшее изъ материнскихъ страданій, за то уже послѣднее... А теперь, волей случайности, я остался жить, и твои муки будутъ длиться еще долго-долго, до того великаго момента, когда окончатся страданія всѣхъ матерей, въ томъ числѣ твоей общей матери—родинины... Родная... У меня нѣтъ силы нашептывать тебѣ успокоительныя слова: чему они помогутъ? Старайся помнить, что все, чѣмъ бы ни подарила меня судьба, все это будетъ лишь необходимымъ послѣдствіемъ моего служенія дѣлу, святому для меня, дорогому паче жизни, и, помня это, ты поймешь, что во всѣхъ испытаніяхъ, какія бы ни выпали на мою долю, я буду бодръ, спокоенъ и, по своему, счастливъ, а въ сознаніи этого ты найдешь для себя источникъ силъ, вѣры, бодрости и успокоенія... Христосъ-страдалецъ, котораго мы съ тобой такъ любимъ, велитъ мнѣ поступать такъ, какъ я поступала, и, вѣря въ Христа, ты не должна оплакивать меня.—Много разъ я говорилъ тебѣ, милая мамочка, объ этомъ и поэтому не стану подробно распространяться, хотя теперь тебѣ нужна, можетъ быть, вся сила твоей вѣры...

Не знаю, въ какомъ видѣ дошли до тебя слухи о нашихъ исторіяхъ. Отправляясь сюда, я писалъ тебѣ, за что меня перевели изъ Акатуй... Телеграммы, полученныя мною 18 числа отъ тебя и тетушки М. С. съ запросами о моемъ здоровьѣ, подсказали мнѣ то, чего не было въ ихъ краткихъ словахъ, то, что ты въ смертельной тревогѣ... Я не могъ раньше писать тебѣ, потому что все ждалъ какого-нибудь конца, хорошаго или дурного, тому положенію вещей, которое началось съ перваго же момента нашего прибытія сюда... Мнѣ не хотѣлось ни напрасно заранее тревожить тебя, ни успокаивать ложными сообщеніями, что у насъ «все благополучно»... Теперь я рѣшилась, наконецъ, описать тебѣ все пережитое нами и даю тебѣ слово, что буду правдивъ. Было бы нелѣпо пытаться что-нибудь скрыть отъ тебя, когда наши событія дѣлаются достояніемъ всей Россіи... Итакъ, вѣрь мнѣ.

Мы не ошиблись въ своихъ предположеніяхъ, съ которыми покинули Акатуй: насъ везли въ Алгачи, чтобы на нашей шкурѣ испытать всю силу каторжной инструкціи. Что для заключенныхъ въ друтихъ тюрьмахъ Перч. капрони оставалось мертвой буквой, то для насъ должно было превратиться въ реальныя формы дѣла... По инструкціи арестантамъ полагаются имѣть короткіе волосы, ходить въ сѣромъ казенномъ платьѣ, и вотъ рѣшили обстричь и переодѣть насъ въ первый же моментъ нашего всту-

пленія въ Алгачи. Напрасно мы, ссылаясь на усталость и очень позднее время нашего прибытія, заявляли, что на слѣдующее утро мы сами острижемся, и что собственныхъ вещей у насъ почти нѣтъ, кромѣ того, не многого, что у нѣкоторыхъ имѣлось на себѣ: на наши заявленія намъ отвѣтили, что, если мы не дадимся добровольно, насъ остригутъ и переодѣнутъ насильно... Итакъ, насиліе съ перваго же шага, и какое бессмысленное, совершенно безцѣльное насиліе... Предвидя, что это только первое звено въ цѣломъ рядѣ другихъ насилій, которыя не заставятъ себя ждать, мы не считали себя въ правѣ уступить безмолвно въ самомъ началѣ. Насъ вводили поодиночкѣ въ канцелярію, гдѣ уже находилась вся тюремная администрація, во главѣ съ Бородулинымъ (начальн.). Грубо кричали: «шапку долгой», приказывали раздѣться, обращались на «ты». Конечно, невозможно было безъ протеста повиноваться такому грубому, вызывающему обращенію, а когда человекъ заявлялъ протестъ и отказывался повиноваться, по приказу Бор-на выскакивали изъ засады солдаты, срывали шапку, одежду, обнажали до нага и затѣмъ насильно стригли... Бородулинъ бѣсновался, оралъ, прозился, что «снѣ сумѣетъ умирить насъ, что отъ насъ костей не останется», приказывалъ солдатамъ «бить пригѣздами, въ голову»... Двухъ первыхъ товарищей, Штильмана и Рыбникова, особенно перваго, дѣйствительно избили (что касается меня, то со мной почему-то обошлись деликатнѣе, чѣмъ съ другими)... Послѣ моего отказа остричься, меня лишь посадили на стулъ... Не били и не ругали,—это, правда, мамочка... Переодѣванье въ общемъ длилось нѣсколько часовъ, и только къ полуночи мы снова очутились всѣ вмѣстѣ въ отведенной для насъ камерѣ. Тутъ изъ взаимныхъ разсказовъ передъ нами ожила вся картина пережитаго нами насилія. Было тяжело пережить даже начало, а что еще сулило будущее?.. Утромъ мы узнали, что посажены въ тотъ же корпусъ, гдѣ сидѣли другіе политики, преимущественно солдаты—ихъ здѣсь до 50-ти человекъ. И что удивительно: насъ въ ночное время, не давши отдохнуть съ дороги, при помощи прикладовъ стригли и переодѣвали, а мѣстные политики почти всѣ ходили въ своемъ бѣльѣ, своемъ платьѣ и съ вольно растущими волосами. Не доказывало ли это, что приемъ былъ сдѣланъ со спеціальной цѣлью поиздѣваться надъ нами?.. Въ будущемъ мы не могли ждать ничего хорошаго; каторжную интеллигенцію мы хорошо знали, содержаніе кровавыхъ циркуляровъ главнаго тюремнаго управленія тоже и не только для насъ, но даже для самихъ авторовъ «кровавыхъ циркуляровъ», было совершенно ясно и понятно, что люди съ чувствомъ собственного достоинства подчиниться режиму инструкцій и циркуляровъ не могутъ... Намъ навязывали борьбу, и мы не могли уклониться отъ нея... Съ нами хотѣли говорить на «ты», отъ насъ требовали снимать шапку при появленіи начальства, вскакивать по командѣ «смирно», строиться на повѣрку. Ничего изъ этого мы допустить не могли. Первый же, явив-

шійся къ намъ, помощникъ притрогилъ намъ, что насъ «заставятъ» по-виноваться... Прибывши въ Алгачи въ ночь на 3-е число, мы тревожно провели дни 3-го и 4-го марта, ежеминутно ожидая появленія палача. Мы были увѣрены, что онъ придетъ, и отъ этого прихода ожидали самаго худшаго. Онъ пришелъ только 5-го числа. Случайно встрѣтившись съ товарищемъ Рыбниковымъ въ коридорѣ, Бор. потребовалъ, чтобъ тотъ снялъ передъ нимъ шапку. За отказъ товарища повели въ карцеръ. Ожидая, что въ карцерѣ съ товарищемъ могутъ сдѣлать что-нибудь ужасное, мы потребовали къ себѣ Бор., грозя, если онъ не явится, выбить двери. Онъ явился съ вооруженными солдатами. «Смирно, встать. Шапки долой». Мы шапокъ не сняли и остались сидѣть. Заявили: «Мы столь же виновны, какъ нашъ товарищъ. Верните намъ его или возьмите всѣхъ насъ въ карцеръ». Бор. отвѣтилъ: «Вы арестанты, смѣете еще разсуждать... Возьму, кого захочу», и приказалъ солдатамъ взять сидѣвшихъ съ краю. Мы бросились къ указаннымъ товарищамъ и схватились за нихъ. Солдаты стали бить прикладами. «Розогъ!»—крикнулъ Бор., и розги были принесены... Мы всѣ еще крѣпче сжались, схватились рука за руку и закричали, подставляя грудь: «Убей насъ, палачъ, разстрѣляй, но ты не посмѣешь оскорбить насъ». Солдаты снова кинулись на насъ и принялись бить прикладами, кулаками, упавшихъ топтали ногами... Черезъ нѣсколько минутъ бойня кончилась; одного товарища отняли и утащили куда-то, не то для истязаній, не то въ карцеръ. На окровавленномъ полу валялось нѣсколько чловѣкъ: одинъ лежалъ лицомъ, не двигаясь, какъ убитый, на головѣ другого зияла кровавая рана, на лицѣ третьяго кровь, а одинъ, схватившись за трудъ, корчитоя отъ боли и диико стонеть; еще одинъ бьется въ истерикѣ. Передъ нами стоятъ наши палачи-солдаты, а за ихъ спинами прячется главный палачъ Бородулинъ. Картина ужасная, проживи въкъ—не забыть ея. Спусти нѣсколько мгновеній молчанія Бородулинъ отдаетъ приказаніе отнять у насъ постели, чай, сахаръ... «Пускай сидятъ въ свѣтломъ карцерѣ». И ушелъ... На этотъ разъ что-то удержало палача привести въ исполненіе свой гнусный замыселъ относительно розогъ... Мы очутились въ свѣтломъ карцерѣ (это наша же камера, съ лишеніемъ постелей и горячей пищи), а двое товарищей—Рыбниковъ и отнятый во время бойни—въ темномъ. Намъ удалось пережить и это вторичное насиліе. Послѣ него самая смерть казалась намъ желательной, и въ теченіе первыхъ нѣсколькихъ дней мы ожидали, что сна не замедлитъ. Что, кромѣ смерти, могъ еще придумать для насъ Бородулинъ? Но послѣ 5-го числа Бородулинъ не являлся, и мы мало-по-малу начали успокаиваться. Въ эти ужасные дни много теплой радости доставило намъ сочувствіе всей тюрьмы, какъ политическихъ, такъ и уголовныхъ—первыхъ мы удерживали отъ вѣшателства въ нашу борьбу съ начальникомъ. Уголовные принимали всѣ мѣры, чтобы поскорѣе сообщить на волю о происшедшемъ, посылали

телеграммы къ прокурору, губернатору и еще куда-то. Нѣсколько такихъ сообщеній провалилось и попало въ руки Бородулина, такъ что онъ можетъ судить о настроеніи тюрьмы и волей-неволей долженъ считаться съ нимъ...

Теперь наши дѣла имѣютъ такой видъ... Наше карцерное положеніе кончилось. Намъ вернули постели и казенную горячую пищу, но за то, что мы попрежнему не встаемъ передъ палачомъ, насъ лишили переписки и пользованія собственными деньгами, книгами... Бородулинъ явно обнаруживаетъ желаніе миловать насъ, если бы оказали знаки смиренія. Даже пробовалъ вступить въ переговоры, но наше право не ломать шанки передъ палачомъ, мы купили такой дорогой цѣной, что продать его теперь за ласковыя слова Бородулина, и за кое-какія подачки мы не можемъ... Будемъ пока сидѣть безъ книгъ, безъ писемъ (по этому письму вы видите, что это зло уже не столь большой руки), на одной казенной баландѣ—все это сравнительно пустяки, за то мы чувствуемъ величайшее удовлетвореніе, когда Бородулинъ, обходя всю тюрьму, избѣгаетъ заглянуть въ нашу камеру, когда мы видимъ, что во время ловѣрки намъ уже не кричатъ «стройся», а помощники входятъ безъ команды «смирно».

Что случитъ намъ будущее? Не станемъ заглядывать въ него, потому что оно внѣ нашей власти. Можетъ-быть, хуже того, что было, уже не будетъ. У насъ нѣтъ желанія вызывать смерть, мы еще молоды, полны силъ и чувствуемъ, что еще могли бы пригодиться для жизни. Поэтому, если наши враги не захотятъ насъ убить или довести до смерти, мы будемъ жить и вынесемъ самыя неблагоприятныя условія неволи. Несмотря на всѣ пережитые ужасы, я чувствую себя здоровымъ, бодрымъ и сильнымъ... По счастливой случайности я в 5-ю числа остался совершенно невредимъ (даю тебѣ честное слово, мамочка, что это правда)... Раны товарищей Ошко и Кунина зажили, но на долю моего земляка Гиднокурова выпало самое тяжелое... Отъ приклада въ грудь у него бываетъ кровохарканіе, затѣмъ припадки... О, эти ужасные припадки, когда онъ бьется въ судорогахъ, бредитъ, снова переживая страшную картину бойни, и рвется куда-то, еле удерживаемый нами на мѣстѣ. Душа болитъ видѣть его страданья... Бѣдная его мать... Постарайтесь успокоить ее. Докторъ, осматривавшій Степана, увѣряетъ, что припадки не имѣютъ эпилептического характера и, слѣдовательно, не угрожаютъ превратиться въ постоянное явленіе: они пройдутъ, какъ только намѣнятся условія, вызвавшія неренне потрясеніе...

Изъ Мальцевской тюрьмы до насъ доходятъ тревожные слухи, что женщины закованы и поставлены въ ужасныя условія заключенія, что у Спиридоновой кровохарканіе не прекращается и она не встаетъ съ постели, что Школьникъ въ дорогѣ простудилась (а у ней чахотка)... Намъ было тяжело пережить наши испытанія, а когда дойдутъ до нихъ

слухи о случившемся здѣсь, онѣ будутъ въдесятеро мучиться за меня... И написать имъ не могу. Просто душа болитъ.

Ну, вотъ, родная моя, я написалъ тебѣ правдиво, что у насъ было, и какъ теперь обстоятъ наши дѣла. Зная истину, ты по крайней мѣрѣ не должна преувеличивать ее въ дурную сторону. До сихъ поръ судьба, несмотря на всѣ злключения, попрежнему неизмѣнно благоприятствуетъ мнѣ: я все еще невредимъ, цѣль и здоровъ и, можетъ-быть, настанетъ время, когда я, претерпѣвши многое, вернусь живой, чтобы обнять тебя и сказать: «Родная, теперь мы будемъ неразлучны, успокой свою сѣдую милую голову на моей груди, моя безцѣнная, многострадальная мать»... Ахъ, если бы когда-нибудь настало это блаженное время... Въ надеждѣ на него, будемъ бодро и стойко переживать тревоженія настоящаго...

Родная, пока не пишете мнѣ, потому что вашихъ писемъ все равно не передадутъ въ мои руки. Я, съ оной стороны, буду пользоваться всякой возможностью, чтобы писать вамъ. Когда можно будетъ писать, я сообщу. Въ ожиданіи самаго сквернаго конца, я послалъ вамъ соответствующую записку. Не волнуйтесь, читая ее. Теперь дѣла пока не такъ плохи, какъ казалось первое время...

4.

15 апрѣля.

...12-го числа я получилъ вашу вторую телеграмму со справкою о здоровьѣ. Мнѣ кажется, она подана вами сейчасъ же по полученіи моего письма. Хотя въ томъ письмѣ мало радостнаго, но все-таки вы должны были съ радостью прочесть его, потому, что оно опровергало преувеличенные слухи о нашихъ событіяхъ. Надѣюсь, это письмо доставитъ еще побольше радости...

За все это время у насъ ничего новаго не случалось, а развѣ это не хорошій признакъ, принимая во вниманіе, что ни мы, ни Бор. не измѣнились и не измѣнили своего поведенія? Не значить ли это, что Бор—ну отдавъ приказъ свыше работать полегче. Правно, кажется, такъ и кажется, самое страшное уже миновало.

Въ началѣ апрѣля въ тюрьму пріѣзжалъ иркутскій генералъ-губернаторъ Селивановъ. Его пріѣздъ сошелъ благополучно и ничего новаго намъ не далъ. Выходя изъ нашей камеры, онъ спросилъ Бор—на: «Саз. не былъ раненъ и не лежалъ въ лазаретѣ? И газетныя сообщенія о немъ все врало?»... Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Значить, въ газетахъ писали, что я опасно раненъ... Родная мамочка, какія муки переживала ты, когда до тебя дошли слухи о моей мнимой болѣзни. Но ты не должна особенно обвинять газеты, во-первыхъ, потому, что онѣ не могли своевременно узнать настоящей правды, а во-вторыхъ, потому что, можетъ-быть, только благодаря набату, поднятому газетами, мы опаслись отъ даль-

нѣйшихъ истязаній Бор. Не стану повторять новыхъ увѣреній, что я остался совершенно цѣль и невредимъ...

Вскорѣ послѣ отъѣзда генераль-губернатора у насъ начались разговоры съ начальникомъ каторги, Метусомъ, который захотѣлъ разслѣдовать случившееся и узнать всю правду. Мы дали ему подробное описаніе избіеній. Онъ былъ очень любезенъ и нисколько не похожъ на Бор—на. Но это вѣжливость только покрышка того же содержанія: вѣдь Бор. является простымъ исполнителемъ приказаній этого вѣжливаго господина, въ чемъ передъ нами признались какъ Бор., такъ и самъ г. Метусъ.

Понятно, зачѣмъ Метусу понадобилось производить разслѣдованіе: просто для того, чтобы найти законное оправданіе поведенія Бор—на. Но этого, вѣдь, и искать не надо, само собою разумѣется, что Бор. законно прибѣгалъ къ силѣ, потому что мы оказывали сопротивленіе. Мы вѣдь, не скрывали, что сопротивлялись. Пусть Метусъ и министры ищутъ себѣ оправданія въ законѣ, а общество должно разсудить, законенъ ли самый законъ. Мы не можемъ подчиниться тому закону, повиновенія которому отъ насъ требуютъ. Мы открыто и смѣло подняли возстаніе противъ всего російскаго режима, а тутъ еще хотятъ судить о нашемъ поведеніи съ точки зрѣнія законовъ этого режима. Вся сущность нашихъ продолжительныхъ собесѣдованій съ М. клонилась къ тому, что онъ доказывалъ законность, а мы старались заставить его понять, наконецъ, ту простую мысль, что онъ не долженъ гнаться за законностью, если не хочетъ борьбы съ нами. Онъ увѣрялъ насъ, что жизнь наша находится въ безопасности, что «они» заботятся о насъ. Поживемъ—увидимъ, кто и какъ о насъ заботится...

Едва успѣла кончиться канитель съ начальникомъ каторги, какъ началась новая: пріѣхалъ изъ Читы прокуроръ и тоже началъ разслѣдованіе. Пошли тѣ же разговоры... Все это очень надоѣло и опротивѣло и, кажется, уже окончательно закончилось. Разслѣдованіе сдѣлано, и теперь «законъ» можетъ произвести свой «справедливый» приговоръ, а общество можетъ высказаться о самомъ законѣ.

Такъ обстоятъ наши дѣла въ данный моментъ. Какъ видите, перемѣнъ къ лучшему нѣтъ, но за то можно надѣяться, что вѣжливое обращеніе завоевано нами окончательно. Врядъ ли еще разъ осмѣлятся оскорблять насъ,—это для насъ самое важное. Надъ нами все еще тяготѣетъ наказаніе: не разрѣшаютъ переписки, не даютъ книгъ, лишаютъ права пользоваться своими деньгами. Конечно, во всемъ этомъ пріятнаго мало, и не такъ много ужь и плохого. Подождемъ того времени, когда все кончится къ лучшему. А кончиться къ лучшему должно же когда-нибудь, рано или поздно. Я еще бодръ и могу ждать, хватило бы силы у васъ, мои дорогие...

5.

3 іюня.

...Хочу объ одномъ поговорить съ вами. Можетъ - быть, это лишнее, тогда не сердитесь. Я знаю, что въ наше тяжелое время многіе падаютъ духомъ. Подъ вѣтомъ своего личнаго горя забываютъ о томъ, что раньше цѣнили выше жизни. Мнѣ извѣстно, что теперь началось повѣтріе среди родителей заключенныхъ; часто, безъ вѣдома своихъ осужденныхъ дѣтей, они начинаютъ хлопотать о смягченіи ихъ участи. Я довѣряю вамъ и знаю, что вы безъ моего согласія не сдѣлали ни одного шага на этомъ пути. Во всякомъ случаѣ вы знаете меня и должны понимать, что своими хлопотами вы добились бы не облегченія, а отягченія моей участи, ибо неожиданнымъ подаркомъ заставили бы меня одѣлать что-нибудь такое, что надолго бы отдалило моментъ нашего свиданія. Прошу васъ и требую отъ васъ всегда помнить, что я ничуть не измѣнился сравнительно съ тѣмъ, кѣмъ вы меня видѣли осенью 1904 г. и потомъ въ 1906 г. Для меня никакіе подарки не мыслимы, недопустимы. Еще разъ простите за это замѣчаніе. Намъ всѣмъ,—мнѣ и вамъ, мои безцѣнные, будетъ лучше, если вы не поддадитесь искушенію, которому теперь поддаются многіе изстрадавшіеся родители. Вѣрьте только въ мою вѣру и бодрость, крѣпитесь сами и будемъ ждать стойко и честно. Если дождемся, будемъ такъ счастливы, что позабудемъ о всѣхъ прежнихъ страданіяхъ. Если же не дождемся, найдемъ утѣшеніе въ сознаніи того, что каждый изъ насъ жилъ такъ, какъ того требовали отъ него совѣсть и его Богъ.

Я знаю, что Вы любите меня особенною любовью, тою, которая не закрываетъ отъ вашихъ глазъ, что много на свѣтѣ страдающихъ матерей, матерей еще болѣе несчастныхъ, чѣмъ ты, мамусенька. Ты уже умѣешь жить горемъ этихъ неутѣшно страдающихъ и умѣешь находить забвеніе отъ своего личнаго горя въ мысли о нихъ. За это и я люблю тебя особенною любовью, болѣе высокою и жгучею, чѣмъ когда-то. Я преклонюсь передъ тобою, моя страдающая мама; мысль о тебѣ высоко поднимаетъ меня и повелѣваетъ мнѣ быть честнымъ до конца. Если бы я теперь согрѣшилъ, я сдѣлался бы преступникомъ по отношенію къ тебѣ, потому что чѣмъ бы я тогда оправдалъ тѣ великія страданія, которыя ты изъ-за меня перенесла и переносишь? Понимаешь ли ты меня, моя дорогая, моя хорошая мамочка?..

6.

8 іюля.

...Слышалъ, что вы собираетесь пріѣхать сюда и будто бы даже хлопчете о свиданіи. Родная, добрая мамочка, мнѣ очень тяжело, но я прошу, настойчиво прошу тебя, ради Бога и самое себя, не рискуй своимъ здоровьемъ. Свиданія, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они

должны будутъ происходить здѣсь, измучать тебя физически и нравственно. Ты уѣдешь отсюда, не получивши никакого удовольворенія, еще съ большею тоскою въ душѣ. А я? Обо мнѣ ужъ лучше и не говорить. Видѣть тебя страдающею на почвѣ самыхъ вѣжныхъ и ювятыхъ твоихъ чувствъ, для меня невыносимое зрѣлище, это слишкомъ большое испытаніе для моей выносливости... Родная, будемъ какъ можно меньше зависемы отъ другихъ. Не станемъ искать милостей, ради Бога, не надо ихъ... Если ты подумаешь, чего будутъ стоить свиданья тебѣ и мнѣ, ты согласишься со мной, что лучше не пускаться въ такой далекій путь. Здѣсь не Москва и даже не Шлиссельбургъ, мамочка...

7.

20 июля.

Родной, дорогой мой, прости меня за ту мучительную сцену, которую тебѣ пришлось пережить, благодаря тому, что я совершенно превратился въ бабу и не могъ совладѣть съ своими развинченными нервами.

Но вѣдь я просилъ и умолялъ, чтобы ни мама, ни ты, никто изъ родныхъ не пріѣзжалъ сюда, не могу я больше выносить такихъ свиданій...

Не беспокойся обо мнѣ: расшалились нервы, а такъ я здоровъ. Прости, голубчикъ, пойми меня и прости, уѣзжай и не безпокой маму. Цѣлую и обнимаю тебя. Ты знаешь, какъ люблю я тебя, и не припишешь жестокости по отношенію къ тебѣ.

О полученіи этого письма и о своемъ отъѣздѣ увѣдомъ меня. Еше разъ прости меня, не обвиняй въ капризахъ и жестокости...

8.

2 августа.

...О себѣ ничего не пишу. Надѣюсь, что скоро напишу болѣе подробное письмо. А пока—я здоровъ, цѣль и невредимъ... Открѣтъ нашъ, на удивленіе, въ полномъ цвѣту: есть огурчики, рѣдька, морковь, рѣпа, горохъ, бобы, укропъ и помидоры (для супа), съѣли прекрасную, душистую редиску. И все это благодаря заботливости добрейшей въ мірѣ тетушки М. С. А вотъ съ цвѣтникомъ неудача: кое-что вошло и расцвѣло, чтобы черезъ какіе-нибудь полмѣсяца повянуть, а большинство высадковъ такъ и не успѣетъ увидѣть сибирскаго солнца полными расцвѣтшими глазами...

9.

7 августа.

Мои добрые, мои старенькіе папа и мама. Вотъ шлю вамъ цвѣтокъ эдельвейсъ. Посмотрите, какой онъ чистый, какъ - будто сѣдой или серебряный. Это потому, что растетъ онъ въ горахъ, гдѣ много солнца

и свѣта и откуда открываются далекія дали... Горный воздухъ дѣлаеть его серебрянымъ, а дни—сѣдымъ, ибо, видя далеко, онъ знаетъ, какъ много горя на свѣтѣ, и сѣдѣеть... Вы думаете, я ни съ тою ни съ сего взялъ да и послалъ вамъ этотъ цвѣтокъ. Нѣтъ, на то есть причины: во-первыхъ, онъ принадлежитъ вамъ по праву, вѣдь онъ выросъ, ожидая васъ и надѣясь, что вы сами, своими ручками, сорвете его, бродя по здѣшнимъ сопкамъ; а во-вторыхъ,—и это главное,—мнѣ прислали два фотографическихкихъ снимка, и на одномъ изъ нихъ, въ кучѣ родныхъ, вы оба. Папа сѣдой, какъ лунь, серебряный, какъ вотъ этотъ цвѣтокъ. Онъ сѣдѣеть, видно, не по днямъ, а по часамъ. И ты, моя мамусенька, тоже дѣлаешь успѣхи въ достиженіи морщинъ. Ты хитренькая: взяла да покрыла голову платочкомъ, чтобы не видно было, какъ ты посѣдѣла. Нѣтъ, я шучу, конечно, знаю, что носишь платокъ по другой причинѣ. Снимокъ отчасти, конечно, самымъ туманнымъ, скуднымъ образомъ удовлетворилъ моей мечтѣ—повидать васъ. А свои поцѣлуи, которые я хотѣлъ бы дать лично вамъ, я долженъ послать на бумагѣ. И такъ, глѣдую и обнимаю васъ, мои безцѣнные, дорогой мой, добрый папа, милая моя ненаглядная мамусенька. Будьте здоровы и живите долго, долго. Я живу постарому.

Ну, до свиданья, когда-нибудь и какъ-нибудь. Привѣтъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Еще разъ обнимаю.

10.

22 августа.

...Ты уже нѣсколько разъ спрашивала въ своихъ письмахъ, не нуждается ли я въ чемъ-нибудь. Мудрено на это отвѣтить просто «да» или «нѣтъ». Отвѣтить «нѣтъ», будетъ ложь, отвѣтить «да»,—но вѣдь въ помощь не въ силахъ, потому что нуждается не я одинъ, а сотни товарищей, сотни находящихся только въ Нерчинской каторгѣ. Раньше каждый изъ насъ имѣлъ хоть возможность тратить по 3 р. ежемесячно (конечно, покупая только самое необходимое: чай, сахаръ, мыло, марки). Теперь же траты сокращены до 1 р. 50 к., и уже пришлось отказаться отъ фамильнаго чая (здѣсь очень дешево, по 50—60 к. за фунтъ) и довольствоваться казеннымъ кирпичнымъ. Финансовыя дѣла наши такъ плохи, что затруднительно послать лишнее письмо!. Сами посудите, что можетъ оповѣстить любой изъ насъ, когда его спрашиваютъ, не нуждается ли онъ? По чистой совѣсти я могу сказать тебѣ вотъ что, милая мамочка: насчетъ бѣлья и одежды вообще оставь всякую заботу: все равно напрасно потратишься, не выдадутъ мнѣ... Относительно денегъ я уговорился еще съ братомъ весной, чтобы мнѣ присылали ежемесячно рублей по 15—20 на личные расходы: на марки, телеграммы, на то, чтобы выписать иной разъ необходимую книгу... Если вы будете

присылать мнѣ эти деньги регулярно, буду очень радъ и благодаренъ. Или такъ: возьми себѣ за правило въ каждомъ своемъ письмѣ прилагать по 4 семикопеечныхъ марки на два отвѣтныхъ письма... А телеграммы посылайте съ оплаченнымъ отвѣтомъ... Тогда я буду чувствовать себя болѣе независимо въ отношеніи къ корреспонденціи...

Если бы мы жили поближе другъ къ другу, я иной разъ позволилъ бы себѣ роскошь попросить тебя прислать мнѣ что-нибудь. Но мы живемъ какъ - будто на двухъ отдѣльныхъ планетахъ, пересылка страшно дорога, и пропадаетъ всякая охота желать чего - нибудь...

11.

Гори. Зерентуй, 9 сентября.

...Снова можете поздравить меня съ новосельемъ. Еще не успѣлъ хорошо ознакомиться съ новымъ мѣстомъ, судя по первому впечатлѣнію, на этотъ разъ я не прогадалъ. Вы знаете, самое главное, чего я жажду, въ чемъ страшно нуждаюсь, это—чтобы хоть на время дали спокойно вздохнуть. Можетъ-быть, этотъ маленькій отдыхъ я здѣсь получу. Тюрьма большая, каменная, на манеръ російскихъ. Около сотни товарищей, въ одной камерѣ со мной до 40. Сижу на второмъ этажѣ и имѣю удовольствіе видѣть не стѣны, а кусочекъ воли: солки, деревню, движеніе людского муравейника. Въ камерѣ чистота, о которой заботятся сами товарищи, и, несмотря на многолюдіе, сравнительная тишина: публика усердно занимается, читаетъ, учится. Значить, и я могу погрузиться въ науку, за которой позабываешь о замкахъ и рѣшеткахъ. Родная, милая мамочка, тебя особенно прошу, не тревожь себя понапрасну предположеніями о моемъ переводѣ изъ Алтачей сюда: насколько нежелателенъ и зловѣщъ былъ прошлый переводъ изъ Акатуя въ Алтачи, настолько же желанно было новое перекочеванье. Вѣрь мнѣ, ничего страшнаго за этимъ переводомъ не скрывалось. Отъ Алтачей до Горнаго Зерентуя что-то около 330 верстъ я ѣхалъ цѣлую недѣлю, погода почти все время стояла чудесная, осенняя, и я только желалъ одного, чтобы путешествіе продлилось подольше, чтобы успѣть надышаться воздухомъ лѣсовъ, горъ и полей, насмотрѣться на развертывавшіяся передо мною широко-свободныя картины, но,—увы!—путешествіе кончилось, и я снова въ стѣнахъ... Здѣсь я нашелъ кое-кого изъ близкихъ друзей, но комъ тосковалъ въ Алтачахъ, отъ одного этого будетъ житья легче...

Получила ли ты, мамочка, мое послѣднее письмо, которое я послалъ передъ отъѣздомъ изъ Алтачей? Тамъ я объяснялъ, какъ поудобнѣе устроиться съ денежнымъ вопросомъ. Я просилъ въ каждомъ письмѣ прилагать марки для отвѣта, а телеграммы присылать не иначе, какъ съ оплаченнымъ отвѣтомъ. Здѣсь я человекъ, совершенно лишенный собственности: всякая вещь, каждая копейка, приходящая на чье-либо имя,

поступаетъ въ общее распоряженіе всѣхъ товарищей... Денежная чужда здѣсь страшная, все, что было, приходится къ концу, полученій ядуть не-откуда, а только въ этой тюрьмѣ слыше 100 человѣкъ товарищей... Впрочемъ, то же самое въ Акатуѣ и Алгачахъ. Моя просьба: не можетъ ли кто-нибудь изъ родныхъ, имѣющихъ беллетристическія произведенія русскихъ писателей (Тургенева, Достоевскаго, Толстого, Горькаго, Л. Андреева и др.), подѣлиться съ нами своими богатствами? За ли-сылку каждой такой книги буду очень и очень благодаренъ. Пностран-нымъ писателямъ: Гюго, Диккенсу, Золя и др. буду тоже очень радъ. Книжный вопросъ для насъ очень важный вопросъ, особенно, когда такъ плохо съ пищевымъ вопросомъ: хорошая умственная пища помогаетъ забывать о недостаткѣ физическаго питанія...

12.

7 октября.

...Не оплакивайте меня, не убивайте себя постояннымъ горестнымъ переживаніемъ моего положенія. Въ томъ-то и дѣло, что я свое положеніе въ дѣйствительности переживаю легче, чѣмъ вы въ вашемъ воображеніи. Благодаря этому перенесенію тѣхъ страданій, которыя долженъ былъ бы чувствовать я, но не чувствую, и которыя съ удвоенной остро-той переживаются вами, выходитъ то, что ваши силы расходуются бы-стрѣе моихъ. Принимая во вниманіе валу старость, этотъ фактъ кажется особенно печальнымъ и упрощающимъ...

Нѣсколько словъ о себѣ. Мало-по-малу я привыкаю къ новому мѣстожителюству. Единственный недостатокъ его, къ которому, кажется, такъ и не удастся привыкнуть, это многолюдіе и происходящій изъ него вѣчный шумъ. Спимъ на нарахъ вповалку, бокъ о бокъ; кажется, камеры переполнены выше всякихъ предѣловъ, но съ каждою недѣлею предѣлы все увеличиваются, какъ у резинового шара при надуваніи. Россія не устаетъ присылать къ намъ все новыхъ и новыхъ товарищей. Кого только тутъ встрѣчаешь такихъ хорошихъ людей, что сердце привязывается къ нимъ братскою любовью; случается, конечно, и проти-воположное: это неизбежно при многолюдіи. Представьте себѣ большую комнату: 10 шаговъ шириною и 13 длиною, 2 саж. высоты, въ четыре небольшихъ окна; вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ нары, сплошь занятые постелями; во всю длину камеры столъ, который, какъ мухамъ, облѣп-ленъ жителями комнаты во время обѣда и чая и не свободенъ въ обыч-ное время; каждое мѣстечко, идѣ свѣтлѣе, поближе къ лампѣ, беретъ съ бою... Вышность камеры производитъ благопріятное впечатлѣніе. Стѣны и потолокъ выбѣлены, а за чистотою пола мы сами наблюдаемъ. Въ солнечный день, когда сквозъ открытыя окна къ намъ, вобѣтъ съ чистымъ воздухомъ, льются золотые лучи и просторъ сопокъ, у насъ

становится даже весело. Пока еще стоять хорошіе осенніе дни: ясное небо днемъ даритъ тепломъ и свѣтомъ, такъ что забыть бы объ осени, еслибы не желтый, безжизненный фонъ сопокъ. Изрѣдка въ воздухѣ мелькають снѣжинки. Я нигдѣ не видалъ такой чудесной осени, какъ здѣсь, въ Забайкальѣ. Время проходитъ довольно безалаберно: шумъ, наполняющій камеру цѣлый день, даетъ возможность заниматься только въ немногіе часы поздняго вечера или ранняго утра. Другіе выработали способность заниматься, не смотря ни на какой шумъ, а я все еще не приспособился. Удивляюсь я нашей публикѣ: стѣны, неволя; у каждаго на волѣ страдаетъ какая-нибудь близкая, дорогая душа, пытаются скверно—и все-таки это такой веселый народъ, столько хранить въ себѣ бодрости, силы, что, глядя на него, еще больше вѣришь въ грядущее счастье. А твои личныя несчастья тонуть въ морѣ общаго, когда подумаешь, что всѣ они, твои товарищи, испытываютъ то же, что и ты. Можетъ-быть, вамъ испытанія даются потому и тяжелѣе, что вы страдаете въ одиночку. Если бы вы знали, какъ хорошо чувствовать себя частицей большого цѣлаго, не имѣть ничего своего: не только имущества, денегъ, куска хлѣба—все, все общее,—но и ощущенія своей отдѣльности: горе и радость—все общее... Если бы вы были способны понять и почувствовать все это, вы узнали бы секретъ, который дѣлаетъ насъ столь выносливыми и бодрыми, столь мало чувствительными къ тому, что тамъ, гдѣ-то на волѣ, принято называть личными несчастьями...

13.

12 ноября.

Изъ моихъ желаній писать вамъ исправно, кажется, ничего не выходитъ: то пишу по 2 раза въ недѣлю, то не берусь за перо по цѣлой недѣлѣ. Въ нашемъ положеніи люди становятся капризными. За днями напряженной энергіи и жизнерадостнаго веселья наступаетъ періодъ пониженнаго настроенія, когда всякое дѣло валится изъ рукъ. Знаешь, что небрежное отношеніе къ письмамъ больше отзывается на тѣхъ, для кого письма отъ насъ являются единственнымъ признакомъ того, что мы еще живы, и все-таки ничего не можешь подѣлать съ собой: лежишь, какъ истуканъ.

Дорогіе мои. Вы теперь, судя по вашимъ послѣднимъ письмамъ, должны быть въ Саратовѣ, всѣ вкупѣ. Я всегда заочно радуюсь, когда знаю, что вы наслаждаетесь счастьемъ быть всѣмъ вмѣстѣ... Такое громадное пространство между нами. И если бы только поверхностное. Но, вѣдь, и между нами, нашими сердцами, день за днемъ строится высокая стѣна. Вы живете своею жизнью, у васъ свои заботы, свои интересы. Я могу судить о нихъ, только усиленно напергая воображеніе. Тамъ у васъ новый домъ, торговля, дѣти. Какъ все это далеко...

А для меня теперь не существуетъ новыхъ домовъ, своихъ домовъ, торговли, семьи... Весь міръ наполненъ горемъ, кровью, стонами...

Но объ этомъ будетъ. Мы молоды и живы... День за днемъ наизывается цѣпь, которая тянется къ будущему.

Мы почти не замѣчаемъ этой длинной вереницы дней... Встаешь въ 7 час., сверкаетъ морозное утро, оно гонитъ поскорѣе приступить къ отбыванію ежедневной повинности. Прибираешь свою камеру, пьешь чай. Съ 9 до 12 чѣмъ-нибудь занимаешься: читаешь, пишешь, или просто бьешь баклуши. Въ 12 обѣдъ, по звонку, какъ въ тюрьмѣ, или на фабрикѣ. Послѣ обѣда чай. Обыкновенно приходятъ гости, товарищи изъ другихъ камеръ. Много шуму, много болтовни.

Снаружи веселье, а внутри кошки скребутъ: вѣдь, мы молодые, полные силъ, заброшены сюда, какъ отбросы въ яму, тогда какъ тамъ, за краями нашей ямы, измученная жизнь бьется въ судорогахъ, рождая новое. А мы принуждены сидѣть въ ямѣ, занимаясь пустяками.

Такъ проходитъ время до 2 час. Въ 2 я начинаю отправлять свои обязанности бібліотекаря. Кончаю въ 4, когда наша публика выходитъ на нашу «Невскій проспектъ». Это дворъ вокругъ тюрьмы. Съ 4 до 5, когда зимній день уже поблѣднѣлъ, морозъ крѣпнеть. Но наша публика не боится 25—32 гр. мороза. Здѣсь ихъ бояться не приходится, потому что это ежедневное явленіе...

Волна въ 150 человѣкъ заливаетъ Невскій проспектъ. Шубы, лѣтніе пиджаки, арестантскіе армяки—у кого что есть... Надъ веселой толпой, быстро поскрипывающей по мерзлomu снѣгу, виситъ паръ дыханія и шумъ голосовъ, смѣха... Совсѣмъ какъ на Центральной улицѣ нашей богоспасаемой Уфы... Иногда примутся въ снѣжки: кто боится тумановъ и снѣжной канонады, тотъ лучше и не показывайся въ такой моментъ. Въ 5 час. повѣрка, запираютъ камеры. Мы, четверо, пьемъ вечерній чай и затѣмъ до 10—12 час. молчимъ и усердно занимаемся каждый своимъ дѣломъ... Когда ложишься въ постель, въ душѣ остается непріятный осадокъ: вотъ еще одинъ безцѣльно проведенный день, тогда какъ на волѣ...

Еще полтора мѣсяца—время достаточное, чтобы обмѣняться съ вами письмомъ,—и вы будете праздновать Рождество, Новый годъ.

У насъ такъ мало разнообразія, что мы ничего не имѣли бы противъ, если бы наши родные прислали намъ чего-нибудь, чѣмъ добрые люди знаменуютъ святки. Но это не должно быть очень прихотливо, и затѣмъ надо помнить, что насъ свыше 150 человѣкъ. Впрочемъ, это, можетъ-быть, уже роскошь, такъ какъ у нашей публики нѣтъ самаго необходимого: бѣлья, книгъ и т. д., о чемъ я уже докучалъ вамъ. Мнѣ совѣстно, но общественная нужда заставляетъ быть нахальнымъ. Поэтому, извиняясь за упоминаніе о рождественскихъ прихотяхъ, я настоятельно прошу о присылкѣ холста, пестряди на бѣлье, потому что

эти вещи болѣе всего подходятъ, по своей крѣпости, дешевизнѣ и немаркости, къ нашимъ потребностямъ... Затѣмъ—книгъ, книгъ и книгъ...

14. (Женъ брата).

4 декабря.

...Я сообщалъ вамъ о томъ, какъ живетъ теперь каторга. Вы знаете о нашей июльской исторіи въ Алгачахъ: это было нѣчто болѣе скверное, чѣмъ издѣвательства Бор—на и Мет—са. Теперь я удивляюсь, какъ мы пережили мѣсяць безумія. Да, это было сплошное безуміе. Началъ съ того, что гроза напярнула на насъ неожиданно: кажется, Бор. былъ идеаломъ каторжнаго начальника и сумѣлъ-таки поставить режимъ въ Алгачахъ на должную высоту. Но только что онъ уѣхалъ, какъ его замѣститель, казакъ Измаиловъ, ни съ того ни съ сего, безъ всякаго вызова съ нашей стороны, начинаетъ новую эру вытягиванія жизни.

Теперь дѣло уже шло не объ исполненіи предначертаній вышшаго начальства, не о планомѣрномъ проведеніи въ жизнь каждой буквы инструкцій, а о разгулѣ безшабашнаго казацкаго самодурства, дѣйствующаго по принципу: я начальство и могу все дѣлать. Измаиловъ началъ съ того, что собственноручно избилъ одного товарища политика—за что? За то, что тотъ, раскляпявшись съ начальствомъ, осмѣлился надѣть шапку, чтобы освободить руки для работы. Онъ избивалъ прикладами, принуждая людей стоять такъ, какъ стоятъ солдаты въ строю. За то, что покрутишь въ его присутствіи усы—карцеръ и приклады. За то, что осмѣлишься говорить «г. начальникъ», вмѣсто «ваше благородіе»—карцеръ и приклады. Отказываешься идти въ церковь прислуживать при церемоніи, въ которую не вѣришь,—за это приклады и португези: «Нутека, молодчики, заставьте его пойти въ церковь»,—говорилъ онъ конвоинымъ про одного политическаго, отказывавшагося исполнять должность причетника, и «молодчики», снявши свои португези, погнавши бѣгомъ слушника; вѣдь, это немногимъ лучше розогъ, это уже тѣлесное наказаніе. Уголовныхъ Измаиловъ поретъ частенько, а политикамъ безпрестанно угрожаетъ розгами. Заперевши одного политика въ карцеръ, онъ приказываетъ положить около двери розги, чтобы тотъ могъ видѣть ихъ сквозь щелку и «чувствовать». Все поведеніе Измаилова—сплошное издѣвательство. Съ нимъ, какъ съ дикой стихіей, невозможно бороться: можно только, покорившись ему, сдѣлаться рабомъ его прихотей, или... умереть.

И вотъ въ іюлѣ мы начали голодовку безъ всякой надежды на побѣду. Но волѣ начальства было угодно отсрочить нашу смерть... Мы проголодали 7 дней—Измаиловъ былъ временно отстраненъ отъ должности начальника Алг. тюрьмы: повидимому, само высшее начальство

поняло, что безуміе Измаилова превзошло мѣру человѣческаго терпѣнія. Но прошать мѣсяць, меня, между тѣмъ, перевели въ Зер., и вотъ Измаиловъ снова и окончательно утвержденъ начальникомъ Алг. тюрьмы. Его поведеніе одобрено Селивановымъ и Эбеловымъ, вся вина ввалена на насъ. Носился даже слухъ, что кто-то изъ насъ, бунтовщикововъ, наказанъ, кто карцеромъ, кто увеличеніемъ сроковъ каторги. Не, знаю, правились ли этотъ слухъ, онъ сообщенъ намъ, какъ величайшій секретъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Алг. и утвержденія Измаилова начальникомъ тюрьмы, положеніе оставшихся товарищей сдѣлалось до того невыносимымъ, что они мечтали о смерти, какъ объ избавительницѣ. Въ концѣ-концовъ, почти всѣхъ ихъ перевели сюда, но на смѣну имъ послали новую партію политическихъ въ 28 человѣкъ.

Конечно, сейчасъ же по приходѣ ихъ въ Алгаи (въ началѣ ноября) 19 человѣкъ изъ нихъ были избиты прикладами «такъ тяжело, какъ еще нигде не были въ Алг.». Многие попали на 15 сутокъ въ карцеръ, и опять угрозы розгами. Они пишутъ, что «не видятъ иного исхода, кромѣ самоубійства». Мы, хотя у насъ лично нѣтъ конфликтовъ, чувствуемъ себя близко заинтересованными въ судьбѣ алг.—цевъ и рѣшили, что, въ случаѣ примѣненія розогъ къ кому-нибудь изъ политическихъ на Нерчинской каторгѣ (не только въ нашей тюрьмѣ), будемъ протестовать вплоть до смерти. Значить, впереди Карійская трагедія; погибнуть, конечно, лучше. Примѣръ Измаилова соблазняетъ и другихъ тюремщиковъ: въ Акатуѣ тоже нѣчто ужасное, тамъ свирѣпствуетъ капитанъ Шмарченко. Конечно, наши испытанія неизмѣримо меньше тѣхъ страданій, которыя переживаетъ вся стража, но сознаніе этого не снимаетъ съ насъ долга защищаться отъ произвола такъ, какъ можемъ и умѣемъ... Пусть пойметъ насъ воля и не обвиняетъ, если погибнемъ. Вотъ въ какомъ положеніи находимся мы, и вотъ о чемъ писалъ я въ прежнихъ своихъ письмахъ. Помнятъ ли о насъ въ далекой Россіи, не знаемъ, но вблизи, кажется, друзей мы не имѣемъ.

Простите, сестра, за невеселыя новости, оставьте ихъ втайнѣ отъ мамы. Привѣтъ.

Вашъ Егоръ.

Письмо не подлежитъ оглашенію.

(Мама не должна знать этого письма).

15.

Дек. 6— по алг.

...Можетъ случиться, что это письмо вручить вамъ человѣкъ, который, по личному опыту, знаетъ здѣшнюю жизнь. Какъ непосредственный свидѣтель, онъ разскажетъ вамъ, что пока мы всѣ живы и бодры, такъ что роднымъ нашимъ особенно нечего беспокоиться за насъ.

Дорогіе мои. Что мнѣ написать вамъ? О томъ, что дѣла, свершающіяся кругомъ, скверны, и что вамъ отъ этого должно быть особенно тяжело, писать нечего. Я не стану приукрашивать дѣйствительность, не стану подавать вамъ ложной надежды, что мы, именно мы, окажемся тѣми счастливыми, которыхъ минуютъ ужасы и несчастія, подъ которыми теперь гибнутъ тысячи семействъ. Не станемъ закрывать глазъ на то, что, можетъ-быть, намъ суждено испытать еще горшее, чѣмъ мы уже извѣдали. Теперь ни у кого не можетъ быть увѣренности даже въ завтрашнемъ днѣ. Дорогіе, не думайте, что я это пишу въ минуту отчаянія... Нѣтъ, пишу я это послѣ долгаго размышленія, считая себя не въ правѣ писать не то, что думаю. Вы знаете, что творится на волѣ. И въ ближайшемъ будущемъ поворота къ лучшему ожидать невозможно. Черносотенная Дума только узаконитъ всѣ свершающіяся безобразія. Но, родные мои, почему вы не держитесь тѣхъ же убѣжденій, что я? Какъ было бы легко вамъ тогда. Я понимаю, какъ должно быть безпросвѣтно для васъ. И оттого, что вамъ тяжело, мнѣ тоже тоскливо и тяжело. Я могу поставить себя въ ваше положеніе, пережить ваши чувства, муки, ваше настроеніе. Но, ради Бога, поставьте и вы себя въ мое положеніе, хоть на минуту. Поймите, что я и мои друзья—мы не можемъ считать себя несчастными оттого, что исполненіе нашихъ стремленій затягивается и что мы лично, можетъ-быть, и не доживемъ до счастья нашей побѣды. Побѣдить—счастье, но и погибнуть въ борьбѣ за побѣду своего идеала—тоже великое счастье. Ахъ, я боюсь, что эти мои слова не найдутъ отклика въ вашемъ сердцѣ, но вы не имѣете основаній сомнѣваться въ моей искренности. Вы видѣли меня, когда мнѣ еще угрожала смерть, видѣли и тогда, когда я разставался съ вами и съ жизнью надолго, можетъ-быть, навѣки, уходя въ Шлиссельбургъ. Вспомните, ходилъ ли я тогда на несчастнаго? Напротивъ, не казался ли я женихомъ, празднующимъ свою свадьбу? Вы, конечно, признаете, что это было такъ. Что же теперь измѣнилось, чтобъ я могъ чувствовать себя несчастнымъ? Развѣ то, что свершилось съ той поры въ Россіи, не подвинуло мое дѣло на десятки лѣтъ впередъ, развѣ, несмотря на всѣ теперешніе ужасы, на мѣстѣ Россіи не живетъ новый народъ, нашъ, а не ихъ народъ.

Мы еще не побѣдили, но каждый день приближаетъ насъ къ побѣдѣ... Среди ужасовъ смерти и крови рождается сна, наша желанная свобода... Родная моя. Развѣ не въ мукахъ родила ты насъ? и развѣ ты отъ этого меньше насъ любишь?... Такъ же безконечно дорога намъ наша свобода, наше дитя, которое мы создаемъ и родимъ среди мукъ и крови... Не жалѣй же насъ, что мы по своему живемъ ради нашего счастья, нашей свободы, нашего дитяти...

Понимаете ли вы теперь меня?

Теперь вы должны понять, что если я откровенно говорю о тѣхъ
Голосъ Минувшаго. № 10—12.

несчастіяхъ, которыя могутъ постигнуть насъ паравнѣ со всѣми въ Россіи, то вовсе не малодушіе руководить мною. Мы готовы съ твердостью все воспрѣлтъ и глядимъ судьбѣ въ глаза прямо, не опускаая взоровъ. Будь, что будетъ, а нашъ долгъ всегда остаться мужественными людьми, честными революціонерами...

Дорогіе. Не безпокойтесь по поводу этого письма. Оно написано не потому, что намъ грозила какая-нибудь опасность. Пока у насъ все постарому и благополучно. Васъ могутъ напрасно тревожить разные слухи, которыхъ теперь ходитъ такая масса. Не всякому слуху вѣрьте, а въ нашей бодрости и готовности съ честью встрѣлтъ всякое испытаніе судьбы не сомнѣвайтесь...

16.

18 декабря.

...Пережитая смертельная болѣзнь послѣ акта, пережить Шлиссельбургъ, пережить Метусъ и Бородулинъ, пережить даже Измаиловъ. Но сколько еще Измаиловыхъ ждетъ насъ завтра, послѣзавтра, на каждомъ шагу? Намъ не стѣсняются въ глаза говорить о томъ, что, если мы живы до сихъ поръ, то вовсе не потому, что «насъ уважаютъ, какъ порядочныхъ людей», и что если бы да кабы, то насъ давно бы всѣхъ перебили, потому что всѣ мы «подлецы и разбойники»... И насъ убиваютъ, если не прямо, то косвенно, если не сразу, то медленно. Изъ Алгачей избитыя прикладами лишуютъ: «Для насъ одно спасеніе—самоубійство»,—убиваютъ тѣ, которые имѣютъ незавидное мужество говорить въ лицо безоружному: «Вы—подлецы и разбойники».

На нашихъ глазахъ происходитъ окончаніе исторіи, начатой Ждановымъ и Абрамовымъ и продолженной Метусомъ и Бородулинымъ. Эти незабвенные «четверо», память которыхъ кровавыми буквами записана на вѣчныя времена въ черномъ сводикѣ исторіи, сдѣлали съ Марусей Спиридоновой то, что она тааетъ, какъ свѣчка, и передъ нами все яснѣе и ближе роковой конецъ. Этого конца желаютъ, его сознательно вызываютъ: вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ подъ разными предлогами оттягиваютъ переѣздъ Маруси въ лазаретъ. О, какъ хотятъ добить Сп—ву, какъ зазидуютъ славѣ незабвенной «четверки». Передъ Марусей ставятъ дилемму: переводъ въ лазаретъ вмѣстѣ съ ея ближайшимъ другомъ Измаиловичъ, которая одна только и можетъ помогать больной, но при непремѣнномъ условіи выселенія изъ лазарета двухъ больныхъ товарищей: Езерской и Капланъ. Маруся этой дилеммы, конечно, не принимаетъ и предпочтетъ догорать въ убійственной для нея Мальцевской тюрьмѣ... А мы—мы и ужели станемъ равнодушно смотрѣть на смертоубійство, совершаемое надъ безконечно дорогой намъ Марусей, той Марусей, за отмщеніе страданій которой люди съ восторгомъ шли на эша-

фотъ? Нѣтъ, мы не имѣемъ права быть «зрителями» совершающейся на нашихъ глазахъ драмы. Пусть у насъ руки связаны, но если мы безсильны защищать ее активно, то еще можемъ умереть вмѣстѣ съ нею.

Отецъ, въ то время, какъ человѣчество будетъ кликами привѣтствовать Новый годъ, мы будемъ умирать голодной смертью.

Отецъ, пойми, что это единственное, что можетъ сдѣлать твой сынъ чтобы остаться достойнымъ себя... Пойми и прости за такой Новогодній подарокъ. Объясни мамѣ необходимость и честность моего поступка...

1908 годъ.

1.

14 января.

Вашему завѣту терпѣть до конца я всегда слѣдую, и силъ терпѣть у меня еще надолго хватитъ. Горяча и непоколебима моя вѣра попрежнему. Но, родной мой, вы знаете мои взгляды и правила, которые руководили мною въ жизни, и вамъ извѣстно, что бываютъ такія положенія, мириться съ которыми я не считаю себя въ правѣ. Объяснять это вамъ, думаю, лишнее, потому что вся моя жизнь свидѣтельствуетъ объ этомъ. Я хочу, хочу жить,—хочу, потому что я еще молодъ и люблю жизнь, потому что чувствую въ себѣ еще неизрасходованныя силы, потому что я не принадлежу себѣ,—все мое сердце отдано будущему,—и, наконецъ, потому, что я еще не получилъ отъ жизни своего счастья: я люблю васъ, хочу снова быть вмѣстѣ съ вами, родными, близкими, хочу урвать у судьбы хоть немножечко счастья любви, чтобы бросить его къ вашимъ ногамъ, мои бѣдныя, истомившіяся... Не знаю, сбудутся ли мои мечты, но я не теряю надежды, что онѣ, мои мечты, сбудутся. Самъ я отъ нихъ не откажусь ни за что. Ну, а если судьба жестоко надуетъ, это уже ея дѣло, и спорить противъ ея произвола я безсиленъ.

Знаете, дикія несчастія случаются иногда съ человѣкомъ: идетъ человѣкъ, беззаботный, полный радости и надеждъ, идетъ, можетъ-быть, туда, гдѣ его ждуть дорогіе, любимые люди, или на хорошее, важное дѣло, и вдругъ откуда-то падаетъ камень на голову человѣка, и нѣтъ человѣка... А сколько такихъ камней въ жизни,—удивительно, какъ еще не пришибло однимъ изъ нихъ...

Я обхожу эти камни, насколько могу, но за постоянную удачу и впередъ поручиться не могу. О, какъ много этихъ камней, если бы вы только представили себѣ...

2.

31 мая.

...Недавно праздновалъ свои именины. «Праздновалъ» только съ вами, никому здѣсь не сказавши о своемъ праздникѣ. Получилъ вашу

телеграмму и весь ушелъ въ мечту о васъ... Вы тамъ, навѣрное, много молились, много плакали и мало радовались... А я, трусая о васъ, всегда отдыхаю, уносясь мыслью въ родные края, къ тебѣ, моя ласковая, тоскующая мамочка. Мысленно обхожу каждый уголокъ нашего дома, нашихъ роскошныхъ садовъ—да, роскошныхъ... только теперь понялъ всю ихъ прелесть. Вѣришь ли, я отсюда слышу запахъ нашихъ сиреней, погружаю свое лицо въ ароматное море жасминовъ... И всюду, всюду я чувствую присутствіе моей милой мамочки... Вотъ я рву цвѣтцы, взлѣбляю ихъ своей собственной рукой, и несусь ихъ тебѣ въ даръ, моя, горячо любимая, мама. Улыбнись же мнѣ радостно, какъ бывало раньше, позабудь о прошломъ горѣ, позабудь на мигъ о томъ, что ждетъ еще насъ впереди, отдохни на мысли, что моя любовь, моя полная нѣжности и преклоненія любовь вѣчно съ тобой... вѣдь, самая лучшая часть моего существа, мое сердце вѣчно съ тобой. О моихъ печаляхъ не думай, не печаль себя ими, ибо печалей моихъ я не промѣняю на всѣ сокровища міра. Можетъ-быть, это письмо придетъ какъ разъ ко дню твоихъ именинъ. Ничего, кромѣ любви своей, я не могу послать тебѣ въ подарокъ: я не буду распространяться о своихъ пожеланіяхъ, ибо ты и такъ знаешь, что если бы дѣло зависѣло только отъ нихъ, то ты была бы самой счастливой матерью на свѣтѣ... Пусть дѣтишки покрѣпче поцѣлуютъ тебя за меня, а ты представь себѣ, что это наше дѣтство ожило, въ ихъ чистыхъ, беззабѣтно радостныхъ поцѣлкахъ... И опять отдохни...

Поздравляю Зиночку съ наградой. А другихъ? Почему же не пишете, какъ они учатся... Всѣмъ дѣтямъ веселаго лѣта... Мнѣ кажется, что Зина, Тоня и Лида черезчуръ серьезны... Давайте имъ побольше свободы, не дѣлайте изъ нихъ преждевременно взрослыхъ,—еще успѣютъ ознакомиться съ разными отказами жизни, а теперь пусть берутъ у нея одну радость... Чѣмъ онѣ занимаются, что читаютъ? Если имъ нетрудно, если есть собственная охота, пусть иногда пишутъ мнѣ... Только пусть сами, безъ диктовки... Ошибокъ пусть не боятся, я отбѣтокъ ставить не буду, а искреннему, вольному слову буду радъ...

И сколько жизней прожито позади, сколько невознагражденнаго горя, неудовлетворенныхъ надеждъ осталось тамъ, въ туманѣ прошлаго... Поищи, мама, гдѣ счастье? И если ты встрѣтишь человѣка, который назоветъ себя счастливымъ, посмотри, нѣтъ ли у него повязокъ на глазахъ, и имѣетъ ли снѣ уши, чтобы слышать... Не въ счастье дѣло и не хочу я его, вотъ заключеніе, которое навязываетъ мнѣ вся наша прошлая жизнь. Я отнюдь не читаю себя несчастнымъ, и если бы въ моихъ рукахъ было переделывать жизнь мою заново, то я не сдѣлалъ бы многихъ ошибокъ, которыя дѣлались часто по неопытности, но съ дороги своей я не свернулъ бы. Человѣкъ—самъ кузнецъ своей судьбы. Молотъ—въ его рукахъ; мысль о томъ, что слѣдуетъ выковать, принадлежитъ ему. На что же можетъ жаловаться кузнецъ? На плохую плату за работу?

Но тотъ, кто работаетъ за деньги, и на это не имѣетъ право жаловаться... Я, мамочка, ни на что не жалуясь; считалъ бы для себя паденіемъ, позоромъ снизойти до жалобъ. И ты не жалѣй меня, какъ несчастнаго, страдающаго. Ты знаешь, если бы я захотѣлъ, я бы однимъ почеркомъ пера раньше и теперь могъ круто измѣнить свою судьбу. Но я этого не хотѣлъ и никогда не захочу. Не обижай же меня сожалѣніемъ. Если можешь найти подкрѣпленіе себѣ въ твердости моей вѣры, то чертай его у меня, я отъ этого не обѣднѣю.

Родная, если бы ты знала, какъ смѣло и бодро гляжу я впередъ за грани тѣхъ тучъ, которыя закрыли отъ тебя свѣтъ Божій, тебѣ стало бы легче...

3.

19 іюля.

Обо мнѣ не грусти. У насъ теперь тоже славно. Прошли дожди и погода стоитъ удивительно хорошая. Расцвѣла, наконецъ, наша грядка: резеда, левкой, пюездика, флоксы, астры, табакъ—видишь, какая благодать. На прогулкахъ всѣ жадно жмутся къ цвѣтамъ, любятъ, не смѣя дышать, чтобы дыханьемъ своимъ не испортилъ нѣжныхъ красавицъ. Никакія надписи въ садахъ и паркахъ не оберегаютъ цвѣтовъ такъ хорошо, какъ оберегаютъ ихъ здѣсь наша любовь... А какія золотыя воспоминанія навѣваетъ на насъ ароматъ резеды... Родныя мѣста, дорогіе люди, всѣ—неувядаемая прелесть прошлаго, обо всемъ этомъ намъ говорить цвѣты... И наши мечты, навѣрно, свѣтлѣе, радостнѣе тѣхъ юновъ, которые будутъ сниться тебѣ среди роскошной кавказской красоты...

Маленькое разъясненіе: въ твоёмъ послѣднемъ письмѣ встрѣчается такая фраза: «Будь спокоенъ, безъ твоего согласія мы станемъ хлопотать». Принимаю это за простую опіску (вы хотѣли написать обратное: «не станемъ хлопотать») и потому не беспокоюсь. Не правда ли, вы поняли меня и не причините мнѣ напраснаго горя...

4.

19 іюля.

...Я очень прошу васъ не подавать никакихъ прошеній о смягченіи моей участи, ибо все, что бы вы ни сдѣлали въ этомъ отношеніи, я принужденъ буду оборотить такъ, что вмѣсто смягченія для меня получилось бы очень чувствительное отягощеніе. Пишу объ этомъ не потому, что боюсь съ вашей стороны какихъ-нибудь попытокъ въ данномъ направленіи, но просто на всякій случай; мнѣ извѣстно, что за послѣднее время многіе изъ нашихъ родныхъ принялись за хлопоты о смягченіи. Хочу, чтобы вы знали, какъ я смотрю на такія вещи...

5.

26 юля.

...Взгляните на насъ. Правда, мы молоды, но въ одномъ ли этомъ дѣло? Нужно еще вѣрить, что за горой, гдѣ небо сливается съ землей, еще не конецъ свѣта: тамъ, въ невѣдомой и потому жуткой дали отъ насъ, тоже есть солнце, есть и люди, хотя другіе... Нужно также вѣрить, что всякой дорогѣ бываетъ конецъ: какъ бы ни усталъ, когда доберешься до цѣли, тогда отдохнешь... Разъ есть на лицо обѣ эти вѣры, то можно два раза прокатиться такъ, какъ, на примѣръ, я прокатился, на самый конецъ свѣта,—туда, гдѣ еще нѣсколько верстъ—и земля кончится крутымъ обрывомъ, подъ которымъ въ далекой глубинѣ воетъ океанъ... Помнишь, съ какимъ страхомъ провозжала ты меня въ Якутскую область. Съ того дня много воды утекло, и я далеко уѣхалъ, дальше, чѣмъ за Сѣверный полюсъ. А все-таки стоить мигъ крикнуть свое «люблю тебя, мамочка», и недѣли черезъ три мой крикъ дойдетъ до тебя... Всякой дорогѣ бываетъ конецъ. Будемъ вѣрить, что ты благополучно, съ обновленными силами, вернешься домой. Также и я когда-нибудь вернусь «домой», хотя постарѣвшій, но попрежнему любящій васъ. Будемъ вѣрить... И если жизнь наша оборвется раньше, чѣмъ сбудется наша мечта; то что изъ этого? Развѣ жизнь во имя дорогой мечты, съ постоянно гремящей и свѣтящей вѣрой, не хорошая, не завидная жизнь?

Не надо только въ будни забывать то, о чемъ мы по праздникамъ читаемъ въ молебныхъ. Почему жизнь, легенды о которой такъ умиляютъ насъ, когда онѣ только легенды о другомъ человѣкѣ, начинаютъ пугать насъ и кажутся намъ такой трудной, когда она предъявляетъ намъ хоть часть тѣхъ требованій, во имя которыхъ жили легендарные люди? Почему мы вѣру отдѣляемъ отъ жизни? Почему Богу только молимся, а не живемъ съ нимъ и въ немъ? Ничего страшнаго, ничего невозможнаго нѣтъ, мама, для того человѣка, который захотѣлъ жить Богомъ, отдавая ему каждое дыханіе... И если ты встрѣтишь такого человѣка хоть разъ въ жизни, то знай, что ты видѣла самаго блаженнаго человѣка на свѣтѣ... Мы очень далеки отъ этого совершенства, но мы должны стремиться къ нему: не правда ли, мамочка? Въ этомъ мы съ тобой согласимся... А если это такъ, то не свѣтлѣютъ ли наши страданія, не превращаются ли онѣ въ очищающій путь къ совершенству?

Забудемъ же мы о нашихъ личныхъ страданіяхъ. Пойдемъ даже навстрѣчу имъ, если того требуетъ нашъ Богъ. И будемъ счастливыми въ самомъ несчастіи. Все это не слова, не сказки, напротивъ, все это доступно для самаго обыкновеннаго человѣка. Съ радостнымъ убѣжденіемъ говорю я тебѣ объ этомъ, милая мама, и прошу не горевать обо мнѣ...

1909 годъ.

1. Жень брата.

18 января.

...«Мои записки» Андреева мнѣ совсѣмъ не понравились. Авторъ запутался въ свой темъ и часто дѣлаетъ свой большой вопросъ смѣшнымъ. Онъ хочетъ сказать: надъ всей жизнью (и смертью) царитъ желѣзная необходимость,—законъ желѣзной рѣшетки. Что бы человекъ ни сдѣлалъ—повинуется ли онъ судьбѣ, или ропщетъ противъ нея—онъ всегда исполняетъ волю судьбы. Если онъ даже отказывается отъ жизни, скованной цѣпью рока, то и въ самомъ отказѣ отъ жизни онъ лишь повинуется волѣ рока. Андреевъ приглашаетъ смириться передъ желѣзной необходимостью и возлобить ее. Но можно ли олицетворять великую необходимость въ видѣ такого смѣшного господина начальника дома и при томъ надѣлать этого смѣшного господина еще болѣе смѣшной толстенною супругой. Это нехудожественно, вредитъ темъ... Со взглядомъ Андреева на жизнь и на человека я несогласенъ. Нельзя человека вырывать изъ жизни, дѣлать его какимъ-то перышкомъ, брошеннымъ въ океанъ. Жизнь и человекъ—одно. И если жизнь управляется желѣзною необходимостью,— что правда,—то и человекъ, какъ часть жизни, въ своей личности носить ту же необходимость, значить—волю и силу. Сознать въ себѣ то и другое такая радость, что свѣтомъ ея можетъ озариться весь великій океанъ жизни. Не ищите ни свѣта, ни радости въ жизни, если не имѣете ихъ въ самихъ себѣ...

2. Матери.

21 февраля.

...Когда ты пишешь о томъ хорошемъ впечатлѣніи, которое на тебя производятъ мои маленькія писульки, мнѣ становится радостно и жалко: радостно за то, что я все-таки даю тебѣ хоть капельку радости, больно за то, что не могу давать больше. Родная, любимая моя, если бы мнѣ можно было любить тебя, какъ хочется, можетъ-быть, намъ обрѣчь было бы легче и лучше. Отсюда, издали я вижу столько средствъ давать тебѣ радость, что не знаю, осталось ли бы время для твоей грусти. Я знаю лѣкарство, которое помогло бы тебѣ вѣрнѣе всего: надо развернуть передъ тобой широкую жизнь, захватить всю тебя ея горемъ и радостями, вызвать въ твоёмъ болѣющемъ сердцѣ почувствіе къ безысходной боли, которою полна жизнь. Ты не слыхала старую сказку про одного богатыря, который смертельно усталъ отъ жизни и уже былъ поверженъ на

землю судьбою—только бы ему умереть, но какъ только онъ прикоснулся къ землѣ, его прежнія силы воскресли отъ прикосновенія къ матери-землѣ. Кто любить землю съ ея земными человѣческими страданіями и радостями, какъ родную мать, тотъ въ любви къ ней почерпаетъ бодрость и силу. Я бы, родимая мамусенька, заставилъ тебя любить землю... И, можетъ-быть, ты еще вздохнула бы бодро и нашла бы силу жить.

Тѣхъ, кто усталъ смертельно и ушелъ отъ жизни, не проклинай, пожалѣй ихъ. Помни о несчастномъ дядѣ и пожалѣй всѣхъ другихъ несчастливцевъ. Человѣкъ, по своей природѣ, еще очень плохъ и не знай онъ горя, онъ часто забывалъ бы о своемъ человѣчествѣ, превращаясь въ нѣчто унижительное для человѣка. Горе учитъ разуму, и часто только оно одно пробуждаетъ человѣка въ человѣкъ. Поэтому, когда мы слышимъ о смерти несчастныхъ Занкевичей, мы не должны думать, что имъ невѣдомы были высокія правила морали. Можетъ-быть, они потому и не вынесли жизни, что слишкомъ живо чувствовали то, что для другихъ людей является только мертвою буквою, хотя и уважаемой въ силу привычки, но въ силу той же привычки остающейся чѣмъ-то постороннимъ для жизни. Не упоминай лихомъ усталыхъ и павшихъ. А сама будь бодрѣй и явливй,—живи, родная, любимая...

Помнить ли брать, какъ мы когда-то читали съ нимъ вмѣстѣ «Въ мірѣ отверженныхъ» въ «Русскомъ Богатствѣ»?—про Николайчика и Ферганскаго юрленка? Я это время очень хорошо запомнилъ, потому что тяжелѣе того, кажется, потомъ уже не было, несмотря ни на что. Мнѣ вотъ изъ эпохи «Дней нашей жизни»—потому что тогда переживалось приблизительно то же, о чемъ пишетъ Андреевъ—пришлось перескочить въ «мірѣ отверженныхъ». Благодарю Бога, что вышло такъ. А все-таки плохо, что мы родились и росли въ эпоху «Дней нашей жизни», это непоправимая бѣда для человѣка, слѣды которой не могутъ выжечь всѣ бури жизни...

3.

28 февраля.

...Прости меня, что сегодня я напишу тебѣ очень мало: вчера, вечеромъ, не собрался съ мыслями, которыя все разбѣгаются, а сегодня тоже дотянулъ до того, что берусь за перо слишкомъ поздно, передъ самой повѣркой. Эти дни прошли у насъ въ усиленныхъ хлопотахъ, которыя очень напоминаютъ нашу домашнюю возню передъ Пасхой. Сначала бѣдили одиночку, потомъ усердно мыли полъ. Потомъ стали возиться съ установкой желѣзной печки. Зданіе нашихъ одиночекъ постройкой кончено только минувшей осенью, поэтому не вполне просохло. Вотъ и ставимъ печку для борьбы съ сыростью. Печка въ номерѣ—это такая поэзія, напоминаетъ много милыхъ, домашнихъ картинъ. Можетъ-

быть, поэтому такъ усиленно думается за послѣдніе дни о давно минувшемъ, покинутомъ, но попрежнему милomъ, родномъ...

Вы, родные мои, скоро начнете готовиться ко встрѣчѣ свѣтлаго праздника.

Не знаю, исполнится ли хоть на этотъ разъ мое пожеланіе, чтобъ праздникъ вашъ былъ свѣтлымъ. Хотъ бы мнѣ какъ-нибудь не омрачить его для васъ...

И у насъ становится теплѣе. Иные дни солнце играетъ совсѣмъ по весеннему. Такъ оно будетъ играть и тогда, когда насъ съ вами уже давно не будетъ. Я помню одинъ роскошный іюльскій день—тогда я былъ боленъ смертельно, а моя душа рвалась къ солнцу. По-прежнему люблю солнце и воспоминанія объ іюльскихъ роскошныхъ дняхъ. Даже въ самые черные дни свои люблю солнце и буду вѣчно любить. Мое разставаніе съ жизнью, когда бы оно ни случилось, ни въ какомъ случаѣ не будетъ осужденіемъ жизни. Жизнь и люди всегда могутъ быть хорошими, если человекъ здоровъ душой, если душа его еще хранитъ источникъ свѣта...

4.

14 марта.

...Этотъ листочекъ придетъ къ вамъ на первыхъ дняхъ Пасхи. Я не пишу сейчасъ того привѣта, которымъ будутъ обмѣниваться въ тѣ дни, потому что сейчасъ еще не время. Но мой листочекъ напомнитъ вамъ въ день радости о томъ, что я съ вами. Будьте свѣтлы хоть одинъ день, позабудьте о печаляхъ, отдохните душой. Кто знаетъ, что будетъ въ болѣе отдаленномъ будущемъ, но этотъ день мы возьмемъ себѣ и отдохнемъ. Вспомнимъ былое, были же въ немъ безоблачно-свѣтлые дни. На воспоминаніяхъ о нихъ отдохнемъ. Я помню... Лазурное небо чисто. Въ его прозрачной глубинѣ купается золотое солнце, сегодня особенно сіяющее. И небо, и солнце разошлись въ свои лучшія одежды. Миръ на небѣ. Иногда взмлетъ въ воздушную высоту какой-нибудь одинокій голубь и снова летитъ внизъ, на землю, какъ будто стыдясь нарушить своимъ полетомъ торжественную тишину воздушнаго простора. Тихо и на землѣ. Земля и сегодня страдаетъ—эта вѣчная страдалица, кѣмъ-то осужденная влечитъ свой многотрудный путь среди вѣчности.

Земля всегда страдаетъ, но сегодня она сдержала свои стоны и заставивъ свои слезы въ глазахъ; глядитъ, глядитъ на небо и слышаетъ торжественную тишину. И забывается на мигъ.

Тихо въ семьѣ. Ты, родная, дорогой отецъ, мы всѣ, необыкновенно нарядные снаружи и внутри, необыкновенно тихіе. Какъ будто среди насъ или въ насъ присутствуетъ кто-то свѣтлый, чистый, кого мы боимся вслугнуть земными словами, земными движеніями. Душа выпрямляется

и хочеть обнять весь міръ... Это было—теперь это только воспоминаніе, но когда оно появляется, свѣтлѣетъ на мигъ и исчезаетъ туманъ дѣйствительности... Да будетъ свѣтло и вамъ, родные, любимые, отдохните...

5.

4 апрѣля.

...Когда-то нашъ домъ любило счастье. По крайней мѣрѣ, намъ казалось, что мы жили счастливо. А потомъ на нашу семью посыпались удары—одинъ другого тяжелѣе... Въ концѣ-концовъ, жизнь трудная и мудреная штука... Если бы ея удары подчасъ не подтачивали силъ человека, то жить было бы интересно, и чѣмъ дальше, тѣмъ интереснѣе. Чему только не учить жизнь? Чего не показываетъ? Мозгъ устаетъ, но глаза раскрываются шире и шире... Съ какимъ огромнымъ опытомъ, сравнительно съ нашимъ, войдетъ въ жизнь наше молодое поколѣніе—тѣ, кого когда-то я носилъ на рукахъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на нихъ теперь—чѣмъ они стали...

У Васъ теперь уже жаворонки и скворцы прилетѣли, а вскорѣ послѣ того, какъ получите это письмо, прилетятъ соловьи и зацвѣтутъ черемухи. У насъ этихъ прелестей нѣтъ. Но и у насъ небо чисто по-весеннему. Снѣга на дворѣ уже нѣтъ, а сопки лысѣютъ. Весна и къ намъ идетъ... Дай Богъ, чтобъ всѣмъ она принесла хорошее.....

6.

11 апрѣля.

Какъ хорошо теперь въ нашихъ краяхъ, несмотря ни на что. Начинается весна. Это чувствуется даже за рѣшетками. Еще холодно, но среди дня, на прогулкѣ, солнышко пригрѣваетъ усердно. Теперь уже рѣдкій изъ насъ пропуститъ часъ прогулки, чтобъ пролежать его въ камерѣ. Нѣтъ, каждый глотокъ свѣжаго воздуха становится очень дорогимъ... Хочется солнца, солнца... У меня радость, мамочка. Ты помнишь, родная, моего товарища по процессу—Сикорскаго. Когда мы сидѣли въ Москвѣ, ты еще такъ много заботилась о немъ. Ну такъ вотъ онъ отбылъ наконецъ свой срокъ, получилъ уже волю и 24 апрѣля уходитъ на поселенье въ Баргузинъ... Вѣдь это, сравнительно съ тюрьмой, все-таки воля. И время-то какое—ликогда такъ не хороша воля, какъ весной... Ему теперь лѣтъ 25, онъ очень выросъ и физически сталъ богатыремъ. Еще вся жизнь его впереди—отъ души желаю ему хорошаго за то плохое, что онъ пережилъ. И какъ хорошо, что его посылаютъ, какъ и всѣхъ, въ Забайкальскую область, а онъ ожидалъ Якутки... Когда-то мы, мамочка, будемъ на волѣ? Ничего, будемъ когда-нибудь. Не унывай, родная... Развѣ то, что мой товарищъ по процессу, наконецъ, дождался воли, не подаетъ надежды на то, что и моя неволя когда-нибудь кончится?

Терпѣнье, терпѣнье, родная, и мы еще увидимъ ясные дни. И для насъ придетъ весна,—не съ рѣшетками и не съ тысячами верстъ, раздѣляющими насъ, а съ призывомъ полей и съ ничѣмъ не стѣсняемой близостью. Будемъ вѣрить и надѣяться...

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ ты и Люба въ открыткѣ—пишете о посылкахъ (съ чулками, полотенцами, наволочками и т. д.). Не знаю, объ одной и той же ли посылкѣ идетъ разговоръ или о двухъ. Пока я еще не получилъ ихъ. Пожалуйста посылать остального Тургенева: недавно я получилъ нѣсколько томовъ Тургенева изъ другого мѣста, и когда придутъ Ваши три тома, я посмотрю, чего еще не хватаетъ. Тогда и напишу Вамъ... Съ наступленіемъ тепла Вы перестанете посылать мнѣ масла, а оно было очень и очень кстати. Не будь временами передышки съ Вашими подарками, я не знаю, долго ли можно выдержать на казенной пищѣ...

Люба, родная, какъ же это съ книгами то не улаживается? Я знаю, вышло много интересныхъ книгъ по философіи, но все вновь выходящее какъ бы не существуетъ для насъ. А вѣдь философскія книги какъ разъ самое необходимое въ нашемъ положеніи—это все-таки дѣло при нашемъ невольномъ бездѣльѣ... И кромѣ того, не было еще такихъ временъ, когда бы не пропускали философскихъ книгъ. Я помню, въ Шлиссельбургѣ у насъ самымъ богатымъ отдѣломъ былъ философскій... Похлопочите еще разъ, сестрица... Вышелъ въ русскомъ переводѣ Петцольдъ—изложеніе философіи Авенаріуса—вотъ бы достали для меня... Прошу Васъ выписать изъ столицы—потому, что въ Уфѣ врядъ ли найдется—«Уголовное Уложение», изданіе 1904 г. Очень нужно для справокъ...

7.

25 апрѣля.

...Какъ хорошо порадовали меня собственноручныя каракульки милыхъ дѣвчутокъ. Я и не зналъ, что онѣ уже пишутъ, да еще такъ хорошо. Или, можетъ быть, это старшіе водили ихъ маленькими неопытными ручками?

Мои милыя прекрасныя барышни, вотъ дядя Егоръ цѣлуетъ ваши рученки и щечки и глазки ваши. Онъ очень благодаритъ васъ за то, что вы сами написали ему. Онъ очень любитъ васъ и часто думаетъ о васъ. Дядя Егоръ очень доволенъ, если его игрушки и открытки понравились вамъ. Если онъ узнаетъ, когда вы бываете именинницы—объ этомъ вы должны написать ему сами—онъ будетъ всегда поздравлять васъ съ ангеломъ и присылать вамъ игрушекъ. Растите и цвѣтите, какъ голубенькіе цвѣточки въ полѣ (бывали ли вы въ полѣ?). Будьте веселы, какъ пташки въ нашемъ саду, и любите бабушку, дѣдушку, маму и папу, а также всѣхъ дѣтишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, особенно тѣхъ, у кого нѣтъ своей ласковой мамы, нѣтъ игрушекъ и красивыхъ платьицевъ и

мало даже хлѣбца поѣсть. Рассказываетъ ли вамъ ваша мама о томъ, какъ другія дѣти на бѣломъ свѣтѣ живутъ? Есть такія книжки, въ которыхъ про все рассказано, очень хорошія, интересныя книжки, скажите своей мамѣ, чтобъ непременно купила и почитала вамъ такихъ книжекъ... Попрошу я васъ, прекрасныя барышни, объ одномъ: вотъ скоро я буду именинникъ,—ваша мама скажетъ вамъ, когда. Въ этотъ день вы наберите въ нашемъ саду побольше цвѣтовъ, наломайте сирени, жасминовъ и все это притащите бабушкѣ. Поцѣлуйте ее такъ, чтобъ она разсмѣялась, и скажите, что всѣ эти цвѣты прислалъ ей дядя Игорь, и не давайте ей плакать...

Вчера у насъ былъ особенно хорошей день—ушли на поселене, т. е. все равно, что на волю, товарищи, съ которыми пришлось пережить многое: извѣстные вамъ, по моимъ письмамъ, Сикорскій и Фіалка (помните, изъ Акадуя я еще посылалъ вамъ ея карточку). Правда, тоскливо дѣлается остающимся, когда тюремная дверь въ послѣдній разъ захлопывается за уходящимъ, но все-таки искренно радуемся волѣ другихъ. Когда-нибудь и для насъ она настанетъ,—вѣрьте въ это и вы и не теряйте бодрости...

8.

2 мая.

...У насъ, здѣсь тоже весна, хоть и убогонькая. Появляется первая травка. Надъ головою всегда проносятся вереницы дикихъ тусей и передаютъ мнѣ привѣтъ съ родной стороны. Счастливицы, обладающіе нормальнымъ слухомъ, слышатъ даже долетающія издали пѣсни жава-ронковъ. Небо ясно, солнце грѣетъ горячо. Мысль, расшибкая дыханіемъ весны, уносится къ вамъ, любимымъ, туда, гдѣ цвѣтутъ черемухи и ландыши и поютъ соловьи. Тамъ, въ вашихъ краяхъ, даже и умирать хорошо. А еще лучше жить. Живите же вы, мои дорогие...

Когда вы будете писать тетускѣ М. С., передайте ей отъ меня, вмѣстѣ съ привѣтомъ, мою горячую благодарность за богатую посылку, присланную ею изъ Москвы (2 ф. чудеснаго кофе, 1 ф. какао, 2 коробки конфиктъ и сѣмянъ цвѣточныхъ и огородныхъ)... А также и вы примите мое спасибо за вашу, не менѣе дорогую, посылку. Изъ книгъ получилъ пока 2 тома Тургенева и 1 книгу Ал. Толстого. Спасибо, спасибо, тысячу разъ спасибо. «Коня блѣднаго» уже прочелъ, пока на-черно.

Махъ и Карстаньонъ пошли въ просмотръ. Какъ хорошо, что вы прислали ихъ мнѣ. А не сумѣете ли вы достать Петцольда (названія не помню, что-то обь Агенаріусѣ). Говорить, что и самъ Агенаріусъ «Критика чистаго разума» вынелъ подъ редакціей Базарова и Луначарскаго. Достоевскаго и Полюя мнѣ не присылайте, ужъ есть. Если иной разъ хотите обрадовать меня подарками, то выбирайте старыя хорошія вещи.

Напримѣръ, Сашкевича «Камо грядеши», «Безъ догмата»; Гюго: «Человѣкъ, который смѣется»; Джованноли: «Спартакъ»,—да мало ли наберется старыхъ хорошихъ вещей,—загляните въ каталогъ любой ученической библіотеки...

Я не разъ писалъ вамъ объ учебникахъ. Теперь, послѣ экзаменовъ, вѣроятно, многіе изъ гимназистокъ охотно разстанутся съ надобными имъ учебниками. Присылайте сюда всякую учебную книгу, какой не жаль,—всякое дайте благо...

9.

16 мая.

...Сегодня я потрянулъ далекой стариной: здѣсь, на больничномъ дворѣ, разведенъ маленькій цвѣтникъ-огородъ. Сѣяли и садили въ грядки изъ тѣхъ сѣмянъ, что прислала добрѣйшая тетушка М. С. Черезъ мѣсяць, можетъ-быть, что-нибудь вырастетъ. Но я уже не увижу того, что посѣялъ. На большомъ тюремномъ дворѣ тоже есть маленькія грядки. Тамъ въ прошломъ году цвѣло мною резеды. Нынче, можетъ-быть, тоже что-нибудь взойдетъ. Глядя на какой-нибудь маленькій зеленый кустикъ, буду мечтать о зеленыхъ поляхъ и садахъ, о всей чудесной волѣ. Вы не знаете, какъ немного нужно человѣку, чтобъ чувствовать и любить природу. Ни одинъ хорошій денекъ, ни одно теплое дуновѣніе вѣтра, приносящее съ собою ароматы степей, не пропадаетъ здѣсь даромъ,—за все благодарить Господа Бога...

10. Женя брата.

2 августа.

Совѣтую вамъ прочесть «Пѣсню судьбы» Блока, очень интересная вещь. Понравится ли она вамъ, Люба... Мое пониманіе вы увидите въ прилагаемомъ здѣсь письмѣ Шурѣ (прочтите третью и четвертую странички его). Монашекъ — это символъ стараго поколѣнія, изломаннаго жизнью. Когда-то монашекъ былъ чистымъ ангеломъ (т.-е. свѣтлымъ мечтателемъ, какъ Германъ). Его потянуло изъ тихихъ свѣтлыхъ обителей въ омутъ жизни, загадочные глаза которой притягивали его. Онъ зналъ жизнь, и хотя былъ изломанъ ею, но не проклялъ ея. Усталый заходить онъ отдохнуть въ тихій домъ мечтателя и едва приходитъ въ себя, какъ сейчасъ же начинаетъ рассказывать силу жизни, чѣмъ побуждаетъ мечтателя (молодое поколѣніе) покинуть заслабныя высоты и ринуться въ море жизни... Фаина—это и есть жизнь. Для однихъ она «каскадная пѣвица», «золото», «пышность», для другихъ—острое наслажденіе, для третьихъ осмысленный радостный трудъ (для Коробейника)... Но властителемъ жизни, ея постояннымъ «спутникомъ» является пока что человѣкъ культуры, — старой культуры, износившейся, поте-

рившей энергію, извѣрившейся въ старыя слова, скептически воспринимающей истину, красоту, но еще цѣпляющейся за жизнь... «Другъ» Германа—это его второе «я», житейскій опытъ, разсудокъ, знающій только пошлую сторону жизни, ся изнанку. Онъ подбирается къ Еленѣ (лучшей идеальной сторонѣ души человѣка), чтобы соблазнить ее на примиреніе съ золотою серединою. «Пѣсня судьбы» — это современный «Фаустъ» (Другъ — Мефистофель). Напишите, согласны ли вы съ моимъ пониманіемъ...

11. Сестрѣ.

15 августа.

...Пользуюсь адресомъ, указаннымъ тобою въ письмѣ, чтобы доставить себѣ небывалую роскошь—поболтать съ тобою по душамъ, насколько, конечно, возможно... Такъ много изжито за эти годы, страшно много, неужли ты думаешь, послѣ этого человѣкъ можетъ остаться не измѣнившимся? Вѣдь невозможно это... И про тебя я думаю, что ты не могла не измѣниться. А самъ я, должно-быть, очень мѣняюсь, потому что чувствую это, а когда человѣкъ чувствуетъ свою перемѣну, значитъ, она значительна... Да, моя дорогая, что-то умерло въ душѣ, то, что дѣлало меня прежнимъ, тебѣ извѣстнымъ. Вѣроятно, изъ стараго ничего не осталось: все разсыпалось, изломалось. Тѣ слова, въ которыя прежде вѣрилось, потускнѣли. Но не думай, что я такъ и остаюсь опустошеннымъ, безъ вѣры,—слава Богу, этого нѣтъ, на мѣсто старой вѣры постепенно вырастаетъ новая... Еще не могу выразить ее ясными, отчетливыми словами.

Новая моя вѣра, вѣроятно, будетъ пользоваться старыми лозунгами, но придастъ имъ новый смыслъ. Какъ выразить тебѣ это яснѣе? Скажу такъ: прежде мнѣ жизнь представлялась прямою - прямою дорогою, ведущей къ одной, весьма опредѣленной и непремѣнно достижимой цѣли... Все, что лежало по сторонамъ этой прямой дороги, было или малоинтересно, или отъ лукаваго... Цѣль должна была оправдывать всѣ средства. Много въ душѣ придумано во имя этой цѣли, много жертвъ принесено. Милая моя. Не подумай, что я расказываюсь въ этихъ жертвахъ, считаю ихъ ненужными или нечистыми—все прошлое свято и дорого, сию, временами одно только, и даетъ силу жить и обязываетъ къ этому. Но видишь ли, мнѣ кажется, все, что я дѣлалъ, дѣлалъ не такъ, какъ бы слѣдовало, я дѣлалъ большое важное дѣло дѣтскими, неумѣлыми руками (вмѣсто «я» смѣло можешь поставить «мы»). И только сознаніе, что дѣлалъ по совѣсти и какъ умѣлъ, смягчаетъ огромное чувство виновности... Теперь дѣло обстоитъ такъ: цѣль остается прежней, еще болѣе ясной и прекрасной, но нѣтъ прежней наивной вѣры въ близость ея осуществленія... Да и не видится прежней несомнѣнной, единой.

прямой дороги. Съ глазъ упала повязка, много повязокъ,—и жизнь стала шире, запутаннѣе и интереснѣе. Правда, старые методы завоеванія цѣли остаются, но требуютъ того, чтобы ихъ пополнили новыми элементами и углубили.

Первое требованіе, которое я теперь выставляю ко всякому, берущемуся за дѣло, таково: сначала устрой себя самого внутри себя, а потомъ берись за устроеніе жизни... Узнай, что жизнь не проста и не узка, загляни во всѣ глаза, учись... Я думаю, мы должны давать тѣмъ, кого учимъ и зовемъ на устроеніе жизни, цѣлую жизненную философію, а не жалкіе обрывки. Иначе наши посѣвы никогда не будутъ прочными и принесутъ, можетъ быть, не ту жатву, которой мы ждемъ, сѣя. Работа наша, при новой постановкѣ, должна сдѣлаться сложнѣе, труднѣе и медлительнѣе, но за то основательнѣе. Эту работу можно обозначить, ближе всего, словами: организація и просвѣщеніе. Конечно, такая работа, о которой я мечтаю, можетъ вестись только подъ краснымъ флагомъ, потому что все остальное хотя и нужно, но не полно... А я требую работы полной, безъ всякихъ умолчаній. И, конечно, такая работа не обойдется безъ острыхъ конфликтовъ съ препятствіями,—ну такъ что же, не привыкать... Я требую такой широкой, разносторонней просвѣтительно-организационной работы, главнымъ образомъ, потому, что въ узкія и скорыя дорожки больше не вѣрю, и думаю, что только широкая разносторонняя работа не останется безслѣдной: во-первыхъ, такая работа содержитъ въ себѣ самой цѣль (давать жизненную философію, это значитъ творить человѣка, а человѣкъ самъ себѣ цѣль), во-вторыхъ, только разносторонняя работа и гарантируетъ, что настоящая ближайшая дорога не будетъ просмотрѣна и не использована... Тебѣ, навѣрное, уже пришлось на умъ одно словечко, которое я здѣсь слышалъ уже не разъ: кадетизмъ, дескать... Кадетизмъ—обманъ, умолчаніе, а я вѣдь говорю: безъ всякихъ умолчаній. Только то просвѣщеніе, которое можемъ давать мы, и можетъ быть настоящимъ просвѣщеніемъ. И главное—надъ всей работой конечная цѣль—«путеводная звѣзда»... Если бы я имѣлъ возможность говорить менѣе, то ты поняла бы, что тутъ совсѣмъ не кадетизмъ.

Не знаю, далеко ли я, съ моими мыслями, отсталъ или ушелъ впередъ отъ жизни. И не знаю, во что практически выльются мои мысли (но до этого еще такъ далеко)... Очень, очень хотѣлось бы уловить въ жизни что-нибудь похожее на мои мысли. Увы, если я и нахожу гдѣ сходство, такъ въ такихъ сборникахъ, какъ «Вѣхи». Страшно компрометирующее сходство. Но что же дѣлать.. Въ «Вѣхахъ» я нашелъ много печальной правды по «нашему» адресу и еще печальнѣе, что эту правду «намъ» говорятъ недружелюбные для «насъ» люди. А печальнѣе всего то, что сами «мы» не только не умѣемъ прійти самостоятельнымъ путемъ къ сознанію этой правды, но ни за что не признаемъ ея, когда слышимъ о ней, къ сожалѣнію, отъ другихъ, отъ чужихъ... Сборникъ написанъ, вѣ-

роятно, отчасти и съ нехорошими цѣлями по отношенію къ «намъ», но правда въ немъ есть... Прочти его, хоть для того, чтобъ больше понять меня такимъ, каковъ я есть...

Для той же цѣли, для вѣщаго уразумѣнія меня, предлагаю тебѣ прочесть два листика, приложенные здѣсь. Это копія съ моихъ трехъ писемъ, которыя я написалъ къ одному изъ здѣшнихъ моихъ единовѣрцевъ, только остающемуся вполнѣ правовѣрнымъ... (Письма къ тов. X.). Здѣсь поднялся большой шумъ вокругъ повѣсти Ропшина. Первоначально почти всѣ, кромѣ меня, повѣсть называли злостнымъ пасквилемъ, написаннымъ кѣмъ-нибудь чужимъ или ренегатомъ... Вотъ этотъ тов. X., совсѣмъ молоденькій, очень симпатичный и талантливый, выступилъ съ рефератомъ о повѣсти. До его выступления я молчалъ, особенно стѣсненный знаніемъ автора и совершенно подавленный ужасно рѣзкимъ и совершенно несправедливымъ отношеніемъ къ повѣсти. Но разъ о ней заговорили публично и разъ автора стали клѣмать публично, я уже не могъ молчать. Не разоблачая псевдонима, я послалъ туда, гдѣ дебатировали рефератъ, свою замѣтку о повѣсти, и высказалъ свою солидарность съ авторомъ. Всѣ были крайне удивлены. Сначала полагали, что на этомъ все закончится: перубѣдить кого-нибудь я не надѣялся, вся моя задача заключалась въ томъ, чтобъ какъ можно рѣзче подчеркнуть свою точку зрѣнія... Но моей «замѣтки» оказалось недостаточно. Моя солидарность съ авторомъ заставила товарищей признать частичную правду повѣсти, но тогда они спросили себя: такъ что же представляютъ изъ себя тѣ, кого они до сихъ поръ воспринимали себѣ «героями»? Когда я вдобавокъ раскрылъ псевдонимъ, то тов. X. спросилъ меня (письмомъ), къ какой же группѣ «воиновъ» принадлежу я? Я ему отвѣтилъ. За первымъ письмомъ послѣдовали еще два... Въ результатѣ получилось слѣдующее: я неожиданно приобрѣлъ много сторонниковъ (мои письма читались широко). Правда, многіе изъ товарищей продолжаютъ говорить: мы не Вани и не Жоржи, но теперь они уже говорятъ объ этомъ безъ презрѣнія и ненависти къ В. и Ж. Они поняли того и другого, одного полюбили, а другого уважаютъ, и совсѣмъ бросили свое прежнее намѣреніе указать имъ дверь, дескать, убирайтесь поскорѣе отъ «насъ». И моя печаль перемѣнилась на радость... Въ концѣ второго листа я привожу стихи этого самаго товарища X., навѣянные нашей полемикой... Завтра, если успѣю, постараюсь переписать еще одно свое письмо,—мой отвѣтъ четверемъ товарищамъ (это письмо № IV переписано), заявившимъ мнѣ о своей солидарности съ моимъ взглядомъ на Ваню...

12. Жень брата.

18 августа.

...Какъ меня трогаетъ ваше разочарованіе Кавказомъ. Вы ожидали красивой природы и красивыхъ людей, а нашли ту же Уфу, только

немного въ другомъ видѣ. Это же романтизмъ, моя дорогая сестрица, искать красоты гдѣ-то тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Красота или около насъ, или ея вовсе нѣтъ. Да и какое же мѣсто для красоты—курортъ, это сборище всесвѣтныхъ инвалидовъ. Уже гдѣ-гдѣ можетъ быть красота, а въ лѣчебныхъ центрахъ ей нѣтъ мѣста. Не обвиняйте Кавказъ за то, что онъ обманулъ васъ, если вы дальше Желѣзноводска никуда не заглянете. Милая моя сестрица, если бы я былъ вмѣстѣ съ вами, мы бы не засидѣлись на одномъ мѣстѣ, заглянули бы въ самые глухіе уголки горъ и долинъ, можетъ быть, подмѣтили бы красоту... Читалъ вотъ я на дняхъ «Путевыя картины» Гейне—описываетъ горы Гарца, побережье Нѣмецкаго моря—какія роскошныя краски находитъ онъ на картинахъ, которыя видитъ, и какъ восторженно-красиво передаетъ ихъ въ своихъ запискахъ. А мнѣ все кажется, что его Гарць не лучше нашего Урала, а Волга можетъ дать не меньше, чѣмъ Нѣмецкое море. Вотъ что значитъ быть поэтомъ, а чуточку поэзіи Богъ вложилъ, вѣдь, въ каждую человѣческую душу. Нужно только, чтобъ заговорила она... Почему вы, Люба, не отвѣтили мнѣ на мой вопросъ о повѣсти Ропшина, понравилась ли она вамъ? Мнѣ понравилась. Съ художественной стороны не вполне удовлетворенъ, но искренностью и силой разсказа взволнованъ до глубины души. Вся повѣсть написана слезами и кровью сердца, нѣтъ ни одного невыстраданнаго слова. Я съ своимъ мнѣніемъ почти одинокъ. Съ другими объ этомъ даже и говорить нельзя,—до того расходятся наши мнѣнія. Неужели и съ вами не сойдусь?..

13. *Ей же.*

3 октября (Зерошуй).

...Я еще съ молодыхъ ногъ былъ большимъ поклонникомъ Ибсена и Гауптмана—интимныя отношенія въ семьѣ меня всегда очень интересовали, хотя и платонически, конечно... Я только говорю, что придаю этой сторонѣ жизни очень большое значеніе и теперь гораздо больше, чѣмъ прежде. Реформой семьи міра, конечно, не перевернешь, но мнѣ кажется, что безъ реформы въ самыхъ интимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ съ людьми все-таки ничего не подѣлаешь. По крайней мѣрѣ, гдѣ, кому дана матеріальная возможность и кто интересуется не только узко-личнымъ, обязаны перевоспитать себя въ то время или даже прежде того, какъ они хотятъ воспитывать другихъ. Кому много дано, съ гѣхъ много и спросится. Люди, матеріально обеспеченные и обладающіе известнымъ интеллигентнымъ багажомъ, однимъ словомъ, интеллигенція, не имѣютъ права отговариваться никакими выопрепными задачами отъ обязанности облагородить самое себя, внутри интимнѣшихъ отношеній. Важны выспреннія задачи, но важно и личное благородство, такъ

что блистаетъ нужно то и другое... Все это азбучныя истины, но вѣдь вся жизнь, въ концѣ-концовъ, есть произведеніе, множителемъ котораго служатъ «азбучныя истины». И страшно интересно и важно, какъ эти «истины» облекаются живою плотью. Съ огромнымъ, никогда не ослабѣвающимъ, интересомъ я читаю и перечитываю Ибсена, Гауптмана, Шнитцлера. Последнее время я получилъ большое наслажденіе и извлекъ много пищи отъ чтенія изданій «Универсальной библіотеки»—очень большое спасибо вамъ за эти книжечки. Непремѣнно прочтите, если еще не читали, «Гертруду» Седеберга, «Юность» Гальбе. Удивительно красивыя и интересныя вещи. А думали ли вы надъ «Одиночками» Гауптмана и Шнитцлера? Охъ, какъ много тутъ правды глубокой, захватывающей... Вчера я прочелъ «Яму» Куприна. Она посвящена матерямъ и юношеству, слѣдовательно, должны прочесть ее и вы, какъ мать. Интересно, какъ взглянете вы на эту, хотя и невыдержанную съ художественной стороны, но очень интересную вещь? Правда, тутъ специфическій интересъ, не то, что въ «Одиночкахъ», «Гертрудѣ» и др. Но все-таки...

14. *Ей же.*

10 октября.

...Что вы читаете, сестрица? Господи, Боже мой, какъ много на свѣтѣ хорошихъ книгъ, и самыя лучшія изъ нихъ какъ разъ самыя «старья»,—тѣ, что мы знаемъ еще съ ученической скамьи и что нами позабыто (хотя и съ почтеніемъ), какъ все, на чемъ легла печать ученическихъ годовъ... Странная судьба нашихъ великихъ писателей, художниковъ и критиковъ. Жили люди,—«люди» въ полномъ смыслѣ этого слова,—жили всею полнотою, какая доступна для человѣка,—много и страстно думали, много и глубоко чувствовали и сокровище своихъ переживаній оставили намъ въ наслѣдство, въ видѣ художественныхъ произведеній несравненной красоты или въ видѣ поучительныхъ размышленій надъ жизнью, о жизни... И вотъ эту-то концентрированную жизнь мы познаемъ еще безусыми юнцами. Что можетъ дать юнцу, на примѣръ, Бѣлинскій или Достоевскій? Конечно, много можетъ дать, но какъ вмѣститъ и измѣрить юное сердце и юная мысль всю бездну премудрости великихъ человѣковъ? Несомнѣнно, Достоевскаго и Бѣлинскаго въ юности мы не узнаемъ, и какъ жаль, если мы удовлетворяемся относительно нихъ лишь знаніями, почерпнутыми въ юности. Вѣдь для нашего брата, средняго человѣка, всей жизни мало, чтобы объять такихъ колоссовъ, какъ Достоевскій и Бѣлинскій... Поэтому, во всѣ критическіе моменты своей жизни, когда мы чувствуемъ, что нашъ жизненный опытъ возрѣлъ, что въ насъ что-то созрѣло для измѣненія, когда, однимъ словомъ, мы стоимъ «на поворотѣ», куда бы то ни было, впередъ или назадъ,

съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя,—дальше, какъ подсказываетъ наше собственное чутье,—во всѣ эти моменты, т.е. не разъ и не два, мы должны возвращаться къ нашимъ классикамъ, учителямъ нашей Юности, и будьте увѣрены, они еще болѣе способны стать учителями Мужества... Всѣ эти мысли навѣяны мнѣ возобновленіемъ знакомства съ Достоевскимъ, Тургеневымъ, Бѣлинскимъ и Н. К. М—скимъ. Главное, Бѣлинскій... Хотя я и былъ подготовленъ найти теперь въ Бѣлинскомъ совершенно новаго и еще незнаемаго мною Бѣлинскаго, но все-таки я пораженъ даже сверхъ всякаго ожиданія. Такая бездна красоты, тонкости чувства и совѣсти,—много такого, чему мы можемъ поучиться еще и теперь. И главное, читая Бѣлинскаго, мы узнаемъ не только его самого, но и другихъ колоссовъ: Пушкина, Лермонтова, Гоголя,—и узнаемъ впервые. Однимъ словомъ, десять новыхъ Америкъ, открытыхъ еще 60—70 лѣтъ тому назадъ... Я бы готовъ былъ просить Васъ, сестрица, попробовать получить тѣ же восторги, которыми я дѣлюсь теперь съ вами: читайте нашихъ классиковъ, читайте по десяти разъ, и въ 10-й разъ вы еще не исчерпаете всего моря....

Какое счастье, что самые лучшіе русскіе писатели доступны и дозволены всѣмъ русскимъ,—людямъ всѣхъ положеній, даже нашему брату «несчастненькому». Мнѣ страстно хотѣлось бы возобновить знакомство и съ иностранными классиками, съ Гете, Шиллеромъ, Байрономъ и Шелли, но ничего (кромѣ «Фауста» и то одной лишь 1-й части) здѣсь нѣтъ...

А вы, сестрица, неужели не прочтете даже «Былое и думы», «Съ того берега», «Кто виноватъ» и «Сороку-воровку» Искандера? Такъ для чего же тогда существуетъ воля безъ стѣнъ и ограниченій? Э, эх...

15. *Е ѣ же.*

7 ноября.

...Мнѣ интересно знать не только о вашемъ здоровьѣ, о томъ, что вы читаете, но также и о томъ,—и это еще интереснѣе,—что вамъ нравится, что вы одобряете и что не одобряете. Съ этой стороны вашъ отзывъ о «Вѣхахъ» мнѣ очень интересенъ. Вы уже знаете, что мое мнѣніе о В. не вполне сходится съ вашимъ: я уже говорилъ вамъ, что, несмотря на всю злостность сборника, въ немъ, по моему, есть кое-какая, поучительная для нашего брата, правда, и прискорбно, что эту правду приходится выслушивать изъ чужихъ, да еще столь недружелюбныхъ устъ; и было бы еще прискорбнѣе, если бы признать правду правдой намъ помѣшало благословеніе Антонія...

16.

24 ноября.

Дорогой отецъ, получилъ ваше письмо отъ 2-го октября. Благодарю. Съ тяжелымъ чувствомъ читалъ я вашъ отвѣтъ на мое искреннее и полное всякихъ хорошихъ желаній по отношенію къ вамъ посланіе. Мнѣ

было бы стыдно за себя, если бы я дѣйствительно написалъ то, что вы нашли въ моемъ письмѣ. Но вѣрьте мнѣ, ничего подобнаго не было и не могло быть. Вы пишете про меня, будто я считала васъ «дряхлымъ и неспособнымъ старикомъ, отсталымъ и неспособнымъ къ работѣ, потому, что вы неученый человѣкъ». Дальше вы пишете «про ученыхъ и очень образованныхъ людей, которые не работаютъ, а только проповѣдуютъ идеи учености», считаете это «самою главною неблагодарностью», самымъ главнымъ зломъ современности то, что «учиться теперь хочется всѣмъ поголовно, а работать ей-богу никому не хочется».

Да, мнѣ очень, очень тяжело было услышать эти слова отъ васъ. Изъ нихъ я увидѣлъ, какъ обманчива была моя радость, которую я испытывалъ въ Москвѣ при свиданіи съ вами...

Дурень я, дурень... я имѣлъ наивность думать, что нашеть въ васъ друга, который, если и не раздѣляетъ моихъ взглядовъ, то во всякомъ случаѣ умѣетъ понять ихъ и отнестись къ нимъ съ уваженіемъ. И теперь я снова увидѣлъ, что вы все тотъ же, какимъ были, когда я жилъ въ вашемъ домѣ и своею дѣятельностью заставлялъ васъ не только страдать, но и стыдиться за меня. Въ вашихъ глазахъ я, попрежнему, мечтатель, неблагодарный сынъ, который забавляется легкимъ и пріятнымъ дѣломъ проповѣдыванія идей; а всю тяжелую работу ввалилъ на васъ и на тѣхъ, передъ кѣмъ проповѣдуетъ... Я не работникъ, лѣнтяй, дармоѣдъ, шалопай... И сколько еще другихъ ругательствъ можно вычитать по нашему адресу въ «Новомъ Времени» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости» могутъ гордиться все что имъ заблагоразсудится, мнѣя они никакъ не интересуютъ и не трогаютъ. Но когда вижу, что вы, мой отецъ, думаете обо мнѣ такъ же дурно, какъ мои враги, я не могу оставаться спокойнымъ и хладнокровнымъ. Сердце сжимается отъ боли, какъ будто порывается что-то очень дорогое... Было время, когда я страшно страдалъ оттого, что вы не понимали меня, объясняя мое, нежелательное для васъ, поведеніе нехорошими мотивами, моею неблагодарностью по отношенію къ вамъ, моею неохотою трудиться и, въ лучшемъ случаѣ, можеть - быть, моею глупостью. Но, слава Богу, мнѣ казалось, что тѣ тяжелыя времена прошли. Наши свиданія послѣ суда, когда мы прощались навѣки, подали мнѣ лучъ надежды на то, что вмѣстѣ со временемъ и вы можете измѣниться. Вспоминая о васъ въ Шл—гѣ, я всегда радовалъ себя этою надеждою. Когда же, по выходѣ изъ могилы, мы снова повстрѣчались, для меня начались чуть ли не самыя счастливыя времена: мнѣ, глупцу, показалось, что мои родные по крови перестали быть врагами по духу... И теперь снова мракъ, снова между нами стѣна непониманія. Снова мои радости и надежды, мое горе и отчаяніе чужды для васъ.

Какимъ смѣшнымъ, какимъ глупымъ я долженъ быть казаться вамъ тогда, въ Москвѣ, въ своихъ изліяніяхъ...

Почему вы не сказали мнѣ этого открыто, въ лицо? Было бы легче, чѣмъ теперь разочаровываться...

Ахъ, я понимаю, откуда могъ получиться этотъ обманъ. Я знаю, вы любите меня и такъ сильно, что вы не имѣли бы силъ говорить со мною открыто въ моментъ первой встрѣчи. Вы поступили со мной, какъ поступають съ калризнымъ или больнымъ ребенкомъ. «Пусть, дескать, потѣшится бѣдный мальчижъ».

А, можетъ - быть, тутъ виновато и безвременье, въ которое намъ приходится жить...

Тогда вы еще не могли съ увѣренностью сказать, на чьей сторонѣ будетъ сила, а значить и... правда, потому что побѣдителей легче оправдать, чѣмъ побѣжденныхъ... Теперь не то. Теперь кругомъ мрачно и тяжело, безпросвѣтно. Отчаяніе само просится въ душу, и нужно обладать всею силою вѣры въ правоту дѣла и всемъ знаніемъ историческихъ причинъ, приведшихъ дѣла въ данное положеніе, чтобы не потерять разума и неизмѣнно вѣрить, что за ночью непременно придетъ день. Вы имѣете право усумниться, а значить, снова назвать насъ мечтателями... Если такъ, то мнѣ ничего уже не подѣлать. Остается только пожелать, чтобы дни вашей жизни продлились.

Но пусть вы имѣете право бросить намъ въ лицо названіе «мечтателей». Какое же право имѣете вы сказать про насъ, что мы уклоняемся отъ дѣла, что мы проповѣдуемъ только свои идеи и не хотимъ работать? Въ такомъ случаѣ, Христовы апостолы были тоже бездѣльниками и лѣнтяи, потому что они бросили свои семьи, свою домашнюю работу и пошли проповѣдовать идеи. И фарисеи про нихъ навѣрное говорили, что они «только проповѣдуютъ, а не работаютъ».. Вы скажете, такъ, вѣдь, то были апостолы. Но, вѣдь, и мы умѣемъ умерать за то, что считаемъ правдой, за свои идеи...

Даже вамъ, отецъ, я не позволю такъ оскорбительно отзываться о моихъ идеяхъ и о людяхъ, которые ихъ «только проповѣдуютъ». Я васъ люблю, хотите вѣрять, хотите нѣтъ, доказать мнѣ нечѣмъ, я васъ люблю, но мои идеи, моя правда для меня дороже васъ, дороже всего на свѣтѣ, иначе ради нея я не бросилъ бы васъ, богатую сладкую жизнь, не пошелъ бы на смерть. Для меня ничего не измѣнилось. Я все тотъ же...

А оскорбительнаго для васъ въ прежнемъ письмѣ я ничего не написалъ, по крайней мѣрѣ, былъ далекъ отъ всякой мысли объ этомъ. Боже, какая разница между вашимъ первымъ письмомъ и вторымъ. Въ первомъ,—каждая строчка любовь. Тамъ вы жаловались на свое одиночество, которое выпало на долю вашей старости. Въ порывѣ безпредѣльной жалости къ вамъ, нѣжнаго сочувствія къ вамъ, я вамъ отвѣтилъ... вмѣстѣ съ тѣмъ я высказалъ нѣсколько предположеній, какъ бы, на мой взглядъ, можно облегчить тяготу, лежащую на вашихъ старыхъ плечахъ.

Послѣ вашего письма я вижу, что мои предположенія съ практической стороны никуда не годятся. Пусть такъ. Но какимъ образомъ вы могли усмотрѣть въ моихъ наивныхъ совѣтахъ что-то нехорошее, обидное для васъ? Богъ съ вами послѣ этого...

Мнѣ и раньше было совѣстно, а теперь прямо становится невозможно прибѣгать къ вашей помощи. Раньше мнѣ все-таки казалось, что въ вашихъ глазахъ я не бездѣльникъ и, скрѣпя сердце, я рѣшался брать изъ вашего трудового заработка кое что, а иногда много, утѣшая себя тѣмъ, что эту помощь я трачу не на себя. Теперь я не имѣю права принимать отъ васъ денегъ, потому что, расходуя ихъ здѣсь совместно съ товарищами, я далъ бы вамъ право упрекнуть не только меня, но и товарищей въ дармоѣдствѣ. Лично для меня мнѣ ничего не надо... Благодарю, отъ всей души благодарю васъ за всю вашу любовь и за всѣ ваши прежнія жертвы. Ваши послѣдніе 100 рублей, а также теплыя вещи получилъ... Больше мнѣ ничего не надо, не присылайте и того, о чемъ уже просилъ... Если впредь отъ васъ придутъ деньги, я верну ихъ обратно (вернулъ бы и послѣдніе 100 р., да уже нельзя).

Не думайте, что моя любовь къ вамъ, отецъ, измѣнится послѣ случившагося. Я до конца своей жизни буду любить васъ, буду считать себя вашимъ неоплатнымъ должникомъ за всѣ ваши жертвы, и только вмѣсто радости, эта любовь будетъ давать мнѣ одно страданіе, страданіе безсилія отблагодарить васъ за жертвы жертвами... Я всецѣло отдался дѣлу, которое считало правымъ, и для родныхъ, а также для самого себя у меня ничего не осталось...

Я всего себя отдалъ въ жертву дѣла и, если получу возможность еще разъ отдаться, я не задумаюсь отдаться вторично... Отплатить за ваши жертвы чѣмънибудь, хотя отчасти, я не могу... Только развѣ одною молчаливою и бесполезною любовью къ вамъ. Обнимаю васъ и мою милую, добрую, бесконечно хорошую мамочку; за нее я увѣренъ, она никогда не кинетъ комокъ прязи въ то, что для меня является святыней.

Любящій васъ *Егоръ.*

17. *Жизнь брата.*

27 ноября.

...Что же это вы, сестра, не умѣете пользоваться жизнью, почему не читаете? Когда я перечисляю умомъ все, что теперь даетъ литература и наука, я говорю себѣ: какъ хороша и интересна жизнь. Если бы не правда-справедливость, которая подколодной змѣей заглаилась въ сердцѣ, то можно бы забыться за одною правдою-истиной, особенно съ прибавленіемъ красоты. Мнѣ кажется, не отсутствіе интереса, а ваше неумѣнье устроиться, удерживаетъ васъ отъ приобщенія къ роскоши жизни—къ литературѣ. Покупайте, выписывайте, берите, наконецъ, изъ

библиотеки каждую книжную новинку, читайте каждую новую книжку журнала, какъ вы можете жить безъ этого? Ницше, Метерлинкъ, сборники «Знанія»—красота, опьяняющая, какъ весна съ ея душистымъ, прозрачнымъ небомъ, пѣснями, цвѣтами. Если живете для себя, живите прекрасно, умѣйте наслаждаться тѣмъ, что для васъ такъ легко, доступно. Если бы вы увлеклись этимъ, вы сразу получили бы средство въ руки, при помощи котораго могли бы сблизиться съ мамой. Вы могли бы черезъ литературу приобщить къ жизни и мамочку. Въ современной литературѣ мама найдетъ столько близкихъ, родныхъ мотивовъ. Сестричка, читайте ей все, что можетъ заинтересовать ее, какъ мою мать. И прежде всего прочтите ей очерки Савиной: «Годы скорби» (въ «Быломъ» за 1906 г.) и «На волосокъ отъ смерти» (въ «Быломъ», янв. 1907 г.) и еще два рассказика, названій не помню: одинъ помѣщенъ въ послѣднихъ книжкахъ «Образованія» за 1906 г., а другой въ «Русск. Бог.» или «Совр. Миръ» за этотъ годъ. Потомъ прочтите «Мать» Горькаго, «На войнѣ» Версаева, «Легенду стараго замка» Чирикова, «Мать» Бернштама (въ его сборникѣ «За право» или въ «Образованіи» за 1905 г.), «Изъ воспоминаній о Иванѣ Платоновичѣ» («Зн. Труда», № 3) и вообще всѣ рассказы на современныя темы. Сдѣлайте это, пожалуйста, и скажите ей, что я хочу, чтобы она все это выслушала... Вы увидите, какъ много вы дадите мамѣ, если исполните мою просьбу...

18.

12 декабря.

...Какъ же поживаетъ теперь моя хорошая мамусенка? Грустна, болѣетъ все? И не чувствуетъ радости оттого, что на нее со всѣхъ сторонъ смотрятъ милыя родныя лица, что ее окружаютъ родныя стѣны, родныя вещи, что даже воздухъ, которымъ дышитъ она теперь, вѣтъ чѣмъ-то роднымъ, мягкимъ, теплымъ?... Нѣтъ, навѣрное, тебѣ хоть ненадолго, временами, становится хорошо, уютно, по-домашнему, не правда ли, моя родная? Помнишь, какъ, бывало, ты хлопотала передъ большими праздниками? Вѣдь, дымъ котормышломъ стоялъ. И всѣхъ насъ ты заражала своею хозяйственностью. Переставляешь вещи, норовишь, чтобъ все выглядѣло красивѣе, уютнѣе. Все блеститъ чистотою. То тамъ, то здѣсь робко выглядываетъ, среди старыхъ знакомыхъ вещей, какая-нибудь новинка, еще не привыкшая къ новому мѣстожителю. Какой-нибудь новый пышный абакуръ, который потомъ, когда загорится лампа, придастъ всей обстановкѣ какой-то фантастическій колоритъ. Полы сверкаютъ, какъ зеркало. Кружевные занавѣски падаютъ сверху внизъ, какъ бѣлая мечта. Чистая зелень освѣженныхъ растений привольно раскинула листья и какъ-будто любитъ на себя и на похорошѣвшую обстановку. Мамочка, хлопотливая хозяйка, уже создала праздникъ въ домѣ. Но ей этого еще мало. То-и-дѣло куда-то ѣздитъ, что-то каждый

разъ привозить новое, тащить все новыя и новыя соломинки для родного гнѣзда. На кухнѣ цѣлое столпотвореніе. Лучше и не заходить туда, — тамъ цѣлый соблазнъ: такъ аппетитно пахнетъ Рождествомъ, что того и гляди попробуешь заблаговременно. Начинаетъ смеркаться, зажигаются лампадки. Въ домѣ становится таинственно-тихо. Какое-то чудо творится, что-то гдѣ-то готовится родиться. Цѣлую ночь не дома, служба. Возвращаешься домой еще въ темнотѣ. Въ домѣ уже совершилось чудо: въ него уже вошелъ праздникъ и пока-что торжественно притаился въ сумеркахъ тихихъ комнатъ. Обходишь ихъ и чувствуешь свѣтлаго гостя. Съ спокойной душой ненадолго отдаешься крѣпкому ласковому сну, послѣ котораго встаешь съ возобновленными силами. На столѣ уже сверкаетъ и весело дымится легкимъ паромъ самоваръ. Веселый звонъ посуды кричитъ: съ праздникомъ, о томъ же поворить бѣлоснѣжная скатерть. Милая мамочка нарядная, но еще по-домашнему, царствуетъ за столомъ. Папа благодушно пріютился рядомъ съ нею. На лицахъ покой и тихая радость. Съ праздникомъ, милые... Я такъ ярко представляю себѣ все это, что жаль отрываться. Неужели ничего этого нѣтъ? Непремѣнно должно быть, пусть по-другому. Пусть многія мѣста за столомъ пусты. Пусть многихъ не хватаетъ. Но вѣдь за этимъ столомъ расцвѣли теперь свѣжіе цвѣты дѣтскихъ лицъ. Надъ грустными опустѣлыми мѣстами раздается свѣтлая музыка дѣтскаго лепета. Притяядись, прислушайся. мамочка, и улыбнись. Перестань жить прошлымъ, пріютись къ настоящему, оно такъ проситъ твоего вниманія...

1910 годъ.

1.

16 января.

...Мамусенька, тебѣ еще не надобѣли мои просьбы? Вѣдь, у меня ихъ снова куча. Напоминаю тебѣ о томъ, о чемъ говорилъ въ прошломъ письмѣ, о глазномъ лѣкарствѣ купролѣ. Въ Уфѣ его, навѣрное, не найдется, придется выписывать отъ Феррейна изъ Москвы. Для сокращенія времени вы бы могли послать туда докторскій рецептъ и деньги, указавши мой адресъ. А то моему товарищу грозитъ слѣпота. У него одного глаза нѣтъ, онъ удаленъ операцией. Теперь онъ очень воспаляется и заражаетъ здоровый глазъ. Очень опасная штука. Пожалуйста, устройте это. Пришлите еще лѣкарства отъ малокровія: ферратину и какихъ-нибудь возстанавливающихъ средствъ. Ты, мамочка, вѣроятно, много перепробовала такихъ вещей; спроси своего доктора. Отъ головныхъ болей пришлите аспирину. Иногда присылайте какао и кофе. Все это идетъ наиболѣе слабымъ изъ моихъ друзей; нѣкоторые страшно истощены и страдаютъ острымъ малокровіемъ, почти до обмороковъ. Въ тюремной аптекѣ бываютъ хорошія лѣкарства, но они скоро выходятъ, потому что больныхъ очень много. Не найдете ли въ Уфѣ желѣзо-альбуминатъ Грю-

липпа; если есть, пришлите фунтовую бутылочку. Только справьтесь въ аптекъ, выдержать ли это лѣкарство морозъ, и не разорветъ ли бутылочку при замерзаніи жидкостей. Все это обойдется вамъ недешево. Но страхъ за здоровье дорогихъ мнѣ людей заставляетъ меня обращаться къ вашей щедрости... И еще просьба: впредь изъ той суммы, которую вы ассигнуете ежемѣсячно для меня, десять рублей высылайте на имя заключеннаго (здѣсь же) Григорія Никипича Фролова. Вамъ, вѣдь, все равно, а для меня это важно...

2. Женя брата.

20 февраля.

...Вашей холодности къ «моей» Венерѣ Милосской я не удивляюсь. Чтобы воспринять ея красоту, надо или обладать чувствомъ эллинскаго восхищенія чистою формою, или же предварительно много думать о Венерѣ, сочетать съ ея образомъ много ассоціацій, которыя бы могли косвеннымъ путемъ привести къ пониманію чистой формы, если путь непосредственнаго воспріятія ея отъ природы заказанъ. Я лично совершенно не эллинь и не умѣю чувствовать красоту чистыхъ формъ, и если бы меня не заставили думать о Венерѣ Гл. Успенскій, Гейне, Тургеневъ и др., то я навѣрное прошелъ бы мимо нея холоднымъ. Къ Венерѣ я пришелъ, какъ старый знакомый. Это значить, что я прикидывалъ къ ней не свою, книжную мѣрку, нѣтъ, мое ощущеніе отъ нея было очень живое. Да и что человѣкъ можетъ изъ своихъ переживаній назвать «своимъ»? Только очень ограниченный кругъ и, можетъ-быть, самыхъ элементарныхъ ощущеній. Остальное, наиболѣе сложное и утонченное, дается воспитаніемъ и самовоспитаніемъ. Безъ художниковъ мы, навѣрное, не умѣли бы воспринимать красоту многихъ вещей природы и искусства, которыя теперь высоко цѣнимъ, какъ самое прекрасное въ жизни...

3.

5 июня.

Люба въ последнемъ письмѣ (даты на немъ нѣтъ, на конвертѣ 18-го мая) пишетъ, что ты хотѣла бы получить мою карточку, посмотреть, какимъ «старикомъ» я сталъ. Увы, мамусенька, карточки у меня, вообще, нѣтъ, самую послѣднюю мою карточку (отъ начала 908 г.) ты имѣешь. Теперь сняться я не могу, не разрѣшать. Передъ уходомъ на поселеніе всякаго снимаютъ, вотъ тогда и постараюсь послать тебѣ свою самую новую фizioномію. Мало она тебѣ скажетъ, развѣ только невыразительнѣе стала. Время налагаетъ свои слѣды не столько на наружность, сколько на душу, на силы. А физически послѣ цѣлыхъ лѣтъ заключенія прибавится развѣ нѣсколько морщинокъ и сѣдыхъ волосковъ, и все

туть. Если такъ, то, можетъ быть, воля своимъ свѣжимъ воздухомъ свѣтъ всю старость; и снова будемъ молоды бодростью и силами...

4.

19 июля.

Моя ненаглядная мамусенька. Знаю, съ какимъ нетерпѣніемъ и даже волненіемъ будешь, послѣ моей телеграммы, ожидать этого письма. Боюсь, что мое неожиданное приглашеніе, послѣ прежнихъ отсовѣтованій, пріѣхать на свиданіе ты истолкуешь неблагополучіемъ или болѣзною у меня. Я долго думалъ, прежде чѣмъ рѣшился телеграфировать тебѣ, и все-таки рѣшился. У меня появились надежды на возможность повидаться съ тобой, и я не хотѣлъ медлить, потому что лѣто скоропреходяще, а осенью даже при всѣхъ желаніяхъ ты пріѣхать не сможешь. Причины, которыя заставили меня перерѣшить вопросъ о твоёмъ пріѣздѣ, таковы. Въ случаѣ моего ухода на поселеніе нынче зимой по дорогѣ мы могли бы увидѣться съ тобою лишь разъ-другой, да и то еще неизвѣстно, при какой обстановкѣ. Можетъ-быть, обстановка будетъ такова, что мы лучше откажемся отъ свиданій. Если бы меня послали обычнымъ порядкомъ, въ Баргузинъ, вопросъ разрѣшился бы очень просто: ты бы пріѣхала ко мнѣ на мѣсто моей «сылки». Но въ назначеніи мѣсть поселенія бывають исключенія, и я какъ разъ «исключительный» человекъ, и могу съ большою долею вѣроятія ожидать себя не Баргузина, а мѣста несравненно болѣе отдаленнаго: Якутской области, напримѣръ. Если мое предположеніе обудется, это значить—наше свиданіе оттягивается на неопредѣленно-долгое время. Мы оба съ тобой можемъ не ложить до этого. Поэтому, если есть какакая-нибудь возможность увидѣться нынче лѣтомъ, то мы должны использовать ее, иначе будемъ очень жалѣть и каяться впоследствии. Нѣкоторыя обстоятельства заставляли меня до сихъ поръ сомнѣваться насчетъ возможностей. Теперь вмѣсто сомнѣній появились надежды. Правда, многого мы не получимъ: въ самомъ счастливомъ случаѣ тебѣ удастся прожить здѣсь недѣли три,—ни въ какомъ случаѣ не больше мѣсяца, получая свиданія два въ недѣлю. Если здоровье твое позволяетъ тебѣ поѣздку и если то немногое, что я имѣю основаніе общать тебѣ въ случаѣ твоего пріѣзда, соблазняетъ тебя, то пріѣзжай. За то время, которое пройдетъ между полученіемъ телеграммы и этого письма, ты успѣешь обдумать, можешь ли ты поѣхать, и если рѣшишься, то выѣзжай сейчасъ же послѣ письма, чтобъ не терять лѣтняго времени... Теперь практическая сторона дѣла. Разрѣшеніе на свиданіе зависитъ отъ Читинскаго губернатора. Поэтому ты, по дорогѣ сюда, должна будешь остановиться на нѣсколько дней въ Читѣ. Если губернатора въ это время въ городѣ не случится, то ты обратишься къ тому лицу, которое будетъ его замѣнять. При посѣщеніи губернатора

не волнуйся: укажи ему на свои лѣта, на состояніе своего здоровья и на то, что мы не видались уже съ 1906 года, а также изъ какого далека ты пріѣхала; во имя всего этого проси у него разрѣшенія прожить въ Горномъ Зерентуѣ съ мѣсяць или, въ крайнемъ случаѣ, недѣли съ три, укажи ему, что въ противномъ случаѣ, т.-е. если бы тебѣ пришлось уѣзжать изъ Зерентуя вскорѣ послѣ пріѣзда, ты не вынесешь обратной поѣздки на лошадахъ. Объ условіяхъ свиданія съ губернаторомъ ничего не говори, эта сторона вырѣшится уже здѣсь на мѣстѣ. Смотри, что будетъ написано въ бумагахъ, которую дастъ тебѣ губернаторъ: иногда случаются недоразумѣнія на этой почвѣ: послѣ всѣхъ просьбъ напишутъ тамъ «разрѣшеніе на одно свиданіе», и когда пріѣдутъ сюда, то здѣсь уже ничего подѣлать не могутъ. О томъ, какъ и что поворить губернатору, посоветуйся еще дома съ людьми свѣдущими. Можетъ-быть, ты даже запасешься прошеніемъ на его имя и подашь его при посѣщеніи губернатора. Для полученія разрѣшенія жить здѣсь тебѣ необходимо запастись свидѣтельствомъ о благонадежности отъ уфимскаго жандармскаго управленія; его, вмѣстѣ съ своимъ паспортомъ, ты и представишь губернатору... Видишь, сколько хлопотъ тебѣ будетъ стоить свиданіе. Рѣшишься ли ты на все это? Одна поѣхать сюда ты, конечно, не можешь. Съ кѣмъ же? Я бы очень желалъ повидаться съ тетушкой М. С. и Ваней, но они такъ мало могутъ получить отъ поѣздки, а она будетъ стоить имъ такъ много денегъ и хлопотъ, что мнѣ совѣстно приглашать ихъ. Напротивъ, я долженъ отговорить ихъ отъ поѣздки. Можетъ случиться, что губернаторъ или совсѣмъ не разрѣшитъ имъ свиданья со мною, или разрѣшитъ лишь одно; и придется имъ тогда жить здѣсь совершенно задаромъ. А можетъ даже случиться такой казусъ, что не успѣютъ они пріѣхать сюда, какъ имъ придется сейчасъ же уѣзжать. Вообще имъ-то особенно грозитъ множество случайностей. Возможность которыхъ и заставляетъ меня отговаривать ихъ отъ поѣздки. Но, съ другой стороны, ѣхать съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ и людей не столь робкихъ, какъ ты—это не только намного облегчило бы тягости твоего путешествія, но и сильно увеличило бы шансы на удачу у губернатора. Думаю, что тетушка М. С. была бы самое подходящее лицо въ данномъ случаѣ. Ваня, какъ молодой человѣкъ, почти студентъ, не можетъ произвести надлежащаго впечатлѣнія на власть имущихъ. А тетушка—дама почтенная и настоящая тетушка, съ пою же фамиліей, какъ моя. Ей губернаторъ, надо надѣяться, не откажетъ бы въ разрѣшеніи пожить здѣсь и видѣться со мною. Но рискъ неудачи все-таки остается. Поэтому тебѣ придется ѣхать, вѣроятно, съ прислугой. Кто бы ни поѣхалъ съ тобой, имѣйте въ виду, что и это лицо должно запастись свидѣтельствомъ о благонадежности (въ уфимск. жанд. управл.) и разрѣшеніемъ у чилинскаго губернатора жить здѣсь. Если поѣдешь съ прислугой, то при посѣщеніи губернатора такъ и заяви ему, что тебѣ, по

твоему нездоровью, ѣхать и жить одной невозможно; поэтому въ разрѣшеніи на жительство здѣсь пусть выпишутъ и ямя прислуги (у ней тоже долженъ быть паспортъ)... Ну, теперь, кажется, предусмотрѣлъ и указалъ все, что можетъ пригодиться съ официальной стороны. Если съ Читой ты устроишься, какъ слѣдуетъ, то о дальнѣйшемъ можешь ужъ не беспокоиться. По приѣздѣ сюда явишься къ начальнику тюрьмы и, вѣроятно, къ начальнику каторги, представишь ямя ювой паспортъ и губернаторскую бумагу, и всѣ твои хлопоты этимъ, надо надѣяться, закончатся... На бумагѣ все это выходитъ сложнѣе и страшнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Весь вопросъ все-таки въ твоёмъ здоровьѣ: если оно позволить тебѣ рѣшиться на путешествіе, то ты, надѣюсь, справишься со всѣми затрудненіями.

Помимо официальныхъ затрудненій есть еще и другія,—болѣе серьезныя при твоёмъ плохомъ здоровьѣ: это—сама дорога. До Иркутска, правда, ты могла бы доѣхать болѣе или менѣе удобно,—лучше всего скорымъ поѣздомъ, въ скоромъ поѣздѣ отъ Уфы до Иркутска безъ пересадки (разъ ты рѣшишься на поѣздку, то съ расходами, думаю, стѣсняться не станешь). Въ Иркутскѣ ты можешь, совершенно не останавливаясь, пересѣсть на другой поѣздъ и продолжать путешествіе на Читу. Или же остановиться въ гостиницѣ на сутки. Но такъ или иначе тебѣ необходимо повидаться въ Иркутскѣ съ родителями моего товарища Яши Шмулевича, чтобы получить отъ нихъ указанія, какъ тебѣ удобнѣе всего ѣхать на лошадахъ. Они, какъ мѣстные жители, могутъ дать тебѣ очень полезныя указанія. А самъ я, какъ невольный житель здѣшнихъ прекрасныхъ мѣстъ, въ этомъ отношеніи совершенно несвѣдуецъ. Изъ Челябинска ты подай телеграмму по такому адресу: Иркутскъ, Солохотимскому. Извѣстишь, какого числа и какимъ поѣздомъ ты будешь въ Иркутскѣ и думаешь ли ты остановиться тамъ; если не думаешь, то попросишь ихъ выѣхать на вокзалъ для свиданія. Ну, а если остановишься въ Иркутскѣ, то отправишься на 4-ю Солдатскую ул., домъ № 18, къ Софіи Романовнѣ Хотимской (это и есть мать Яши). Она уже будетъ извѣщена о возможности твоего посѣщенія... Какъ бы ты рѣшила на счетъ Иркутска (остановишься тамъ или нѣтъ), телеграмму туда все-таки подай заблаговременно, а то они могутъ случайно не оказаться въ Иркутскѣ въ тотъ день, когда ты приѣдешь туда. А чтобы они узнали тебя при встрѣчѣ, я постараюсь послать имъ твою карточку. Теперь дальнѣйшее путешествіе отъ Иркутска до Читы. Ѣхать придется желѣзной дорогой сутокъ 2½. Въ Читѣ ты остановишься въ гостиницѣ, вѣроятно, на день, на два, а можетъ-быть, и больше, въ зависимости отъ того, какъ скоро тебѣ удастся увидеть губернатора и получить отъ него разрѣшеніе. Тамъ кстати повидайся съ тетей Анной Васильевной Диковской (Смоленская ул., д. № 20). Можетъ-быть, она тебѣ сообщитъ какія-нибудь полезныя свѣдѣнія насчетъ того, какъ добиться разрѣшенія у губернатора и на-

счетъ дальнѣйшей дороги. Запасшись разрѣшеніемъ губернатора, ты снова поѣдешь по желѣзной дорогѣ или на Стрѣтенскъ, или на Борзю. Съ этихъ двухъ пунктовъ кончается твое путешествіе по желѣзной дорогѣ и начинается самое трудное—ѣзда на лошадахъ. Вышеупомянутыя лица въ Иркутскѣ и въ Читѣ тебѣ для этого и необходимы, что они, какъ мѣстные жители, могутъ дать тебѣ полезныя свѣдѣнія о путешествіи на лошадахъ. Насколько я сумѣлъ разузнать здѣсь объ этой дорогѣ, могу сообщить слѣдующее. Безразлично, какъ въ отношеніи стоимости, такъ и качества дороги, поѣдешь ли ты со Стрѣтенска или съ Борзи. Отъ обоихъ пунктовъ до Горнаго Зерентуя приблизительно одинаковое разстояніе, около 280 верстъ,—только отъ Борзи—степь, а отъ Стрѣтенска—лѣса. Лучше всего ѣхать на почтовыхъ, хотя и выйдетъ немного дороже. Парою двоимъ при трехъ пудахъ багажа обойдется рублей 25. Если багажа будетъ больше 3 пудовъ, то придется добавить за особую цѣну вторую пристяжную. При медленной ѣздѣ только днемъ проѣдешь 2½—3 дня. Ѣхать въ тарантасѣ; въ сырую погоду можно въ крытомъ. Ночевки на почтовыхъ станціяхъ. Можно ѣхать и по ночамъ, но тебѣ лучше не ѣздить и отдыхать. На станціяхъ, какъ и въ Россіи, къ твоимъ услугамъ всѣ деревенскіе припасы: чай, молоко, яйца. Только бѣлаго хлѣба не найдешь. Совѣтую застаться слѣдующими вещами: кожанымъ резиновымъ плащомъ; парою подушекъ на человѣка; дорожнымъ матрацемъ, чтобы удобнѣе сидѣть; байковымъ одѣяломъ; осеннимъ, т.-е. ватнымъ платьемъ (утренники здѣсь бываютъ холодные). Общая ямщику на чай, ты всегда сможешь добиться того, что сидѣть въ тарантасѣ будетъ удобно. Лишняго багажа съ собой не бери, чтобы не обременять, но необходимымъ обзаведись капитально. Если багажа выйдетъ слишкомъ много, то, вѣроятно, придется отправлять его съ Борзи или Стрѣтенска нарочнымъ, что выйдетъ недешево. Для дороги обезпечь себя такими съѣстными припасами, какъ какао, печенье и бѣлый хлѣбъ. Не забудь захватить дорожный чайникъ и спиртовую лампочку (спиртъ можешь достать въ казенкахъ). Ну, что еще посоветовать, не придумаю. Если не получишь никакихъ адресовъ для Борзи и Стрѣтенска, то можешь, по приѣздѣ туда, сейчасъ же съ поѣзда отправиться на почтовую станцію. Въ Стрѣтенскѣ имѣется гостиница, гдѣ ты и сможешь переночевать, если не выйдешь въ тотъ же день. А есть ли гостиница въ Борзѣ, этого, къ сожалѣнію, не знаю. Не забудь въ дорогу прихватить порошокъ отъ насѣкомыхъ и одеколонъ, это очень пригодится на здѣшнихъ станціяхъ. Чтобы не брать съ собою въ дорогу лишнихъ денегъ и не рисковать ихъ потерей, ты можешь взять съ собою лишь самую необходимую сумму, а остальное изъ Читы перевести сюда на свое имя, по приѣздѣ получишь. Теперь, кажется, уже все...

Я знаю состояніе твоего здоровья и всѣ трудности, которыя тебя ожидаютъ, но издали онѣ кажутся навѣрное еще больше. Все зависитъ

отъ твоего здоровья; если оно теперь очень слабо, то лучше, конечно, и не пускаться въ путь. Если же чувствуешь въ себѣ немножко силы, то ты знаешь, какъ много ты и я получимъ отъ нашего свиданія. Рѣшай же, мамусенька, милая. Не бойся огорчить меня своимъ отказомъ. Ты, вѣдь, понимаешь, что все дѣло въ тебѣ, а не во мнѣ. Если поѣдешь, то, я думаю, нѣтъ смысла тебѣ стѣснять себя экономическими соображеніями, потому что то, что ты выиграешь въ затратахъ, то проиграешь въ здоровьѣ; больше потомъ уйдетъ на лѣченіе. Если поѣдешь не скорымъ, а почтовымъ поѣздомъ, то поѣзжай въ 1-мъ классѣ, а прислуга въ 3-мъ. Это обойдется врядъ ли дешевле, чѣмъ двоимъ въ скоромъ (тогда обоимъ пришлось бы ѣхать въ 2-мъ классѣ). Поѣздка во 2-мъ классѣ на почтовомъ тебя бы измучила такъ, что врядъ ли ты смогла бы продолжать путешествіе на лошадахъ. Если бы ты рѣшила не останавливаться въ Иркутскѣ, то со скорымъ ты могла бы доѣхать до самой Читы. Если же рѣшишь остановиться въ Иркутскѣ, то билетъ придется взять (если на скоромъ) только до Иркутска, потому что со скорого поѣзда остановокъ дѣлать нельзя... Въ общемъ ты проѣдешь сюда со всѣми остановками въ Читѣ и Иркутскѣ, а также съ отдыхами по здѣшней дорогѣ, не больше двухъ недѣль. Следовательно, если не запоздаешь съ выѣздомъ, то въ серединѣ іюля ты уже можешь быть здѣсь. Здѣсь сумѣешь устроиться болѣе или менѣе удобно. Есть здѣсь докторъ, можешь и подлѣчиться съ дорожки. Недѣльки за три отдохнешь. Природа здѣсь лѣтомъ чудесная. Ну, такъ какъ же, мамочка? Если рѣшишь поѣхать, то телеграфируй брату, спроси его, не дастъ ли онъ тебѣ какихъ совѣтовъ на счетъ путешествія. Подожди его телеграфнаго отвѣта. А мнѣ телеграфируй изъ Уфы, когда, съ кѣмъ и на какомъ поѣздѣ выѣдешь; затѣмъ изъ Иркутска телеграфируй о своемъ здоровьѣ и остановишься ли ты тамъ. Изъ Читы—какъ устроишься съ губернаторскимъ разрѣшеніемъ, о днѣ выѣзда оттуда и какъ рѣшишь ѣхать, черезъ Спрѣтенскъ или Борзю. И еще телеграммку изъ Спрѣтенска или изъ Борзи...

Пригодятся ли тебѣ всѣ мои совѣты? Моя хорошая, моя милая мамочка, какъ мы порадуется, если намъ удастся повидаться. Передай мой сердечный привѣтъ всѣмъ роднымъ. Можно ли поздравить Ваню съ аттестатомъ зрѣлости? А гимназистокъ—съ переходомъ въ слѣдующіе классы? Всѣмъ всего наилучшаго. Будь здорова и бодра, ненаглядная, золотая. Обнимаю тебя и цѣлую. Обними хоть черезъ письмо палу. И привѣтъ всѣмъ отсутствующимъ. Брату пошли прилагаемую здѣсь открытку.

Твой Егоръ.

Прошу купить въ писчебумажномъ магазинѣ и прислать мнѣ готвальню (циркуль длиною 6 дюймовъ) и общую тетрадь.

5.

28 июня.

Вотъ уже недѣли три, какъ ниоткуда не получалъ ни строчки. Странное ощущеніе: какъ будто всѣ вымерли. Или я самъ очутился на необитаемомъ островѣ. Теперь это меня уже не тревожитъ: я и самъ, когда берусь за перо, то чувствую, что это стоитъ мнѣ большаго труда: какъ - будто всѣ слова уже сказаны и теперь пришлось бы лишь повторяться, и повторяться, на этотъ разъ, автоматически. Вотъ скоро шесть лѣтъ, какъ я въ тюрьмѣ: когда припоминаю свое состояніе той поры, я не узнаю себя,—и не узнаю не тогдашняго себя, а теперешняго. Все теперешнее мое какое-то не мое, чужое мнѣ, а старое—безконечно дорого и далеко. Кто видѣлъ Бога, долженъ умереть,—говоритъ кто-то въ «Брандѣ» Ибсена. А если и остается жить, то не живетъ. Съ другой стороны, кто лобывалъ въ положеніи андреевскаго Елезара, тому уже не растопить душевнаго льда, вынесеннаго изъ могилы. Тотъ же Ибсенъ говоритъ, что мертвые пробуждаются слишкомъ поздно. А когда я думаю о днѣ страшнаго суда, то мнѣ иногда представляется такая возможность: прозвучитъ труба архангела, мертвые возстанутъ изъ гробовъ... но не для новой обновленной жизни, а для ужаснаго сознанія, что они мертвы безнадежно и непоправимо.

Все это грустныя мысли, за которыя прошу у тебя прощенья. Можетъ - быть, когда - нибудь мнѣ самому будетъ стыдно вспоминать о нихъ, какъ о доказательствахъ моего слабодушія.—Дай-то Богъ...

Особенное спасибо тебѣ за «Потонувшій колоколъ», очень люблю я эту вещь и теперь читаю и перечитываю, какъ - будто повѣсть о своей собственной жизни (какое нахальство, же правда ли?). Вотъ весь Ропшишь въ нѣсколькихъ словахъ:

— Оставь. Къ чему борьба: ты борешься, вѣдь, съ Богомъ?
 А Богъ призывалъ тебя бороться, но теперь
 Отвернулъ онъ тебя: ты оказался слабъ.
 Напрасны жертвы всѣ: вина виной осталась.
 Не могъ добиться ты отъ Бога благодати,
 Чтобъ превратить вину въ заслугу, наказанье
 Наградой замѣнилъ...

Мнѣ эта «благодать», къ счастью, дарована. И если я иногда издаю стоны, то не оттого, что для меня «вина виной осталась», а потому, что одряхлѣлъ непопозволительно. Ну, да еще поживемъ — увидимъ...

4 июля.

...И теперь я очень раскаивался, что звалъ маму. Но мнѣ казалось, я обязанъ былъ попытаться. Какъ-ни-какъ, мамѣ лишняя боль. Какъ грустно все складывается у насъ.

На - дняхъ буду праздновать свой шестилѣтній юбилей. Еще года два тому назадъ находились въ душѣ праздничныя ноты. А теперь— вмѣсто праздника какая-то тризна. Я не вижу вокругъ себя людей, вижу какія-то тѣни безплотныя, вялыя. Кажется; самое сильное желаніе у всѣхъ: поменьше жизни, побольше покоя. Должно быть, положеніе греческихъ тѣней въ Елисейскихъ поляхъ очень напоминало наше, если Ахиллъ сказалъ: лучше быть погоньщикомъ муловъ на поверхности земли, чѣмъ Ахилломъ—здѣсь. Полно, лучше ли? Ахиллъ, вѣроятно, еще не превратился окончательно въ тѣнь, если для него существовало понятіе «лучше»...

6 сентября.

Чувствую, что если бы мнѣ удалось снова пожить въ вашемъ кругу, то у меня былъ бы свой домъ, свой теплый и родной очагъ. Мечтаю, какъ о великомъ счастьѣ, пожить вмѣстѣ съ вами, хотя бы недолго...

Спасибо тебѣ, золотая мамочка, и вамъ, дорогая Люба. Яблоки принесли мнѣ ароматы родины. Три изъ нихъ я самъ съѣлъ, а остальные почти всѣ послалъ труднобольному товарищу. Теперь у меня подушкой лежатъ обертки отъ яблокъ и, благодаря имъ, я все еще вдыхаю чудесный запахъ нашего сада. Благодаря этому запаху и одѣялу, присланному вами, я цѣлую ночь вижу вольные сны, родныя мѣста, родныя лица. Видите, какъ много вы мнѣ дали...

7.

17 сентября.

...Все это время, послѣ камышинской телеграммы и вплоть до послѣдняго извѣстія, я переживалъ очень тягостное колебаніе между желаніемъ твоего пріѣзда и страхомъ за то, до какой погоды ты дотянешь съ своими откладываніями пріѣзда...

Родная моя, хорошая мамусенька, ты, пожалуйста, прости мнѣ мои послѣднія письма, въ которыхъ я рѣшился и, можетъ-быть, излишне напоминать вамъ о посылкахъ. Ты, золотая моя, вѣдь, хорошо знаешь и понимаешь, что о себѣ я ни слова бы не пикнулъ,—да мнѣ лично ничего и не надо. Я пересталъ быть баричемъ, привыкъ цѣлыми шедѣлями сидѣть безъ сахару, а это теперь случается частенько. Да и какой разговоръ можетъ быть обо мнѣ? Мнѣ осталось сидѣть немного: дотяну и на волѣ отдышусь. Но чего я не могу выносить, къ чему не могу привыкнуть, такъ это къ зрѣлищу медленнаго, но все впередъ и впередъ идущаго, увяданія нѣкоторыхъ изъ товарищей, близкихъ, любимыхъ, дорогихъ, какъ дорогъ родной братъ. Ты знаешь, мамуся, общая судьба, общія невзгоды роднятъ людей такъ же, какъ и кровь по матери. Вы, мои родные, далеко, и кто мнѣ здѣсь помогаетъ жить и чувствовать

себя человѣкомъ среди людей? Тѣ, кто стали мнѣ братомъ,—ихъ немало. Вотъ уйду на волю, а полдуши моей останется здѣсь, и не будетъ для меня полной радости въ жизни, какъ нѣтъ ея для тебя, пока я нахожусь здѣсь. И вотъ видѣть, какъ чахнуть эти близкіе, и не быть въ состояніи чѣмъ-нибудь помочь, хоть замедлить процессъ увяданія, это, мамуся, мучительно, лучше бы въ тысячу разъ самому чахнуть. И вотъ я боюсь и прошу васъ: изъ любви ко мнѣ, помогайте мнѣ поддерживать здоровье тѣхъ, кто мнѣ такъ дорогъ. Мои просьбы къ вамъ всегда были излишни, потому что помогали вы мнѣ такъ щедро, какъ никто. И, конечно, только случайности, въ видѣ вашихъ лѣтнихъ развѣздовъ, привели къ тому, что я не получилъ посылки дольше обыкновеннаго. А въ это время одинъ мой близкій товарищъ чувствовалъ себя очень скверно: таялъ съ каждымъ днемъ. Ему необходимо постоянное улучшенное питаніе, которое до сихъ поръ поддерживалось лишь на счетъ вашихъ посылокъ. Вотъ почему я волкомъ взвылъ и сталъ надождать вамъ напоминаніями о посылкахъ. Пойми, моя добрая мамусенька, и не взыщи съ меня. А за послѣднія посылки (получилъ лишь третьяго дня) благодарю тебя отъ всего сердца. Все очень хорошо и кстати. Только вотъ съ теплымъ-то бѣльемъ жаль, ты прислала чернаго цвѣта, а такое не выдаютъ. Оно спрочлежитъ до выхода на поселеніе. Ну, да это не важно. Еще разъ спасибо тебѣ...

8.

31 октября.

Милый мой братъ, дорогая Люба. Удивительное душевное состояніе я теперь переживаю: не то я стою одною ногою за воротами тюрьмы, не то еще дальше отъ воли, чѣмъ когда-нибудь. Не надѣяться нельзя, когда остается уже меньше трехъ мѣсяцевъ и когда твои бумаги уже ушли въ читинское областное управленіе для назначенія волости. Было бы не по-человѣчески, если бы при такихъ условіяхъ человѣкъ не отдалъ дань надеждѣ. Но можно ли предаться этой надеждѣ съ головою, можно ли забыть о тѣхъ трехъ мѣсяцахъ, которые еще остаются на плечахъ, и о тѣхъ сциллахъ и харибдахъ, которыя могутъ встрѣтиться на пути утвержденія меня въ роли поселенца? Охъ, когда подумаешь объ этомъ и еще о многомъ другомъ, то влетѣть цвѣтъ надежды и она начинаетъ походить больше на миражъ, чѣмъ на надежду, обоснованную на объективныхъ данныхъ. Но какъ бы скептически ни относился къ тому, что ждетъ тебя за чертою трехъ мѣсяцевъ, все-таки не можешь не собираться въ дорогу. И я, еще смѣясь надъ собою, уже начинаю собираться. Вотъ сегодня пишу домой (Ванѣ, или кто тамъ есть), чтобы мнѣ сдѣлали и прислали вещи для дороги: ватную тужурку изъ сѣраго гимназическаго сукна (потемнѣе и погрубѣе), брюки изъ той же матеріи; затѣмъ теплое бѣлье: гамаша, чулки, фуфайки. И пока все. Эти, чисто

Голосъ Минувшаго. № 10—12.

7

внѣшніе, сборы могутъ въ вашихъ глазахъ служить показателемъ моего настроенія: можете утѣшаться, что, при всемъ своемъ скептицизмѣ, я все же думаю о жизни и о житейскомъ,—значить, у меня нѣтъ наклонности думать непремѣнно о худшемъ, и я не собираюсь «искать» то, чего ты, милый, просишь «не искать». Понимаешь и вѣришь? Будь же спокоенъ за меня...

III Смерть Е. С. Сазонова.

Такъ писалъ Сазоновъ своему брату 31 октября 1910 г. Но судьба уготовила ему иное. Беремъ описаніе послѣднихъ дней жизни Сазонова изъ «Революціонной Россіи» (№ 33, январь 1911 г.).

«Медленными, но вѣрными шагами приближалась катастрофа. Ея неизбежность чувствовалась, висѣла въ воздухѣ. И чѣмъ ближе становился день выхода Сазонова съ каторги, тѣмъ яснѣе становилось, что двери тюрьмы откроются только для его трупа.

Первою мѣрою въ этомъ направленіи была замѣна сравнительно «смирной» роты, несшей до тѣхъ поръ обязанности по внѣшней охранѣ тюрьмы,—другой ротой, отборно черносотенной. Этой ротой, вплоть до самаго ея прихода, не разъ «лугтали» заключенныхъ тюремныя власти. И дѣйствительно, она ознаменовала свое прибытіе установленіемъ новаго режима—режима сплошного террора. То и дѣло, особенно ночью, тогъ или другой часовой стрѣляли въ окно камеры—и всѣ другіе поддерживали его выстрѣлы цѣлой канонадой, выпуская иногда до полууспини пуль. Стрѣляли, замѣтивъ у окна заключеннаго, стрѣляли, когда тѣнь его, отбрасываемая лампочкой, падала на окно, стрѣляли, когда часовому какой-либо шумъ или передвиженіе въ камерѣ казалось подозрительнымъ. Первые дни стрѣляли по разнымъ случайнымъ окнамъ, большей частью уголовныхъ. Затѣмъ, повидимому, лучше ориентировались въ обстановкѣ: всѣ послѣдніе обстрѣлы правильно и систематически имѣютъ своей цѣлью окна «политическихкихъ». Вскорѣ, безъ всякаго повода, подверглось правильной канонадѣ окно камеры Егора Сазонова. Стрѣльба была такъ настойчива, что послѣ нея камера потребовала особаго ремонта. Но Сазоновъ и здѣсь уцѣлѣлъ, хотя былъ на волосокъ отъ смерти. «Дико чувствуешь себя,—разсказываетъ онъ потомъ,—въ моментъ такихъ упражненій по твоей фигурѣ. Пули свистятъ надъ твоей головой—одна, другая, третья. Мгновенья кажутся безконечно длинными. И никакъ не поймешь, что это—чара или что-нибудь серьезное? Абсолютная безпомощность. Перейти въ другое мѣсто не рѣшаешься, потому что не

зналъ причины—почему стрѣляютъ?!». Врядъ ли это требуетъ какихъ-либо объясненій. Сазоновъ заявилъ прямо въ глаза начальнику каторжной тюрьмы: «я вижу въ этомъ случаѣ чье-то желаніе убить меня». Настолько отсутствовали какіе бы то ни было поводы для такихъ выстрѣловъ, принявшихъ характеръ правильной канонады.

Что именно таковъ былъ характеръ поведенія караула, было ясно и для насъ, когда мы получили «письмо съ каторги», повѣдавшее намъ всю эту исторію. И наше сердце сжалось мыслью, что Сазонова убьютъ, что если не явится для этого удобнаго повода, то такой поводъ будетъ созданъ.

Насколько смерть Сазонова подготовлялась, насколько всѣ дѣйствія властей обнаруживали совершенно недвусмысленно ихъ намѣренія, настолько цинично готовилось тамъ, въ Горномъ Зерентуѣ, почти незамаскированное *предумышленное убійство*—можно судить хотя бы по такимъ краткимъ отрывкамъ изъ писемъ, полученныхъ отъ брата Егора Сазонова, Изота, однимъ изъ нашихъ товарищей.

Отъ 16 ноября 1910 г., въ страшной по краткости открыткѣ, отправленной изъ Камышина, Изотъ Сазоновъ писалъ:

«Привѣтъ отъ Авеля. Вѣроятно, онъ, по «независящимъ обстоятельствамъ», скоро уйдетъ ко Льву Толстому...»

Отъ 26 ноября, оттуда же, онъ писалъ еще разъ:

«Въ Горно-Зерентуйскую тюрьму прѣхалъ новый начальникъ тюрьмы Высоцкій—второй Бородулинъ. Ждутъ конца. Да минетъ чаша сія...»

Чаша не минула Егора Сазонова. Черезъ два дня послѣ того, какъ братъ его написалъ эти простыя, и въ простотѣ своей такія ужасныя слова «ждутъ конца», лаконическія телеграммы официального агентства извѣстили о нѣсколькихъ попыткахъ каторжанъ покончить жизнь самоубійствомъ и о смерти Егора Сазонова. «Идущимъ до конца», «отмѣченнымъ перстомъ судьбы» былъ онъ всю свою жизнь. Такимъ онъ былъ и въ смерти.

Черезъ нѣсколько времени пришли и первыя болѣе подробныя извѣстія о катастрофѣ. «Второй Бородулинъ» демонстративно ознаменовалъ свое прибытіе и «новую эру» розгами, примененными къ нѣсколькимъ, наудачу выхваченнымъ «политикамъ». Настало время привести въ исполненіе старое рѣшеніе, принятое каторжанами: отвѣтить на это масовыми самоубійствами.

И эта ужасная перспектива заставила сердце Сазонова содрогнуться. Всѣмъ сердцемъ страдая при мысли о томъ, что товарищи примутъ это фатальное рѣшеніе; услыхавъ, что двое заключенныхъ, не дожидаясь облаго согласенія, уже сдѣлали попытки лишиться себя жизни, и ошибочно считая ихъ умершими—Сазоновъ снова твердою рукою вынулъ запасенную дозу яда—на этотъ разъ тщательно провѣренную—и выпилъ

его. Онъ оставилъ послѣ себя короткое письмо, къ которому нечего прибавить. «Холодень и жалокъ бѣдный нашъ языкъ», и все, что могли бы мы сказать, только ослабило бы трагическую силу этихъ простыхъ словъ, въ которыхъ отпечатлѣлась вся душа нашего удивительнаго, нашего свѣтлаго, нашего кристально-чистаго Егора.

«Товарищи! Сегодня ночью я попробую покончить съ собой. Если чья смерть и можетъ приостановить дальнѣйшія жертвы, то прежде всего м о я. А потому я д о л ж е н ъ умереть. Чувствую это всѣмъ сердцемъ; такъ больно, что я не успѣлъ предупредить смерть двухъ умершихъ сегодня. Прошу и умоляю товарищей не подражать мнѣ, не искать слишкомъ быстрой смерти! Еслибы не маленькая надежда, что м о я смерть можетъ уменьшить цѣну, требуемую Молохомъ, то я непременно остался бы ждать и бороться съ вами, товарищи! Но ожидать лишній день—это значить, можетъ-быть, увидѣть новыя жертвы. Сердечный привѣтъ, друзья, и спокойной ночи!

Егоръ».

Кирилло-Меодіевское общество *).

1846—47 г.

I.

25-го февраля нынѣшняго **) года исполнилось 50-тилѣтіе со дня смерти великаго украинскаго поэта Т. Г. Шевченко. Мнѣ кажется поэтому своевременнымъ напомнить о томъ Кирилло-Меодіевскомъ обществѣ, существованіе котораго вызвало арестъ Шевченко, и которое до сихъ поръ не было предметомъ всесторонняго изслѣдованія. Въ настоящее время и я не ставлю своею цѣлью такое изслѣдованіе, такъ какъ по причинамъ, отъ меня независящимъ, я не могъ ознакомиться со *всѣмъ* дѣлопроизводствомъ по этому предмету; но все же основные документы относительно этого общества частью появились уже въ печати, частью извѣстны мнѣ въ рукописяхъ, и потому я попытаюсь дать сжатое изложеніе идей этого общества. Это тѣмъ болѣе необходимо, что нѣкоторые участники его, какъ, напримѣръ, Н. И. Костомаровъ, при жизни своей сообщали о немъ въ печати неполныя и неточныя свѣдѣнія; къ слѣдственнымъ показаніямъ арестованныхъ по этому дѣлу слѣдуетъ относиться также съ большою осторожностью.

Во время обыска у Костомарова былъ найденъ на столѣ номеръ старой газеты (вѣроятно, «Русскаго Инвалида»), въ которомъ были напечатаны официальные свѣдѣнія о дѣлѣ декабристовъ ***). Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ основателей общества, Н. И. Костомаровъ,

*) Статья В. И. Семевскаго о Кирилло-Меодіевскомъ обществѣ была первоначально напечатана въ 1911 г. въ №№ 5 и 6 «Русскаго Богатства». Но 3 и 4 главы настоящей статьи не увидѣли свѣта, такъ какъ были вырѣзаны цензурою. Давая теперь эти главы читателю, редакция «Голоса Минувшаго» въ интересахъ цѣлостности перепечатываетъ и извѣстныя уже ранѣе двѣ первыя главы работы В. И.—ча. Статья вновь свѣрена съ рукописью и восстановлены мѣста, выпущенныя при первомъ печатаніи по цензурнымъ соображеніямъ.

Ред.

***) Т.-а. 1911 г. Ред.

***) «Автобіографія Н. И. Костомарова». «Русская Мысль» 1885 г. № 5, стр. 214. Всѣ такія свѣдѣнія перепечатаны въ изданіи подъ редакціею В. Базилевскаго (В. Богучарскаго) «Государственные преступленія въ Россіи въ XIX в.», Сиб. 1906 г. т. I.

очевидно, находилъ идейную связь между нимъ и Обществомъ Соединенныхъ Славянъ, однимъ изъ тайныхъ обществъ декабристовъ, а этому послѣднему предшествовала масонская ложа Соединенныхъ Славянъ, основанная въ Кіевѣ 12-го марта 1818 года.*). Однимъ изъ почетныхъ членовъ этой ложи былъ декабристъ кн. С. Г. Волконскій, родной братъ известнаго малороссійскаго ген.-губернатора Николая Григорьевича, принявшаго фамилію Репнина, съ которымъ былъ знакомъ и съ дочерью которой былъ друженъ Т. Г. Шевченко. Какъ это обстоятельство, такъ и то, что нѣкоторые члены этой ложи могли еще быть живы и встрѣчаться съ членами Кирилло-Меодіевскаго Общества, заставляетъ думать, что основателямъ этого послѣдняго было известно и существованіе ложи Соединенныхъ Славянъ, и существованіе масонской ложи въ Полтавѣ, съ которою слухи связывали нѣкоторыя украинофильскія стремленія.

Самую характерною чертою кіевской ложи было желаніе, какъ отчасти видно изъ ея заглавія, объединить масоновъ, принадлежавшихъ къ двумъ главнымъ славянскимъ народамъ: русскому и польскому. Знакомъ этой ложи былъ крестъ и въ серединѣ его кругъ, въ центрѣ котораго были изображены двѣ соединенныя руки; на крестѣ была надпись на польскомъ языкѣ *jedność słowianska***), которая свидѣтельствуетъ о значительномъ количествѣ въ ложѣ членовъ-поляковъ, и которая объясняется также и тѣмъ, что хотя она состояла въ управляемомъ изъ Петербурга союзѣ Астреи, но работала (на русскомъ и французскомъ языкахъ) по системѣ Великаго Востока Варшавы. Членами ложи (около 70-ти человекъ) были преимущественно великоруссы, малороссы и поляки, но также учителя и врачи съ иностранными фамиліями и, между прочимъ, французы. Любопытно, что намѣстнымъ мастеромъ ложи былъ Леонтій Вас. Дубельтъ, получивши въ послѣдствіи столь печальную известность въ званіи начальника III Отдѣленія Соб. Е. В. Канцеляріи и руководивши слѣдствіемъ по дѣлу о Кирилло-Меодіевскомъ Обществѣ. Если вѣрить позднѣйшему донесенію (1824 г.), число лицъ, вносившихъ пожертвованія въ эту ложу, доходило во время контрактвъ (т.-е. кіевской ярмарки) до 1000 чел. Ораторомъ, затѣмъ «мастеромъ стула» и, наконецъ, почетнымъ членомъ ея былъ кіевскій губернскаго маршалъ (предводитель дворянства) Густавъ Олизаръ, человекъ прогрессивнаго образа мыслей, поэтъ, близкій съ семьею ген. Раевского, привлечавшійся къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ. Послѣ закрытія правительствомъ масонскихъ ложъ въ 1822 г. происходили, повидимому, собранія нѣкоторыхъ членовъ кіевской ложи подъ разными предлогами, что въ слѣдующемъ году дошло и до свѣдѣнія государя.

*) Авторъ прекрасной статьи о Шевченкѣ, г. Ефремовъ (въ 2-мъ номерѣ «Русскаго Бюлетеня» за 1911 г.), связываетъ эту масонскую ложу съ Обществомъ Соединенныхъ Славянъ (стр. 196—197).

**) Изображеніе этого знака см. въ «Русской Старинѣ» 1878 г., № 1, стр. 187.

Въ другой масонской ложѣ, основанной въ Полтавѣ въ 1818 г. и закрытой по повелѣнію имп. Александра I въ слѣдующемъ году, управляющимъ мастеромъ былъ правитель канцеляріи малороссійскаго ген.-губернатора кн. Н. Г. Репнина, М. Н. Новиковъ, членъ Союза Спасенія и Союза Благоденствія, а однимъ изъ членовъ уже въ то время извѣстный малороссійскій писатель И. П. Котляревскій. По словамъ декабриста М. Муравьева-Апостола, «Новиковъ въ Полтавѣ составилъ ложу, которая служила рассадникомъ тайнаго общества»; нѣкоторыхъ изъ ея членовъ онъ принялъ въ Союзъ Благоденствія. Въ связи съ Полтавскою ложкою ходили слухи о существованіи тайнаго общества, стремившагося къ независимости Малороссіи, во главѣ котораго стоялъ уѣздный переяславскій маршалъ Лукашевичъ, членъ ложи Соединенныхъ Славянъ въ Кіевѣ и польскаго масонскаго общества Тамплиеровъ. Дѣлопроизводитель слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ Боровковъ пришелъ къ убѣжденію, что малороссійское общество намѣревались составить изъ масонскихъ ложъ Новиковъ и Лукашевичъ, и что они поставили своею цѣлью «независимость Малороссіи, но остались при попыткахъ, и общество не осуществилось» *).

Въ 1823 г. подпоручикъ Петръ Ив. Борисовъ 2-й, при участіи своего брата и поляка Люблинскаго, основываетъ общество съ цѣлью объединенія славянскихъ племенъ. Мысль его состояла въ томъ, чтобы учредить «федеративный союзъ славянскихъ поколѣній, подобный греческому **), но гораздо его совершеннѣе». Онъ предлагалъ также членамъ, имѣющимъ крестьянъ, дозволять имъ выкупаться на волю, а неимѣющимъ крѣпостными вносить нѣкоторую сумму для выкупа на волю людей у тѣхъ господъ, которые дурно съ ними обращаются. Нѣкоторые изъ членовъ общества согласились на это предложеніе. Въ «Катехизисѣ Соединенныхъ Славянъ», составленномъ П. Борисовымъ, предписывалось: не желать «имѣть раба, когда самъ быть рабомъ не хочешь», относиться съ терпимостью ко «всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и обычаямъ другихъ народовъ», «стараться разрушать всѣ предрѣзсудки, а наиболѣе до разности состояній» (т.-е. сословія) «касающіеся», наконецъ, высказывалось сочувствіе просвѣщенію. Эти идеи мы найдемъ и въ Кирилло-Меводіевскомъ Обществѣ. Въ «Клятвенномъ обѣщаніи», произносимомъ на оружіи вступающимъ въ общество Соединенныхъ Славянъ, онъ ручался, что «самый адъ со всѣми своими ужасами» не заставитъ его «указать тиранамъ своихъ друзей и ихъ намѣренія». Членъ Общества Соединенныхъ Славянъ Горбачевскій сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что оно «имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ масонскихъ ложахъ см. въ моей книгѣ «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». Спб., 1909 г.

***) Борисовъ 2-й, находившійся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ чтенія древнихъ авторовъ, вѣроятно, имѣлъ при этомъ въ виду Ахейскій союзъ.

славянскихъ племенъ отъ самовластиа, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ». Предполагалось... ввести у всѣхъ (славянскихъ) народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній». На восьмиугольной печати Общества Соединенныхъ Славянъ были перечислены восемь «колѣнъ» славянскаго племени: русскіе, сербо-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки. По сравненію съ предположеніями членовъ Кирилло-Меодіевскаго Общества слѣдуетъ отмѣтить, что украинцы не были здѣсь выдѣлены изъ общаго состава русскаго народа; это показываетъ, что Борисовъ и его друзья были чужды того стремленія къ литературному и отчасти политическому возрожденію Малороссіи, которое уже сказывалось въ то время.

Однимъ изъ основателей Кирилло-Меодіевскаго Общества былъ Костомаровъ, сынъ помѣщика-великорусса Воронежской губ.; но мать его, крестьянка, была малороссіянка. Костомаровъ рано, еще во время пребыванія въ Харьковѣ, сталъ интересоваться украинскою народною жизнью, литературою и словесностью, чему много содѣйствовало сближеніе, какъ полагаютъ, въ 1838 г., съ Изм. Ив. Срезневскимъ; оно должно было содѣйствовать и зарожденію въ Костомаровѣ интереса къ славянскому міру *). Съ малорусскими народными пѣснями и думами онъ познакомился впервые по сборникамъ Максимовича (изд. 1827, 1834 гг.); первыми беллетристическими украинскими произведеніями ему извѣстными, были повѣстки (Квитки) Основьяненка (первыя изд. 1834, 1837 гг.), съ которымъ онъ позднѣе очень сблизился. Костомаровъ сталъ дѣлать изъ Харькова этнографическія экскурсіи по соседнимъ селамъ и собирать народныя пѣсни, а затѣмъ писать стихи по-малорусски и въ 1838 году напечаталъ подъ псевдонимомъ Іереміи Галки «Сава Чалый, драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ»; въ слѣдующемъ—«Украинскіи баллады», а въ 1840—небольшой сборникъ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Вѣтка». Въ это время Костомаровъ подружился въ Харьковѣ съ кружкомъ мо-

*) Ср. В. И. Срезневскій. «Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго 1831—1839 гг.». «Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія» 1908 г., № 1. Съ Срезневскимъ и проф. Меташевымъ Костомаровъ занимался славянскими языками. «Вѣстникъ» 1907 г., № 8, стр. 216. Тогда еще не было сомнѣній въ достоверности произведеній народной словесности, напечатанныхъ Срезневскимъ въ его изданіи «Залорожская старина» 1833—1838 гг. Пыльцовъ. «Исторія русской этнографіи». III, 94, 98—104, 184—185. Въ первомъ полугодіи 1838 г. Костомаровъ слушалъ въ Московскомъ университетѣ лекціи Шевырева.

людыхъ людей, преданныхъ идеѣ возрожденія украинскаго языка и литературы, къ которому принадлежали молодые поэты, писавшіе на этомъ языкѣ: Корсунъ, Петренко, Кореницкій и Писаревскіе *). Послѣ уничтоженія первой магистерской диссертациі Костомарова «О причинахъ и характерѣ уніи» (1842 г.) за непочтительное отношеніе къ православному духовенству, онъ написалъ вторую: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи» (1843 г.), которую защитилъ въ слѣдующемъ году; здѣсь онъ очень много вниманія посвящаетъ украинскимъ народнымъ пѣснямъ. Уже въ 1843 г. Костомаровъ высказалъ убѣжденіе, что «народность Малороссіи есть особенная, отличная отъ народности великороссійской» **). Въ то время и Срезневскій утверждалъ, что «языкъ украинскій (или какъ угодно называть другимъ: малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые» ***). Затѣмъ онъ сталъ изучать эпоху Богдана Хмельницкаго по печатнымъ и неизданнымъ источникамъ и рѣшилъ побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовалъ герой его будущаго изслѣдованія ****). Получивъ мѣсто учителя исторіи въ гимназій въ Ровно, онъ познакомился осенью 1844 г. въ Кіевѣ съ Пантелейм. Александр. Кулишемъ, который такъ же ревностно изучалъ малорусскую исторію, писалъ не только по-русски, но и по-украински и усердно собиралъ народныя пѣсни *****). Въ 1843 г. онъ нанечаталъ въ Кіевѣ историческій романъ «Михайло Чарнышенко, или Малороссія 80 лѣтъ назадъ» *****)). Въ томъ же году вышло въ свѣтъ и его произведеніе въ стихахъ «Украина. Одъ початку Вкраины до батька Хмельницького», состоящее изъ 12-ти думъ: пять думъ—народныя, а семь—произведенія

*) Въ изданномъ Корсунъ въ 1841 г. сборникѣ «Синь, украинскій новорочникъ», Костомаровъ помѣстилъ драгедію въ стихахъ «Перемелавська пѣнь», сюжетъ которой заимствованъ изъ начала эпохи возстанія Богдана Хмельницкаго, при чемъ онъ считалъ еще тогда несомнѣннымъ истиннымъ источникомъ извѣстнаго ему въ рукописи «Исторію Русевъ», которую приписывалъ Георгію Ковинскому. Здѣсь же онъ помѣстилъ переводъ изъ «Еврейскихъ мелодій» Байрона и изъ Крашевской рукописи. Ср. Воспоминанія Корсунскаго о Костомаровѣ въ «Русскомъ Архивѣ» 1890 г., № 11. Поэтическія произведенія, посвященныя Костомаровымъ лѣтъ двѣдцатимъ Лермонду Галки, собраны въ особомъ сборникѣ, изданномъ въ Одессѣ въ 1875 г.

**) «Молодикъ» на 1844 годъ. Украинскій литературный сборникъ, издаваемый Н. Бенчужемъ. Выпускъ III, Харьковъ, 1843 г., «Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ», стр. 160. Въ этой статьѣ Костомаровъ, между прочимъ, говоритъ, что «Кобзарь» Шевченка показываетъ «въ авторѣ необыкновенное дарованіе»; «языкъ Шевченка превосходитъ всѣхъ» (стр. 177, 179). Объ этомъ сборникѣ и участіи въ немъ Костомарова см. В. И. Срезневскій. «И. Е. Бенчужій, издатель «Молодика». «Ж. М. Н. Пр.» 1900 г. № 12.

***) «Взглядъ на памятники украинской народной словесности. Письмо къ проф. И. М. Снегиреву». «Уч. Записки Московск. Ун.» 1834 г., ч. VI, 134.

****) Подробности о харьковскомъ періодѣ жизни Костомарова см. въ статьѣ А. С. Грушевскаго. «Жур. М. Н. П.» 1908 г. № 4.

*****) См. В. Гришеченко. «П. А. Кулишъ». Черниг. 1899, стр. 4.

*****) Перенечатанъ въ «Сочиненіяхъ и письмахъ П. А. Кулиша», т. V, Кіевъ. 1910 г.

самого Кулиша, написанныя въ томъ же духѣ прекраснымъ малорусскимъ языкомъ *). Изъ Ровно Костомаровъ продолжалъ дѣлать экскурси, собралъ много народныхъ пѣсенъ, преданій и разсказовъ, частью самъ, частью чрезъ своихъ учениковъ. Любопытно, что впервые въ это время крестьяне стали интересоваться его не только съ этнографической, но и съ социальной точки зрѣнія, такъ какъ изъ личныхъ наблюдений и бесѣдъ онъ «имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какъ страшно бѣденъ и забитъ народъ на Волыни». Напрасно только онъ думалъ, что помѣщики - великоруссы гораздо гуманнѣе своихъ собратьевъ - поляковъ **). На слѣдствіи Костомаровъ заявилъ, что «увлекался социальными вопросами» и «всегда былъ на сторонѣ демократическаго, т. - е. простаго класса» ***).

Въ августѣ 1845 г. онъ былъ переведенъ учителемъ гимназіи въ Кіевъ и скоро поселился вмѣстѣ со студентомъ Аван. Вас. Маркевичемъ, большимъ любителемъ украинскаго языка и народной словесности. Узнавъ въ декабрѣ того же года о предстоящемъ ему избраніи на кафедру русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ, Костомаровъ отправился въ Острогжскій уѣздъ для продажи имѣнія, гдѣ жила его мать, но на обратномъ пути простудилъ горло, схватилъ нарывъ и больной пріѣхалъ въ Кіевъ на первый день Рождества. Маркевича не было въ городѣ, и знакомый Костомарова, Гулакъ, пригласилъ его пожить у него до пріѣзда матери Ник. Ивановича. Здѣсь Костомаровъ оставался до февраля 1846 г.

Ник. Ив. Гулакъ окончилъ курсъ въ Дерптѣ въ 1843 г. и въ слѣдующемъ году получилъ званіе кандидата правъ. Онъ работалъ въ комисіи, учрежденной въ Кіевѣ для разбора древнихъ актовъ, написалъ, но не успѣлъ издать сочиненіе подъ заглавіемъ «Юридическій бытъ поморскихъ славянъ» и переписывался о научныхъ вопросахъ съ извѣстнымъ чешскимъ ученымъ Ганкою и П. А. Кулишемъ. Такъ какъ болѣзнь не позволяла Костомарову выѣзжать, то онъ учился сербскому языку вмѣстѣ съ Гулакомъ и много бесѣдовалъ съ нимъ. Ихъ часто посѣщала общій пріятель Вас. Мих. Бѣлозерскій, окончившій курсъ въ кіевскомъ университетѣ, а также и Маркевичъ по возвращеніи въ Кіевъ. Тутъ - то и возникла мысль объ устройствѣ общества съ цѣлью «распространенія идеи славянской взаимности и... федераціи славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей» ****).

*) Гринченко. 6.

***) Ср. книгу Н. И. Игнатовича. «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія». Изд. 2-е, М. 1910 г., стр. 153—164, 184—197.

***) «Вѣстникъ», 1907 г. № 8, стр. 208.

****) Костомаровъ. «Литературное наследіе. Автобіографія». Спб. 1890 г.: «Автобіографія Н. И. Костомарова», записки П. А. Бѣлозерскою («Русская Мысль» 1885 г. № 5); моя статья «П. И. Гулакъ» въ «Галерея пѣлосельбугскихъ вѣшниковъ». Спб., 1907 г., Т. I.

Нужно замѣтить, что Костомаровъ очень увлекался въ это время сочиненіями Мицкевича и, благодаря своей удивительной памяти, могъ декламировать нѣкоторыя его произведенія наизусть. Особою любовью его пользовались *Dziady* *), очевидно, потому, что въ преслѣдованіи, которому подвергалась въ Литвѣ польская молодежь со стороны Новосильцова, онъ видѣлъ аналогію печальной судьбѣ украинскаго народа подъ русскимъ владычествомъ **).

Въ 1846 г. Костомаровъ очень часто видѣлся со старикомъ-полякомъ, бывшимъ профессоромъ кременецкаго лицея, Зеновичемъ, который «по убѣжденіямъ былъ панславистъ и республиканецъ, мечталъ о соединеніи славянъ и всеславянской республикѣ» ***).

Время своего знакомства съ Шевченкомъ Н. И. Костомаровъ опредѣляетъ различно. По самымъ раннимъ его воспоминаніямъ о Шевченкѣ онъ познакомился съ нимъ весною 1845 г. ****), но затѣмъ онъ отнесъ это знакомство на годъ позднѣе, на май мѣсяцъ 1846 г. *****). Биографъ Шевченка доказалъ, на основаніи автобіографическихъ показаній Костомарова что оно не могло произойти весною 1845 г. ******), и, дѣйствительно, изъ показанія Шевченка на слѣдствіи видно, что они познакомились весною 1846 г. *****). Не одинаково повсригъ Костомаровъ и о содержаніи этихъ бесѣдъ. Въ первомъ воспоминаніи своемъ о Шевченкѣ онъ сообщаетъ, что первоначально поэтъ отнесся къ нему съ нѣкоторою недоувѣрчивостью. «Скоро, однако, мы сошлись и подружались». Когда Шевченко прочиталъ Костомарову свои ненапечатанныя произведенія, историка «обдало страхомъ»... «Я увидѣлъ,—продолжаетъ Костомаровъ,—что муза Шевченка раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!!! Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ... Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками,

*) Н. И. Костомаровъ. «Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой». «Вѣсти. Евр.». 1910 г., № 7, стр. 48.

**) «При обыскѣ у Костомарова нашли окончательную рукописную копію этого произведенія Мицкевича». «Былое» 1907 г., № 8, стр. 202—3, 216. О польскихъ идейныхъ влияніяхъ на Костомарова и людей съ нимъ единомышленныхъ ср. разборъ проф. Дашкевича сочиненія Петрова «Очерки истории украинской литературы XIX ст.» въ 29 иривсужденіи патрарха пр. Уварова, стр. 247—249.

***) «Автобіографія Костомарова». «Русская Мысль», 1885 г., № 5, 211.

****) «Воспоминанія о двухъ малярахъ». «Основа», 1861 г., № 4, стр. 48.

*****) «Кобзарь», шражск. изд. 1876 г. Т. 2, стр. VI; «Русская Старина», 1880 г. № 2, стр. 597; «Русская Мысль», 1885 г., № 5, стр. 211.

*****) Конягскій «Т. Шевченко-Грушевскій». У Львові, т. I, 1898 г., 184—187.

******) «Былое», 1906 г., № 8, стр. 8.

запечатанный многими печатями»; она «открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ, и овѣжему воздуху, и людской любознательности» *).

Очевидно, не историкъ влекъ поэта къ болѣе радикальнымъ взглядамъ, а поэтъ историка; очевидно также, что въ этомъ смыслѣ нужно понимать свидѣтельство Костомарова въ его автобіографіи о «нетерпимости» Шевченка, которое мы приведемъ нѣсколько ниже. Иначе говорить Костомаровъ о Шевченкѣ въ воспоминавіяхъ о немъ, напечатанныхъ въ 1876 г.: «Несмотря на горячую преданность народу, у Шевченко въ бесѣдахъ со мною не видно было той злобы къ притѣвнителямъ, которая не разъ выражалась въ его произведеніяхъ; напротивъ, онъ дышалъ любовью, желаніемъ примиренія всякихъ національныхъ и социальныхъ недоразумѣній, мечталъ о всеобщей свободѣ и братствѣ всѣхъ народовъ» **). Въ письмѣ 1880 г. о Шевченко въ редакцію «Русской Старины» Костомаровъ сообщаетъ о знакомствѣ съ поэтомъ слѣдующее: «Въ то время всю мою душу занимала идея славянскій взаимности, общенія духовнаго народовъ славянскаго племени, а когда я навелъ разговоръ съ нимъ на этотъ вопросъ, то услыхалъ отъ него самое восторженное сочувствіе, и это болѣе всего сблизило меня съ Тарасомъ Григорьевичемъ ***). Тутъ еще не видно, сдѣлался ли Шевченко членомъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества. Но въ посмертной автобіографіи Костомаровъ даетъ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ: «Мое знакомство съ Т. Шевченко... совершилось необыкновенно быстро. На другой же день мы говорили другъ другу «ты». Когда я сообщилъ Шевченко о существованіи общества, онъ тотчасъ изъяснилъ готовность пристать къ нему ****), но отнесся къ его идеямъ съ большимъ задоромъ и крайнею нетерпимостью, что послужило поводомъ ко многимъ спорамъ между мною и Шевченко. Онъ прочелъ мнѣ нѣкоторыя изъ неизданныхъ свѣихъ произведеній, отъ которыхъ я былъ въ совершенномъ восторгѣ. Особенное впечатлѣніе произвелъ на меня «Сонъ», неизданная (тогда) антицензурная поэма Шевченко. Я читалъ и перечитывалъ ее всю ночь и былъ въ полномъ упоеніи».

*) «Основа», 1861 г., апрѣль, стр. 49.

**) «Кобзарь», Т. Шевченка. У Празі. 1876 г. Т. II, стр. VII—VIII.

***) «Русская Старина», 1880 г., № 3, стр. 598.

****) Считаю тѣмъ болѣе необходимымъ это подчеркнуть, что г. Славинскій въ членіи Шевченкѣ въ юбилейномъ собраніи въ память его въ академіи наукъ отрицалъ его участіе въ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ. Въ статьѣ о Шевченкѣ въ своемъ изданіи «Кобзаря» въ переводѣ на прусскій языкъ г. Славинскій говоритъ въ одномъ мѣстѣ осторожнѣе: «Шевченко, по видимому, не принадлежалъ къ этому братству», но нѣсколькими строками ниже, приводя несомнѣтельное свидѣтельство Булгина, что оба они не принимали въ немъ участія, говорить: «относительно Шевченка такое утвержденіе являлось справедливо». Тарасъ Шевченко «Кобзарь» въ переводѣ (различныхъ авторовъ) подъ редакціей Славинскаго, Спб., 1911 г., стр. XVII.

Приведенными словами Костомарова въ его автобіографіи, напечатанной уже послѣ его смерти, рѣшительно опровергается слѣдующее заявленіе Кулиша: «Ни я, ни Шевченко не были причислены къ тайному обществу изъ пощады къ намъ, работающимъ и безъ того въ пользу славянской идеи. Дѣйствительно, мы оба не принадлежали къ этому обществу, хоть и печатаютъ въ газетахъ до сихъ поръ, будто бы членомъ его состоялъ... Шевченко» *). Правда, въ одной статьѣ Костомарова, напечатанной имъ еще при жизни, онъ выражается не такъ категорически объ участіи Шевченко въ Обществѣ, но въ то время историкъ пытался отрицать и самое существованіе общества: «Пора сказать о немъ самую правду», — писалъ онъ тогда, — «а правда о немъ будетъ такова, что общества Кирилла и Меоодія не существовало; происходили только разговоры о немъ безъ всякаго намѣренія основывать его. Дѣйствительно, Кулишъ и Шевченко не были участниками разговоровъ, происходившихъ въ январѣ 1846 г.; Кулишъ находился тогда въ Петербургѣ, а съ Шевченко я еще не былъ лично знакомъ; но я слишкомъ хорошо помню, что и отъ того, и отъ другого мы съ нашими славянскими симпатіями не таились; напротивъ, Шевченко, познакомившись со мною, относился къ идеѣ о славянской взаимности съ поэтическимъ восторгомъ» **). Однако, вполнѣ определенное свидѣтельство Костомарова въ его автобіографіи объ участіи Шевченко въ обществѣ подтверждается и другими свидѣтельствами. Такъ, біографъ поэта, Кониискій слышалъ объ этомъ отъ члена общества Пильчикова; и, дѣйствительно, въ письмѣ изъ Борзны отъ 1-го февраля 1847 г. къ Костомарову Шевченко, называя его своимъ «великимъ другомъ», говоритъ: «О братствѣ не пишу, бо нічого й писать, — як зйдемося, то поплачем» ***).

Во время слѣдствія въ III отдѣленіи Шевченко утверждалъ, что «объ обществѣ славянистовъ» онъ «никогда ни отъ кого не слыхалъ ни слова». Но студентъ Андрузскій, членъ общества, и въ своемъ показаніи, и на очной ставкѣ сообщилъ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ держалъ себя Шевченко въ собраніяхъ членовъ общества (я приведу ихъ ниже) и только подъ вліяніемъ вполнѣ естественнаго рѣшительнаго отрицанія Шевченко далъ показаніе, что «заключеніе о принадлежности» поэта «къ славянскому обществу онъ вывелъ только изъ того, что Шевченко былъ знакомъ со всѣми славянофилами» ****).

Для того, чтобы нѣсколько яснѣе представить себѣ роль Шевченко въ Кирилло-Меоодіевскомъ обществѣ, нужно коснуться нѣкоторыхъ

*) Кулишъ. «Воспоминаніе о Н. И. Костомаровѣ», «Новь», 1885 г., № 13, стр. 67; ср. Кулишъ «Хуторна поезія». У Львові 1882 г., стр. 27—28.

**) Костомаровъ. «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность». «Кіевская Старина», 1883 г., № 2, стр. 230.

***) «Твори Т. Шевченка», издавша В. Яковенка, т. II, 1911 г., стр. 351.

****) «Былое», 1906 г., № 8, II.

чертъ его жизни и литературной дѣятельности до вступленія его въ общество въ 1846 г. *).

Внѣшніе факты жизни Шевченко извѣстны; напротивъ, о тѣхъ вліяніяхъ, которыми обуславливалось его идейное развитіе до половины 1840 годовъ, мы знаемъ крайне мало.

Авторъ статьи объ общественныхъ идеяхъ Шевченко приводитъ рассказъ «одного изъ его близкихъ пріятелей», что, находясь 16-лѣтнимъ юношей съ своимъ бариномъ Энгельгардтомъ въ Варшавѣ, Шевченко былъ свидѣтелемъ польскаго возстанія 1830 г., и это побудило его въ первый разъ задуматься о политической сторонѣ «жизни двухъ народовъ, которые оба были врагами его народа», и не зналъ тогда, которому изъ нихъ ему слѣдуетъ сочувствовать **). Пребываніе въ Вильнѣ и Варшавѣ, гдѣ помѣщикъ отдалъ его въ обученіе къ художнику, и юношеская любовь къ одной полькѣ дали Шевченко возможность выучиться польскому языку и впоследствии читать въ оригиналѣ произведенія Мицкевича и польскихъ поэтовъ и писателей такъ-называемой украинской школы: Богдана Залѣскаго и Чайковскаго ***). Читалъ онъ также въ Петербургѣ сочиненія Гете, Шиллера, Вальтеръ Скотта, Диккенса, Шекспира, любилъ посѣщать театръ. Въ 1838 г., на 25-мъ году жизни, Шевченко, какъ извѣстно, былъ выкупленъ на свободу на деньги, вырученные отъ разыграннаго въ лотерею портрета Жуковскаго, написаннаго Брюлловымъ; къ 1837 г. относится начало его литературнаго творчества; къ 1840 г. вышло въ Петербургѣ первое изданіе «Кобзаря», заключающее въ себѣ восемь пьесъ ****), въ томъ же году отдѣльно издана пьеса «Катерина», въ 1842 г.—поэма «Гайдамаки» ****), въ 1844 г.—«Чи-

*) Къ 1846 г. относятся только два небольшихъ стихотворенія Шевченка; о произведеніяхъ же его, написанныхъ послѣ ареста, я вовсе не говорю.

**) «Т. Г. Шевченко і його думки про трояке життя». «Прогрессъ, да українська збірка». Женева, 1879 г., № 4, стр. 43. Ср. Колісцький, 56. Самъ Шевченко рассказываетъ, что онъ былъ въ Варшавѣ въ эпоху возстанія 1830 г. «Споминки про Шевченка» Н. Костомарова. «Кобзарь», у Празі, 1876 г. II стр. VII. Художнику Сошенику Шевченко сообщалъ, что тогда онъ впервые задумался, отчего бы крѣпостнымъ не быть свободными людьми. Чалый, «Жизнь и просвѣщенія Т. Шевченка», Киевъ 1882, 21.

***) Ср. Пышнинъ и Спасовичъ. «Исторія славянскихъ литературъ», изд. 2, т. II, Спб., 1881 г., стр. 609 и слѣд. Изъ романа Чайковскаго «Вегрухога» Шевченко заимствовалъ нѣкоторыя подробности оной «Гайдамаки». Колісцький, I, 108—110.

****) Костомаровъ немедленно прочелъ его въ Харьковѣ и пришелъ въ восторгъ, а Корсунъ, издатель «Силла», отправилъ Шевченку посланіе и вошелъ съ нимъ въ переписку. «Русскій Архивъ», 1890 г., № 11, стр. 207.

*****) Въ декабрѣ 1841 г., посылая билеты на полученіе «Гайдамаки» Г. О. Квиткѣ, Шевченко просилъ его раздать ихъ, такъ какъ онъ хотѣлъ выкупить книгу изъ типографіи, а въ мартѣ писалъ Тарасовскому, пропросивъ для себя три экземпляра этого произведенія для него. Н. А. Марасовича (пестрелка Малороссіи) и В. Забѣлы: «Насилу выпустилъ (книгу) цензурный комитетъ... Тещеръ книгу разослать, чтобы не опоздали». «Твори Шевченка», изд. В. Яковска, II, 345.

пиринскій Кобзарь» и «Гайдамаки» (повтореніе перваго изданія «Кобзаря» 1840 г. съ присоединеніемъ «Гайдамаковъ») и въ томъ же году напечатана отдѣльною брошюрою написанная въ 1843 г. маленькая поэма «Гамалія». Нѣкоторыя произведенія Шевченко были помѣщены въ «Ластовкѣ», сборникѣ сочиненій на малорусскомъ языкѣ (изданномъ въ Петербургѣ, въ 1841 г. Гребенскою), въ «Молодикѣ» Беднаго (1843 г., ч. II) и въ «Маякѣ» (два произведенія въ стихахъ на русскомъ языкѣ: въ 1842 г. т. V и въ 1844 г. т. 14—поэма «Безталанный» съ большими цензурными пропусками, въ отдѣльномъ оттискѣ сзаглавленная: «Призна»). То, что Шевченко напечаталъ нѣкоторыя свои произведенія въ обскурантномъ «Маякѣ», вѣроятно, объясняется сочувствіемъ этого журнала малороссийской литературѣ: въ немъ печатались иногда произведенія на украинскомъ языкѣ и весьма сочувственныя критическія статьи о малороссийской литературѣ *). По поводу нападокъ критики въ другихъ петербургскихъ журналахъ Шевченко писалъ: «Москалі зсвуть мене ингузіастомъ, сіріч дурнемъ. Богъ імъ звидить; нехай я буду і мужицький поет, аби тільки поет, то міні більше ничего й не треба» **). Разумѣется, для выясненія міросозерцанія Шевченко за этотъ періодъ времени слѣдуетъ считаться и съ тѣми произведеніями великаго украинскаго поэта, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не были въ то время напечатаны.

Весьма яркою чертою въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Шевченко является идеализація старой Малороссіи. Источникомъ такого воззрѣнія поэта послужила «Исторія Русовъ», приписанная тогда Гр. Конисскому, которая, повидимому, была извѣстна Шевченко еще до напечатанія ея Бодянскимъ въ 1846 г. ***). Духъ энергическаго протеста противъ насилій москалей надъ Украинсю навѣянъ также, вѣроятно, «Исторією Русовъ». Многое въ произведеніяхъ Шевченко было, несомнѣнно, въ тѣсной связи съ украинскою народною поэзією. «Шевченко»,—говоритъ Костомаровъ,—«это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество... Народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя» ****). «Гайдамаки» навѣяны разказами столѣтняго дѣда поэта, бывшаго современникомъ колішвицины; этимъ отчасти объясняются и встрѣчающіяся въ поэмѣ ошибки противъ исторіи *****). Во время поѣздки въ Малороссію въ 1843 г. Шевченко познакомился съ П. А. Кулишомъ; въ томъ же году онъ узналъ и О. М. Бодянскаго, профессора славянскихъ на-

*) Восторженный отзывъ Н. Тихорскаго о «Гайдамакахъ» см. въ «Маякѣ» 1842 г., т. IV, 82—106.

***) «Твори Т. Шевченка», видання В. Яковенка, II, 347.

****) Ср. о вліянні на творчество Шевченка «Исторія Русовъ», ст. Драгоманова въ «Промадѣ», 1879 г., № 4, стр. 147—148.

*****) «Основа», 1861 г., № 4, стр. 51—52.

*****) «Кобзарь», изд. 1907, стр. 610.

рѣчій въ московскомъ университетѣ, автора магистерской диссертациі. («О народнои поэзіи славянскихъ племенъ» 1837 г.), одинъ отдѣлъ которой посвященъ украинской поэзіи, и книжки въ стихахъ, изданной въ 1835 г. подъ заглавіемъ: «Насъкы украинскы казкы запорозця Иська Матырьныкы», съ предисловіемъ, подписаннымъ буквами І. В. Въ то же время, Шевченко сблизился и съ знаменитымъ актеромъ М. С. Щепкинъ, также бывшимъ прежде крѣпостнымъ. Въ Петербургѣ онъ былъ знакомъ еще до выкупа на волю съ литераторомъ Гребенкою *), писавшимъ и по-малорусски, который давалъ ему читать произведенія Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Квитки, Бодянскаго и свои, и такъ же, какъ и Бодянскій, убѣждалъ его писать только по-украински, а также съ Кухаренкомъ **), авторомъ въ то время еще не напечатанной оперетки «Черноморскій побитъ», гдѣ изображена жизнь черноморскихъ казаковъ.

Въ Петербургѣ, повидимому, образовался довольно радикальный украинскій кружокъ. Въ концѣ ноября 1844 г. Шевченко писалъ Кухаренку, что въ медицинскій академіи на Рождествѣ «наши земляки» устраиваютъ малороссійскій спектакль, а въ слѣдующемъ году, прося Кухаренку прислать въ академію его пьесу, прибавляетъ: «якъ би ти знавъ, що тут робиться. Тут робиться таке що пур йому й казати. Козацтво ожило!!!».

«Оспівуть Гетьмани
В золотім жувані
Прочинеться деме.
Козак заспіває
Нема въ краю
Напім ні шімца»...

Нѣкоторый свѣтъ на это письмо бросаетъ слѣдующій, позднѣйшій фактъ. Въ 1850 г., по доносу прапорщика Исаева, началось дѣло о ослабленіяхъ Шевченко, допущенныхъ въ Оренбургѣ, гдѣ онъ въ это время находился, уже какъ солдатъ, послѣ экспедиціи, въ которой онъ

*) О Гребенкѣ см. Петровъ «Очерки украинской литературы XIX столѣтія» и ст. В. В. Лесевича въ «Русской Мысли», 1904 г. №№ 1 и 2. Въ недавнемъ дневникѣ петралиевца Момбелли (1847 г.) есть слѣдующая замѣтка: «Года два тому назадъ я встрѣчалъ Шевченку у Гребенки. Шевченко, всегда высказывалъ сильную привязанность къ своей родинѣ Малороссіи и нерасположеніе къ Россіи. Все малороссійское его веселило и приводило въ восторгъ. Мотивъ, или шпона малороссійская вызывали слезу изъ глазъ патріота. Онъ средняго роста, широкоплечъ и вообще крѣпкаго, сильнаго сложенія, въ талии широкъ по особому сложенію костей, но отъякъ не толстъ; лицо круглое, борода и усы всегда выбриты, бакенбарды же кругомъ обаяющіе все лицо; волосы выстрижены по-казачки, но зачесаны назадъ; онъ не брюнетъ и не блондинъ, но ближе къ брюнету, но только по волосамъ, по я по цвѣту красноватой кожи; черты лица обильнѣе свѣжыя; трисмы в общее выраженіе фізіономіи высказывали отвагу; небольшіе глаза блистали энергіей».

***) «Твори Т. Шевченка» видання В. Якованка, т. II, 1911 г., стр. 378.

участвовать, для извѣщенія Аральскаго края и ради которой ему временно дозволено было рисовать. Слѣдственная коммиссія, между прочимъ, обратила вниманіе на письмо къ Шевченко чиновника пограничной коммиссіи Левницкаго, находившагося въ отпуску въ Петербургѣ, въ которомъ были слѣдующія строки: «Много есть тутъ (въ Петербургѣ) нашихъ, но, кажется, такіе люди, которыхъ можно промѣнять на нѣмцевъ. Есть между ними нѣкто Н. М. Головка, магистръ харьковскаго университета *). Вотъ правдивая душа. Какъ сойдемся съ нимъ, то его первое слово о васъ. Онъ сотрудничаетъ во многихъ журналахъ и хлопотъ дуже разумный; жалъ только, что своею правдивостью надѣляетъ того, что его соплотитъ куда-нибудь, ибо онъ уже и сейчасъ подъ надзоромъ полиціи. Много есть тутъ такихъ, что вспоминаютъ о васъ, и Головка говоритъ, что хотя васъ и не стало, но на ваше мѣсто найдется до 1000 людей, готовыхъ стоять за все то, что вы говорили». На основаніи этихъ словъ, шефъ жандармовъ гр. А. Орловъ предположилъ, что въ Петербургѣ существуетъ тайное малороссійское общество. 15-го іюня 1850 г. у Левницкаго и Головка были сдѣланы обыскъ. Послѣ осмотра бумагъ и допроса Дубельтъ донесъ Орлову, что «во всемъ этомъ дѣлѣ ничего важнаго быть не можетъ и, по его мнѣнію, Головка, при либеральномъ образѣ мыслей, дабы придать себѣ болѣе важности въ глазахъ своихъ соотчичей, говоритъ имъ о тысячахъ Шевченковъ которые существовали въ его воображеніи». Тѣмъ не менѣе, Левницкій былъ уволенъ со службы. Гораздо трагичнѣе окончилось дѣло относительно Головки. Во время обыска онъ пытался стрѣлять изъ пистолета въ квартальнаго надзирателя и жандармскаго полковника, а потомъ застрѣлился самъ; но въ бумагахъ его ничего существеннаго съ точки зрѣнія III отдѣленія найдено не было. Однако, гр. Орловъ рѣшилъ, что нужно продолжать изслѣдованіе, «дабы въ столь важномъ предметѣ не упустить ни малѣйшихъ подробностей въ томъ предположеніи, не откроется ли чего-либо при сугубомъ разсмотрѣніи дѣла». Открыть ничего не удалось **), но, сопоставивъ письмо Шевченко къ Кухаренко 1845 г. съ письмомъ Левницкаго, можно придти къ заключенію, что Шевченко, до отъѣзда въ Малороссію, произносилъ въ украинскомъ петербургскомъ кружкѣ пламенные рѣчи въ радикальномъ смыслѣ на націоналистической основѣ и оставилъ послѣ себя горячихъ поклонниковъ и сторонниковъ его идей.

Лѣтомъ 1844 г. Шевченко вновь совершилъ поѣздку въ Малороссію, а въ слѣдующемъ году перѣхалъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ опре-

*) Н. М. Головкинъ, авторъ диссертаци «О падающихъ звѣздахъ» (Харьк., 1847 г.), родился въ 1810 г. и окончилъ среднее образованіе въ Слободно-украинской гимназіи въ 1825 г. «Биографическій словарь бывшихъ питомцевъ Первой Харьковской гимназіи съ 1806 до 1895 г.» Харьков., 1905 г., стр. 76.

***) «Творы Т. Шевченка», издавна В. Яковенка, т. II. 340, 350; 143—144.

Голосъ Мизувшаго. №№ 10—12.

дѣлился на службу художникомъ въ комиссію для разбора древнихъ актовъ *).

Кулишъ въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ довольно неопредѣленные свѣдѣнія о кружкѣ молодежи, существовавшемъ, по его словамъ, въ Кіевѣ за три-четыре года до 1847 г., т. е. до ареста Костомарова, Шевченко и друг.: украинская пѣсня и народная словесность украинцевъ возбудили въ этихъ молодыхъ людяхъ стремленіе поднять свой народъ изъ того мрака, который вредилъ развитію ихъ духовныхъ силъ. По свидѣтельству Кулиша, молодежь эта, проникнутая духомъ евангельскаго ученія, отличалась «высокою духовною чистотою, и апостольская любовь къ ближнему доходила у нея до энтузіазма». Они задумывали также проповѣдывать болѣе развитымъ помѣщикамъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права посредствомъ христіанскаго и научнаго просвѣщенія, совѣтовать имъ разыскивать среди своихъ крѣпостныхъ болѣе способныхъ людей и возвышать ихъ ученіемъ до моральнаго и общественнаго равенства съ собою. На Шевченко эта молодежь смотрѣла, «какъ на небесный свѣтильникъ» и какъ на оправданіе своихъ стремленій; у нихъ не было никакого устава: они, зная возможность гоненій, хотѣли «быть неуловимыми, какъ воздухъ». Такъ было, по словамъ Кулиша, до 1845 г., когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ **). Въ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ Кулишъ говоритъ, что до отъѣзда въ Петербургъ строилъ съ нимъ «систему освобожденія крестьянъ путемъ образованія свободныхъ отъ министерскаго вліянія школъ», которыя предполагалось заводить въ помѣщичьихъ имѣніяхъ «съ опредѣленною цѣлью—примириться посредствомъ этой услуги съ обиженными во времена Екатерины меньшими братьями». Все это нѣсколько туманно, именъ членовъ кружка, кромѣ Костомарова, Кулишъ не называетъ, а слѣдующее затѣмъ поясненіе ***) производитъ впечатлѣніе придуманнаго позднѣе, такъ какъ мысль эта ни въ чемъ не выразилась. Вѣроятно, это была та же молодежь, которая вошла въ составъ и Кирилло-Мефодіевскаго общества. Какъ проповѣдывалъ въ 1845 г. эту идею Шевченко, видно изъ воспоминаній о немъ близкаго ему крестьянина Варѣоломея Шевченка, сестра котораго была въ замужествѣ за братомъ поэта. Поэтъ показывалъ ему портреты своихъ пріятелей, которые «сговорились рабо-

*) Н. И. Стороженко. «Изъ области литературы». М. 1902 г., стр. 427—428. Ковалевскій, I, 64, 68, 98, 117, 138, 149, 152, 154, 171. Шенрокъ. «П. А. Кулишъ». Кіевъ, 1901 г., стр. 23. Письмо Кулиша къ Шевченку, 1843—45 гг., см. въ «Кіевскій Старшій» 90, № 9, стр. 302—310.

**) Кулишъ. «Художественная поэзія», 7—10.

***) Само собою разувѣется, что не пролетаріаты должны были быть отпущены на волю просвѣщенные до известной степени крестьяне, а такжеми хозяевами, изъ которыхъ каждый образовалъ бы самостоятельную школу грамотности, ремесленной и земледѣльческой культуры. «Новь», 1885 г., № 13, стр. 67.

тять для народнаго просвѣщенія; каждый изъ нихъ, сообразно со своими средствами, назначалъ сумму, какую онъ можетъ внести въ общественную кассу», которою завѣдуетъ «выборная администрація», и которая «пополняется какъ взносами, такъ и процентами», а когда «возрастетъ достаточно», то изъ нея будутъ выдавать пособія бѣднымъ людямъ, не имѣющимъ средствъ по окончаніи гимназіи поступить въ университетъ. Тотъ, кто бралъ это вспомошествованіе, обязывался, по окончаніи университетскаго курса, служить шесть лѣтъ сельскимъ учителемъ». Учителямъ этимъ полагалось выхлопотать жалованье изъ казны или отъ помѣщиковъ, а если оно окажется недостаточнымъ, то прибавлять изъ общественной кассы. Но этимъ разсказомъ Шевченко не ограничился, а тутъ же прочелъ свое знаменитое стихотвореніе «Кавказъ», написанное въ томъ же году, отъ котораго у его слушателя волосы «поднялись дыбомъ», и онъ сталъ уговаривать автора, чтобы онъ не слишкомъ забирался «за хмары» (облака, тучи) *).

Было уже упомянуто, что Шевченко первоначально слишкомъ идеализировалъ прошлую жизнь Украины. Ближе присмотрѣвшись къ современнымъ малороссійскимъ панамъ, еще до сближенія съ Костомаровымъ, онъ сумѣлъ оцѣнить многихъ изъ нихъ такъ, какъ они того заслуживали. Въ «Посланіи къ мертвымъ, живымъ и нерожденнымъ землякамъ» (написанномъ 14 декабря 1845 г., при чемъ авторъ, вѣроятно, вспомнилъ годовщину возстанія декабристовъ) онъ бросаетъ этимъ панамъ упрекъ въ томъ, что они дерутъ шкуру со своихъ крестьянъ, советуетъ имъ опомниться, такъ какъ иначе будетъ худо, не увѣрять своихъ дѣтей, что они существуютъ только для того, чтобы быть барами; онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что, хотя они читаютъ и Коллара, и Шафарика, и Ганку, и лѣзутъ въ славянофилы, и знаютъ всѣ славянскіе языки, но не знаютъ своего родного. Теперь дѣти Украины распинаютъ ее хуже, чѣмъ это дѣлали поляки **).

Въ исторіи Малороссіи со времени соединенія ея съ Россіей Шевченко указываетъ длинный рядъ жестокихъ насилій, но особенно ненавидитъ Петра I и Екатерину II. Подобно тому, какъ въ «Исторіи Русовъ» Петръ I въ рѣчи, вложенной въ уста Мазепы ***) , называется «тираномъ», говорится о его деспотизмѣ, такъ въ знаменитомъ «Снѣ» Шевченка, написанномъ еще въ Петербургѣ, въ іюль 1844 г., и послужившемъ главнымъ основаніемъ для обвиненія поэта, онъ говоритъ, что Петръ распиналъ Украину, называетъ его проклятымъ, ненасытнымъ царемъ, лукавымъ, ядовитымъ змѣемъ. Онъ потребовалъ казаковъ въ столицу,

*) «Древняя и новая Россія», 1876 г., № 5, стр. 85.

**) «Кобзарь» Шевченка въ изданіи «Общества имени Т. Г. Шевченка», «Благотворительнаго Общества изданія общешкольныхъ и дешовыхъ книгъ». Спб., 1907 г., стр. 200—207. Ссылки ниже дѣлаю на это изданіе «Кобзаря» на украинскомъ языкѣ.

***) «Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Россійск.», 1846 г., № 4, стр. 203.

засыпаетъ болота ихъ благородными костями, построитъ Петербургъ изъ ихъ трупами *) и замучитъ въ темницѣ «вольнаго петмана» Полуботка **). Въ мистеріи «Подземелье» («Великій льохъ») душа одной украинки не попадаетъ въ рай только за то, что она напоила въ Балуригѣ коня царя, когда онъ ѣхалъ изъ Подгавы въ Москву ***).

Объ Екатеринѣ II поэтъ говоритъ въ «Сигѣ», что она докончила дѣло Петра, докончала ****) сироту-вдову Украинку; ихъ обоихъ снѣ называютъ палачами и людоедами. Въ «Невольникѣ», написанномъ въ октябрѣ 1845 г., слѣдовательно, также еще до знакомства съ Костомаровымъ, Шевченко изображаетъ, какъ «Кирило» (послѣдній тетманъ Кирилла Разумовскій) со старшинами, точно собаки, лизали у царицы башмаки, какъ залѣмы были подѣлены запорожскія степи и закрѣпощены на Украинѣ крестьяне за пашами. Въ третьемъ произведеніи, написанномъ въ томъ же мѣсяцѣ, эта государыня называется «лютымъ врагомъ Украины, голодною волчицею». Въ четвертомъ («Суботовъ») господѣ, которымъ были пожалованы населенныя имѣнія въ Малороссіи, представляются поэту «незаконными дѣтьми» Екатерины, которыя спустились на Украинку, «какъ саранча» *****). Такое же рѣзкое отношеніе къ имп. Екатеринѣ мы увидимъ далѣе въ незаданномъ еще произведеніи Костомарова, найденномъ у него при арестѣ *****)).

Положеніе Малороссіи съ ея крѣпостнымъ правомъ вызываетъ въ поэтѣ жгучее негодованіе: здѣсь съ калѣйки сдираютъ вмѣстѣ съ кожей запыленную сермягу, такъ какъ не то обуть «князятъ» *****)), тамъ за подушныя распинаютъ вдову, а ея единственнаго сына, единственную ея надежду, заковыпаютъ и отдаютъ въ солдаты, а здѣсь подъ заборомъ умираетъ съ голоду ребенокъ, тогда какъ мать жметъ пшеницу на бар-

*) См. ниже примѣчаніе по поводу сходнаго съ этими словами мѣста въ произведеніи Костомарова «Клятва бытія украинскаго народа».

***) Идеализація Полуботка шавѣла «Исторіей Русовъ» (ср. стр. 229). Правдивую характеристику Полуботка можно найти въ ст. А. М. Лазаревскаго въ «Русскомъ Архивѣ», 1880 г., № 2, т. I.

***) «Кобзарь», 177, 178, 224, 225, 230.

****) Вариантъ: «заковала». В. Домашницкій. Критичный розсѣд над текстомъ «Кобзаря». К. 1907 г., 77.

*****) «Кобзарь», 177, 219, 227, 238.

*****) Схема русской исторіи представлялась Шевченко въ такомъ видѣ: Былъ такой-то царь, улучшилъ положеніе государства, финансы, администрацію и умеръ, завѣщая оное своему наследнику. Новый государь всталъ государство въ крайне разстроенномъ состояніи, но оными старшинамъ и неспроставшимъ саботажамъ исправить государственныя дѣла, обогатить казну, учредить судъ правый и умеръ, благословляемый народомъ... Новый государь всталъ государство въ крайне бѣдственномъ положеніи, и т. д. Статья Огловскаго о Шевченкѣ въ Львовскомъ изд. «Кобзаря», 1893 г., т. I, стр. XXXVI—XXXVII.

*****) Ср. В. Домашницкій, стр. 72.

щинѣ. Поэтъ спрашиваетъ Бога: долго ли на этомъ свѣтѣ господствовать палачамъ? *)).

Но Шевченко отрицать не только крѣпостное право, не только торговлю людьми, но и торговлю землею, которая «дала всѣмъ». Въ стихотвореніи «Холодный яр» (1845) онъ бросаетъ такой укоръ паннамъ, которыхъ называетъ «лихими людодѣдами»: «Ви—розбійники шеситі, голодні вурони! По якому правдивому, свѣтлому закону і землю, воім даною **), і сердши нимъ людомъ торгуете?». И грозитъ имъ новою гайдамачиною.

Страданія, вызываемыя въ поэтѣ судьбою угнетенной Украины, заставляютъ его сочувствовать энергичной защитѣ своей свободы кавказскими горами ***) , и въ стихотвореніи «Кавказъ» (ноябрь, 1845 г.) онъ горячо совѣтуетъ этимъ «великимъ рыцарямъ» продолжать борьбу и обѣщаетъ имъ свободу, такъ какъ за нихъ сила, воля и святая правда. Онъ иронически перечисляетъ преимущества Россіи и русскихъ-христіанъ предъ горами: у насъ громадная Сибирь, а сколько тюремъ, сколько народа, — «Од Молдовашины до Финна—на всіх языках все мовчить, бо благоденствую». Мы «продаем, або у карли програем людей, — не Негрів, а таких таки хрищеных, но простих. Мы не Гішпане, крїй насъ Боже, щоб крадеме перекупать... Ми по закону» ****).

Шевченко не разъ выражаетъ увѣренность, что Украина оброститъ оковы. Въ одномъ стихотвореніи (октябрь 1845 г.) онъ говоритъ: «Встане Украина і расвіе тьму неволі, світ правди засвітить»... Въ «посланніи къ землякамъ» (декабрь 1845 г.) поэтъ увѣщаетъ ихъ опомниться, «иначе будетъ худо: скоро разорвутъ оковы закованныя люди; настанеть судъ, заловорять и Днѣпръ, и горы, и потечеть сотнями рѣкъ кровь вашихъ дѣтей въ синее море, и некому будетъ спасти васъ». Въ томъ же посланніи

*) «Сонъ», см. «Кобзарь», 169—170. Объ отношеніи Шевченко къ крѣпостному праву до начала царствованія Александра II см. въ моей книгѣ «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в.», т. 2, стр. 516—528.

**) Эта важная черта, къ сожалѣнію, не сохранена въ печати въ переводѣ «Холодного Яра» г. Колтошовскаго, нѣ приведеное мѣсто передано такъ:

Вы — разбойники, палачи,
Жадныя вуроны!
Вы же сами жъ наивсали
Святые законы,
Чтобы братьями своими —
Торговать по праву?

(Т. Шевченко. «Кобзарь» подъ редакціею М. Славянскаго, Сиб., 1911 г., стр. 120).

***) Изъ письма Шевченко къ Кухареву (1844 г.) видно, что поэтъ былъ лично знакомъ съ некоторыми черкесами. «Твори Т. Шевченка, издаванія В. Яковенка», т. II, стр. 349.

****) «Кобзарь», 257—258. См. русскій переводъ этого произведенія, отдѣльный М. Славянскій, тоже съ некоторыми неясными заключеніями въ его изданіи «Кобзаря», стр. 113—115.

къ землякамъ онъ пронизиваетъ надъ ихъ «славными Брутами» — панами, ясповельможными гетманами, называя ихъ рабами, грязью Москвы, соромъ Варшавы: «Чого ж ви чванитесь, ви, синни сердешной Украйны? Що добре ходите в ярмі, що краще, як діди ходили?! Не чваньтесь: з вас деруть ремінь, а з їх, бувало, й лій» (свѣчное сало) «топили!». Въ стихотвореніи «Заповіт» (Завѣщаніе, декабрь 1845 г.) поэтъ взываетъ къ украинцамъ, чтобы они «возстали, разорвали оковы и окропили волю злою вражескою кровью» *).

Рѣзко относясь къ земнымъ властямъ **), Шевченко, несмотря на значительность библейскаго и евангельскаго элемента въ его поэзіи, не разъ, въ виду царящаго зла, съ великимъ гнѣвомъ говоритъ и о Богѣ или даже какъ бы отрицаетъ его существованіе: «немае Господа на небі», восклицаетъ онъ въ «Сонѣ», а въ другомъ мѣстѣ того же произведенія говоритъ: «Чи Богъ бачить изъ-за хмари» (тучи) «наші сльози, горе? Може й бачить, та помога—як і отті гори предковичні, що политі кровію людською!». Въ «Завѣщаніи» (декабрь 1845 г.) поэтъ не знаетъ Бога до тѣхъ поръ, пока вражеская кровь не потечетъ съ Украины въ синее море ***).

Всѣми этими идеями проникся Шевченко еще до знакомства съ Костомаровымъ. Если молодые пріятели Кулиша въ 1843—45 гг. дѣйствительно отличались такою евангельскою елейностью, какъ онъ представляетъ ихъ въ своихъ воспоминаніяхъ, то Шевченко тоже нечему было у нихъ позаимствоваться при выработкѣ указанныхъ выше чертъ его міросозерцанія ****). Скорѣе ему могъ пригодиться примѣръ декабристовъ, о которыхъ онъ вспоминаетъ въ одномъ стихотвореніи (1845 г.) и у которыхъ онъ могъ позаимствоваться жалчью *****). Видимо, ему до очень многаго приходилось додумываться собственнымъ умомъ *****)). Но и среди его знакомыхъ въ Малороссіи встрѣчались люди съ весьма разни-

*) «Кобзарь», 239, 262, 265, 283.

**) «Кобзарь», 256, 269, 273. Студентъ Андрусовскій на свиданіи показывалъ, что Шевченко «всѣхъ монархистовъ называлъ поддѣлами». «Былое», 1906 г., № 8, стр. 10.

***) «Кобзарь», 166—7, 170, 283, ср. «Кобзарь», издавня В. Яковенка, стр. 321.

****) Впрочемъ, авторъ статьи въ украинской газетѣ «Правда» о жизни Кулиша приписываетъ вліянію этого кружка такія произведенія, какъ «До мертвыхъ и живыхъ» и «Послание Шафарикові» («Промад», 1879 ж., № 4, стр. 22), но во всякомъ случаѣ «Сонъ», написанный въ июлѣ 1844 г. въ Петербургѣ, и нѣкоторыя другія, не могутъ быть объяснены такъ вліяніемъ, если приять во вниманіе ихъ характеристичку, одѣланную Кулишомъ.

*****) «Кобзарь», 228. Нужно помнить, что П. Г. Ревинъ, въ имени котораго гостилъ Шевченко, былъ родной братъ декабриста зн. Волковскаго, члена Южнаго тайнаго общества, которое высказалось за республику.

*****) Козачковскій говоритъ по поводу своихъ бесѣдъ съ Шевченко въ 1845 г.: «Я удивлялся его развитію и многосторонности его знаній, дававшихъ каждый вечеръ новую пищу для разговоровъ». «Кіевскій Телеграфъ», 1875 г., № 25. «Изъ воспоминаній о Т. Г. Шевченкѣ».

кальными взглядами *). Ненависть къ русскому правительству должна была поддерживаться въ немъ и нѣкоторыми произведеніями Мицкевича, которыми онъ зачитывался, какъ, напримѣръ, Dziady эта мысль подтверждается тѣмъ, что отправившійся за границу въ 1847 г. членъ Кирилло-Мееодіевскаго Общества Савичъ передалъ въ Парижѣ Мицкевичу по порученію Шевченка его поэму «Кавказъ» **). По словамъ Чужбинскаго, Шевченко «не любилъ поляковъ» ***), но къ Мицкевичу чувствовалъ какое-то особое влеченіе». Однако, даже въ «Гайдамакахъ» снѣгъ проповѣдуетъ братское единеніе съ поляками: «За-що люде гинуть? Того-жъ батька, такі-жъ діти, жити б та брататься», а въ посланіи къ Шафарыку, составляющемъ предисловіе къ поэму «Еретикъ или Иванъ Гусъ» (окт. 1845 г.), находимъ извѣстное пожеланіе Шевченка, «щобъ усі Славяне стали добрими братами і синами сонця правди» ****).

Самъ Шевченко призналъ, что радикальнѣмъ вліяніямъ онъ подвергался какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Малороссіи. Когда на допросѣ въ III-мъ Отдѣленіи его спросили: «Какими случаями доведены вы были до такой наглости, что писали самыя дерзкіе стихи противъ государя императора?».—Онъ отвѣчалъ: «Будучи еще въ Петербургѣ, я слышалъ вездѣ дерзости и порицанія на государя и правительство. Возвратясь въ Малороссію, я услышалъ еще болѣе и хуже между молодыми и степенными людьми; я увидѣлъ нищету и ужасное угнетеніе крестьянъ помещиками, посесорами и экономами-пल्याтичами, и все это дѣлалось и дѣлается именемъ государя и правительства» *****). Въ стихотвореніи «Три лѣта», написанномъ въ декабрѣ 1845 г., самъ Шевченко относитъ къ послѣднимъ тремъ годамъ (1843—45 гг.) поворотъ въ своемъ міро-озерцаніи: «І прозорівали став попроху» *****).

1.

Какъ мы видѣли, первое основаніе Кирилло-Мееодіевскому обществу было положено въ самомъ началѣ 1846 г. Въ январѣ этого года Костомаровъ началъ читать лекціи русской исторіи въ Кіевскомъ уни-

*) См. ст. Драгоманова въ «Громадѣ», 1879 г., № 4, стр. 126—127. 129.

***) «Кіевская Старина», 1904 г., № 2, стр. 235.

****) Т.-е. польскихъ (или и малорусскихъ) пановъ, а также эсендзовъ (см. «Кобзарь» изд. 1907 г., «Ляхамъ», стр. 348). Напротивъ, въ селамъ онъ приобрѣлъ среди поляковъ много друзей, и въ томъ числѣ извѣстнаго Сѣраковскаго, казначея во время польскаго восстанія 1863 г.

*****) «Кобзарь», 101, 193.

*****) «Былое», 1906 г., № 8, стр. 8—9.

*****) Въ одномъ письмѣ Бѣлинскаго къ Аппенкову (1847 г.) есть такое указаніе: «вѣрующій другъ», т.-е. Базунянъ, говорилъ ему, «что онъ сѣрять, что Шевченко человекъ достойный и прекрасный». Быть-можетъ, это указываетъ на личное знакомство Базуняна съ Шевченко? «П. В. Аппенковъ и его друзья». Спб., 1892 г., стр. 604.

верситетѣ и, по его словамъ, «предался имъ всею душою». Но въ то же время онъ энергически распространялъ дорогія ему убѣжденія. «Идеи основаннаго мною общества», говоритъ Костомаровъ, «поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ: съ кафедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже духовной академіи. Идеи общества быстро пошли въ ходъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ распространителей ихъ были (учитель) Пильчиковъ, имѣвшій сильное вліяніе на молодежь, такъ своимъ умѣньемъ обращаться съ нею, такъ и своею честною личностію»^{*}. Кроме названныхъ лицъ, членами общества были студенты кievскаго университета Андруэскій, Посяда и А. А. Навроцкій, начавшій въ 1847 г. писать стихотворенія по-малорусски^{**}). Пильчиковъ рассказывалъ впоследствии Кошицкому, что предъ арестомъ главныхъ членовъ общества всѣхъ ихъ было безъ малата сто^{***}). Впоследствии Костомаровъ говоритъ своей жонѣ, что «не считалъ своихъ «затѣй» не только преступными, но и секретными, почему и носился съ мечтою о Кирилло-Мессодіевскомъ Обществѣ: говорилъ о немъ при губернаторѣ Фундуклеѣ, при попечителѣ и помощникѣ попечителя учебнаго округа» (Юзефовичѣ), при товарищахъ и при студентахъ^{****}). По показанію во время слѣдствія Посяды или Посяденка, Костомаровъ послѣ пасхи 1846 г. говорилъ ему, «что было бы не худо составить общество въ духѣ славяноскомъ», и прочелъ при этомъ нѣсколько пунктовъ въ родѣ проекта; черезъ нѣсколько дней послѣ того у Посяденка были Гулакъ и Навроцкій и разсуждали о предположеніи основать общество и о томъ, что должно называть его по имени св. Кирилла и Мессодія и придумать какой-нибудь символъ, а въ августѣ Костомаровъ или Гулакъ говорили Посяденку, что они примутъ его въ общество. Хотя Костомаровъ отрицалъ это показаніе, но онъ, вѣроятно, даетъ нѣкоторыя дѣйствительныя данныя относительно пропаганды идей общества и вербовки его членовъ^{*****}).

Однимъ изъ набросковъ для выясненія цѣли общества является ненаданная записка В. М. Бѣловерскаго^{*****}) Авторъ говоритъ въ ней: «Снасилель открылъ человѣку любовь, миръ и свободу, равенство для всѣхъ и братство народовъ,—новыя цѣли, указанныя народамъ, для

^{*}) «Автобіографія» («Русская Мысль», 1885 г., № 5, стр. 211); «Литерат. наслѣдіе», 63.

^{**}) Петровъ. «Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.». Кіевъ, 1884 г., стр. 258.

^{***}) Кошцэвскій, 198.

^{****}) Н. И. Костомаровъ. «Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой». «Вѣстникъ Европы», 1910 г., № 8, стр. 61.

^{*****}) «Признанія Н. И. Костомарова въ III-й Отдѣленіи». «Вѣстникъ», 1907 г., № 8, стр. 212.

^{*****}) Гр. А. Ө. Орловъ въ своемъ докладѣ государю говоритъ: «Бѣловерскій означилъ, что онъ написалъ рукопись, которую можно назвать объясненіемъ Уставу общества».

«осуществленія въ нихъ великой идеи человѣческаго единства». Но тѣ, въ рукахъ которыхъ находится власть «и возможность творить небесную правду, исполнили ли надежды подчиненныхъ народовъ?.. Мы этого не видимъ. Народы попрежнему страдаютъ отъ несправды, попрежнему угнетаются... Едва ли есть другой народъ, испытывающій больше страданій и притѣсненій отъ неправильныхъ языческихъ основаній правленія, чѣмъ славянскій... Еще и теперь продолжается тотъ же гибельный для славянскаго духа порядокъ; но славяне уже пробудились для новой жизни, самобытной и свободной... Нося зародышъ всего прекраснаго, всё они подавляются самовластнымъ произволомъ. Ни ихъ политическая самостоятельность, ни свободное выраженіе мысли и чувствъ, ни даже самый языкъ не находятъ себѣ покровительства закона; все осуждено на преслѣдованіе, все подавляется личнымъ произволомъ.

«Въ такомъ же ужасномъ положеніи находится и наша Овѣтъ-Украина... Присоединенная на основаніи своихъ собственныхъ правъ, она претерпѣваетъ множество несправедливостей. Права ея забыты, и теперь, не какъ сестра однороднаго народа, а какъ раба, она должна сносить все, что только есть горестнѣйшаго въ жизни народа... Если долго продолжится настоящій порядокъ, когда ничто украинское не уважено, когда на насъ набрасываютъ чуждое ярмо, когда мы... какъ чужестранцы въ своей древней дѣдинѣ, въ своемъ собственномъ отечествѣ, то Украина должна будетъ погубить свое народное вѣковое достояніе и превратиться въ новаго недоляшка *)... Ужели мы своею жизнью заслужили такую низкую участь? Нѣтъ, но мы заслужимъ ее, если предадимся бездѣйствію, когда будемъ спокойно глядѣть, какъ убиваютъ на нашихъ глазахъ величайшій даръ Божій—жизнь народную, съ ея духомъ, идею, съ ея цѣлью, къ которой она должна направляться».

Но, по мнѣнію автора, ясно, что «отдѣльное существованіе» его родины-Украины невозможно; она будетъ находиться между нѣсколькихъ огней, будетъ тѣсна и можетъ претерпѣть горестнѣйшую участь, чѣмъ потеряли поляки. Единственное средство, представляющееся уму и одобренное сердцемъ, для возвращенія народныхъ правъ заключается въ соединеніи славянскихъ племенъ въ одну семью подъ охраненіемъ закона любви и свободы каждаго. Сошлетившись руками дружбы, они защитятъ себя отъ всякаго варвара и возвратятъ свои права для того, чтобы, развивъ свою жизнь идеи общины христіанской, привнесли ихъ въ жизнь, потерявшую главнѣйшую общественную подставу—религію», и смятчить «раздраженныя бѣдствіями души народа разрѣшеніемъ социальныхъ задачъ, возвращеніемъ блага, указанного Спасителемъ».

Далѣе авторъ говоритъ, что «зародышемъ всякой перемены

*) Курсивъ оригинала.

должно быть общество, которое только и можетъ привести въ исполненіе известную идею, и потому «мы будемъ составлять» его «на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Такъ какъ цѣлью общества будетъ возвращеніе славянскимъ народамъ ихъ самостоятельности и нравственной свободы, то каждый членъ долженъ стараться распространять правильныя идеи о свободѣ, основанной на христіанскомъ ученіи и на народномъ правѣ. 2) Такъ какъ эта свобода достижима для насъ и другихъ покоренныхъ племенъ только при соединеніи славянъ въ одно государство, основанное на уваженіи народности каждаго, то члены должны распространять»: а) понятія о правѣ каждаго изъ славянскихъ племенъ на самостоятельность; б) «пробуждать любовь къ славянамъ... и уничтожать... всякое предубѣжденіе, существующее между племенами; с) распространять памятники, пробуждающіе народность и сознание взаимнаго братства». 3) Принимать въ члены Общества можно только лицъ, имѣющихъ «чистыя христіанскія побужденія и неподозрительную совѣсть». 4) Стараться не называть членовъ Общества. 5) «Дѣйствовать на умы молодыхъ людей и женщинъ... и помогать всѣми средствами тѣмъ изъ нихъ, которые могутъ быть полезны для притотвленія общества къ новому порядку, который наступить можетъ». 6) «Стремиться къ определенной цѣли твердо, осторожно и спокойно», не показывая «вида боязни» и не подавая «повода думать», что говорятъ и дѣйствуютъ «въ противность настоящему порядку». Женщинамъ слѣдуетъ указывать на необходимость «воспитанія въ духѣ славянскихъ идей». 7) Должно сблизаться съ народомъ, заботиться объ его образованіи и благосостояніи и обнадеживать его возможностью перемѣны существующаго порядка. 8) «Подкапывать всѣми средствами несправедливыя права аристократіи и говорить больше о тѣхъ лицахъ, которыя къ ней не принадлежали или же дѣйствовали сообразно съ демократическими правилами. 9) Такъ какъ побужденія нашего Общества основаны на христіанской любви и свободѣ, то нужно стараться, чтобы и... достиженіе равенства... совершалось въ духѣ кротости и миролюбія». 10) Знакомые между собою члены Общества должны собираться хоть разъ въ годъ для совѣщанія и отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. 11) «Такъ какъ цѣль Общества основана на христіанской любви и самыхъ благородныхъ... побужденіяхъ, которыя не имѣютъ въ себѣ ничего эгоистическаго и папскаго, а, напротивъ, должны привести къ возвращенію народныхъ правъ и уничтоженію всего несообразнаго съ достоинствомъ человѣческимъ» (вѣроятно, намекъ на необходимость освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ), «то каждый членъ долженъ стремиться къ осуществленію славянской идеи во весь вѣкъ свой, употреблять все средства, коими онъ обладаетъ, на служеніе человѣчеству и своему народу и быть готовымъ даже пострадать за правое дѣло... Пусть насъ радуешь мысль, что придетъ пора,

«Когда славаше, распри позабылт,
«Въ великую семью соединятся».

«Ни одно изъ славянскихъ племень не обязано въ той мѣрѣ стремиться къ самобытности и возбуждать остальныхъ братьевъ, какъ мы, украинцы. Въ прошедшей жизни своей мы видимъ примѣръ и плоды рабства, и постоянства въ борьбѣ за свободу правъ и за вѣру Христову. И если мы, сознающіе важность подвига своихъ предковъ, останемся спокойными свидѣтелями неправды, если насъ не научить примѣръ погибшихъ народностей, если мы не позаботимся о своемъ наследіи, то по справедливости насъ постигнетъ подобная же участь. Нѣтъ! мы будемъ беречь народное сокровище, беречь его для лучшей будущности!» На этомъ оканчивается записка Бѣлозерскаго *).

Не довольствуясь этою, недостаточно опредѣленною, формулировкою своихъ стремлений, члены Общества сочли необходимымъ выработать его уставъ и правила. Въ бумагахъ Гулака впервые найденъ былъ написанный рукою Бѣлозерскаго, по составленному Костомаровымъ **), «Уставъ Славянскаго Общества св. Кирилла и Мефодія. Главныя идеи». Онъ былъ на разѣ напечатанъ съ большими погрѣшностями ***). Въ пунктахъ устава опредѣлялось, что 1) «Духовное и политическое соединеніе Славянъ есть истинное ихъ назначеніе, къ которому они должны стремиться...» 2) «При соединеніи каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность»; такими племенами въ уставѣ были признаны: южно-русы, сѣвернорусы съ бѣлоруссами, поляки, чехи съ словенцами (т. е. словаками), лужичане, иллиро-сербы съ хорутанями и болгаре. Слѣдовательно, южнорусы (украинцы), въ отличіе отъ предположеній Общества Соединенныхъ Славянъ, какъ уже я отмѣтилъ выше, были признаны особымъ племенемъ. Словаки и словянцы по планамъ Общества Соединенныхъ Славянъ составляли особия племена, а здѣсь они были соединены—первыя съ чехами, вторыя—съ иллиро-сербами. 3) «Каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію». 4) «Правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ славянъ должны основываться» на христіанской религіи. 5) «При такомъ равенствѣ образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи». Пунктъ весьма неопредѣленно сформулирован-

*) Среди бумагъ, найденныхъ у Костомарова, обратили на себя вниманіе III отдѣленія работъ. Е. В. кашцелярні мысли о панславизмѣ, вчерашъ имъ набросанныя. См. «Былое», 1907 г., № 8, стр. 201, стр. 210.

**) «Литературное наследіе» Н. И. Костомарова, стр. 62. Во время слѣдствія Бѣлозерскій принялъ на себя составленіе устава Общества. «Русскій Архивъ», 1892 г., № 7, стр. 339.

***) «Русск. Арх.», 1893 г., № 7, стр. 399—400; «Кіевская Старина», 1906 г., № 2, стр. 138—139; «Былое», 1906 г., № 2, стр. 66.

ный: неясно, слѣдуетъ ли понимать «участіе въ управленіи», какъ право быть выборщикомъ или какъ право исполнять выборныя должности, а также есть ли «образованность» требованіе только грамотности, или болѣе высокаго образовательнаго ценза. Мы увидимъ ниже изъ написаннаго Костомаровымъ воззванія «Къ братьямъ украинцамъ», что тутъ дѣло идетъ о выборѣ народомъ депутатовъ и чиновниковъ «не по происхожденію и не по имуществу, а по уму и образованности». Слѣдствительно, определеннаго образовательнаго ценза для того, чтобы быть избраннымъ, здѣсь не устанавливается. 6) «Долженъ существовать общій Славянскій Соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ». Члены Общества Соединенныхъ Славянъ также предполагали, сохранивъ независимость каждаго изъ славянскихъ племенъ и введя у нихъ «демократическое представительное правленіе, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза».

Кромѣ устава, выработаны были и «Главныя правила Общества»^{*)}, состоящія изъ одиннадцати пунктовъ: 1) Общество задалось цѣлью распространять идеи, указанныя въ уставѣ, преимущественно посредствомъ воспитанія юношества, литературы и умноженія своихъ членовъ. Покровителями своими Общество называетъ «святыхъ просвѣтителей Кирилла и Меодія и принимаетъ своимъ знакомъ кольцо или икону съ именемъ или изображеніемъ» этихъ святыхъ. 2) «Каждый членъ Общества произноситъ присягу при поступленіи употреблять дарованія, труды, состояніе, общественныя свои связи для цѣлей Общества, и ежели бы какой членъ потерпѣлъ гоненіе и даже мученіе за принятыя Обществомъ идеи, то, по данной присягѣ, онъ не выдастъ никого изъ членовъ, своихъ братьевъ». Это послѣднее обязательство напоминаетъ «Клятвенное обѣщаніе» Общества Соединенныхъ Славянъ, въ запискѣ же Бѣлозерскаго сказано было гораздо слабѣе: «стараться не называть членовъ, принятыхъ въ Общество». 3) Если членъ Общества «попадетъ въ руки враговъ и оставитъ въ нуждѣ семейство, Общество помогаетъ ему». 4) Каждый членъ, принимая другого, можетъ не сообщать ему объ именахъ прочихъ членовъ. 5) Членами Общества могутъ быть славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ званій. 6) Всѣ члены пользуются одинаковыми правами. 7) «Такъ какъ въ настоящее время славянскія племена» принадлежатъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ «и имѣютъ предубѣжденія другъ противъ друга, то Общество будетъ стараться объ уничтоженіи всякой племенной и религіозной вражды между ними и распространять идею о возможности примиренія разво-

^{*)} Они были напечатаны (также не безъ погрѣшностей) Омельянымъ въ его «Погоди литературы русской». Львовъ, 1889 г., ч. II, 751—752 (отсюда перепечатано въ «Русск. Архивъ», 1896 г., № 7, стр. 400—401), Н. И. Стороженкомъ въ «Кіевской Старинѣ», 1906 г., № 2, стр. 139—140, и въ «Былое», 1906 г., № 2, стр. 66—67.

гласій въ христіанскихъ церквахъ». Въ запискѣ Бѣлозерскаго сказано въ болѣе общихъ выраженіяхъ «уничтожать... всякое предубѣжденіе, существующее между племенами». 8) «Общество будетъ стараться заратье» (т. е. очевидно, еще до осуществленія его политическихъ плановъ) «объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности». Въ запискѣ Бѣлозерскаго мы нашли въ этомъ отношеніи лишь намекъ на то, что въ «побужденіяхъ» Общества нѣтъ ничего «панскаго» и что они должны привести «къ уничтоженію всего несообразнаго съ достоинствомъ человѣческимъ». Напротивъ, судя по свидѣтельству Кулиша, болѣе ранній кievскій кружокъ, участникомъ котораго онъ себя признаетъ, задавался цѣлью проповѣдывать образованнымъ помѣщикамъ освобожденіе народа отъ крѣпостного права посредствомъ христіанскаго и научнаго просвѣщенія. Нѣсколько болѣе рѣшительная формулировка крестьянскаго вопроса въ правилахъ Кирилло-Мефодіевскаго Общества могла явиться результатомъ вліянія Шевченка и Костомарова. Вниманіе Гуляка, какъ видно изъ его труда о Поморскихъ славянахъ и письма къ Ганкѣ (1846 г.), было также обращено на рабство *). Подъ стремленіемъ искоренить не только «рабство», но и «всякое униженіе низшихъ классовъ»; слѣдуетъ разумѣть, какъ видно изъ болѣе ранней автобіографіи Костомарова, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній **). 9) «Какъ все Общество въ совокупности, такъ и каждый членъ должны свои дѣйствія соображать съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія; правило же: цѣль освящаетъ средство—Общество признаетъ безбожнымъ». Въ запискѣ Бѣлозерскаго это выражено гораздо менѣе опредѣленно: «Нужно стараться, чтобы... достиженіе равенства... совершалось въ духѣ кротости и миролюбія». 10) «Нѣсколько членовъ Общества, находясь въ одномъ... мѣстѣ, могутъ имѣть свои собранія и постановлять частныя правила для своихъ дѣйствій, но подѣ условіемъ, чтобы они не противорѣчили главнымъ идеямъ и правиламъ Общества». Бѣлозерскій въ своей запискѣ предлагалъ собираться хоть разъ въ годъ «для совѣщанія и отчета въ своихъ дѣйствіяхъ». 11) «Никто изъ членовъ не долженъ объявлять о существованіи и составѣ Общества тѣмъ, которые не вступаютъ или не подають надежды вступать въ него». Не вошли въ правила нѣсколько важныхъ пунктовъ записки Бѣлозерскаго о вліяніи «на умы молодыхъ людей и женщинъ» и о сближеніи съ народомъ и обнадеживаніи его «возможностью переменъ существующаго порядка». Правила о подкашываніи «всѣми средствами

*) См. мою статью о Гулякѣ въ «Лазаревъ Шляхъ» (Лазаревъ Шляхъ), т. I, 42—43. Костомаровъ, конечно, не могъ забыть, что послѣ убійства его отца ему грозила опасность, какъ какъ онъ былъ рожденъ до брака, одѣлаться крѣпостнымъ наследникомъ отца. «Н. И. Костомаровъ. Изъ воспоминаній А. Д. Костомаровой». «Вѣстн. Европы», 1910 г., № 9, стр. 106.

***) См. мою статью «Н. И. Костомаровъ». «Русская Старина», 1886 г., № 1, стр. 187.

несправедливыхъ правъ аристократіи», вѣроятно, было признано лишнимъ въ виду 3-го пункта-устава, гдѣ было сказано, что «каждое племѣя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію».

Для болѣе широкой пропаганды идей Кирилло-Меѳодіевскаго Общества Костомаровъ написалъ два воззванія: «Братьямъ украинцамъ» и «Братьямъ великороссіянамъ и полякамъ». Въ первомъ изъ нихъ предлагалось поразмыслить, «хорошо ли такъ будетъ, какъ эти пункты скажутъ»: 1) Всѣ славяне должны соединиться между собою. 2) «Но такъ, чтобы каждый народъ составлялъ особенную Рѣчь Посполитую и управлялся не слитно съ другими, а такъ, чтобы каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устройство». Такими народами здѣсь были признаны великороссіяне, украинцы, поляки, чехи, словаки *), хорутане, иллиро-сербы и болгаре (т. е. не семь народовъ, какъ въ Уставѣ, а восемь. 3) «Чтобы существовалъ сеймъ или славянское собраніе, гдѣ бы сходились депутаты отъ всѣхъ республикъ славянскихъ и тамъ разсуждали бы и рѣшали дѣла, которыя относятся ко всему союзу славянскому. 4) Чтобы въ каждой республикѣ былъ правитель, избранный на время, и надъ цѣлымъ союзомъ былъ такой же правитель, выбранный на время». Этотъ пунктъ, какъ уже было отмѣчено, нѣсколько точнѣе опредѣляетъ одну изъ чертъ государственнаго устройства славянской федераціи, какъ ее представляли себѣ члены Кирилло-Меѳодіевскаго Общества. 5) «Чтобы въ каждой республикѣ было всеобщее равенство и свобода» и не существовало «никакого различія сословій». 6) «Чтобы депутатами и чиновниками дѣлали не по происхожденію и не по имуществу, а по уму и образованности, народнымъ выборомъ». Этотъ пунктъ, какъ уже было указано, поясняетъ пятый пунктъ Устава Общества. 7) «Чтобы вѣра Христова была основаніемъ законодательства и общественного порядка въ цѣломъ союзѣ и въ каждой республикѣ». Воззваніе оканчивается такъ: «Вотъ, братья украинцы, жители Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, мы даемъ вамъ это на размышленіе; прочитайте со вниманіемъ, и пусть каждый думаетъ, какъ достигнуть этого, и какъ бы лучше сдѣлать. Много гласъ,—много умовъ,—говорить пословица. Если вы объ этомъ станете прилежно думать, то когда придетъ вамъ пора заговорить объ этомъ, Господь даруетъ вамъ смыслъ и уразумѣніе».

Воззваніе къ «Братьямъ великороссіянамъ и полякамъ» написалъ Костомаровымъ сильнѣе, съ большимъ подъемомъ, съ большею энергіею, въ духъ его «Книги бытія украинскаго народа», содержаніе которой будетъ изложено ниже: «Сіе глаголетъ къ вамъ Украина, нищая сестра

*) Въ копіи Гумала служившемъ

вша, которую вы распяли и растерзали, и которая не помнит зла и соболѣзнуетъ о вашихъ бѣдствіяхъ и готова проливать кровь дѣтей своихъ за вашу свободу. Прочитайте посланіе это братское, обсудите важное дѣло вашего общаго спасенія, возстаньте отъ сна и дремоты, истребите въ сердцахъ вашихъ безразсудную ненависть другъ къ другу, возженную... и господами на общую гибель вашей свободы, устыдитесь ярма, которое тяготитъ ваши плечи, устыдитесь собственной своей испорченности, предайте проклятію святотатственные имена... изгоните изъ умовъ вашихъ духъ невѣрія, занесенный отъ племенъ нѣмецкихъ и ромашскихъ, и духъ закостѣлости, вдохнутый татарами. Облекитесь въ свойственную славянамъ любовь къ человѣчеству, вспомните также о братьяхъ вашихъ, томящихся и въ шелковыхъ цѣпяхъ нѣмецкихъ, и въ когтяхъ турецкихъ, и да будетъ цѣлью жизни и дѣятельности каждаго изъ васъ: славянскій союзъ, всеобщее равенство, братство, миръ и любовь Господа нашего Іисуса Христа» *).

Не всѣ идеи основателей Кирилло-Меодіевского Общества отразились въ запискѣ Бѣлозерскаго, Уставѣ, Правилахъ общества и въ обоихъ воззваніяхъ; Костомаровъ въ автобіографіи, продиктованной имъ Н. А. Бѣлозерской, добавляетъ еще многія важныя черты относительно идей Общества, составлявшія, вѣроятно, предметъ обсужденія въ собраніяхъ его членовъ: «Въ религіи—полная свобода. Всѣ вѣроисповѣданія должны пользоваться одинаковыми правами» (Однако, по 3 п. Устава Общества равенствомъ правъ пользовались только граждано-христиане). «Запрещалась всякая» (вѣроятно, религіозная) «пропаганда, какъ бесполезная при свободѣ» **). Относительно языка, который долженъ былъ бы сдѣлаться общимъ (т. е., вѣроятно, обще-литературнымъ) для всѣхъ славянъ, не было рѣшено окончательно, но предполагалось принять для этого языкъ «великорусскій, какъ наиболѣе распространенный». Предполагалось обязательное обученіе народа, а также «уничтоженіе крѣпостного права, дворянскихъ и всякихъ привилегій, уничтоженіе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, исключая карантинныхъ законовъ и времени войны» ***).

Сообщивъ, что Общество имѣло цѣлью «распространеніе идей славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей», Костомаровъ до-

*) Оба воззванія напечатаны съ нѣкоторыми погрѣшностями въ «Быломъ» 1906 г., № 2, стр. 67—68.

**) Но предполагалось склонять славянъ католиковъ принять славянскій языкъ въ оспослуженіи.

***) Въ число своихъ предположеній члены Общества исключили полную свободу научнаго образованія и печатнаго слова. Костомаровъ. «П. А. Кузинъ и его послѣдняя литературная дѣятельность». «Кіевская Старина», 1883 г., № 2, стр. 227.

савляетъ: «Предполагалось въ будущемъ, чтобы славянскіе народы примкнули къ Россіи и образовали съ нею федерацію».

Очень важно сообщеніе Костомарова о государственномъ устройствѣ и управленіи новой федераціи, которую, какъ видно, можно было бы назвать Славянскими Соединенными Штатами,—мысль, къ которой пришли на съ самаго начала: «Россія должна была разбиться на части, или штаты: сѣверный, сѣверо-восточный, юго-восточный, два поволжскихіхъ—верхній и нижній, два малороссійскихіхъ, одинъ средний, два южныхъ, два сибирскихіхъ, одинъ кавказскій; Бѣлороссія составляла отдѣльный штатъ» (также), «Польша, Чехія съ Моравіей, Сербія, Болгарія; часть Галліціи присоединялась къ Польшѣ, другая—къ западному малороссійскому штату и т. д. Такое дѣленіе не признавалось окончательнымъ и могло быть перестроено сообразно экономическимъ и другимъ потребностямъ».

Такимъ образомъ, Россія должна была составить 14-ть штатовъ, кромѣ Польши, которая выдѣлялась въ особый штатъ. Любопытно, что въ первой редакціи проекта конституціи, составленнаго Никитою Муравьевымъ, предполагалось (кромѣ Царства Польскаго) раздѣлить Россію также на 14-ть державъ и двѣ области—Донскую и Славянскую; въ послѣдней находилась столица государства—Нижній - Новгородъ (который и по «Русской Правдѣ» Пестеля долженъ былъ сдѣлаться столицей Россіи) съ переименованіемъ его въ Славянскъ. Укажемъ на нѣкоторыя черты сходства въ территориальномъ распредѣленіи Россіи по первой редакціи проекта конституціи Н. Муравьева съ предположеніями Кирилло-Меодіевскаго Общества. Подобно тому, какъ Общество предполагало учредить два малороссійскихіхъ штата, у Н. Муравьева были двѣ державы: Украинская со столицею Харьковомъ и Буцкая со столицею Кіевомъ; двумъ поволжскимъ штатамъ съ тѣмъ же Обществомъ (верхнему и нижнему) соответствуютъ у Н. Муравьева Заволжская держава со столицею Ярославлемъ и Низовская—со столицею Саратовомъ; среднему штату соответствуетъ Оминская держава со столицею Москвою; Бѣлорусскому штату соответствуетъ Днѣпровская держава, со столицею Смоленскомъ; Кавказскому—Кавказская держава, двумъ Сибирскимъ штатамъ—двѣ Сибирскія державы. По второй редакціи конституціи Н. Муравьева было 13-ть державъ и 2 области; здѣсь Малороссія составляетъ уже одну Украинскую державу, но также должны были быть: 1 Кавказская, 2 Сибирскихъ, тѣ же 2 державы на Волгѣ *).

*) Территориальное дѣленіе Россіи, предложенное Пестелемъ въ «Русской Правдѣ», на 10 областей и 3 уѣзда, не имѣетъ сходства съ дѣленіемъ Кирилло-Меодіевскаго Общества. Въ составъ его «Украинской области» съ главными городами Харьковомъ входили округа Полтавскій, Курскій, Харьковскій, Воронежскій и Екатеринославскій, а Кіевъ былъ главнымъ городомъ Черноморской области съ округами Кіевскимъ, Молдавскимъ, Ясскимъ, Карсскимъ

Какъ сообщаетъ Костомаровъ въ своей автобіографіи, по предположеніямъ Кирилло-Меодіевскаго Общества, «Кіевъ не долженъ былъ принадлежать ни къ какому штату, а назначался центральнымъ городомъ собраній общаго сейма» *)

Общій сеймъ долженъ былъ состоять изъ двухъ камеръ: въ составъ одной входять «выбранные сенаторы и министры», въ составъ другой—депутаты. «Общій сеймъ долженъ былъ собираться черезъ каждые четыре года и чаще въ случаѣ необходимости. Въ каждомъ штатѣ былъ свой сеймъ, который собирался ежегодно, свой президентъ... Верховная или центральная власть предоставлялась президенту, избираемому на 4 года, и двумъ министрамъ: иностранныхъ... и внутреннихъ дѣлъ». Такимъ образомъ, планъ государственнаго устройства и управления былъ разработанъ въ Кирилло-Меодіевскомъ Обществѣ гораздо подробнѣе, чѣмъ въ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ **).

«Для общей защиты федерации отъ внѣшнихъ враговъ», продолжаетъ Костомаровъ, «предполагалось имѣть регулярныя войска, но не въ большомъ количествѣ, такъ какъ въ каждомъ штатѣ была бы своя милиція, и всѣ учились бы военному искусству на случай общаго ополченія» ***),

Относительно состава Общества Костомаровъ говоритъ, что планъ дѣйствій, «получившій въ послѣдствіи дальнѣйшую разработку, былъ приблизительно слѣдующій»: предполагалось «вербовать наибольшее число членовъ между всѣми славянами и всѣхъ званій людей, преимущественно профессоровъ, учителей и литераторовъ, такъ какъ они всего

* Одесскимъ. Центрилизмъ Шестомъ, очевидно, не считался съ національными особенностями населенія.

*) Ср. со словами Костомарова о Кіевѣ въ запискѣ, взятой у него при обыскѣ. «Былое», 1907 г., № 8, стр. 200—201, стр. 209.

**) Очевидно, къ этому предположенію о раздѣленіи славянской федерации на штаты относятся слѣдующія слова позднѣйшей автобіографіи Костомарова: «Федерация только по однимъ народностямъ не оказалась для насъ вполне удобною и многоимъ приличною, а въ особенности по количественному перевѣсу массъ, принадлежащихъ къ народностямъ. Какое, въ самомъ дѣлѣ, союзничество на основаніяхъ взаимнаго равенства могло существовать между ничтожными по количеству дужичанами и огромною массою русскаго народа съ неизмѣрными пространствами его отечества? Мы пришли къ результату, что съ сохраненіемъ права народности необходимо другое дѣленіе частей будущаго славянскаго государства для его федеративнаго строя. Такимъ образомъ, составлялась мысль объ административномъ раздѣленіи земель, населяемыхъ славянскими племенемъ, независимо отъ того, къ какой изъ народностей принадлежатъ это племя». «Литературное наследіе». Спб., 1890 г., стр. 61—62.

***) Въ позднѣйшей автобіографіи Костомаровъ говоритъ: «Во всѣхъ частяхъ федерации предполагалось одинаковыя основныя законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли... единая центральная власть, завідующая отношеніями амѣ союза, войскамъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію». «Литературное наследіе», стр. 62.

болѣе могли имѣть вліянія на молодежь и подготовить ее къ будущей дѣятельности». Тактика Общества должна была состоять въ томъ, чтобы «избѣгать насильственныхъ мѣръ, а когда придетъ пора—противопоставить насилію силу мысли, силу сплоченнаго народа» *)

Въ «Главныхъ правилахъ Общества» было сказано, что оно «принимаетъ своимъ знакомъ кольцо или икону» съ именемъ св. Кирилла и Меодія. Кольцо было найдено при арестѣ у Костомарова, Гулака и Бѣлозерскаго **). Невѣста Костомарова, А. Л. Крагельская, въ послѣдствіи его жена, такъ описываетъ это кольцо въ своихъ воспоминаніяхъ: оно было «золотое, плоское съ матовыми поперечными рубчиками» и совершенно напоминало кольца съ именемъ великомученицы Варвары (въ большинствѣ серебряныя), которыя продавались въ киевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ находятся ея моши. Только на кольцѣ Костомарова была надпись: «св. Кирилль и Меодій» ***).

III.

Для пропаганды идей Кирилло-Меодіевскаго общества, вѣроятно, не только среди образованныхъ людей, но и въ народѣ, было написано сочиненіе на русскомъ и малорусскомъ языкахъ, до сихъ поръ еще не появившееся въ печати. Кулишъ прямо свидѣтельствуетъ, что во время отсутствія его изъ Кіева Костомаровъ «написать по-украински такъ-называемую «Книгу бытія украинскаго народа» въ подражаніе извѣстному... Произведенію Мицкевича» ****) («Книги польскаго народа и странствованія польскаго»), а именно, первой его части, имѣющей такой подзаголовокъ: «Отъ начала міра до замученія (umęczenia) польскаго народа». Сочиненіе Мицкевича было издано въ Парижѣ въ 1832 г., переведено почти немедленно на многіе европейскіе языки и послужило образцомъ для евангельско-соціалистическихъ разсужденій Ламена «Les paroles d'un croyant». Мицкевичъ стѣснялся продавать его и раздавать даромъ» *****).

*) Моя статья «Н. И. Костомаровъ». «Русск. Старина», 1886 г., № 1, стр. 187—8. Здѣсь впервые было опубликовано все это глѣбо первой автобіографіи, такъ какъ при печати ея въ «Русской Мысли» оно было искажено по цензурнымъ причинамъ.

***) «Изъ воспоминаній Н. И. Костомарова». «Вѣстникъ Европы», 1910 г., № 4, стр. 80. Въ статьѣ о Кулишѣ Костомаровъ утверждаетъ, что «символами Общества эти кольца не были». «Кіевск. Старина», 1883 г., № 2, стр. 227. Въ своихъ показаніяхъ во время слѣдствія онъ говоритъ, что кольцо Гулака было не похоже на его кольцо. «Былое», 1907 г., № 8, стр. 213.

****) «Вѣстникъ Европы», 1910 г., № 7, стр. 65, ср. «Былое», 1907 г., № 8, стр. 206.

*****) «Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ». «Новь», 1885 г., № 13, стр. 67. Кулишъ прибавляетъ еще: «Копію съ этой небольшой рукошвои писалъ для меня кто-то изъ нашихъ общахъ пріятелей и вмѣстѣ съ антицензурными словоповорѣтнями Шевченка вручилъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ въ Варшаву, какъ прощальный сувениръ».

*****) Пинквичъ и Спасовичъ. «Исторія славянскихъ литературъ», изд. 2-е, т. II, стр. 669.

Въ бумагахъ Гулака и Костомарова, хранящихся въ архивѣ департамента полиціи въ дѣлахъ III отдѣленія, есть это произведеніе на малорусскомъ языкѣ, а въ дѣлѣ Гулака оно имѣется въ двухъ экземплярахъ на русскомъ языкѣ: одинъ написанъ Костомаровымъ, другой, копія, Гулакомъ. Костомаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ признаетъ, что «рукопись сочиненія о славянской федераціи... на свѣткахъ сообщить для переписки Гулаку».

Въ III Отдѣленіи рукопись эта почему-то получила названіе «Законъ Божій» *). Произведеніе Костомарова навѣяно сочиненіемъ Мицкевича, но, какъ увидимъ изъ сравненія ихъ между собою, они вполне совпадаютъ лишь въ немногихъ мѣстахъ. Для правильнаго пониманія произведенія Костомарова нужно имѣть въ виду, что онъ въ это время, какъ и позднѣе, былъ человѣкомъ весьма религіознымъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что онъ подарилъ своей невѣстѣ французскій переводъ извѣстнаго сочиненія Фомы Кемпійскаго: «О подражаніи Христу» съ длиною надписью, въ которой проситъ ее прочесть все это произведеніе, «написанное великимъ авторомъ, съ величайшимъ вниманіемъ, проникнутымъ духомъ этого сочиненія» **). Основными же чертами всего сочиненія Костомарова являются горячая любовь къ украинскому народу, ненависть къ главнымъ его поработителямъ, отрицаніе царской власти, проповѣдь идеи славянской федераціи, искренній демократизмъ, отрицаніе крѣпостнаго права. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить нѣкоторую идеализацію козачества, тогда какъ Мицкевичъ идеализировалъ мнимое польское равенство. Это произведеніе Костомарова, текстъ котораго, какъ русскій, такъ и украинскій, еще не былъ опубликованъ, заслуживаетъ полнаго, научнаго изданія на обоихъ языкахъ съ указаніемъ вариантовъ; не имѣя возможности сдѣлать это теперь, я приведу большую часть его русскаго текста ***).

Упомянувъ о сотвореніи міра Богомъ съ тѣмъ, чтобы люди вѣровали въ него и любили его и всѣ были бы счастливы, Костомаровъ продолжаетъ: «Но родъ человѣческой забылъ Бога и отдался дьяволу, и каждое племя выдумало себѣ боговъ... и стали биться за этихъ боговъ, и начала земля поливаться кровью и усѣваться пепломъ и костями, и во всемъ свѣтѣ стало горе, нищета, болѣзни, бѣдствія и несогласія. Такъ наказалъ людей справедливыи Господь потопомъ, войнами, моромъ и.

*) «Вѣстникъ Европы», 1910 г., № 4, стр. 76, 82.

***) «Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой». «Вѣстн. Европы», 1910 г. № 7, стр. 66—67.

***) Относительно произведенія Мицкевича я пользуюсь вышесказаннымъ переводомъ его (сдѣланнымъ давно съ парижскаго изданія 1832 г.), во всякомъ случаѣ онъ оказывается шотландскимъ. Польскій подлинникъ («Księgi Narodu Polskiego od początku swiata aż do umieszczenia Narodu Polskiego») см. «Pisma Adama Mickiewicza», т. IV, 1844, р. 184 и слѣд. или «Dzieta Adama Mickiewicza, wydanie dr. Henrvk Biegeleisen». Lwów, t. II, 1893, р. 241—251.

Розовъ Миклушевскаго. №№ 10—12.

что всего хуже,—неволею... Люди, какъ скоро натворили себѣ боговъ, то тѣмъ самымъ натворили себѣ царей, ибо такъ, какъ въ каждомъ углу былъ свой богъ, такъ точно въ каждомъ углу былъ свой царь, и стали люди драться за своихъ царей, и земля начала еще болѣе поливаться кровью и усѣваться пепломъ и костями, и во всемъ мірѣ увеличились горе и нищета, и болѣзнь, и бѣдствія, и несогласія... Нѣтъ другою царя, кромѣ одного Царя Небеснаго утѣшителя; хотя люди и натворили себѣ царей въ образѣ своихъ братьевъ-человѣковъ, но то не были настоящіе цари, ибо царь, т.-е. тотъ, кто всеми управляетъ, долженъ быть разумнѣе и справедливѣе всѣхъ, а разумнѣе и справедливѣе всѣхъ одинъ Богъ, цари же со страстями и похотями, и управляютъ людьми отецъ страстей и похотей, человекоубійца-дьяволъ. И лукавые цари отобрали изъ людей сильнѣйшихъ и нужнѣйшихъ для себя и назвали ихъ господами, а другихъ сдѣлали невольниками господъ, и умножились на землѣ горе, нищета и болѣзнь, и бѣдствія, и несогласія». Это начало навѣяно произведеніемъ Мицкевича, но у Костомарова оно болѣе развито и написано сильнѣе.

Между тѣмъ, какъ Мицкевичъ прямо переходитъ затѣмъ къ временамъ Римской имперіи, Костомаровъ останавливается на судьбѣ евреевъ и грековъ. Моисей «учредилъ равенство» между евреями, «чтобъ не было у нихъ царя, а знали бы всѣ одного царя—Бога небеснаго, а правленіемъ завѣдывали бы судьи, избранные народною волею. Но евреи выбрали себѣ царя, не слушая святого старца Самуила, и Богъ скоро показалъ имъ, что они сдѣлали нехорошо; ибо хотя Давидъ былъ лучший изъ всѣхъ царей въ мірѣ, но и его Богъ попустилъ въ прегрѣшеніе, такъ что онъ отнялъ у сосѣда жену. Это же сдѣлалось для того, дабы люди уразумѣли, что каковъ бы ни былъ добродѣтельный человѣкъ, но, если онъ станетъ властвовать самодержавно, то впадетъ въ порокъ. И Соломонъ, мудрѣйшаго изъ людей, Богъ попустилъ впасть въ наибольшаго безуміе—идолопоклонство, дабы люди уразумѣли, что какъ бы ни былъ разумнѣе человѣкъ, но, если онъ станетъ властвовать самодержавно, то обезумѣетъ». Когда евреи «натворили себѣ царей и забыли Царя небеснаго», то Господь покаралъ ихъ: «погибло царство ихъ, и всѣхъ забрали въ плѣнь халдеи».

«А греки сказали: не хотимъ царя; хотимъ быть вольными и равными. И стали греки просвѣщеннѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ, ибо отъ нихъ пошла наука, искусство и художества... Но греки не познали истинной свободы... Хотя они много говорили о свободѣ, а свободными были не всѣ, а только часть народа, прочіе же были невольниками: итакъ, царей у нихъ не было, а господа были, и это все равно, какъ бы у нихъ было много цариковъ. И наказалъ ихъ Господь: дрались они между собою и попали въ неволю, въ руки македонянъ, а потомъ римлянъ». Итакъ, самая образованная часть рода человѣческаго «попала въ

наволою въ руки... римскаго императора. И сдѣлался римскій императоръ царемъ народовъ и самъ себя наименовалъ богомъ *).

Появленіе Иисуса Христа описано подробно, а обращеніе христіанства въ правительственную религію у Костомарова все же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ освѣщено правильно, чѣмъ у Мицкевича. «Пришелъ,—говоритъ Костомаровъ,—сынъ Божій на землю, чтобы открыть истину, дабы та истина освободила родъ человѣческій. И научалъ Христосъ, что всѣ люди братья и ближніе, всѣ обязаны любить, прежде всего, Бога, а потомъ другъ друга, и какая большая ***) заслуга у Бога будетъ тому, кто положитъ душу за други своя. А кто хочетъ быть первымъ, тотъ долженъ быть всѣмъ слугою. И самъ показалъ собою примѣръ: онъ былъ самый разумный и самый справедливый изъ всѣхъ людей..., но явился не въ образѣ земнаго царя и господина, а родился въ ясляхъ, жилъ въ нищетѣ, избралъ ученикъ свѣ не изъ рода знатнаго, не изъ ученыхъ философовъ, а изъ простыхъ рыбаковъ: И сталъ народъ прозрѣвать истину. Тогда испугались лже-философы и люди римскаго императора, что истина торжествуетъ, а за истинною будетъ свобода, и тогда ужъ не такъ легко можно дурачить и мучить людей. И осудили на смерть Иисуса Христа..., и претерпѣлъ» онъ «оплеванія, заушенія, бїенія, крестъ и погребеніе за свободу рода человѣческаго... Ученики его, бѣдные рыбаки, разошлись по землѣ и проповѣдывали истину и свободу.

«И тѣ, которые принимали слово ихъ, стали братьями,—были ли они прежде того господами или невольниками, философами, учеными или невѣждами, всѣ стали свободными.... всѣ стали просвѣщенными свѣтомъ правды. И жили христіане братствомъ, все было у нихъ общее, и были у нихъ старшіе избранные, и тѣ старшіе были всѣмъ слуги, ибо Господь сказалъ: кто хочетъ быть первымъ, долженъ быть всѣмъ слугою. Тогда императоры римскіе, и господа, и чиновники, и всѣ клеветы ихъ, и философы поднялись на христіанство и хотѣли искоренить Христеу вѣру; и гибли христіане: ихъ топили, вѣшали, четвертовали, сожигали, строгами желѣзными гребенками и творили имъ другія неисчислимыя мученія. А вѣра Христова не умялась, но чѣмъ болѣе злились кесари и господа, тѣмъ болѣе было вѣрующихъ.

«Тогда императоры съ господами условились и сказали между собою такъ: ужъ намъ не искоренить христіанства,—поднимемъ на хитрости, примемъ сами христіанство, извратимъ ученіе Христово такъ, чтобы намъ выгодно было, и одурачимъ народъ. И начали цари прини-

*) Это мѣсто о римлянахъ въ изреченіи Мицкевича развито подробно: «Римскій императоръ называлъ себя богомъ и объявлялъ, что нѣтъ въ мірѣ иного закона, кромѣ его воли... И появились философы, которые доказывали, что императоръ, вступая такъ, узурпаторъ дѣлаетъ... И вся земля сдѣлалась рабствомъ, и не было такого рабства какъ на свѣтѣ.—ни прежде, ни послѣ, кромѣ Россіи въ наши дни»...

**) Въ копіи Гучады: «свадобоушар».

мать христіанство и говорятъ: вотъ видите, — можно быть царемъ и христіанинкомъ. И постода принимали христіанство и говорили: вотъ видите, — можно быть и христіанами, и господами. А того не понимали, что мало называться только. Ибо сказано: не всякъ глаголюй ми: Господи! Господи! видеть въ царствіе небесное»...

Труднѣ было справиться Костомарову съ извѣстными словами Іисуса Христа о возданіи кесарю кесарю и словами апостола Павла. «И олурачили архіереевъ, духовныхъ и мудрецовъ, — продолжаетъ авторъ, — тѣ и говорятъ: Истинно такъ. Христосъ сказалъ: воздадите кесарева кесареви, а божія богу. И апостолъ говоритъ: всяка власть отъ Бога. Такъ самъ Господь установилъ, чтобы одни въ мірѣ семъ были господами и богатыми, а другіе нищими и рабами. А говорили они неправду. Хотя Христосъ сказалъ: воздадите кесарева кесареви, но это сказано потому, что Христосъ не хотѣлъ, чтобы были бунты и несогласія, а хотѣлъ, чтобы мирно и любовно распространялась вѣра и свобода; ибо ежели христіанинъ будетъ воздавать кесарева кесареви, т.е. платить подать, повиноваться закону, то кесарь, принявшій вѣру, долженъ отказаться отъ своего кесарства, ибо онъ, будучи первымъ, обязанъ быть всеѣмъ слугою; и тогда бы не было кесаря, а былъ бы единый царь Господь Іисусъ Христосъ.

«И хотя апостолъ сказалъ: всяка власть отъ Бога, но это не значить, чтобъ каждый, присвоившій себѣ власть, быть самъ отъ Бога. Начальство, и устройство, и правительство должны существовать на землѣ, и это власть, и власть эта отъ Бога, но начальникъ и правитель обязаны подчиняться закону и народному собранію, ибо и Христосъ повелѣваетъ судиться предъ народнымъ сонмищемъ; и такъ какъ начальникъ и правитель первыя лица, то они должны быть слугами и не должны дѣлать, что имъ придется въ голову, а должны дѣлать то, что установлено, и не должны величаться и ослѣплять великолѣпіемъ, а должны жить просто и усердно трудиться для общества, ибо власть ихъ отъ Бога, а сами они прѣшныя люди и самыя послѣдніе изъ людей, ибо всеѣмъ слуги.

«А это еще большая ложь, будто бы Богъ постановилъ, чтобъ одни господствовали и обогащались, а другіе были въ неволѣ и нищія, ибо это бы не было скоро бы приняла *) Евангеліе: постода обязаны освободить рабовъ и сдѣлать ихъ братьями, а богатые должны надѣлать нищихъ, и нищія стали бы также богатыми; такъ было бы, если бы была въ сердцахъ любовь христіанская, ибо это любить кого, тотъ желаетъ, чтобы любимому также было хорошо, какъ и ему... Такими объясненіями... господа и ученые осквернили свободу христіанскую **).

*) Въ одной мѣшкѣ: «оно скоро приняла».

**) Въ библіи сказано: постода обязаны освободить рабовъ и сдѣлать ихъ братьями. Милосердіе не только мыслями совпадаетъ съ тѣмъ, что сказано въ библіи у Костомарова, но и въ отношеніи смирненію шло: «Христосъ возгорелъ за насъ, чтобы освободить насъ, и тогда господа

Обзоръ западно-европейской средневѣковой и новой исторіи у Костомарова занимаетъ гораздо менѣе мѣста, чѣмъ у Мицкевича, и прежде всего отличается осужденіемъ Византіи и папства, чего нѣтъ у Мицкевича: «Греки»,—говоритъ Костомаровъ,—«приняли благодать и залягали ее, ибо они приняли новую вѣру, а... оставили у себя императорство, и тщеславіе царское, и неволю: и наказалъ ихъ Господь: царство греческое чахло тысячу лѣтъ и попало *) подъ иго турковъ. А романской племя—итальянцы, французы, испанцы... оставили королей и господь и выдумали главу христіанства—папу, и этотъ папа выдумалъ, будто, имѣть власть надъ цѣлымъ міромъ христіанскимъ, и никто не можетъ судить его, а что выдумаетъ, все то хорошо». Нѣмцы, принявъ ученіе Лютера, вообще и отрицаніе папской власти въ частности, «позволили вмѣсто папы... управлять церковью... королямъ и господамъ», а короли и у нѣмцевъ, «и въ другихъ земляхъ», чтобъ «удержать народъ въ ярмѣ **), творили идоловъ, ...приказывали поклоняться» имъ «и биться за нихъ». Идолами Костомаровъ, заимствовавъ эту мысль у Мицкевича, называетъ: у французовъ—«національную честь», у англичанъ—«золото и мамона» ***). Слова Костомарова, что короли посылали свои народы «на зарѣвъ за ключокъ земли, за табакъ, за чай, за вино,—и табакъ, и чай, и вино и прочая стали у нихъ богами»,—очевидно, навѣяны словами Мицкевича: «плавали за море по приказанію королей и бились за факторію, за мѣшокъ хлопчатой бумаги и за мѣшокъ перцу».

Затѣмъ у Костомарова находимъ рѣзкую, даже грубую и несправедливую выходку противъ французской революціи, которой нѣтъ у Мицкевича: «И выдумали отступники новаго бога, сильнѣйшаго надъ всѣми боженятами: этотъ богъ по-французски назывался: эгоизмъ или интересъ ****). И философы начали кричать: глупо вѣровать въ Сына Божія, нѣтъ ни рая, ни ада, всѣ должны поклоняться эгоизму или интересу, или нѣмецкому я. Ко всему этому довели короли и господа, и исполнилась мѣра мерзостей. Праведный Господь послалъ мечъ свой обоюдоострый на родъ прелюбодѣйный: взбунтовались французы и сказали: не хотимъ, чтобы были у насъ короли и господа, а хотимъ быть раями и вольными. Но этого не могло быть, ибо только тамъ свобода, гдѣ Духъ Господень, а Духъ Божій давно уже прежде того изгнали изъ Франціи

освободили рабовъ своихъ и познали въ нихъ братьевъ своихъ, а короли, помазанные во имя Божіе, полагали надъ собою законъ Божій, и возвратилась на землю справедливость».

*) Въ одной копіи «подмано».

***) У Мицкевича эта мысль выражена такъ: «И потому сказали короли: постарайся, чтобъ народы всегда были слухъ, да не поднимаютъ силъ своихъ и чтобъ враждовали между собою, да не соединятся единымъ вѣстъ».

****) У Мицкевича: «Помощество на морѣ и торговля... идоломъ, который прежде «кылывалъ мамонемъ»».

*****) У Мицкевича слово «идоломъ» выдумали Фридрихъ II, Екатерина II и Марія Терезія.

короли, маркизы и философы. И французы убили короля своего и прогнали господь, а сами начали рѣзаться и дорѣзались до того, что впали въ горшую неволю. Ибо на нихъ Господь хотѣлъ показать всѣмъ языкамъ, что нѣтъ свободы безъ Христовой вѣры» *). Шевченко, столь горячо восхвалявшій борьбу за свободу, конечно, не могъ сочувствовать такому отношенію Костомарова къ французской революціи.

Затѣмъ Костомаровъ переходитъ къ славянскому племени и, упомянувъ о переводѣ на славянскій языкъ священнаго писанія и установленіи богослуженія на этомъ языкѣ братьями Константиномъ (Кирилломъ) и Меодіемъ, чего «не было тогда ни у романцевъ, ни у нѣмцевъ», указываетъ на «двѣ бѣды» у славянъ: ихъ несогласія между собою и перениманіе у другихъ народовъ «и нужнаго, и ненужнаго»: «и приняли славяне отъ нѣмцевъ королей и господь, а, прежде того, короли были у нихъ выбранные начальники и не тщеславились передъ народомъ, а обѣдали съ простымъ человѣкомъ за-равно и сами землю пахали, а послѣ стали у нихъ: великолѣпіе, тщеславіе, гвардія, дворъ. И господь у славянъ не было, а были старѣйшины; кто старше по лѣтамъ и къ тому еще умнѣе другихъ, того и слушали на собраніи народномъ, а послѣ стали у нихъ господа, а у господь—невольники...

«По простествіи многаго времени въ славянщинѣ стало три независимыя царства: Польша, Литва и Московщина... Кричали поляки: у насъ свобода и равенство, но они сотворили себѣ господь, и обезумѣлъ народъ польскій, ибо простой народъ попалъ въ неволю самую горькую, какая когда-нибудь была на свѣтѣ, и господа безъ всякаго закона вѣшали и убивали своихъ невольниковъ».

Въ Московщинѣ «была... великая Рѣчь Посполитая—Новгородская, вольная и равная, хотя не безъ господь, и погнѣбъ Новгородъ за то, что и тамъ завелось господь, и возвысился надъ всѣми великороссіянами царь московскій, а возвысился онъ, кланяясь татарамъ, и логнъ цѣловалъ хану татарскому—бусурману, чтось помогать ему держать въ неключимой неволѣ христіанскій народъ великороссійскій. И обезумѣлъ народъ великороссійскій и впалъ въ идолопоклонство, ибо царя своего называлъ земнымъ богомъ, и все, что царь скажетъ, считалъ хорошимъ, такъ что, когда Иванъ въ Новгородѣ дунилъ и топилъ по десятку ты-

*) Мышкевичъ въ своемъ предисловіи никакъ не говоритъ о французской революціи, но у него есть такой отзывъ о Лафайетѣ: писавъ мемуары о сотвореніи «тройцетю» (Фридрихомъ II, Екатериною II и Марією Терезіею) цѣлаго интереса, Мышкевичъ продолжаетъ: «И развращались царцы, такъ что межъ ними вышло только одинъ человекъ, правдивый и вошль. Онъ убѣждалъ перестать сражаться и интереса ради, а лучше защищать свободу ближнихъ: и оправдывалъ самъ на войну въ защиту свободы, въ Америкѣ. Человекъ этотъ—Лафайетъ. Онъ послѣдній изъ презаншъ европейскыхъ людей, въ которомъ еще есть духъ самопожертвованія, «остатокъ духа христіанства».

сячь въ день народу *)), то лѣтописцы, рассказывая объ этомъ; называли его христіолюбивымъ!»).

Рѣзко осудивъ Польшу и «Московщину», Костомаровъ сильно идеализируетъ Украину, которая «къ Лѣтвѣ принадлежала» и соединилась съ Польшею, «какъ сестра съ сестрою... нераздѣлимо и несмѣσιμο по образу ипостатей божественныхъ... такъ, какъ нѣкогда соединятся всѣ народы славянскіе между собою **). Не любила Украина ни царя, ни пана и составила въ себѣ ***) казацтво, т. е. братство, куда каждый вступающій былъ братомъ другихъ,—былъ ли онъ прежде господиномъ или рабомъ, лишь бы онъ былъ христіанинъ, и были казаки (sic) между собою всѣ равны, а старшины выбирались на собраніи и должны были служить всѣмъ по слову Христову, ибо принимали должности по принужденію, какъ повинность, и не было никакого господскаго великолѣпія и титула между казаками... И поставлено казацтво... освобождать изъ неволи своихъ ближнихъ... Сагайдачный разорилъ Кафу и освободилъ оттуда нѣсколько тысячъ невольниковъ изъ подземныхъ темницъ. И много было рыцарей ****), которые такъ поступали... И день со дня росло и умножалось казацтво, и скоро всѣ люди въ Украинѣ стали бы казаками, т. е. вольными и равными, и не было бы нагдѣ Украину ни царя, ни пана, кромѣ Бога единого, и, смотря на Украину, такъ же бы сдѣлалось и въ Польшѣ, а потомъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Ибо Украина не хотѣла итти во вѣдь языковъ, а держалась закона Божія». Далѣе, Костомаровъ восхваляетъ благочестіе и чистоту нравовъ украинцевъ и говоритъ объ учрежденіи у нихъ для борьбы съ іезуитами братствъ, такихъ, «какія были у первыхъ христіанъ; и всякій, записываясь въ братство, былъ ли онъ господинъ, или невольникъ, назывался братомъ»...

«Но господа увидѣли, что казацтво возрастаетъ, и скоро всѣ люди станутъ казаками, т. е. вольными, и запрещали своимъ невольникамъ вступать въ казацтво, и хотѣли забить народъ простой, какъ скотину, такъ, чтобы не было въ немъ ни чувства, ни смысла, и стали господа об-

*) Въ одинъ день по свидѣтельству Курбскаго, было истреблено 15.000 челоѣкъ, всего же въ полтора мѣсяца погибло въ Новгородѣ болѣе 40.000 ч. Ильинскій. «Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ». «Историческое Обзореніе. Сборникъ Историч. Общ. при Спб. Университетѣ». Спб. 1897 г. т. IX, 238—243.

**) У Мицкевича «народъ литовскій» соединился съ Польшею, «какъ мужъ съ женою, въ души въ одною тѣлѣ. Но было прежде такое соединеніе народовъ. Но будетъ послѣ». Это соединеніе Мицкевичъ называетъ «первообразомъ будущаго соединенія всѣхъ христіанскихъ народовъ по яви Вѣры и Свободы».

***). Въ романѣ Гумана: «у себя».

****) Въ письмѣ къ издателю «Кіевскаго» Костомарова, напечатанномъ безъ его имени (1860, 15 января, № 61) онъ называетъ казаковъ «рыцарями вѣры». Письмо это издано и отдѣльно съ предисловіемъ М. П. Драгоманова, Женева, 1885 г., стр. 3.

дирать своихъ рабовъ», отдавали ихъ «на муку» евреймъ *), «отдавали матерьямъ кормить прудыми собакамъ»... **).

«Кавалство возстало», — продолжаетъ Костомаровъ, — «а съ тѣмъ поднялся весь народъ: истребили и прогнали посполитъ, и стала Украина земля казацкая, т. е. вольная, ибо всѣ были равны между собою и свободны, но не надолго. И хотѣла Украина снова жить съ Польшею по-братски, нераздѣлимо и несмѣсимо, но Польша никакимъ образомъ не хотѣла отречься отъ своего панства. Тогда Украина пристала къ Московщинѣ и соединилась съ нею, какъ одинъ народъ славянскій съ другимъ народомъ славянскимъ, нераздѣлимо и несмѣсимо..., какъ нѣкогда соединятся между собою всѣ народы славянскіе. Но скоро увидѣла Украина, что она попала въ неволю, ибо она по своей простотѣ не узнала, что такое значить царь московскій, а царь московскій значить то же, что илють и мучитель».

Авторъ рассказываетъ далѣе, что Украина отпала отъ Московщины, но польскіе паны и московскій царь разодрали ее тогда пополамъ по теченію Днѣпра: лѣвый берегъ достался московскому царю, «на правую, а правый берегъ—польскимъ господамъ на обдираніе». Украина билась противъ этого «лѣтъ пятьдесятъ: это святѣйшая и славнѣйшая война за свободу, война, какая подобная едва ли есть въ исторіи, а раздѣленіе Украины есть гнуснѣйшее дѣло, какое только можно отыскать въ исторіи. Украина потеряла силы, и изгнали поляки казачество съ правой стороны Днѣпра, и властвовали паны надъ нищими остатками вольнаго народа. А на лѣвой сторонѣ долѣе держалось казачество, но часть отъ часу подпадала въ неключимую неволю московскаго царя, а ютѣмъ—петербургскаго императора, ибо послѣдній царь московскій и первый императоръ петербургскій положили сотни тысячъ въ каналѣхъ и на поляхъ ихъ построить «вѣкъ столицу» ***).

Костомаровъ коритъ Польшу, что она «не хотѣла отречься отъ сво-

*) Въ своей статьѣ «Мысли объ исторіи Малороссіи», вышедшей безъ имени автора въ «Библиотекѣ для Читателя» 1846 г. т. 78, Костомаровъ приводитъ акты, изъ которыхъ польскіе паны представляли евреймъ, арестаторамъ ихъ имѣній, право суда и совершѣной казни надъ крестьянами (стр. 40).

**) Минувшица, напротивъ, описываетъ народъ польскій, говорить о его беззастѣнливости и безличности, о заплѣтѣ имъ христіанскаго міра отъ варваровъ, о походахъ зоркой Владислава надъ Варну и Яна Собіескаго надъ Вѣну, о томъ, что его короли и мужи-рыцари «не захватывали собою земель чуждо, а призывали народы въ братство, соединяли ихъ съ собою братствомъ Вѣры и Свободы. И соединяли ихъ Богъ присоединеніемъ Литовскаго народа».

***) На «востроствѣ Петербурга» работниковъ изъ Малороссіи не требовали. (П. Петровъ. «Исторія Санктъ-Петербурга». 1885 г. стр. 58—60. 143—144), но малороссійскіе паны не мало погрѣдились на проведеніи великаго укрѣпленія и рыцарь каналовъ, особенно Ладомскаго, въ тысячу ихъ вѣковъ слово живихъ («Исторія Русскія», стр. 222. Ол. Радаковъ. «Украинскіе казаки на Ладомскіи казаки» въ «Землякѣхъ Н. Тов. им. Шамшурова», т. XII).

его панства», Мицкевичъ же, напротивъ, идеализируетъ польскій государственный строй. Послѣ упоминанія о соединеніи Литвы съ Польшою Мицкевичъ продолжаетъ: «И дасть Богъ королямъ польскимъ и рыцарямъ свободы, что всѣ назывались братьями,—и самыя богатые, и самыя бѣдныя. И подобной свободы не было никогда прежде, но будетъ послѣ. И не было ни въ одномъ народѣ столько людей свободныхъ, и называющихся братьями, какъ въ Польшѣ.—И, наконецъ, король и рыцарство (дворянство) «въ третій день мая» (1791 г.) «задумали всѣхъ поляковъ сдѣлать братьями, сперва мѣщанъ, а затѣмъ крестьянъ *). И называли братьевъ шляхтою, такъ какъ шляхтились, т.-е. братались съ ляхами, людьми свободными и равными. И хотѣли сдѣлать, чтобы каждый крестьянинъ въ Польшѣ шляхтился и назывался шляхтичемъ въ знакъ того, что долженъ имѣть благородную душу и всегда быть готовымъ умереть за свободу... И сказала, наконецъ, Польша: кто придетъ ко мнѣ, будетъ свободенъ и равенъ, ибо я есмь свобода».

Но, рѣзко расходясь въ оцѣнкѣ польскаго государственнаго строя, Костомаровъ и Мицкевичъ сходятся въ ненависти къ Екатеринѣ II, чѣмъ только различаясь, что Мицкевичъ столь же ненавидитъ и Фридриха II, и Марію Терезію, какъ виновниковъ раздѣла Польши; онъ называетъ ихъ «дьявольскою троицею», «посмѣяніемъ всего святаго». На оставившаяся надъ отзывами Мицкевича о королѣ прусскомъ и императрицѣ австрійской, отмѣчу только слѣдующія слова его объ Екатеринѣ, такъ какъ они отразились въ произведеніи Костомарова: «Екатерина,—говоритъ Мицкевичъ,—«значитъ по-гречески чистая, а была распутничѣйшая изъ женщинъ и какъ бы безстыдная Венера, называющаяся чистою дѣвою. И эта Екатерина созвала собраніе для установленія законовъ» (комиссію для сочиненія новаго уложенія), «чтобы осмѣять законодательство, ибо права ближнихъ своихъ ниспровергла и уничтожила».

Соответственно этому и Костомаровъ говоритъ: «Нѣмка царица Катерина, распутница всесвѣтная, безбожница, мужеубійца, кончила казацтво и свободу, ибо, отобравши тѣхъ, которые были въ Украинѣ старшинами, надѣлила ихъ дворянствомъ и землями и отдала имъ волюную ихъ братію въ ярмо,—однихъ подѣлала господами, а другихъ—рабами».

*) Въ действительности по конституціи 3 мая 1791 г. шляхта сохранила за собою всѣ права, мѣщанамъ гарантировано расширеніе ихъ правъ, предоставленное имъ закономъ 18 апрѣля 1791 г.; что же касается крестьянъ, то только принята была обязательная сѣва дѣловъ, добровольно заключаемыхъ ими съ помещиками, но конституція не ограничила ихъ обязанностей въ пользу помещиковъ, не предоставила имъ личной свободы и не освободила отъ феодальной зависимости. Такимъ образомъ, положеніе крестьянъ не было улучшено общо-государственнымъ строемъ, и улучшение его было предоставлено частной инициативѣ. Грэмъ-Дальскій. «Исторія польскаго народа». Переводъ подъ редакціей Н. Ястребовъ. Спб., 1910 г., стр. 381, 355; В. А. Милоткинъ. «Крестовицкій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣла». Спб., 1889 г., стр. 206—212.

Объ этомъ Костомаровъ говорилъ съ негодованіемъ и гораздо позднѣе въ цитированномъ уже письмѣ къ издателю «Колокола»: «Лѣво-бережная Украина, сохраняя казачье устройство, издыхала въ московскихъ цѣпяхъ. Чадолубивая мать отечества, Екатерина II, уничтожила казачіе порядки и... ввела въ Малороссіи крѣпостное право, и поработила вольный народъ, съ такимъ упорствомъ освободившійся нѣкогда отъ этого права въ его польской одеждѣ». Костомаровъ не отмѣчаетъ здѣсь, какую крупную роль въ закрѣпощеніи украинскихъ крестьянъ сыграла козацкая старшина *), но онъ клеймитъ ее далѣе, говоря о томъ, какъ она мѣрами Екатерины превратилась въ дворянство. «Екатерина», прибавляетъ авторъ письма въ «Колоколѣ», «изволила закрѣпить народъ и въ Слободской Украинѣ, потомковъ тѣхъ, которые... бѣжали туда изъ Подолія и Галичины отъ крѣпостного права польскаго». И еще позднѣе, когда Кулишъ, съ измѣненіемъ своихъ прежнихъ воззрѣній, напечаталъ на украинскомъ языкѣ хвалебный «Гимнъ единой царицѣ» **), Костомаровъ замѣтилъ, что «мужицкія полупьяныя, какъ ихъ чествитъ г. Кулишъ, воззрѣнія Шевченка на царствованіе Екатерины II сообразнѣе съ историческою правдою, чѣмъ высокочудрыя воззрѣнія г. Кулиша» ***). Эти слова напоминаютъ намъ, что Шевченко еще ранѣе Костомарова рубяко-отрицательно отнесся къ этой императрицѣ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ.

«И погибла Украина» — продолжаетъ Костомаровъ. — «Но такъ только кажется. Не погибла она, ибо она не хотѣла знать ни царя, ни господина, а хотя и была царь надъ нею, но чуждый, и хотя были дворяне, но чужде, и хотя изъ украинской крови были эти выродки, однако, они не оккерняютъ ****) своими подлостью *****) устами украинскаго языка и сами себя не называютъ украинцами, а истинный украинецъ, будетъ ли онъ происхожденія простаго, или дворянскаго, долженъ не любить ни царя, ни господина, а долженъ любить и помнить одного Бога Іисуса Христа, царя и господина неба и земли. Такъ было прежде, такъ и теперь продолжается».

«И Славянщина, хотя терпѣла и терпитъ неволю, но не сама сотворила неволю, ибо царь и дворянство не славянскаго духа изобрѣтеніе, а нѣмецкаго и татарскаго. И теперь въ Россіи, хотя и есть десногъ-царь, однако, онъ не славянитъ, а нѣмецъ, и чиновники у него нѣмцы: оттого и дворяне, хотя и есть въ Россіи, но они скоро передѣлаются въ нѣмцевъ».

*) См. ст. В. А. Мясоедова «Измѣненіе крестьянъ лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в.» «Русское Богатство», 1894 г., № 2—4.

**) См. его вышказу «Хутерманщина» 1882 г., стр. 92—94.

***) «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность», «Лѣвская Старина» 1883 г., № 2, стр. 232.

****) Въ одной изъ книгъ «не славянитъ».

*****) Въ копіи Галака этого слова нѣтъ.

или французовъ. А истинный славянинъ не любитъ... господина, а любить... и помнить одного Бога, Иисуса Христа, царя неба и земли. Такъ было прежде, такъ и теперь продолжается»:

Мицкевичъ глубоко вѣрилъ не только въ будущее возрожденіе польскаго народа, но и въ то, что это событіе будетъ началомъ новой эпохи мирнаго развитія всего христіанскаго мира. «И былъ народъ польскій замученъ и погребенъ», говоритъ Мицкевичъ, «государя же воскликнули, мы убили и погребли свободу. Но воскликнули безразсудно, ибо, совершая послѣднее злодѣяніе, исполнили мѣру беззаконій своихъ, и прекратилось могущество ихъ тогда, когда болѣе всего радовались. Ибо народъ польскій не умеръ, тѣло его лежитъ въ гробу... Въ третій же день душа возвратится въ тѣло, и народъ воскреснетъ и освободитъ отъ рабства всѣ народы Европы. И прошло уже два дня; одинъ день окончился первымъ взятіемъ Варшавы» (Суворовымъ въ 1794 г.), «другой день окончился вторымъ взятіемъ Варшавы» (гр. Паскевичемъ въ 1831 г.), «третій же день взойдетъ, но не зайдетъ. И какъ съ воскресеніемъ Христовымъ прекратились на всей землѣ кровныя жертвоприношенія, такъ по воскресеніи польскаго народа прекратятся войны въ христіанскомъ мірѣ».

Это мѣсто также отразилось въ произведеніи Костомарова, съ замѣною польскаго народа украинскимъ, отразилось и преувеличеніе Мицкевичемъ демократическаго значенія 3-го мая 1791 г.

«Лежитъ Украина въ могилѣ», — говоритъ Костомаровъ, — «но не умерла. Ибо голосъ ея, который призываетъ всю Славянщину къ свободѣ и братству, разошелся по міру славянскому. И опозавался снѣгъ, эпоть польскость Украины, въ Польшѣ, когда 3-го мая поляки постановили, чтобы не было между ними господъ, чтобы всѣ были равны въ Рѣчи Посполитой; а этого хотѣла Украина еще за 120 лѣтъ передъ тѣмъ. И не допустили къ тому Польшу; разорвали Польшу, какъ прежде разорвали Украину. Такъ Польшѣ и нужно, ибо она не послушалась тогда Украины и погубила сестру свою. Но не погибнетъ Польша, ибо ее пробудитъ Украина, которая не помнитъ зла и любитъ сестру свою такъ, какъ-будто ничего не было между ними...

«И голосъ Украины опозавался въ Московщинѣ, когда по смерти царя Александра русскіе хотѣли изгнать царя и дворянство уничтожить, учредить республику и всѣхъ славянъ соединить съ нею по образу божественныхъ ипостасей нераздѣлимо и несмѣσιμο *); а этого Украина хотѣла и домогалась почти за 200 лѣтъ передъ тѣмъ. И не допустилъ до того деспотъ; одни кончили жизнь на висѣлицѣ, другихъ замучили въ рудокопняхъ **), третьихъ отдали на убой черкесамъ. И царствуетъ деспотъ».

*) Общество Соединенныхъ Славянъ, а относительно введенія республиканскаго строя и Южное общество декабристовъ.

***) Первоначально было написано: «въ рудникахъ».

нотъ надъ тремя славянскими народами; править ими посредствомъ нѣмцевъ, заражать, калѣчить, уничтожать добрую природу славянскую, но ничего онъ не сдѣлаетъ. Ибо голосъ Украины не умолкнетъ.

«Встанетъ Украина изъ своей могилы и опять воззоветъ къ братьямъ славянамъ, и услышатъ воззваніе ея, и возстанетъ Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни царевны, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сіятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа, ни въ Великой Россіи, ни въ Польшѣ, ни въ Украинѣ, ни въ Чехіи, ни у хорутанъ, ни у сербовъ, ни у болгаръ. И Украина сдѣлается независимою Рѣчью Посполитою въ союзѣ славянскомъ. Тогда скажутъ все народы, указывая на то мѣсто, гдѣ на картѣ нарисована будетъ Украина: вотъ камень, его же небрегоша зиждунціе,— той бысть во главу угла».

Это произведение Костомарова предполагалось распространять не только въ Россіи, среди народа, какъ это показалъ студентъ Петровъ въ своемъ доносѣ на Кирилло-Мееодіевское общество, *) но и въ славянскихъ земляхъ **); но Шевченку оно едва ли въ идейномъ смыслѣ могло дать много новаго. По крайней мѣрѣ, Кулишигъ, видѣвшійся съ Костомаровымъ передъ отъѣздомъ за границу (куда онъ отправился вскорѣ послѣ женитьбы, 24 января 1847 г., на сестрѣ Вас. Мих. Бѣлозерскаго), говорить о вліяніи на Костомарова «геніальнаго дикаря» Шевченка ***). Есть извѣстіе, что поэтъ велъ пропаганду и среди народа. Такъ, авторъ статьи объ общественныхъ идеяхъ Шевченка, напечатанной въ концѣ 1870-хъ годовъ, говоритъ, что «въ Кіевѣ среди мѣщанъ на Подолѣ еще не мало людей, которые вспоминаютъ «дядька Тараса» а лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ между ними было много старыхъ его пріятелей. Шевченко повсюду, иногда и въ шинкахъ..., собираетъ вокругъ себя цѣлую толпу людей, рассказываетъ имъ про украинскую старину, про германщину, особенно же обращаетъ вниманіе на то, какъ подъ рукою Москвы исчезли старые украинскіе народоправскіе порядки, какъ царица Екатерина ввела на Украинѣ крѣпостное право, какъ украинская земля досталась ея фаворитамъ ****). Преимущественно же Шевченку приходилось говорить про современное ему крѣпостное право, про то, что терпѣть народъ отъ пановъ, чиновниковъ, царей, евреевъ и другихъ граби-

*) «Кіевская Старина» 1906 г., № 2, стр. 138.

***) «Промѣта» 1879 г., № 4, стр. 49; Бѣлозерскій велъ съ собою въпрямую уставъ Кирилло-Мееодіевского общества, Кулиш. «Хуторна поезія», стр. 29.

****) «Новь» 1885 г., № 13, стр. 68; «Жизнь Кулиша», 44, 54.

*****) При Екатеринѣ II по именнымъ указамъ было роздано въ лѣвобережной Украинѣ около 43,000 душъ м. п.; но въ правобережной, послѣ раздѣловъ Польши проведено было очень много пожалованій населенныхъ мѣстѣй. Кроме того, розданы были огромныя пространства населенныхъ земель: такъ, палатмарш. кн. Вяземскому было пожаловано 100,000 дес., въ томъ числѣ обѣ валарожскія Сѣкъ. См. мою статью «Пожалованія населенныхъ мѣстѣй въ царствованіе Екатерины II». «Журналъ для Всѣхъ», 1906 г., №№ 1 и 2.

телей, и такъ все это пошло въ Украинѣ со времени соединенія ея съ московскимъ царствомъ и держится до сихъ поръ и увеличивается подъ вліяніемъ русскаго правительства. Лѣтъ десять тому назадъ, т. е. въ концѣ 60-хъ годовъ, въ Кіевѣ еще жилъ одинъ изъ пріятелей Шевченка. портной Васюра, очень старый, хотя крѣпкій еще человекъ, съ типично-украинскою наружностью, длинными усами, съ подбритыми волосами на головѣ, въ демонстративно-народной крестьянской одеждѣ. На всѣхъ гуляніяхъ или ярмаркахъ, гдѣ только было много народу, Васюра собиралъ вокругъ себя большую толпу, громко бранилъ русское правительство, баръ, какъ москалей, такъ и поляковъ, поповъ, царей и чиновниковъ, громко произносилъ стихи Шевченка, говорилъ про него, какъ про нѣкоего апостола, разоказывалъ про Екатерину II, про крѣпостное право, про захваты украинскихъ земель и проч. Это былъ одинъ изъ наиболее горячихъ поклонниковъ Шевченка, старый и иногда не очень трезвый человекъ, но украинскіе хлопоманы начала 60-хъ годовъ, завязывая отношенія съ мѣщанами на Подолѣ, нашли между ними не мало людей, воспринявшихъ соціально-демократическую и національную пропаганду Шевченка и имѣвшихъ на все это гораздо болѣе выясненные взгляды, чѣмъ Васюра *). Пирада. Драгомановъ **) скептически относится къ этому свидѣтельству, но я не вижу въ немъ ничего невѣроятнаго ***).

Костомаровъ во время слѣдствія показалъ, что студентъ Маржавичъ «имѣлъ большую охоту» издать на малороссійскомъ языкѣ «Сельское Чтеніе» В. Ф. Одоевскаго и А. П. Заблоцкаго (четыре выписки), первое изданіе котораго вышло въ 1843 г. Въ декабрѣ 1846 г. къ этой мысли присоединились Гулакъ, Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ. По этому поводу были три собранія: у Костомарова, у Гулака и Кулиша, гдѣ обсуждался вопросъ, на какія средства печатать эту книгу, и рѣшили, чтобы каждый внесъ по десяти рублей. Назначили такой небольшой взносъ, очевидно, имѣя въ виду привлечь къ участию въ пожертвованіяхъ очень многихъ; Костомаровъ написалъ проф. Метлинскому въ Харьковѣ, «предлагая ему собрать для этого дѣла охотниковъ участвовать и деньгами, и перомъ» съ тѣмъ, чтобы каждый изъ подписчиковъ

*) «Г. Г. Шевченко і його думки про громадянське життя». «Громада», 1879 г. № 4, стр. 48—49.

**) См. тамъ же, стр. 170, 172.

***) Студентъ Петровъ, пріятель Гулакомъ въ члены общества и выдавшій его, утверждалъ, что Гулакъ предполагалъ возбудить возстаніе среди русскіхъ и славянъ посредствомъ представленія народу въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ всѣхъ распоряженій правительства. «путешествій по деревнямъ для обличенія съ крестьянами и распространенія между ними оцѣнокъ о вредномъ правленіи». По словамъ Петрова, Гулакъ говорилъ, что нѣкоторые члены общества уже справляются съ этою дѣлюю по Россіи, что для этого предполагается также учрежденіе школы и изданіе книгъ для простого народа, что образованіе широкимъ приведетъ народъ къ возстанію, если же въ шкотящее время, то въ будущемъ возогнати. «Гамлетова історія сельбурихъ уминовъ», т. I, 47.

получилъ въ вознагражденіе пять экземпляровъ. На это изъ Харькова отзывался Медвинскій, учитель латинскаго языка въ гимназій Тихоновичъ и Александровъ, приславшій Костомарову стихи, содержанію которыхъ послѣдній характеризовалъ на допросѣ словами: «нѣчто въ родѣ україноманіи» *). Послѣдній, вѣроятно, малорусскій поэтъ Влад. Степ. Александровъ (1825—1893 г.), окончившій курсъ въ харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ и затѣмъ на медицинскомъ факультетѣ харьковскаго университета (въ 1853 г.); ставшій писателемъ подъ вліяніемъ «Кобзаря» Шевченка **).

В. М. Бѣлозерскій, получившій мѣсто учителя въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, составилъ проектъ прошенія о заведеніи тамъ школы для крестьянскихъ дѣтей, въ которой обучали бы закону Божію, простымъ ремесламъ, земледѣлію и связаннымъ съ нимъ «свѣдѣніямъ», полезнымъ для домашней сельской жизни». Онъ намѣревался представить этотъ проектъ въ палату государственныхъ имуществъ и собирать пожертвованія деньгами и натурою, но ему отсовѣтовали это ***).

Въ изложенной выше запискѣ Бѣлозерскаго онъ предлагалъ, какъ мы видѣли, «дѣйствовать на молодыхъ людей и женщинъ и помогать тѣмъ, которые могутъ быть полезны для приготовленія общества къ новому порядку ****).

IV.

25 декабря, 1846 г. у Гулака собрались нѣкоторые члены Кирилло-Мефодіевскаго общества *****): тутъ были Костомаровъ, Шевченко, Навроцкій и между прочимъ, старинный знакомый Костомарова, окончившій курсъ въ харьковскомъ университетѣ въ 1827 г., Никол. Ив. Савичъ. Поступивъ въ военную службу, онъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1828—29 гг., но чрезъ два года по заключеніи мира вышелъ въ отставку и жилъ нѣсколько лѣтъ въ отцовской деревнѣ, гдѣ была довольно большая библіотека, состоявшая преимущественно изъ произведеній французскихъ писателей XVIII в., которыми онъ увлекался такъ, что знакомые называли его «послѣднимъ вольтеріанцемъ». Послѣ смерти отца въ 30-хъ годахъ, Савичъ отправился въ Парижъ, «куда влекла его возможность довершить свое образованіе въ томъ же усвоенномъ имъ «воль-

*) «Былое», 1907 г., № 8, стр. 205, 216—7, 224.

**) Венгерова, «Источники словаря русскихъ писателей», т. I, Сиб. 1900 г., стр. 34; Венгерова, «Русскія записки», Сиб. 1897 г., т. I, 146; Оголюковскій, «Исторія литературы русской». Львовъ 1889 г., ч. II, 257, 260; Петрова «Очерки исторіи украинской литературы», Кіевъ, 1884 г., стр. 114—116.

***) «Кіевскія Старина» 1907 г., № 2, стр. 182, ср. 184, «Литературное Наслѣдіе», 67.

****) Ср. Оголюковскій, II, 478.

*****) «Литературное Наслѣдіе», 67; Автобіографія Костомарова («Русская Мысль» 1885 г., № 5, стр. 212).

теріанскомъ» направлѣніи». Тамъ онъ прожилъ три года, слушалъ лекціи въ Collège de France и серьезно занимался химіею, знаніе которой онъ считалъ необходимымъ для правильнаго веденія сельскаго хозяйства. Нѣсколько лѣтъ онъ жилъ у себя въ деревнѣ, изрѣдка выѣзжая въ Полтаву и Кіевъ, гдѣ и былъ принятъ Костомаровымъ въ Кирилло-Меовдіевское общество. Въ декабрѣ 1846 г. Савичъ былъ въ Кіевѣ проездомъ въ Парижъ, но онъ такъ увлекся идеями общества, что рѣшилъ ѣхать для пропагандированія ихъ *) и въ славянскія земли. Когда началось дѣло объ обществѣ, Савича потребовали изъ-за границы **). Петровъ сообщалъ въ своемъ доносѣ, что на собраніи у Гулака Савичъ и Навроцкій разсуждали о необходимости уничтожить въ Россіи монархическій образъ правленія, о введеніи народнаго правленія, въ которомъ бы каждое славянское племя имѣло своего представителя въ общемъ совѣтѣ славянскихъ племенъ; Костомаровъ возражалъ ему, а Савичъ доказывалъ возможность произвести такой переворотъ, воспользовавшись строящеюся въ Кіевѣ крѣпостью, которая, по его мнѣнію, будетъ самымъ удобнымъ мѣстомъ для собранія лицъ, намѣреющихся произвести возстаніе. Онъ указывалъ на «дурныя распоряженія заговорщиковъ 1825 г., вслѣдствіе которыхъ они не могли исполнить своихъ намѣреній», говорилъ, что «вообще правительство желаетъ подавить народный духъ и ввести въ Россіи китаизмъ, но народный духъ долженъ освободиться отъ тяготящаго на немъ деспотизма» ***). На вопросъ объ этихъ мнѣніяхъ Савича Костомаровъ, ранѣе показавшій, что хотя Савичъ обнаруживалъ «довольно либеральное направленіе, но умѣрялъ его», теперь, когда его спросили: «выполни ли» онъ «раздѣлять эти мнѣнія», заявилъ, что Савичъ «былъ помѣшанъ на французскомъ коммунизмѣ и считалъ возможнымъ, что общество человеческое дойдетъ до того, что все будетъ общимъ, даже жены». (Быть можетъ, въ искаженномъ видѣ тутъ указывается на ученію Фурье). Но на другомъ допросѣ Костомаровъ показалъ, что Савичъ «не говорилъ ничего относительно Россіи

*) Л. М., «Н. И. Савичъ». «Кіевск. Стар.» 1904 г., № 2, стр. 232—3.

***) «Русскій Архивъ» 1892 г., № 7, стр. 336.

***) «Шевченко», добавляя въ своей автобіографіи Костомаровъ, «во своему обыкновенію выражался не совсемъ цензурно о существующемъ порядкѣ» («Русск. Мысль» 1885 г., № 5, стр. 212). Относительно роли Шевченка въ Кирилло-Меовдіевскомъ обществѣ студентъ Андрусскій на очной ставкѣ съ нимъ показавъ, что юнкъ «былъ преимущественнымъ представителемъ малороссійской партіи въ Славянскомъ Обществѣ, которое имѣло дѣло возстановитъ гетманщину» (т.-е. самостоятельность Малороссіи), «если возможно отдѣльно, а если нельзя, то въ славянщинѣ; послѣдствіемъ меньше шло задалъ на захватъ и былъ не прочь отъ славянщины. Онъ... побуждалъ къ большей дѣятельности Славянское Общество. Предположеніе славянистовъ издавать журналъ на славянскихъ или, по крайней мѣрѣ, на русскомъ и малороссійскомъ языкахъ съ отъѣздами Шевченка изъ Кіева проставилось, а съ возвращеніемъ его оказалось. Шевченко изъ малороссійскихъ гетмановъ предвозвѣщалъ Мазепу». «Былое» 1906 г. № 8, стр. 10. Другіе же показывали на допросахъ, что Шевченко къ обществу не принадлежалъ. К о н е с ъ к и й, I, 236.

или монархическаго правленія, ни в Малороссіи. Разговоръ же о крѣпости, вѣроятно, есть выдумка». А еще позднѣе въ особомъ «дополнительномъ объясненіи» принесть такое покаяніе: «Съ полною откровенностью и раскаяніемъ объявляю, что я, въ безпокойномъ волненіи духа, неточно выражаясь, обвинилъ Савича въ какомъ-то коммунизмѣ совершенно необдуманно и неосновательно» и «вынужденъ теперь съ ужасомъ сознаться въ своей неумышленной винѣ и со слезами просить прощенія, ибо я оговорилъ человека, котораго едва знаю *). Нельзя, конечно, не порадоваться, что Костомаровъ снялъ этотъ оговоръ съ своего сочлена по Обществу предъ III-мъ Отдѣленіемъ, но эта еще не значитъ, что Савичъ, такъ долго жившій въ Парижѣ, не былъ въ дѣйствительности послѣдователемъ идей если не коммунизма, то социализма **).

Бесѣду членовъ Общества у Гулака 25 декабря 1846 г. поделивалъ студентъ Петровъ; вскорѣ послѣ этого онъ лично познакомился съ нимъ, а затѣмъ и съ Навроцкимъ, вкратцѣ въ ихъ довѣріе и былъ принятъ ими въ Общество. Гулакъ показавъ Петрову золотое кольцо съ надписью славянскими буквами: «во имя св. Кирилла и Меодія», прочитавъ рукопись «Законъ Божій» (т.-е. «Библию Бѣгтія украинскаго народа»), а Навроцкій прочелъ ему 4 нецензурныхъ стихотворенія Шевченка и сообщилъ рукопись о Гайдамачинѣ, которую Навроцкій считалъ весьма полезною для распространенія между жителями Малороссіи съ цѣлью возбужденія ихъ прежняго «свободнаго духа».

Въ декабрѣ 1846 г. Савичъ уѣхалъ за границу, въ ливарѣ слѣдующаго отправился въ Петербургъ Гулакъ, а также выѣхалъ изъ Кіева Шевченко, и, наконецъ, 28 февраля уѣхали Навроцкій и Марковичъ. Тогда, рѣшившись донести на Кирилло-Меодіевское общество, Петровъ отправился сначала къ помощнику попечителя кевскаго округа, Юзефовичу. Тотъ посоветовалъ немногу подождать съ доносомъ. Прежде всего немедленно (1 марта 1847 г.) удалили Шевченко со службы въ комиссіи для разбора древнихъ актовъ, при которой онъ занималъ мѣсто художника, подъ предлогомъ, что онъ безъ разрѣшенія комиссіи уѣхалъ изъ Кіева, а затѣмъ 3 марта Петровъ явился къ попечителю учебнаго округа Траскину, подалъ ему докладъ о существованіи тайнаго

*) Н. И. Стороженко. «Кирилло-Меодіевскіе заговорщики: Н. И. Гулакъ» «Кіевск. Старина» 1906 г., № 2, стр. 136—137; «Былое» 1907 г., № 8, стр. 205, 215, 225—6, 228.

**) Докладъ Петровъ заявлялъ во время свидѣнія, что въ декабрѣ 1846 г. Гулакъ «обнаруживалъ прямо революціонныя намѣренія» что, «предполагая соединить славянскія племена и ввести въ нихъ народное правленіе», онъ «снадѣялся достигнуть этого возбужденіемъ русскаго народа и славить къ «возстанію противъ властей ихъ» и будто бы говорилъ, что «примемъ общество будетъ дѣйствовать миролюбиво въ отношеніи царской фамилии, но если переморъ будетъ произведенъ, а государь не пожелаетъ сложить съ себя верховной власти, то необходимо заставить покарать царскою фамиліею». «Галерея шклясбургскихъ узниковъ», I, 47.

общества съ вредными политическими цѣлями и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ уставъ общества *).

И не буду останавливаться подробно на арестѣ Костомарова 28 марта, предательствѣ Юзефовича, который, придя къ нему какъ - будто предупредить о предстоящемъ обыскѣ, выманилъ у него рукопись «Книги бытія украинскаго народа», обѣщая ее спрятать, и затѣмъ представилъ ее по начальству, на арестѣ Шевченка при возвращеніи его въ Кіевъ на паромѣ черезъ Днѣпръ 5 апрѣля **), на арестѣ Гулака въ Петербургѣ и Бѣлозерскаго и Кулиша въ Варшавѣ, на истребованіи Савича изъ-за границы ***). Арестъ членовъ Кирилло-Мефодіевскаго Общества произвелъ въ столицѣ сильное впечатлѣніе, какъ это видно изъ неизданнаго дневника извѣстнаго петрашевца, офицера лейбъ-гвардіи московскаго полка Момбелли. Въ этомъ дневникѣ (май 1847 г.) мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: «Въ настоящее время въ Петербургѣ всё шепчутся и говорятъ по секрету, съ видомъ таинственности, объ открытѣи и схваченномъ правительствомъ обществѣ будто бы славянофиловъ. Говорятъ чрезвычайно различно. Невозможно отгадать, чей рассказъ справедливѣе. Всѣ рассказы согласны только въ одномъ: нѣсколько человекъ умныхъ, истинно благородныхъ, образованныхъ и ученыхъ привезено въ Петербургъ и брошено въ тайныя темницы, ни для кого недоступныя. Всѣ повторяютъ согласно, что Шевченко, Кулиша и Костомаровъ находятся въ числѣ несчастныхъ». Упомянувъ о томъ, что Шевченко, окончившій курсъ въ Академіи Художествъ, хотя и «не первоклассный артистъ, но въ его рисункахъ и картинахъ, по большей части небрежно набросанныхъ, проблескиваетъ талантъ», что онъ издавалъ въ Петербургѣ живописный журналъ, называвшійся «Живописною Україною ****), и что «нашъ поприщъ художествъ снѣ не использовался

*) Южн. вѣстникъ, I, 225 и слѣд.

**) Во время послѣдняго путешествія по Полтавской и Черниговской губ. съ цѣлью собрать свои рукописи, оставленные въ разныхъ домахъ, онъ прочелъ въ Лубкахъ у одного шриателя нѣсколько своихъ произведеній и въ томъ числѣ знаменитый «Сонъ». На него былъ помянутъ доносъ. (Ст. Огочовскаго о Шевченкѣ въ львовскомъ изданіи «Кобзаря» 1893 г., I, XL).

***) Имена другихъ арестованныхъ и привлеченныхъ къ дѣлу см. въ докладѣ гр. А. Ѳ. Орлова «Русскій Арх.» 1892 г., № 7, стр. 335—6. Между прочимъ былъ сдѣланъ обыскъ у крестьянина Варсолюма Шевченка (о посѣщеніи его см. выше). Потомъ пошли слухи, что Шевченко хотѣлъ сдѣлаться петляномъ Малороссіи, при чемъ нѣкоторые напутчики говорили: «если бы Шевченко удалось стать петляномъ, то шайки туда воскресла бы и Польща». «Древняя и Новая Россія» 1876 г., № 5, стр. 86. Послѣднія слова, быть можетъ, указываютъ на знакомство говорившихъ съ «Книгою бытія украинскаго народа», такъ какъ въ ней выражалась надежда, что воскресшая Украина восстановитъ Польщу. 3 мая Бибиковъ сдѣлалъ Орлову курьерное сообщеніе, будто бы у арестованныхъ выжжено на тѣлѣ изображеніе петлянской буланы, какъ знакъ принадлежности къ Обществу; ихъ радѣвали и осматривали, по анала, новечко, не наши.

****) Ср. объ этомъ гдаданіи письмо Шевченко къ Бодяжскому 7 июня 1844 г. «Рус. Стар.»

известностью», Момбелли продолжаетъ: «Онъ гораздо счастливѣе относительно литературы. Малороссія считала его въ числѣ своихъ любимыхъ поэтовъ, которыхъ такъ немного... Почти все его произведенія писаны на чистомъ малороссійскомъ языкѣ... Малороссіяне говорятъ, что Шевченко—истинный поэтъ, поэтъ съ чувствомъ, поэтъ съ воодушевленіемъ».

Сообщивъ о прежнихъ встрѣчахъ своихъ съ Шевченко у писателя Гребенки и описавъ нужность поэта, Момбелли сообщаетъ слухи о приговорахъ ареста Шевченка и его товарищей.

«Никто не знаетъ плана малороссійскихъ патріотовъ, какую они имѣли цѣль; но говорятъ объ этомъ различно. — Одни говорятъ, будто бы они хотѣли возбудить Малоросію къ возстанію, къ провозглашенію гетманщины и къ совершенному отдѣленію отъ Россіи.—Другіе говорятъ, будто бы они, хотя и составили проектъ о возстановленіи гетманщины, но привести свой планъ» (въ исполненіе) «хотѣли не иначе, какъ съ разрѣшенія Императора, и ему-то на разсмотрѣніе предполагали представить свой проектъ управления Малоросіи.—Третьи говорятъ, что ни замысловъ, ни заговора дѣйствительно никакихъ не было, и что вся эта история не больше, какъ сочиненіе кievскаго генералъ-губернатора Бибикова, который за свое сочиненіе надѣялся получить какую-нибудь награду и, вѣроятно, получилъ». Момбелли сообщаетъ, что о самомъ открытіи «заговора» разсказываютъ различно. Такъ, говорятъ, что Шевченко «написалъ на малороссійскомъ языкѣ въ стихахъ воззваніе къ малороссіянамъ» *). «Нѣкоторые говорятъ, продолжаетъ Момбелли, что посредствомъ тайной полиціи, правительство и прежде знало о существованіи заговора... Еще говорятъ, будто бы австрійское правительство прислало бумагу къ русскому, въ которой сообщаетъ, что чиновникъ русскій, съ видомъ отъ правительства, развѣзжаетъ что австрійскимъ землямъ и распространяетъ между австрійскими славянами мысли, противныя правительству» **).

1883 г., т. 39, стр. 640. Это была собственно не журналъ, а художественный сборникъ, котораго вышелъ въ свѣтъ лишь одинъ выпускъ, состоящій изъ шести рисунковъ. Горько о. «Шевченко—живописецъ и гравёръ» въ книгѣ того же автора «Южно-русскіе очерки и этюды». Кіевъ, 1898, стр. 98.

*) Одинъ экземпляръ этого воззванія, за своего подписано, былъ будто бы отданъ какому-то французу Лессажу «съ тѣмъ, чтобы тотъ напечаталъ его въ большомъ числѣ экземпляровъ въ Лейпцигѣ, для раздачи народу». На гравирѣ воззваніе было будто бы найдено въ пещахъ Лессажу, и желѣло было арестовать Шевченка, но, предупрежденный Лессажомъ, онъ сдѣлалъ и сѣздалъ въ Галицію, гдѣ былъ уже схваченъ при помощи австрійской полиціи и привезенъ въ Петербургъ въ крѣпость. Такъ отражались въ воображеніи петербургскаго общества аресты Кудаша и Бѣлозерскаго въ Варшавѣ и вызовъ Савича изъ-за границы. Шевченко же, какъ мы видѣли, за-границу не выѣзжалъ и былъ арестованъ въ Кіевѣ.

***) Отраженіе этого послѣдняго слуха находится въ заграничн. газетѣ „Augsburger Allgemeine Zeitung“ (1847 г. № 185, 4 июля), гдѣ между прочимъ было сказано, что «русскіе ученые и писатели дозволили себѣ въ послѣднее время въ австрійскихъ прощаніяхъ съ славянскимъ»

«Приверженцы деспотизма, т. е. настоящего порядка въ Россіи», продолжаетъ Момбелли, — «и всѣ проиниманные страхомъ, такъ называемые осторожнѣе или, иначе, благоразумные, величаютъ замыселъ этотъ глупымъ безразсудствомъ... Момбелли замѣчаетъ по этому поводу, что у насъ осуждаютъ тѣхъ, «которые надѣются на переворотъ въ Россіи, на лучший порядокъ вещей..., которые имѣютъ дерзость отступать отъ глупыхъ привычекъ свѣта, не вполне подчиняться силѣ, — вообще всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ несчастье выходить изъ общаго уровня въ чемъ-либо, исключая рабской преданности и усердія къ престолу. Нѣкоторые называютъ поступки Шевченко безразсудствомъ, прикидываютъ помѣнательства, потому собственно, что плаги его ищають несбыточнымъ, просто нелѣпымъ».

«Малороссіяне же, болѣе знакомые съ условіями мѣстности», — продолжаетъ Момбелли. — «даже сильно не одобряютъ поступка Шевченки уже потому, что онъ не удался, признають его плаги совсемъ не такъ нелѣпымъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда». Они говорятъ, что «стоитъ только расшевелить» ихъ земляковъ, «такъ ужъ трудно будетъ успокоить ихъ, пока не доберутся до своего, не исполнять, что затѣяли. Съ возстаніемъ же Малороссіи зашевелился бы и Днѣпъ, давно уже недовольный мѣрами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаемъ. Стѣдовательно, весь югъ и западъ Россіи взяли бы за оружіе».

Отъ петербургскихъ слуховъ и разсужденій по поводу ареста членовъ Кирилло-Меводіевского общества переходжу къ слѣду о немъ въ III отдѣленіи собственной Е. В. канцеляріи, но не буду излагать весь ходъ слѣдствія такъ-только онъ до сихъ поръ извѣстенъ, находя болѣе удобнымъ возвратиться къ нему, когда будетъ вновь досудно для изученія все слѣдственное производство, хотя главные и основныя факты извѣстны; остановлюсь только на нѣкоторыхъ его моментахъ, связанныхъ съ предшествующимъ изложеніемъ.

Первый допросъ Костомарову былъ произведенъ 15-го апрѣля 1847 г., а еще 13-го апрѣля кievскій генералъ-губернаторъ Бибииковъ доставилъ шефу жандармовъ гр. Орлову копию съ слѣдующей прокламаціи,

напечатанной, а издана въ Богеміи, для распространить славянскій текстъ, для осуществления которыхъ сии казенныя, давно уже дѣйствовавшія. Австрійское правительство попытало бы слѣдъ отъ тайнаго агента и показавалось русскому, указавъ при этомъ и мѣсто, гдѣ подобныя вещи происходятъ въ Богеміи. Тамъ былъ славянинъ извѣстный Куцвийъ, арестованный правитель-доцентъ русско-славянскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ, арестованный въ странѣ, издѣланный славянскимъ алфавитомъ. «Рус. Стар.» 1885 г., № 10, стр. 122. Въ дѣйствительности же Куцвийъ былъ арестованъ въ Варазавѣ еще до выѣзда изъ страны. Но австрійское правительство это воспользовалось открытіемъ Кирилло-Меводіевского общества для своихъ цѣлей, по крайней мѣрѣ гр. Вандоль разсказывалъ, что изъ Вѣны (отъ Меттерниха) извѣстили русское правительство (разрѣшъ) — ал славяно-фильство. «Русск. Арх.» 1893 г., № 7, стр. 104, стр. 1892 г., № 7.

наклеенной въ Кіевѣ 3-го апрѣля на Александровскомъ Съѣздѣ (нынѣ Александровская улица): «Братья! Настаетъ великій часъ, часъ, въ который вамъ представляется случай смыть поклошеніе, нанесенное праку отцовъ нашихъ, нашей родной Украинѣ подлою рукою вѣчныхъ враговъ нашихъ. Кто изъ васъ не подниметь руки за великое дѣло! За насъ Богъ и добрые люди, вѣчно вѣрные сыны Украны, враги кацаповъ» *). Внизу изображенъ былъ крестъ.

На другой день, 14-го апрѣля, государь написалъ на представленіи объ этой прокламаціи: «Явная работа той же пропаганды изъ Парижа; долго этой работѣ на Украинѣ мы не вѣрили, теперь ей (sic) сомнѣваться нельзя, и слава Богу, что такъ раскрылось. Бибикову дай знать, что имѣетъ на жѣсто» (т.-е. возвратиться въ Кіевъ), «и надо вездѣ строго смотрѣть».

Въ тотъ же день государь утвердилъ слѣдующій докладъ Бибикова: «В. И. В.—ву я имѣть счастье всеподданнѣйше докладывать, что отношенія попечителя кіевскаго учебнаго округа къ генераль-губернатору неопредѣлительны и неудобны, особенно по системѣ воспитанія.—Какъ въ Малороссіи, и между нѣкоторыми лицами изъ малороссійянъ учащихъ и учащихся въ Кіевѣ открылось въ настоящее время вредное направленіе, то по сему случаю оказалось бы полезнымъ на нѣкоторое время управленіе кіевскаго округа въ трехъ губерніяхъ подчинить во всѣхъ отношеніяхъ генераль-губернатору подъ главнымъ наблюденіемъ министра народнаго просвѣщенія, на что и осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго повелѣнія... Резолюція государя была такова: «Совершенно справедливо, и необходимо увѣдомить министра народнаго просвѣщенія, что я сіе приказалъ исполнить, сказавъ, что я призналъ ну ж е н ы м ъ **), не оговаривая причины».

Изъ показаній во время слѣдствія насъ интересуетъ то, что объявилъ Костомаровъ по поводу рукописи, найденной у него, у Гулака и Бѣлозерскаго, которая получила въ III отдѣленіи названіе «Законъ Божій». Она была впервые захвачена при арестѣ Гулака 18-го марта. Допрошенный въ тотъ же день, Гулакъ показалъ, что тетрадь эта писана его рукою, но сочинена не имъ. Какъ на этомъ допросѣ, такъ и на слѣдующемъ, Гулакъ рѣшительно заявлялъ, что не знаетъ никакого тайнаго славянскаго общества и его членовъ. 1-го апрѣля онъ былъ отправленъ въ Алексѣевскій равелинъ Петербургской крѣпости, и тамъ у него найденъ былъ еще экземпляръ рукописи «Законъ Божій», на которомъ, очевидно, въ III отдѣленіи, была сдѣлана надпись: «Переписано Костомаровымъ. Найдено въ бумагахъ Гулака».

По словамъ Костомарова, еще при первомъ приводѣ его къ гр. Орлову, 7-го апрѣля, шефъ жандармовъ сталъ вкратцѣ излагать ему содер-

*) Въ запискѣ, при которой была представлена государю прокламація, возможно, что «сростой народъ плазываетъ обыкновенно въ Малороссіи русскіхъ—кацаповъ».

**) Курьезъ пошлоства.

жаніе взятой у него рукописи и прибавить: «Что же за такія штуки?—эпафоты! Но я увѣренъ, что не вы написали эту мерзость. Будьте открытвенны и дайте возможность спасти васъ... Отъ васъ будетъ зависеть снять со своей спины хотя половину той кары, которую вы заслужили» *).

На первомъ допросѣ, 15-го апрѣля 1847 г., Костомарова, между прочимъ, спросили, для чего онъ перевелъ съ польскаго рукопись, называемую «Законъ Божій», кому давалъ ее переписывать и у кого должны находиться ея экземпляры. Костомаровъ отвѣчалъ, что сочиненія этого онъ «не переводилъ съ польскаго въ собственномъ смыслѣ, ибо оно написано было по-малороссійски и только часть его была по-польски», и что онъ перевелъ въ немъ съ польскаго то, «что было на этомъ языкѣ». Онъ высказалъ предположеніе, что рукопись эта составлена поляками, что онъ хранитъ ее у себя, «какъ историческій документъ мятежа польскаго» и какъ одну изъ грезъ славянофильства, что «самъ всегда имѣлъ въ виду идею славянскаго соединенія въ одну федеративную монархію, т. е., чтобы всѣ славянскіе народы были соединены съ Россійскою имперіею на такомъ основаніи, на какомъ теперь Царство Польское». Онъ утверждалъ, что у него сохранилась только часть этого произведенія, что предъ нимъ было предисловіе на польскомъ языкѣ и «нѣчто въ родѣ правилъ славянской республиканской федераціи», что въ первый разъ слышитъ названіе «Законъ Божій», что давно слышалъ о такомъ сочиненіи на малороссійскомъ языкѣ и хотѣлъ его достать; приписывали его кому-то «съ иностранной фамиліей — если не измѣняетъ мнѣ память, де-Вальменю» **). Костомаровъ показавъ, что никому не давалъ этого произведенія, кромѣ Гулака, который сказалъ, что оно ему уже извѣстно, а въ декабрѣ попросилъ его на одинъ день, увидя, что Костомаровъ сравнивалъ его съ *Pielgrzym'koju* (т. е. съ сочиненіемъ Мицкевича о польскомъ народѣ и его странствованіи) да и «завезъ его» въ Петербургъ. Костомаровъ утверждалъ также, будто бы въ его списокѣ это произведеніе называется—«Подпѣстранка». Онъ прибавилъ, что названіе «Законъ Божій» ему давно знакомо, но что онъ не знаетъ, какое сочиненіе такъ называется.

На слѣдующемъ допросѣ, 17-го апрѣля, Костомарову указали, что въ его бумагахъ оказался не отрывокъ «Закона Божія», а «списокъ на цѣльныхъ листахъ», а у Гулака найденъ полный списокъ той же рукописи, писанный рукою Костомарова на малороссійскомъ и русскомъ языкахъ, съ «возмущительными воззваніями въ концѣ: «Къ братьямъ украинцамъ» и «Къ братьямъ великороссіянамъ и полякамъ».

*) Изъ воспоминаній Н. И. Костомарова. «Вѣсти. Евр.» 1910 г., № 4, стр. 78—79. Въ первой автобиографіи нѣсколько иначе. «Русск. Мысль» 1885 г., № 5, стр. 216.

**) Шенченко назвалъ Якова де-Вальмеша, убитого на Кавказѣ въ 1845 г., которому онъ посвятилъ свою книгу «Кавказъ». «Быль», 1906 г., № 8, стр. 9.

Оказалось, что Костомаровымъ были «переписаны» по крайней мѣрѣ три экземпляра «Закона Божія», и ему поставленъ былъ вопросъ, съ какою цѣлью онъ «размножалъ» экземпляры этой рукописи и не передалъ ли онъ ихъ еще кому-либо, кромѣ Гулака. На послѣдній вопросъ Костомаровъ отвѣчалъ отрицательно. Въ тотъ же день его спросили еще слѣдующее: «При дальнѣйшемъ разсмотрѣннн той же рукописи («Законъ Божій») оказывается, что она не можетъ быть переводомъ, ибо все обнаруживаетъ въ ней оригинальное сочиненіе, приуроченное къ Россіи и Малороссіи», и требовали отъ него объясненій. Костомаровъ отвѣчалъ: «Подлинникъ сочиненія, извѣстнаго мнѣ подъ именемъ «Поддѣстранки», а другимъ подъ именемъ «Закона Божія», писанъ по малороссійски... Списокъ, съ котораго я переписывалъ, не знаю, гдѣ... Кѣмъ сочиненъ подлинникъ, я не знаю... какъ и не знаю сочинителей многихъ подобныхъ бродячихъ произведеній на малороссійскомъ языкѣ, напримѣръ, Разговоры Великороссіи съ Малороссією, Царства праведныхъ Грицька Залѣзняка и т. п. Объ этомъ сочиненіи», продолжалъ Костомаровъ, «я упоминалъ г. помощнику попечителя» (т. е. предателю Юзефовичу), «именно, когда читалъ ему одну статью свою, и... зашелъ разговоръ о бродячихъ малороссійскихъ сочиненіяхъ, и въ самой этой статьѣ, напечатанной въ одномъ изъ номеровъ «Библиотеки для чтенія» за прошлый годъ («Мысли объ исторіи Малороссіи») я, нечисля бродячія малороссійскія сочиненія, назвалъ и «Поддѣстранку». Такая статья (безъ имени автора) дѣйствительно была помѣщена Костомаровымъ въ «Библиотекѣ для чтенія» (1846 г., № 9); въ ней (стр. 26) между прочимъ упоминается о двухъ рукописныхъ сочиненіяхъ («Разговоръ Великороссіи съ Малороссією» и «Разговоръ Благоскула съ Хмельницкимъ въ царствѣ мертвыхъ»), но нѣтъ ни слова о «Поддѣстранкѣ».

Въ концѣ показаній этого дня Костомаровъ, очевидно измученный допросомъ, сдѣлалъ еще путанное заявленіе о «Законѣ Божіемъ», изъ котораго отмѣтимъ только, что онъ взялъ назадъ показаніе, данное еще въ Кіевѣ, будто бы перевелъ это произведеніе съ польскаго, «чего вовсе не было, и такимъ образомъ самъ на себя навлекать переводъ».

На допросѣ 7 мая отъ Костомарова вновь потребовали оповѣта, отъ кого онъ получилъ рукопись «Закона Божія» и для чего передалъ ее Гулаку. Костомаровъ показалъ, что списалъ ее давно, сколько помнитъ, взявъ отъ Хмельницкаго, который служилъ въ Кавказскомъ корпусѣ и случайно квартировалъ съ нимъ недолго въ Харьковѣ; нѣсколько лѣтъ позднеѣ вспомнилъ о ней, читая Мицкевича, и «смотрѣлъ на нее, какъ на историческій памятникъ близкихъ къ нашему времени заблужденій»; Гулакъ будто бы «захватилъ ее» у него; «воспользовавшись» его «разсѣянностью». Костомаровъ выражалъ раскаяніе въ невольномъ распространеннн рукописи, высказывалъ предположеніе, что она—«про-

извѣстіе поляка», находить въ ней нѣкоторое сходство съ сочиненіями Мицкевича, Лелевели и записками покойнаго профессора Даниловича *), «тайнаго недоброжелателя Россіи». И наконецъ упоминаетъ о томъ, что «многіе поляки юго-западной Руси, напримѣръ» (писатели) «Чайковскій, Залѣвскій и друг., изричали о возстановленіи и славѣ Украины, такъ что поминали своихъ соотечественниковъ» **).

Въ своей первой автобіографіи Костомаровъ сообщаетъ одну подробность, которой, конечно, нельзя извлечь изъ официальныхъ документовъ: «Меня допекали», говоритъ онъ, «на допросахъ гѣмъ, какимъ образомъ я рожую, что не знаю, чья рукопись, когда помарилъ сдѣланы моей рукой. Наконецъ, мнѣ надоѣли постоянныя поговорки одного и того же, и я объявляю себя составителемъ рукописи ***). Тогда ко мнѣ въ компань пришесть Поповъ, чиновникъ III Отдѣленія, в которомъ все тогда содержавшіеся отзывались потомъ, какъ о человѣкѣ добромъ и порядочномъ ****). Онъ утрекалъ меня, зачѣмъ я сдѣлался: «Если вы будете стоять на своемъ»,—сказалъ онъ,—«вы съеплють въ каторгу. Вамъ придется плохо, если государь узнаетъ, что вы составитель рукописи, покажите то же, что и Бѣлозерскій. Смотрите, что оягъ нашъ галь!».

Бѣлозерскій показалъ, что «онъ, Костомаровъ и Гулакъ толковали, что было бы хорошо составить учное общество съ цѣлью распространенія православія между славянами и соединенія ихъ подъ властью русской монархіи, и что сая, Бѣлозерскій, перевелъ понаивномуся ему рукопись, сочиненную какимъ-то славянцемъ, и вотъ они собирались и разсуждали». — Видите ли, умно написано, — продолжаетъ Поповъ. — Скажите то же, что и онъ, вѣдь и такъ лю головакъ не чюгадять. — И подумать и правнать другими словами почти то же, что и Бѣлозерскій» *****).

Разговоръ съ Поповымъ, очевидно, происходилъ до 7 мая, потому что въ этотъ день Костомаровъ признаетъ свое желаніе основать «учное общество любителей славянской науки», но признаться въ это желаніе

*) Профессоръ вильновскаго, харьковскаго, вѣнскаго и московскаго университетовъ (1787—1843), одинъ изъ лучшихъ знатоковъ античной и вѣдскаго права. Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ книгѣ А. Э. Нольде: «Очерки по исторіи юридической мысли въ древне-славянскихъ законод. актахъ». Спб. 1906 г., стр. 88 и слѣд.

***) «Быль» 1907 г. № 8, стр. 206—9, 214, 218—9, 226—7.

****) Мы увидѣли, что въ вѣдсменныхъ повстаніяхъ большого нравственн. нѣтъ.

*****) Незабвенный учитель Вѣдскаго. Во второй автобіографіи Костомаровъ говоритъ, что вѣдскаго Бѣлозерскаго было «подобно» ему Поповымъ съ коллежск. Дубельта.

*****) «Русск. Мысль» 1885 г., № 5, стр. 217—218; ср. «Вѣст. Евр.» 1910 г., № 4, стр. 79—80. Костомаровъ утверждаетъ, что Дубельтъ гугалъ его самыми понаивными словами и угрожалъ «сраке употребить жестокія мѣры съ цѣлью заставить его «отворить вѣдскаго». «Вѣст. Евр.», 1883 г., № 2, стр. 228. Ср. 1906 г., № 2, 140. По другому сообщенію Костомарова, самъ прозвалъ импровизировать его въ вѣдскаго на что живонъ. «Русск. Мысль», 1885 г., № 5, стр. 217.

Гулаку и Бѣлозерскому, утверждая, что «съ своей стороны» ша него не соглашался *).

Гулакъ такъ же какъ и Шевченко **) утверждаетъ, что ничего не знаетъ объ Обществѣ, и на одной ставкѣ 15 мая съ Бѣлозерскимъ и Костомаровымъ остался при прежнемъ показаніи; тогда гр. Орловъ толпнуть ногою и закричалъ: «Вотъ корень зла!» ***). Очная ставка заставила Гулака задуматься, слѣдуетъ ли продолжать держаться тактики полного отрицанія существованія Общества, и 17 мая онъ привезъ справедливость показаній Бѣлозерскаго и Костомарова, при чемъ съ величайшимъ благородствомъ принялъ на себя составленіе Устава Общества (что сдѣлалъ и Бѣлозерскій), а также и рукописи «Законъ Божій», хотя и то, и другое было написано Костомаровымъ... Когда 19 мая Костомарову сообщили, что Гулакъ сознался въ участіи вмѣстѣ съ нимъ въ Славянскомъ Обществѣ, объяснили дѣло согласно съ его показаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что рукопись «Закона Божія» сочинена имъ, и потребовали объясненія противорѣчія съ показаніемъ Костомарова, что она сочинена въ польскомъ духѣ и получена имъ отъ офицера Хмельницкаго, Костомаровъ отвѣчалъ грубою выходкою противъ Гулака: обвинилъ его въ томъ, что онъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ утащилъ у него рукопись и такимъ образомъ подвергъ его отвѣтственности за ея распространеніе, злоупотребивъ его доверчивостію ****). Относительно оговора Савича Костомаровъ успѣлъ покаяться въ своемъ послѣднемъ объясненіи на слѣдствіи (24 мая); что касается Гулака, то онъ сдѣлалъ это только во второй своей автобіографіи. Перепутывая здѣсь порядокъ показаній Гулака относительно рукописей «Закона Божія», Костомаровъ дагдѣ заявляетъ, что «великій честный человѣкъ не можетъ не признать» въ желаніи Гулака выгородить товарищей—самой высокой христіанской нравственности и не оцѣнить этого порыва самоотверженія... Онъ былъ настоящій практическій христіанинъ и осуществилъ въ своемъ поступкѣ слова Спасителя: «Больше сея любви никто же имать, да еще положить душу свою за други своя» *****).

Шевченко относительно Киприкто-Месодіевскаго Общества утвер-

*) См. «Былое», 1907 г., № 8, стр. 220—226. Впрочемъ, уже въ показаніи 17 апр. Костомаровъ говоритъ, что Гулакъ и Бѣлозерскій начали ввязывать обществомъ кругъ людей, занимающихся славяновѣдѣмъ, а дагдѣ Гулакъ началъ мечтать о томъ, чтобы установить «нездѣланныя призывы, но все же утверждать еще, что общества не существовало. См. стр. 213—214.

**) См. «Былое», 1906 г., № 8, стр. 6—8, 10.

***) «Русск. Мысль», 1885 г., № 5, стр. 218.

****) Моя статья о Гулакѣ стр. 47—48; «Русск. Мысль» 1885 г., № 5, стр. 218; «Былое» 1907 г., № 8, стр. 228.

*****) «Вѣстн. Евр.» 1910 г., № 4, стр. 81; стр. «Пальцея шмыскабудиывать узлжковъ», I, 42, 48. Въ Киевѣ Костомарова послѣ ареста хотѣли свѣдѣть, что на него допросъ Гулакъ; но Костомаровъ зналъ, что такъ «не способно это сдѣлать». Юнг. «Нѣз всего видномоса-ній». «Вѣстн. Евр.», 1905 г., № 5, стр. 268.

ждать, что ничего не слышать о немъ; что онъ въ немъ не участвовать, показывали и другіе, кромѣ Андрузскаго *).

Какъ уже было сказано, я не буду останавливаться здѣсь на другихъ сторонахъ слѣдствія по этому дѣлу, не буду говорить и о заключеніи арестованныхъ въ III Отдѣленіи и въ Алексѣевскомъ равелингѣ Петербургской крѣпости, напомнимъ только о томъ выводѣ, къ которому III Отдѣленіе пришло относительно Кирилло-Меодіевскаго Общества, и о судьбѣ арестованныхъ его членовъ. То и другое видно изъ доклада шефа жандармовъ графа А. Ѡ. Орлова, утвержденного имп. Николаемъ 28 мая 1847 г. **). Орловъ нашель, что «доносы и первыя свидѣнія, какъ всегда бываетъ, преувеличили важность, и дѣло оказалось въ видѣ менѣе опасномъ». Онъ представилъ дѣло такъ, что цѣлью членовъ Общества было соединеніе славянскихъ племенъ подъ скипетромъ русскаго императора. «Не касаясь до настоящаго образа правленія въ Россіи, они желали только, — продолжаетъ Орловъ, — чтобы имѣющіи присоединиться къ нимъ иноземныя славянскія племена устроены были по примѣру Царства Польскаго... Украинно-славянское общество существовало только нѣсколько мѣсяцевъ и во время самаго развитія его состояло только изъ трехъ лицъ: Гулака, Бѣлозерскаго и Костомарова». Относительно рукописи «Законъ Божій» составитель доклада пришелъ къ выводу, что она «ничто иное, какъ передѣлка книги Мицкевича», при чемъ въ этомъ сочиненіи «все приурочено къ Польшѣ», а въ «Законѣ Божіемъ» — къ Малороссіи. Но въ докладѣ были отмѣчены увѣренія Бѣлозерскаго и Костомарова, что ни уставъ, ни объясненія къ нему, ни «Законъ Божій» и другія ихъ бумаги не служили правилами Общества.

Рѣшеніе относительно членовъ Общества и лицъ къ нему прикосновенныхъ по утвержденному (съ измѣненіями) государемъ докладу гр. Орлова было таково. Гулака вѣдѣно было заключить въ крѣпость на три года и потомъ отправить, «буде исправится въ образѣ мыслей», въ отдаленную губерцію подъ надзоръ Костомарова, обвиненнаго, между прочимъ, въ томъ, что онъ далъ «ходъ преступной рукописи «Законъ Божій», приказано заключить на одинъ годъ въ крѣпость, а потомъ отправить въ Вятскую губерцію на службу, но никакъ не по ученой части, съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора. Въмѣсто Вятской губерніи Костомаровъ былъ отправленъ въ Саратовъ. Бѣлозерскаго вѣдѣно было перевести на службу въ Олонецкую губерцію (послать къ Петрозаводскъ). Ужасная судьба Шевченка, хотя онъ былъ признанъ не принадлежащимъ къ числу членовъ «Украинно-славянскаго Общества», известна ***).

**) Кошкиславскій, I, 236.

***) См. «Русскій Архивъ», 1892 г., № 7, 335—347.

***) См. статью А. Я. Кошкиславскаго «Человекъ изъ ада» въ «Русскомъ Богатствѣ», 1911 г., № 2.

Относительно Кулиина (или, какъ тогда онъ подписывался, Кулѣина) было также признано, что онъ не принадлежалъ къ Обществу *), но что «вина» его «въ нѣкоторой степени сходна съ преступленіемъ Шевченки. Любя пламенно свою родину, Малороссію, онъ въ апатчатавшихся имъ книгахъ съ восторгомъ описываетъ духъ прежняго галачмства, наѣзды гайдамаковъ изображаетъ въ видѣ рыцарства, представляя исторію этого народа едва ли не знаменитѣе всѣхъ исторій, славу его показывать всемірною, приподнимъ пѣсни украинскія, въ которыхъ выражается любовь къ вольности, намекая, что этотъ духъ не простылъ и доселѣ таится въ малороссіянахъ, описываетъ распоряженія имп. Петра I и преемниковъ его въ видѣ угнетеній и подавляющія нравъ народныхъ. Книжки Кулѣина могли бы производить почти то же впечатлѣніе на малороссіянъ, какъ и стихи Шевченки, тѣмъ болѣе, что сочинены для дѣтей старшаго возраста **). Разница между ними была найдена въ томъ, что «Кулѣинъ выражаетъ свои мнѣнія всегда съ примѣномъ». Въ виду раскаянія его велѣно было заключить въ крѣпость на 4 мѣсяца (въ дѣйствительности освобожденъ мѣсяцемъ ранѣе), потомъ запретить писать и послать на службу въ Вологду, но никакъ не по учебной части (въ дѣйствительности отправленъ въ Тулу) «съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора, не увольняя его ни въ Малороссію, ни въ границу, и съ тѣмъ, чтобы цензура обращала строжайшее вниманіе на его сочиненія». Студента Андрузскаго велѣно было отправить для окончанія курса въ Казанскій университетъ, а потомъ опредѣлить на службу въ великороссійскія губерніи и также не увольнять въ Малороссію; дѣйствительно студента Навроцкаго выдержать шесть мѣсяцевъ на гауптвахтѣ и опредѣлить на службу въ Вятку съ учрежденіемъ за обими строгата надзора. Студента Посяду, какъ и Андрузскаго, отправить для окончанія курса въ казанскій университетъ, а потомъ опредѣлить на службу въ Великороссію ***).

*) Пельза, однако, сомнѣвается въ томъ, что существованіе его было кому извѣстно (см. статью Пельза-Орлова въ «Нѣмк. Справкѣ», 1883 г., № 2, стр. 230; Шенфрокъ въ «Н. А. Крѣпостъ», стр. 44).

***) Тутъ замѣчено въ виду сочиненію Кулѣина «Пѣснь объ украинскомъ народѣ», изданнымъ въ журналѣ Пинемовой «Звѣздочка» для дѣтей старшаго возраста (1846 г., ч. 17—19) съ оффициалъ замѣчаніемъ. Пинемовъ указываетъ здѣсь на своеобразіе малороссійскаго романтизма и на притѣвленія русскаго правительства въ Малороссію. Возраженія на это замѣчаніе сдѣлалъ Ю. О. Самаринъ см. въ его дневникѣ 1850 г. въ «Русск. Арх.», 1877 г., № 6, стр. 229.

***) Андрузскій, по слабости зрѣнія, не могъ продолжать ученія въ университетѣ и былъ высланъ въ Петрозаводскъ на службу. Въ 1850 г. у него произошло обыскъ, и оловенскій губернаторъ доложилъ, что у Андрузскаго найдены бумаги съ «аполитической республикой», журналъ съ записками, свидѣтельствующими, что онъ «составилъ одинъ проектъ оффициальнаго закона» и т. п. По повелѣнію государя самъ былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь «напродъ до излеченія». «Писемъ П. Шовчкова», изданія В. Яковлева, II, 123.

Сочиненія Костомарова «Українскія баллады» и «Вѣтка» (доставленыя кіевскимъ генераль-губернаторомъ Бибиковымъ), Кулиша «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», «Украина» и «Михайло Чарнышынко» и Шевченка «Кобзарь» были запрещены и изъяты изъ продажи *).

Марковичъ и Савичъ еще не были доставлены въ Петербургъ, когда судьба остальныхъ членовъ Общества была уже рѣшена; они не были признаны членами Общества, тѣмъ не менѣе Марковичъ, впоследствии извѣстный собиратель произведеній малороссійской словесности, былъ сосланъ въ Орель, гдѣ находился до 1851 г. **). Савичъ послѣ полугодичнаго ареста былъ высланъ въ свое имѣніе, гдѣ прожилъ безвыѣздно два года, а потомъ переселился въ Одессу ***).

«Послѣ кіевскаго дѣла, — говоритъ Костомаровъ въ письмѣ къ Герцену, — цензура и шпионство начали ужасно свирѣпствовать противъ Малороссіи»; не только малороссійскія книги не разрѣшались къ печати, преслѣдовались даже ученныя статьи о Малороссіи на великорусскомъ языкѣ; самыя названія Украина, Малороссія, Гетманщина считались предосудительными ****).

Нынѣшній пятидесятилѣтній юбилей Шевченка со дня его смерти подалъ поводъ къ новымъ гоненіямъ на его произведенія. Послѣдніе дни передъ юбилеемъ принесли кіевскимъ украинскимъ издательствамъ цѣлый рядъ конфискацій. Были задержаны юбилейныя изданія дешевыми народными книжками такихъ произведеній Шевченка, которыя до того времени продавались совершенно безпрепятственно. Конфискованы, въ изданіи книгоиздательства «Українокій учитель», сборникъ стихотвореній Шевченка для дѣтей — «Малый Кобзарь», изъ юбилейной серии издательства «Час» — книжечка, содержащая два стихотворенія: поэма «Іван Підкова» и «До Основьяненка», и задержана въ Кіевѣ до выхода изъ типографіи юбилейная кантата украинскаго композитора Лысенка на слова поэта Самійленка «Умеръ поет». Наконецъ, было конфисковано новое полное, очень дешевое изданіе «Кобзаря» Шевченка В. И. Яковлева (1911 г. Спб.) подъ редакціей Доминицькаго *****), перепе-

*) Довольнокъ слугъ Петровъ былъ опредѣленъ на службу въ III Отдѣленіе; о печальной судьбѣ его см. М. К. Ламке, «Николаевскіе жандармы», стр. 172, «Русск. Стар.», 1888 г., т. 11, стр. 493—4, Кошарскій, 242.

***) Нѣкоторые полагають, что собственно онъ былъ авторомъ извѣстныхъ разсказовъ изъ украинскаго народнаго быта, изданныхъ подъ псевдонимомъ его жены (Марко Вовчокъ). Графъ Чевкѣо, «П. А. Кулишъ», стр. 13; Н. Ш—въ, «Къ воспоминаніямъ объ Ав. Марковичѣ», «Кіевскія Старина», 1893 г., № 5, стр. 270—271.

****) Кіевск. Стар., 1904 г., № 2, стр. 233.

*****) «Письмо Н. И. Костомарова къ издателю «Колокола» съ предисловіемъ М. Драгоманова». Женева, 1885 г., стр. 12.

*****) Собственно два изданія — одно съ рисунками, другое — безъ нихъ, еще болѣе дешевое. «Твори Т. Шевченка», т. I, Кобзарь. Выданіи В. Яковлева. Спб., 1911 г.

чатка съ небольшими измѣненіями полнаго изданія 1907 г., выдержавшаго два изданія *). «Кобзарь» въ изданіи Яковенка выпущенъ въ свѣтъ съ значительными вырѣзками **).

В. Семеновскій.

*) «Рѣчь», 1911 г., 24 февраля.

**) Въ только что появившемся второмъ томѣ этого изданія сочиненій Шевченка дванадцать поета 1857—58 гг. напечатаны, хотя и съ сокращеніями, но гораздо полнѣе, чѣмъ они были помѣщены въ «Освикѣ» 1861—1862 гг., впервые собраны письма поэта, разбросанныя по различнымъ попрежнему изданіямъ, и сдѣланы Н. П. Житецкимъ весьма интересныя выписки изъ сохранившаго дѣла о Шевченкѣ штаба орд. Орелъ. Корпуса, 1847—1852 гг.

Изъ исторіи революціоннаго движенія 1860-хъ гг.

Прокламація «Друзьямъ - рабочимъ!» Д. Вл. Каракозова.

Въ исторіи русскаго революціоннаго движенія 1860-хъ гг. самое видное мѣсто по новизнѣ и по произведенному впечатлѣнію на русское общество разнообразныхъ слоевъ занимаетъ покушеніе на Александра II Дм. Вл. Каракозова, 4 апрѣля 1866 г. Каракозовское покушеніе совершенно правильно разсматриваютъ, какъ поводъ къ окончательному перелому политики Александра II, какъ событіе, которымъ воспользовались реакціонные круги для доказательства гибельности либеральной политики правительства.

Съ другой стороны, просматривая воззванія и прокламаціи первой половины 1860-хъ годовъ: «Великорусь», «Къ молодому поколѣнію», «Молодая Россія» и др., ясно видно, что покушеніе Каракозова является дальнѣйшимъ шагомъ, логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго. Русское общество отъ *ожиданія* переустройства государства сверху перешло затѣмъ къ *требованію* конституціоннаго правленія, а наиболѣе радикальная часть общества и къ попыткамъ *ниспроверженія* существующаго строя, путемъ народнаго возстанія. Эти же радикальные круги революціонной молодежи черезъ Каракозова тѣснѣйшимъ образомъ связываются съ «Народною расправою» Нечаева (1869—1871), который и самъ смотрѣлъ на дѣло Каракозова, какъ на «прологъ» къ подготовляемой ими самимъ «драмѣ».

Фактическихъ свѣдѣній о Каракозовскомъ дѣлѣ и о тѣсно связанномъ съ нимъ дѣлѣ такъ-называемаго иппутинскаго кружка («и патовцы»), несмотря на ихъ огромную важность для исторіи революціоннаго движенія 1860-хъ гг., до сихъ поръ опубликовано очень мало. Въ дополненіе къ скуднымъ даннымъ теперь является возможность опустошить съ нѣкоторыми комментаріями, по подлиннику прокламацію Каракозова «Друзьямъ — рабочимъ», о которой глухо упоминается въ

официальной статьѣ «Сѣверной Почты» *) и которая совершенно незнакома среди революціонной литературы 1860-хъ гг. **).

Листокъ 56.

Друзьямъ рабочимъ!

Братцы, долго меня мучила мысль и не давала мнѣ покою—отчего любимый мною простой народъ русскій, которымъ держится вся Россія, такъ бѣдствуетъ! Отчего ему не идетъ въ прокъ его безустанный тяжелый трудъ, его потъ и кровь, и весь то свой вѣкъ онъ работаетъ задаромъ? Отчего рядомъ съ нашимъ вѣчнымъ труженикомъ простымъ народомъ: крестьянами, фабричными и заводскими рабочими и другими ремесленниками, живутъ въ роскошныхъ домахъ-дворцахъ люди, ничего не дѣлающіе, тунеядцы дворяне, чиновная орда и другіе богатѣи. и живутъ они на счетъ простого народа, чужими руками жаръ загребаютъ, сосутъ кровь мужицкую. Какъ же это—думалось мнѣ, простой народъ русскій попустилъ у себя завестись такимъ порядкомъ. Вѣдь, въ нашей малушкѣ Россіи на каждую тысячу бѣдняковъ-рабочихъ едва ли найдется десять человѣкъ праздныхъ тунеядцевъ-богачей, которыхъ содержать эти тысяча человѣкъ рабочихъ. Чего, наконецъ, смотреть нашимъ царямъ, вѣдь они на то и поставлены отъ народа, чтобы зло уничтожать и заботиться о благѣ всего народа русскаго—народа рабочаго, а не тунеядцевъ-богачей. Захотѣлъ я узнать, что умные люди на счетъ этого думаютъ, сталъ читать книги разныя и много книгъ перечиталъ я о томъ, какъ люди жили въ прѣжнія старинныя времена. И что же, братцы, я узналъ? Что царь-то и есть настоящіе виновники всѣхъ нашихъ бѣдъ. Цари завели у себя чиновниковъ для того, чтобы легче имъ было обирать народъ, брать черезъ нихъ съ народа великіе поборы, а чтобы народъ не вздумалъ сопротивляться этимъ самымъ сборщикамъ, устроили у себя ужъ кстати и постоянное войско. Для того же, чтобы чиновники усердно служили царскому брюху, не жалѣли-бы мужицкихъ кармановъ, цари начали ублажать эту сволочь всячески. Назвали ихъ дворянами, помѣщиками и начали раздавать имъ земли направо и налево. Крестьянъ же, которые были допрѣжь этого хозяевами этихъ самыхъ земель, отдавали въ рабство своимъ чиновникамъ-помѣщикамъ. Быстро расплодилось это проклятое помѣщичье племя и захватило въ свои руки всю Русскую землю. Такъ стало у насъ на Руси крѣпост-

*) Перепеч. у Б. Базилевскаго (Богучарскаго), Государственныя преступленія въ Россіи, т. I, Штутгартъ, 1903, стр. 254.

***) Архивъ III Отдѣленія. Дѣло Высоч. учрежд. въ С.-Петербургѣ Слѣдственной Комиссіи № 163—О покушеніи на жизнь Государя Императора 4 апрѣля 1866 г. дд. 6—9.

ное право. Цари, чиновники и помѣщики начали жить насчетъ мужицкаго труда. Вышла изъ нихъ изъ всѣхъ одна семья и съ круговою порукою, по пословицѣ: «рука руку моетъ», принялись уже сообща высасывать изъ мужиковъ кровь. Сообразите это, братцы, пораскиньте умомъ-разумомъ и вы увидите, что царь есть самый главный изъ помѣщиковъ: никогда онъ не потянетъ на мужицкую руку, потому онъ самый сильный недругъ простого народа. Когда нынѣшній царь Александръ второй издалъ первый манифестъ объ волѣ, не повѣрилъ я, друзья, въ то время, чтобъ это царь сдѣлалъ отъ чистаго сердца, добра только одного простому народу желаячи. Съ какой стати волкъ будетъ ублаговотворять овецъ, когда онъ съ нихъ же шкуру деретъ и мясо ихъ грызетъ? А когда и самая воля вышла отъ царя, тутъ я увидѣлъ, что моя правда. Воля вотъ такая: что отрѣзался отъ помѣщичьихъ владѣній самый малый кусъ земли, да и за тотъ крестьянинъ долженъ выслалить большія деньги, а гдѣ взять и безъ того разоренному мужику денегъ, чтобъ откупить себѣ землю, которую онъ ископовъ вѣковъ обрабатывалъ. Не повѣрили въ тѣ поры и крестьяне, что царь ихъ такъ ловко обманулъ; подумали, что это помѣщики скрываютъ отъ нихъ настоящую волю, и стали они отъ нея отказываться, да не слушаться помѣщиковъ; не вѣрили и посредникамъ, которые тоже всѣ были изъ помѣщиковъ. Прослышалъ объ этомъ царь и посылаетъ своихъ генераловъ съ войсками наказать крестьянъ ослушниковъ, и стали эти генералы вѣшать крестьянъ, да разстрѣливать. Присмирѣли мужички, приняли эту волю-наволю, и стало ихъ житьишко еще хуже прежняго. Побывалъ я самъ въ разныхъ мѣстахъ нашей матушки-Россіи, наглядѣлся вдосталь на горемычное мужицкое житье. За неплатежъ откупныхъ денегъ въ казну, за недоимки у крестьянина отнимаютъ послѣднюю лошаденку, послѣднюю корову, продаютъ скотъ съ аукціона и трудовыми мужицкими деньгами набиваютъ царскіе карманы. Скоро, можетъ статья, послѣднюю одежонку потапнутъ отъ мужика. Грустно, тяжело мнѣ стало, что такъ погибаетъ мой любимый народъ, и вотъ я рѣшилъ уничтожить царя-злодѣя и самому умереть за свой любезный народъ. Удастся мнѣ мой замыселъ,—я умру съ мыслью, что смертью своею принесъ пользу дорогому моему другу—русскому мужичку. А не удастся, такъ все же я вѣрую, что найдутся люди, которые пойдутъ по моему пути. Мнѣ не удалось—имъ удастся. Для нихъ смерть моя будетъ примѣромъ и вдохновить ихъ. Пусть узнаетъ русскій народъ своего главнаго могучаго врага—будь онъ Александръ второй или Александръ третій и такъ далѣе, это все равно. Справится народъ со своимъ главнымъ врагомъ, остальные мелкіе — помѣщики, вельможи, чиновники и другіе богатѣи струсятъ, потому что число ихъ вовсе незначительно. Тогда ро и будетъ настоящая воля. Земля будетъ принадлежать по тунядцамъ, ничего не дѣлающимъ, а артелямъ и обществамъ самихъ рабо-

нихъ. И капиталы не будутъ проматываться царемъ, помѣщиками, да сановниками царскими, а будутъ принадлежать тѣмъ артелямъ рабочихъ. Артели будутъ производить выгодныя работы этими капиталами и доходы дѣлить между всеми рабочими артели поровну. А были бы средства—русскій народъ съумѣетъ и безъ царя управиться «самъ собою». Будетъ у всѣхъ достатокъ, такъ не будетъ и зависти; потому что никому будетъ завидовать, всѣ будутъ равны, и заживетъ счастливо и честно русскій народъ—рабочій, работая только для себя, а не для ублаженія ненасытной жадности русскихъ царей, царскихъ сановниковъ, царской семьи, помѣщиковъ и другихъ тушеядцевъ, падкихъ на мужицкія трудовыя гроши. Вотъ мое послѣднее слово друзьямъ—рабочимъ. Пусть каждый изъ нихъ, въ руки котораго попадетъ этотъ листокъ, переписетъ его и даетъ читать своимъ знакомымъ, а тѣ передадутъ въ другія руки. Пусть узнаютъ рабочіе, что объ ихъ счастья думалъ человѣкъ, пишущій эти строки, и сами позаботятся, не идѣясь ни на кого, кромѣ себя, завоевать себѣ счастье и избавить всю Россію отъ грабителей и лиходѣевъ».

Рукописная прокламація «Друзьямъ—рабочимъ» была отобрана у Каракозова, въ двухъ экземплярахъ, 4-го же апрѣля, при первомъ обыскѣ въ помѣщеніи III отдѣленія, вмѣстѣ съ пистолетомъ, порокомъ и ядомъ, которымъ хотѣлъ, но не успѣлъ отравиться Каракозовъ послѣ совершения своего покушенія. Возванія были найдены въ запечатанномъ тремъ печатями съ буквами Г. К., конвертѣ съ слѣдующею надписью: «Оставить впредь до востребованія (sic) до 5-го апрѣля, если востребованія въ теченіе этого срока не послѣдуетъ, то передать съосоужденію немедленно».

При первоначальномъ допросѣ Каракозовъ, скрывая свое настоящее имя, назвался уроженцемъ одной изъ южныхъ губерній, Алексѣемъ Петровымъ, происходящимъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Далѣе, онъ показывалъ, что живетъ въ Петербургѣ около года, «не имѣетъ опредѣленнаго мѣстопробыванія и проживаетъ по суткамъ въ дешевыхъ трактирахъ, аптечныхъ лавочкахъ, иногда даже подлѣ открытымъ небомъ, гдѣ укрываются бѣдняки, не имѣющіе ни крѣва, ни, плорою, куска хлѣба». Въ Петербургѣ онъ занимался «педанно работою у Литейнаго и Самосиленскаго мостовъ, на набережной рѣки Невки, а также разбивкою камня для мощенія улицъ и вбиваніемъ свай при постройкѣ мостовъ, наконецъ, на чугунно-литойномъ заводѣ Путилина».

Во время того же допроса Каракозовъ заявилъ, что прокламація сочинена и написана имъ самимъ, что онъ старался оставлять ее въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ собирались рабочіе, что нѣкоторые экземпляры возванія онъ уничтожилъ, такъ какъ одинъ не успѣвалъ дѣйствовать вездѣ, и что распространеніе статьи печатю имъ не далѣе какъ недѣли за три до Святой. Цифра «86», написанная на означенной про-

кламаціи, показываетъ число всѣхъ написанныхъ экземпляровъ, а надпись на конвертѣ сдѣлана потому, «что онъ предполагалъ, что успѣетъ приобрести надежныхъ помощниковъ по распространенію прокламаціи между рабочими, которые бы одновременно въ известный срокъ могли взяться за это дѣло».

Своему поступку и воззванію Каракозовъ придавалъ очень важное значеніе. По его словамъ, совершенный имъ поступокъ, разъясненный прокламаціей «Друзьямъ-рабочимъ», долженъ былъ произвести благоприятное для дѣла вліяніе на рабочихъ, массу угнетеннаго народа и на учащуюся молодежь, заставить послѣднюю перейти отъ теоретическихъ споровъ и попытокъ мирнаго разрѣшенія социальнаго вопроса посредствомъ устройства мастерскихъ, артелей и ассоціацій—къ дѣлу настоящей народной революціи.

Показанія Каракозова, что онъ распространялъ свою прокламацію среди рабочихъ, вызвало распоряженіе «просить г. оберъ-полицеймейстера о приказаніи опытнымъ полицейскимъ чиновникамъ произвести разысканіе на всѣхъ заводахъ, фабрикахъ и другихъ заведеніяхъ, гдѣ находятся рабочіе,—не имѣется ли у нихъ упомянутыхъ воззваній и не шло ли между ними преступнаго?».

Но при дальнѣйшемъ теченіи дѣла въ слѣдственной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ гр. М. Н. Муравьева, и, особенно, послѣ установленія тѣсной связи Каракозова съ его двоюроднымъ братомъ, проживавшимъ въ Москвѣ, Н. А. Ишутинымъ и его товарищами: Ермолаевымъ, Юрасовымъ, Загибаловымъ, Шагаловымъ и другими, Каракозовъ увидѣлъ невозможность скрывать свое настоящее имя и, побуждаемый письмами арестованнаго Ишутина, въ которыхъ онъ умолялъ открыть комиссіи всю известную ему правду о кружкѣ, въ цѣломъ рядѣ устныхъ и письменныхъ показаній и въ прошеніи на имя Александра II дать болѣе правдивыя свѣдѣнія.

Открывъ свое настоящее имя и давши точныя указанія о времени пребыванія въ Петербургѣ (съ конца первой недѣли Великаго поста) и о мѣстахъ жителства и объ образѣ жизни въ Петербургѣ, совершенно не соответствовавшимъ первоначальнымъ показаніямъ, Каракозовъ снова подтвердилъ, что написалъ и распространялъ свою прокламацію самъ, не имѣя никакихъ сообщниковъ. «Способъ распространенія прокламаціи состоялъ въ разбрасываніи ея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она могла скорѣе попасть въ руки рабочихъ, преимущественно близъ заводовъ и фабрикъ, находящихся на Выборгской и Петербургской сторонахъ», а также среди студентовъ Петербургскаго университета, съ цѣлью возбужденія рабочихъ и молодежи, которые могли бы принять участіе въ готовившемся переворотѣ». Всего, по словамъ Каракозова, было имъ заготовлено около восьмидесяти экземпляровъ, «хотя съ точностью не можетъ припомнить, такъ какъ, по мѣрѣ изготовленія прокламацій, онъ

и распространялъ ихъ, разбрасывая и раздавая ихъ въ запечатанныхъ конвертахъ; номера же на прокламаціяхъ были имъ выставлены произвольно, безъ всякаго соображенія и послѣдовательности».

Правильность показаній Каракозова о распространеніи прокламаціи среди рабочихъ и студентовъ подтвердилась, что видно изъ представленія въ слѣдственную комиссію, послѣ покушенія 4-го апрѣля, одного экземпляра воззванія, найденнаго рабочими завода Путилина 20-го марта; другой экземпляръ его былъ «присланъ 14-го марта при безымянномъ письмѣ по городской почтѣ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, при чемъ въ письмѣ съ подписью «студентъ», говорилось, что означенная прокламація въ запечатанномъ конвертѣ была вручена тому лицу близъ университета неизвѣстнымъ человѣкомъ».

Воззваніе Каракозова «Друзьямъ-рабочимъ», по своему содержанию, легко распадается на двѣ довольно неравномѣрныя части. Въ первой, большей ея части, составитель рисуетъ современное тяжелое положеніе трудящагося народа, въ частности крестьянъ, и выясняетъ, что главной причиною разоренія и закабаленія трудящихся являются царь, чиновники и помѣщики, его окружающіе. Во второй части Каракозовъ даетъ свѣтлую картину будущей жизни трудовыхъ массъ, при «настоящей волѣ», когда въ ихъ руки перейдетъ вся земля и капиталы, и все распредѣленіе работъ будетъ находиться въ рукахъ трудовыхъ артелей и ассоціацій. Чтобы ускорить этотъ переходъ отъ темнаго настоящаго къ свѣтлому радостному будущему, и необходимо устранить царя, какъ главнаго виновника всего существующаго зла.

Взглядъ на чиновниковъ и дворянъ, являющихся «врагами народа», «тунеядцами», продающими трудовые крестьянскіе гроши, настойчиво проводится во всѣхъ извѣстныхъ прокламаціяхъ и въ воззваніяхъ первой половины 1860-хъ гг. Не говоря уже о безчисленныхъ нападкахъ на николаевскую бюрократію въ литературныхъ произведеніяхъ «натуральной школы», тѣ же мысли, но только въ болѣе рѣзкой формѣ мы находимъ въ революціонныхъ воззваніяхъ: «Къ молодому поколѣнію М. Л. Михайлсва (1861), въ «Молодой Россіи» (1862), въ прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ» Н. Г. Чернышевскаго (1864), въ воззваніи, приписываемомъ студенту казанскаго университета Умнову «Долго давили васъ, братцы...» (1864) и въ другихъ менѣе извѣстныхъ воззваніяхъ*). Во многихъ изъ нихъ, въ одинаковыхъ выраженіяхъ съ каракозовскою прокламаціею, характеризуется «не настоящая воля», дарованная Александромъ II, и проводится мысль о непосредственной связи царя съ помѣщиками**). Ближе всего, по рѣзкому тону и даже по отдѣльнымъ мыслямъ, къ воззванію «Друзьямъ-рабочимъ» подхо-

*) См. «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія 1860 гг.», издан. подъ ред. Б. Базилевскаго (В. Я. Богучарскаго), Парижъ, 1905, стр. 2—3, 8—9, 56—57, 120.

***) См. тамъ же, стр. 4, 97, 120.

дять прокламаціи: «Молодая Россія» и «Долго давили васъ, братцы..»: въ послѣдней даже высказывается тотъ же совѣтъ крестьянамъ—не надѣяться въ добываніи воли ни на кого, кромѣ самихъ себя *). Но все-таки, несмотря на тѣсную связь, на сходство мыслей и даже отдѣльных мѣстъ между воззваніемъ «Друзьямъ-рабочимъ» и болѣе ранними прокламаціями, о какомъ-либо непосредственномъ воздѣйствіи говорить не приходится. Здѣсь необходимо видѣть не заимствованіе, а общность мыслей, развивавшихся совершенно самостоятельно въ различныхъ революціонныхъ кружкахъ того времени, тѣмъ болѣе, что большинство изъ нихъ были связаны съ кружками учащейся молодежи и, въ частности, съ нелегальными кружками московскихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Прокламація Каракозова отличается отъ всѣхъ предшествующихъ воззваній тѣмъ, что, кромѣ выясненія тяжелаго современнаго положенія и призывовъ къ возстанію, во второй своей части рисуетъ дальнѣйшее социальное устройство государства, основанное на артельномъ началѣ. Въ этой части, кромѣ общихъ положеній, прокламація ничего не даетъ и отличается сильною неясностью; какимъ образомъ съ исчезновеніемъ царя перейдутъ земли и капиталы въ руки трудящагося населенія, куда дѣнутся дворяне - помѣщики, каково будетъ устройство народныхъ артелей,—все это оставлено безъ отвѣта. Чувствуется, что прокламація написана не здраво разсуждающимъ политикомъ, а человѣкомъ чувства, энтузіастомъ, жертвующимъ своею жизнью для блага любимаго народа, идеалистомъ, наивно и трогательно вѣрующимъ въ близкое свѣтлое будущее. Вѣрою въ правоту своего дѣла, увлеченіемъ и незнаніемъ дѣйствительныхъ условий экономической жизни, конечно, объясняются и сгущеніе красокъ первой части, и излишняя тенденціозность, въ жертву которой приносится историческая истина; ср. напр. тенденціозное и невѣрное объясненіе происхожденія крепостного права.

Къ числу достоинствъ прокламаціи Каракозова относится понятность ея языка, дѣлающая ее вполне доступной для самыхъ широкихъ слоевъ населенія; въ этомъ отношеніи она выдѣляется даже среди другихъ воззваній 60-хъ гг., написанныхъ, вообще, простымъ и доступнымъ языкомъ **). Видимо, Каракозовъ, выросшій въ деревнѣ, хорошо зналъ языкъ и крестьянскую жизнь; кромѣ того, по его собственному показанію, послѣ исключенія въ 1861 г. изъ Казанскаго университета онъ «провелъ два года отчасти въ своемъ имѣніи, отчасти на частной службѣ въ качествѣ письмоводителя при мировомъ посредникѣ Сердобскаго уѣзда М. Устинова, гдѣ, имѣя постоянныя сношенія съ простымъ

*) См. тамъ же, стр. 56—63, 120—121.

***) Ср. «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія 1860-хъ гг.», стр. 97, 120 и др.

народомъ, успѣлъ хорошо узнать его нужды и горести». И Каракозовъ былъ правъ, когда писалъ въ своемъ воззваніи—«побывалъ я самъ въ разныхъ мѣстахъ вашей матушки - Россіи, наглядѣлся вдовсталъ на горемычное мужицкое житье»...

Несомнѣнно, что авторомъ разбираемой прокламаціи былъ самъ Каракозовъ. Во всѣхъ своихъ показаніяхъ онъ неизмѣнно подчеркиваетъ, что единственнѣйшимъ авторомъ и распространителемъ воззванія былъ онъ самъ, что онъ не имѣлъ никакихъ сообщниковъ и что даже никому изъ знакомыхъ онъ не говорилъ о готовящемся покушеніи. На слѣдствіи, дѣйствительно, было выяснено, что фактическихъ помощниковъ 4 апрѣля 1866 г. Каракозовъ не имѣлъ, но несомнѣнно также, что самая идея о покушеніи на Александра II не принадлежала ему лично. На это указываютъ розыски Каракозова, когда онъ неожиданно для ишутинскаго кружка въ началѣ поста 1866 г. уѣхалъ въ Петербургъ. Товарищи и самъ Ишутинъ, пріѣхавшій вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ, уговаривали его вернуться обратно въ Москву и отложить приведеніе своего намѣренія въ исполненіе. Изъ официальной статьи, помѣщенной 2 августа въ № 166 «Сѣверной Почты», видно, что самая идея царубійства обсуждалась въ ишутинскомъ кружкѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Организація» и что, послѣ пріѣзда въ Москву изъ-за границы Худякова, въ «Организація» образовался особый кружокъ, такъ назыв. «Адъ», члены котораго называли себя «мортусами». Было положено, что «одинъ изъ членовъ назначается для исполненія царубійства, имѣя при себѣ ядъ и прокламацію, которая объяснила бы народу причины убійства и цѣль предполагаемаго въ государствѣ переворота. Злодѣи обязаны были, отдѣлившись отъ общества, совершенно уединиться, прятаться разврату и всевозможнымъ порокамъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ какихъ-либо политическихъ замыслахъ и, въ сихъ видахъ, дѣлать даже на другихъ доносы; когда же онъ успѣетъ совершить задуманное злодѣяніе, то онъ долженъ быть немедленно отравиться ядомъ, которымъ былъ для сего снабженъ. При этомъ предполагалось, что находившаяся при немъ прокламація сдѣлается извѣстною народу» *). Обстановка, при которой Каракозовъ совершилъ свое покушеніе, являлась соотвѣтствующею намѣченному плану. Вѣроятно, члены «Ада» — «мортусы», обсуждая возможность покушенія на Александра II, не предполагали такъ скоро привести въ исполненіе свое намѣреніе, а инстинктивно откладывали его на неопредѣленное время. Молчаливый, сосредоточенный и неуравновѣшенный, благодаря своей болѣвани, Каракозовъ, чувствуя свою неспособность къ правильной пропагандистской

* Государственные преступленія въ Россіи, подъ ред. Б. Вазишевскаго (Богучарскаго), Штуттгартъ, 1903, т. I, стр. 252—253.

работѣ, придя сначала къ мысли о самоубійствѣ, рѣшились принести себя въ жертву дѣлу и, помимо воли кружка, привели въ исполненіе ихъ намѣреніе, надѣясь тѣмъ самымъ ускорить наступленіе народной революціи.

Воззваніе «Друзьямъ-рабочимъ» Каракозовъ могъ написать и единолично, но планъ его обсуждался въ «Организаціи». Неопровержимымъ доказательствомъ этого можетъ служить программа «Организаціи», поставившей себѣ цѣлью, по опредѣленію официальной статьи, «распространять социалистическое ученіе, разрушать начала общественной нравственности, колебать вѣру въ основы религіи и путемъ революціи изсѣчь существующій порядокъ въ государствѣ. Средствами для сего должны были служить: а) пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа; б) возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянъ и вообще противъ властей» *).

Сопоставляя первую половину воззванія «Друзьямъ-рабочимъ», мы видимъ, что вся она является только развитіемъ и обоснованіемъ этихъ двухъ пунктовъ. Изъ той же программы общества «Организація» заимствована и вторая половина прокламаціи—о будущемъ устройствѣ государства на артельныхъ началахъ; третьимъ пунктомъ программы является: «устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ; переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сблизаться съ народомъ и внушать ему злострадальныя ученія социализма» **).

Очень важно, что члены ишутинскаго кружка—«Организаціи» не довольствовались однимъ теоретическимъ обсужденіемъ плана будущаго устройства государства, но пытались на практикѣ провести его въ жизнь. Въ началѣ 1865 г. Ишутинъ съ товарищами основали въ Москвѣ «переплетную и швейную артели», дѣятельно работали въ московскихъ воскресныхъ школахъ и, воспользовавшись непріязненными отношеніями мастеровыхъ Людиноvsкаго чугунно-литейнаго завода Мальцева къ хозяину, вмѣстѣ съ жидздринскимъ мировымъ посредникомъ Бибиковымъ и жидздринскимъ судебнымъ слѣдователемъ Маликовымъ хлопотали, въ подрывъ Мальцеву, объ устройствѣ завода на началахъ ассоціаціи. Источниками увлеченія ассоціаціями были какъ сочиненія Н. Г. Чернышевскаго ***) , такъ особенно сочиненія Роберта Оуэна, пропагандировавшаго устройство небольшихъ общинъ на основѣ земледѣльческо-промышленныхъ ассоціацій. Не касаясь подробно вопроса о влияніи Ро-

*) «Сѣверн. Почта» 1866, № 66—перепеч. у Базилевскаго, Государств. преступленія, т. I, стр. 250.

**) См. тамъ же, стр. 250.

***) Ср. его «планъ осуществленія теоріи трудящихся» въ ст. «Капиталъ и трудъ» (1861) и въ «Примѣчанія къ Миллю» (1863), а также изображеніе рабочей ассоціаціи въ ром. «Что дѣлать» (1862—1863).

барта Оуэна на ишутинскій кружокъ, можно для подтвержденія указать хотя бы на одного члена кружка, Александра Никольскаго, который переводилъ сочиненія Р. Оуэна и мечталъ о распространеніи его идей. Говоря о существующемъ порядкѣ и о переходѣ къ другимъ социальнымъ условіямъ жизни, Никольскій «высказывалъ мысли, принадлежавшія Оуэну—именно—мирно-соціальный путь, но потомъ онъ считалъ этотъ путь недостаточнымъ, указывая, что одного артельного начала недостаточно, что этотъ путь долговъ!».

Увлеченіе артельнымъ началомъ раздѣлялъ, по собственному признанію, и самъ Каракозовъ. Даже свой внезапный переездъ изъ Москвы въ Петербургъ Каракозовъ объяснялъ Ишутину желаніемъ «познакомиться съ фабричными и пропагандировать имъ объ ассоціаціяхъ», но, судя по показаніямъ одного изъ членовъ «Организаціи»—Петра Ермолова, Каракозовъ, подобно А. Никольскому, началъ сомнѣваться, что одніѣ школы и ассоціаціи «приведутъ народъ къ желаемому благоденствію и говорили, что для этого необходима народная революція, которую можно возбудить убійствомъ Александра II».

А. Шоловъ.

Изъ воспоминаній.

(С. А. Лешернъ, Н. А. Армфельдъ, Т. И. Лебедева,
М. К. Крылова, Г. М. Гельфманъ).

Прежде чѣмъ говорить о чемъ-либо изъ своего прошлаго, и чувствую необходимость сказать то, что знаю и помню о такихъ женщинахъ, какъ Софья Александровна Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Наталья Александровна Армфельдъ, Татьяна Ивановна Лебедева, Марья Константиновна Крылова, и о другихъ, уже ушедшихъ отъ насъ соратницахъ, но глубоко и живо пребывающихъ въ сердцахъ тѣхъ, кто знаетъ ихъ лично, кто любилъ ихъ не только какъ отважныхъ борцовъ и лучшихъ товарищей, но какъ гордость и красоту земли русской, давшей человечеству столько чистыхъ и сильныхъ ясныхъ образовъ. Я считаю себя въ долгу у нихъ, и была бы счастлива прибавить хоть единую черту, дополняющую цѣльность и правдивость этихъ своеобразныхъ и могучихъ типовъ. Въ долгу я у нихъ потому, что духовная красота ихъ души помогала мнѣ подниматься къ той высотѣ, куда и снѣ всю жизнь свою стремилась, и дѣлала путь мой легкимъ, чарующимъ, несмотря на всѣ его тернии и тѣлесныя и духовныя. Я переживала ихъ близость и въ горячихъ схваткахъ съ врагомъ, и въ минуты торжества одержанной побѣды, и въ тѣсномъ кругу безправныхъ узницъ, едва живыхъ отъ холода и голода—и вездѣ и всегда я видѣла ихъ гордыми своимъ достоинствомъ, смѣлыми и рѣшительными въ своихъ поступкахъ, добрыми и нѣжными къ своимъ товарищамъ, спускающимися къ слабѣйшимъ себя.

Такая среда облагораживаетъ, укрѣпляетъ и радуетъ. Большаго счастья, какъ знать лично такихъ людей, нельзя себя представить; но и самою знать ихъ, знать, что человеческая среда можетъ уже выдѣлать изъ себя столь богато одаренные типы—должно поддерживать въ насъ увѣренность въ томъ, что человечество, несомнѣнно, идетъ впередъ, что, слѣдовательно, и для всѣхъ насъ не заказаны пути къ подъему въ атмосферу, гдѣ дышится легко, гдѣ мыслится честно и разумно.

Я не берусь изображать тѣ моменты внутренней жизни выпуклыхъ героинь, которые онѣ переживали, предпринимаемая и совершаемая великіе подвиги, представлявшие палитности самыхъ сильныхъ сторонъ души, напряженности чувствъ и мысли, при сохраненіи полной ихъ ясности, той сознательности, что говорить имъ: «ты совершаешь должное, ты исполняешь долгъ мыслящаго человѣка, но въ то же время ты переходишь отъ жизни къ смерти, и еще хуже, можетъ-быть, къ послѣдней минутѣ жизни безъ минуты просвѣта. Ты знаешь это, ты соразмѣрила свои силы, и нигде, ницѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ—ты не дашь замѣтить врагу, что ты страдаешь; ни словомъ, ни вздохомъ ты не углубишь страданія товарища своего, и въ самыхъ глубинахъ сердца твоего не прозвучитъ тайный голосъ о содѣланномъ. Тебя нѣтъ больше—ты ушла въ служеніе правдѣ и чести человѣка». Развѣ такое состояніе можно передать словами? А, вѣдь, оно повторялось и повторялось годами. Служеніе не прекращается и при полномъ физическомъ одиночествѣ въ казематахъ. Тамъ оно еще напряженнѣе; требуетъ напрястаннаго дѣйствія, ибо на немъ сосредоточено вниманіе узника, оторваннаго отъ міра, ничего кромѣ темныхъ стѣнъ для общенія не имѣющаго. Какъ изобразить такое напряженіе, требующее для своего присутствія все новыхъ и новыхъ усилій воли, для того, чтобы оно не ослабѣло, не измѣнилось, не ускользнуло бы незамѣтно, не позволило бы мысли направиться, мало-по-малу, въ ложную сторону соблазна: уйти отъ жизни мертвой, вѣчно жестокой, въ міръ бессознательнаго покоя. Вотъ гдѣ трудность, вотъ гдѣ вопросъ, требующій для разрѣшенія своего и глубокаго самопознанія и яснаго пониманія величія задачи, ради которой отдаешь себя цѣликомъ. Въ этомъ вся суть души того, кто становится выше уровня животнаго царства.

Не разъ пытались словами воспроизвести внутреннее состояніе узниковъ, томящихся годами и десятками лѣтъ въ самыхъ страшныхъ условіяхъ режима палачей; старались изобразить психологию приговоренныхъ, идущихъ на казнь, одиноко умирающихъ въ подземельяхъ... Но это не имѣетъ общаго съ божественнымъ состояніемъ чистой души, души, отряхнувшей отъ себя пыль земную,—идеть ли она покидать свое тѣло сейчасъ, или же долгіе годы еще влечь его за собой, какъ тяжелые кандалы на ногахъ. Это—состояніе непрерывной побѣды надъ животнымъ царствомъ; можно сказать, — состояніе непрерывнаго экстаза: столь непрерывнаго, что носитель его не замѣчаетъ его, свыкаясь съ нимъ, какъ съ обычнымъ явленіемъ; онъ переродился настолько, что пріобрѣтъ психологию совсѣмъ не похожую на обыденную. Преобразившійся сталъ чуждымъ пониманію обычной среды, а эта среда вызываетъ съ его стороны грустное сожалѣніе и удивленіе передъ непониманіемъ самыхъ ясныхъ представленій; самыхъ простыхъ истинъ.

Е. К. Брешко-Брешковская.
(1904 г.)

Не напрасно же людей, отряхнувшихъ съ себя пыль земли, называютъ: «не отъ міра сего». Да, они живутъ въ другомъ мірѣ. Но пока такіе съ нами, и мы можемъ видѣть, слышать ихъ, наблюдать ихъ вѣщную жизнь,—намъ дорого подмѣчать всѣ черты, всѣ мелочи ихъ земной оболочки, все то, что можно прослѣдить въ ихъ отношеніяхъ къ окружающей ихъ средѣ. Это ужъ не такъ трудно передать словами, хотя и тутъ требуется художникъ, а не бытописатель, берущійся за перо лишь потому, что боится совсѣмъ потерять для другихъ и то малое, что еще живетъ въ сердцахъ уже немногихъ очевидцевъ, сожителей, соратниковъ. Только это соображеніе и позволяетъ мнѣ прямо сказать то, что носится предъ глазами моими въ образѣ наипрекраснѣйшихъ, свѣтлѣйшихъ формъ и красокъ. И пусть мнѣ простятъ мои возлюбленныя мою дерзость. Пусть простятъ мою жажду углубиться въ созерцаніе роскошной галлерей образовъ несравнимыхъ, мое непремѣнное желаніе напомнить нашей молодежи о томъ, что и величайшія страданія и самая мучительная смерть переносятся не только мужественно, но и радостно, когда умъ и сердце человѣка познали всю радость духовной красоты, поднимая его высоко надъ уровнемъ звѣринныхъ вожделѣній.

Теперь о нихъ.

Обо всѣхъ изъ тѣхъ я слышала много отъ знавшихъ ихъ хорошо, въ которыхъ видѣла, съ другими успѣла сблизиться еще до ареста, а всѣхъ вмѣстѣ любила и цѣнила и желала попасть въ ихъ среду, какъ лучшую, самую мнѣ любезную. Женщина всегда была вышшимъ для меня живымъ образомъ, надѣленнымъ и красотой и силой; тѣмъ разумомъ, который и до знакомства съ наукой умѣетъ правильно различать и оцѣнивать; тѣмъ сердцемъ, которое отъ рожденія любить добро и красоту; душой, которая всегда начинается съ того, что ищетъ, высматриваетъ правду и чистое чувство; и, увы, такъ рѣдко находитъ и то и другое теперь, когда она еще не увѣровала въ себя достаточно, чтобы взять въ свои руки судьбы нарастающихъ поколѣній.

Но женщины плеяды семидесятыхъ годовъ тѣмъ и были сильны, что вѣрили въ себя и сумѣли найти то, что искали; ту среду, въ которой и съ которой силъ могли развернуть свои духовныя силы во всю ихъ ширь; и дать просторъ самоотверженной дѣятельности своей во славу правды и любви къ человѣку.

Почти всѣ тѣ, о которыхъ я буду говорить, сидѣли со мною въ однѣхъ и тѣхъ же тюрьмахъ и на каторгѣ, гдѣ узнаешь человѣка всесторонне и можешь подробно рассмотреть всѣ мелкія черты его характера, всей его натуры. Нельзя только «казаться» цѣлые годы жизни суровой, тоскливой, лишенной одинаго луча извнѣ, подверженной непрестанному угнетенію. Испытанія такъ остры, что волей-неволей че-

любовькъ проявляетъ подѣ ихъ давленіемъ и свой нравъ и силу или слабость своихъ внутреннихъ запасовъ и свои духовные вкусы.

И я буду поворить о нихъ съ горячимъ восторгомъ тѣмъ болѣе, что я сорокъ лѣтъ слишкомъ не могла ни затушевывать любимые образы, ни умалить мое имъ поклоненіе. Можетъ быть, потому, что видѣла я ихъ въ зенитѣ ихъ славы и обреченными смертельнымъ страданіямъ—могла я всецѣло понять и одѣнить своихъ овѣтлыхъ избранниковъ—и потому сумѣю говорить о нихъ только какъ о благоуханныхъ растеніяхъ, рѣдкихъ, изящныхъ, выполняющихъ благосволеніемъ будничную атмосферу человѣческаго общества. Мы цѣнимъ и величаемъ творенія художниковъ и артистовъ нашего міра. Насколько превыше художественныя творенія, выраженные душой человѣка!

І. С. А. Лешернъ.

Зимой 1873—1874 года была я въ Петербургѣ, чтобы въ центрѣ революціонныхъ организацій узнать подробно о томъ, на какихъ основахъ, въ какихъ формахъ и въ какомъ объемѣ должно совершаться хожденіе въ народъ молодой интеллигенціей, такъ охотно, такъ быстро оплнкнувшей на призывъ, полный смысла и силы: «въ народъ! въ народъ!» Я пріѣхала изъ Кіева, гдѣ уже составилъ центръ, гдѣ уже народники дѣлались на лавристовъ и бакунинцевъ; но Кіевъ имѣлъ связи, главнымъ образомъ, съ югомъ Россіи, Питеръ же зналъ много больше, такъ какъ сюда обращались со всѣхъ концовъ, и писывали и лично, за всѣми справками. Въ Питерѣ я была новымъ человѣкомъ для мѣстныхъ дѣятелей, но я встрѣтила товарищю по провинціи и благодаря имъ, а также возрасту моему и моей многотѣльной работѣ по культурнымъ начинаніямъ, меня встрѣчали какъ серьезнаго человѣка, на котораго можно положиться.

Заходили знакомиться, приводили молодежь для бесѣды. Кто-то пришелъ съ юнымъ Дмитріемъ Лизогубомъ, тогда студентомъ, кажего Петербургскаго университета. Я знала его мальчикомъ, будучи самою юной, а теперь онъ хотѣлъ поговорить о томъ, какъ лучше употребить большое наслѣдство, доставшееся ему отъ дяди въ Черниговской губ. Поворили о разныхъ культурныхъ начинаніяхъ. Заходили другіе, все молодые больше. Но вотъ увидѣла я у себя женщину своихъ лѣтъ, серьезную, сдержанную, молчаливую. Вся ея глубина говорила за то, что она выросла и жила въ высшемъ свѣтѣ, и видно было, что она не легкомысленно отъ него отрѣшилась. Но она молчала, а въ присутствіи другихъ я не рѣшалась пойти навстрѣчу ея желаніямъ. Тискъ нашего знакомства осталось чисто внѣшнимъ, и ужъ потомъ Софья Александровна Лешернъ говорила мнѣ, какъ ей было обидно мое къ ней

равнодушіе. Это замѣчаніе послужило мнѣ урокомъ, какъ не надо бояться первой подходить къ людямъ при малѣйшемъ ихъ намекѣ на желаніе познакомиться съ нами. Лучше показаться неумѣстно предупредительнымъ, даже назойливымъ, чѣмъ оставить человека въ сознаніи, что онъ нежелателенъ, лишній въ твоёмъ вниманіи.

Года черезъ два, когда мы обѣ сдѣлали въ домѣ предварительнаго заключенія и въ крѣпости и снова въ домѣ предварительнаго заключенія, наше знакомство развинулось во всю ширь появившихся другъ друга натуръ и быстро перешло въ дружбу, углубляющуюся все время, до конца дней великой женщины. На шортъ намъ не пришлось ни жить, ни дѣйствовать вмѣстѣ, но въ тюрьмахъ, особенно на Карійской каторгѣ, жили мы душа въ душу, и не иначе я вспоминаю вѣрность чувствъ и неизмѣнность преданности С. А. Лешернъ, какъ единъ изъ величайшихъ даровъ, ниспосланныхъ мнѣ судьбою.

Въ революціонной средѣ семидесятыхъ годовъ она занимала видное мѣсто, какъ человекъ исполнѣ сформировавшійся разумомъ и волей, извѣстный своей солидной культурной работой. Но индивидуально стояла она одиноко. Сосредоточенно и молча проводила она свои принципы въ жизнь. Замкнутость ея натуры не влекла къ ней людей она же была слишкомъ самостоятельна, независима, а можетъ быть и горда для того, чтобы первой подходить къ людямъ. Большой помѣхой для молодежи къ сближенію съ нею было ея бароккое воспитаніе. Въ домѣ ея отца, генерала Лешерага фонъ-Горцфельда, и матери, происходившей изъ знатной дворянской семьи, С. А. получила воспитаніе домашнее, знала хорошо языки, много читала самостоятельно, ознакомилась по литературѣ съ либеральнымъ движеніемъ; по собственной инициативѣ полюбила серьезное начало культурной работѣ въ имѣніи своего отца, занимаясь съ крестьянами взрослыми и ихъ дѣтьми, и всегда сохраняла чистоту и манеры человека, привыкшаго вести дѣло самостоятельно, распоряжаться дѣломъ. Энергичная, настойчивая, она основала прекрасную для того времени школу въ своей деревнѣ, а когда задумала отдать себя политической дѣятельности,—пригласила учителемъ будущего антаратора Засодимскаго, передала ему все свои культурныя учрежденія, а сама уѣхала въ Петербургъ. Отецъ ея уже умеръ тогда, а съ матерью и сестрой у нея не было единомыслія, и она оставалась одинока. Въ Петербургѣ ей пришлось самостоятельно устроить свою личную жизнь и отыскивать ту среду, къ которой она стремилась. Кружокъ чайковцевъ, привлекавшій къ себѣ все лучшее тогда, сталъ и ея кружкомъ, но когда Лермонтовъ, одинъ изъ членовъ кружка, образовалъ свой «лермонтовскій» кружокъ, усвоившій себѣ болѣе крайнюю программу, то С. А. Лешернъ вошла въ составъ его и была его членомъ до самаго ея ареста въ 1874 году.

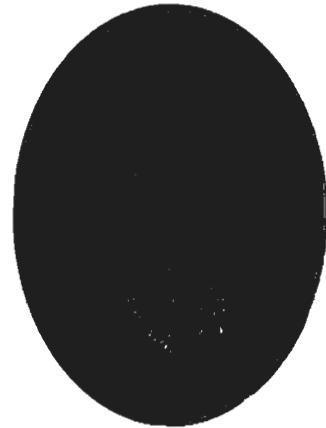
Начало этого года и было временемъ, когда всѣ кружки и революціонныя организаціи, имѣя главною своею цѣлью хожденіе въ народъ для привлеченія его въ общую для всѣхъ демократическихъ партій революціонную работу, заботились объ объединеніи всѣхъ силъ и потому пользовались старыми знакомствами и заводили новыя для поддержанія связей, для устройства справочныхъ бюро изъ лицъ установившейся репутаціи, извѣстныхъ исполнительностью, аккуратностью. Софья Александровна несомнѣнно отвѣчала этимъ требованіямъ, и наши организаторы, образовавшіе социальнореволюціонныя ячейки по всѣмъ почти губерніямъ Европейской Россіи, просили ее остаться въ Петроградъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ общеніе всѣхъ провинціальнахъ организацій и между собой и со своими руководителями. Надо было знать всѣ шифры, всѣ адреса, запомнить множество именъ и кличекъ, однимъ словомъ, являть въ своемъ лицѣ цѣлое справочное бюро для тысячи слишкомъ лицъ, разбредшихся во всѣ стороны. И Софья Александровна не боялась трудности и отвѣтственности такой кропотливой работы, она знала свои силы и какъ конспираторша и какъ интеллигентный человѣкъ, но ей очень хотѣлось самой «идти въ народъ» и вести революціонную пропаганду. На этомъ поприщѣ она еще на пробовала своихъ силъ. А какъ разъ это поприще имѣло особенную притягательность для всѣхъ насъ, какъ пробный камень, долженствующій опредѣлить силу воспримчивости нашего крестьянства и рабочаго, ихъ міропониманіе, степень ихъ готовности слѣдовать за нами, а также нашу опоспособность уяснять дѣйствительность, правильно ставить вопросы и давать отвѣты. Каждому хотѣлось попробовать себя на трудной задачѣ сліянія интересовъ обѣихъ сторонъ. Кто шелъ знакомиться, кто толковать, а кто и поднимать забытыя массы. Каждый хотѣлъ видѣть себя въ образѣ того мужика, къ которому онъ шелъ, зная, что иначе мужикъ и говорить съ нимъ не станетъ.

Нехотя согласилась С. А. остаться въ столицѣ, чтобы работать въ Бюро: но въ концѣ лѣта, не знаю, когда именно, она сложила таки съ себя обязанности общаго секретаря, передала ихъ другимъ, а сама съ котомкой за плечами отправилась въ Поволжье, гдѣ и была арестована вслѣдъ за саратовскимъ разгромомъ мастерскихъ и складовъ литературы, печатавшейся въ типографіи Ипполита Мышкина въ Москвѣ. Я тоже была арестована въ сентябрѣ того же 1874 года, и долго послѣ ареста саживали мы по разнымъ городамъ и тюрьмамъ, не зная ничего другъ о другѣ. Только въ 1876 г. въ крѣпости насъ посадили рядомъ, и, пользуясь тѣмъ, что Петропавловка была биткомъ набита политическими, мы завоевали себѣ право стучать и въ полъ, и въ рѣшетки окнъ и цѣлыми днями оглашать Грубецкой раведингъ разговорами на всѣ темы; я и Лешернъ перестукивались безпрепятственно, не взвѣря на постоян-

ныя замѣчанія и угрозы начальства. Слишкомъ насъ было много и достаточно добро-весело были настроены заключенные, чтобы можно было ихъ утихомирить строгими мѣрами. Да и карцеровъ не хватило бы. Коваликъ, сосѣдъ Лешернъ по другую сторону, не умолкалъ отъ зари до зари и шутками своими веселилъ всю нашу куртину. Вмѣшивался въ разговоры своей сосѣдки съ другими заключенными, подражая звуками ихъ стука, вводилъ Соню въ заслужденіе издо того шалилъ, что даже ее, сдержанную, умѣющую владѣть собой, выводилъ изъ терпѣнія и вынуждалъ составлять новые шифры, чтобы избавиться отъ вмѣшательства Ковалика. Увы, это не помогало. Прослушавъ день-другой, Сергѣй находилъ ключъ къ шифру и еще искуснѣе поддѣлывался подъ говоръ ея собесѣдниковъ. Соня сердилась.

Сама я мало стучала. Въ это время въ крѣпости была хорошая библиотека для заключенныхъ; жены мужьямъ, невѣсты женихамъ, матери сыновьямъ, друзья, родные—принесли все лучшее, что выходило въ свѣтъ, и, кто хотѣлъ, могъ посчитать въ волю. Но и для наблюденій было не мало времени, такъ какъ шумъ и звонъ о рѣшетки раздавался далеко и мѣшала чтенію. Мнѣ нравилось, какъ Соня хорошо владѣла собою, какъ гордо держала себя съ высшимъ начальствомъ и властно съ жандармами-корридорными. Точно госпожа въ своемъ дѣмѣ. Ни крика, ни плача, никакого волненія не было въ ея камерѣ, и отвѣчала она всегда спокойно, либо съ насмѣшкой. Чувствовалось, что этого бора не оломать,

что она себя знаетъ, и никакая перспектива мученій ее опустить не заставитъ. И когда, послѣ года въ крѣпости, насъ перевели обратно въ Домъ предварительнаго заключенія къ началу нашего процесса,—я искала случая, какъ бы свидѣться съ Соней; что и случилось; когда послѣ первыхъ трехъ дней, проведенныхъ въ залѣ суда, всѣмъ составомъ обвиняемыхъ (193-хъ) мы запротестовали, отказались присутствовать на судопроизводствѣ и, вернувшись въ свои камеры, нарушили явочнымъ порядкомъ всѣ уставы и законы тюремной жизни; чѣмъ и добились признанія за нами значительной свободы дѣйствій. Насъ стали пускать на прогулку группами, съ правомъ подбирать компанію по желанію своему; разрѣшили посѣщеніе камеръ и общія чтенія въ просторныхъ корридорахъ. Такая конституція давала возможность близко перезнакомиться, и ею широко пользовалась. Соня же не любила разбрасываться

С. А. Лешернъ.

и вотъ тутъ - то она со мной подружилась навсегда: и въ глаза, и за глаза.

Въ домѣ предварительнаго заключенія Соня взяла меня подъ свое покровительство въ отношеніи матеріальнаго благосостоянія. О себѣ самой я плохо умѣла заботиться и не слѣдила за своимъ здоровьемъ. Соня замѣтила это и взялась за его поправку. Два раза въ недѣлю братъ Сони, инженеръ Лешеръ, снабжалъ сестру всевозможными угощеніями отъ Филиппова. Приносились корзины, полныя изящныхъ вкусныхъ яствъ, и Соня щедро ими дѣлилась. Гардеробъ ея тоже былъ въ порядкѣ, и за полгода нашего постоянного свиданія, она меня приодѣла и откормила. Сама Соня любила вкусно покушать и прилично одѣться. Было у нея общеніе и съ другими женщинами, конечно, она вела оживленную переписку и съ мужскимъ отдѣленіемъ, но со мной она была проще и открытѣе, быть можетъ, благодаря моей общительности и подходящему возрасту.

Она много читала, читали и вмѣстѣ, что вызывало долгія бесѣды, интересныя намъ обѣимъ. Вообще же С. А. была болѣе практикомъ, чѣмъ теоретикомъ. Она охотно бралась за выполнение самыхъ серьезныхъ дѣлъ и никогда ихъ не проваливала. Ея умъ и характеръ имѣли складъ дѣловаго человѣка, и она умѣло опредѣляла границы своихъ силъ и способностей. Отсюда ея сравнительное спокойствіе и увѣренность въ себѣ. Какъ товарищъ, она была неосѣнима, для горячихъ натуръ особенно. Спокойно присутствовала она на судѣ 193-хъ и совсѣмъ не думала о послѣдствіяхъ нашего бурнаго протеста, обѣщавшаго увеличеніе «наказаній». Но Соня была очень недовольна, когда ей внезапно объявили, что она, по высочайшему повелѣнію, освобождается изъ тюрьмы. Оказалось, что мать ея, пользуясь своими связями, выхлопотала это освобожденіе. Приказъ пришелъ въ тюрьму въ 2 часа ночи, и управляющій домомъ предварительнаго заключенія полковникъ Федоровъ явился къ С. А. съ предложеніемъ немедленно покинуть тюрьму. Изумленная С. А. отказалась выйти ночью, требуя оставить ее до утра. Но управляющій заявилъ, что онъ не имѣетъ права ни на минуту задерживать исполненіе высочайшаго повелѣнія. Неподходящая С. А. была выведена за ворота тюрьмы и оставлена на произволъ темной ночи.

Старья знакомства были прерваны, условленныхъ адресовъ не было; вѣдь, она ожидала поселенія, а не освобожденія, и, найдя съ трудомъ извозчика, она поѣхала въ квартиру, известную ей по наслышкѣ.

Ей и въ голову не приходило искать гостеприимства, хотя бы на одну ночь, среди родныхъ и знакомыхъ ея матери, тѣмъ всѣмъ сморѣли на дѣятельность Сони, какъ на временное увлеченіе, и были увѣрены въ томъ, что при первой возможности она вернется въ кругъ того свѣта, гдѣ понятія о матеріальныхъ лишеніяхъ и страданіяхъ, о потерѣ сва-

ній, оспряженныхъ со всевозможными привилегіями дворянства и чиновъ—заглушаютъ представленія о чести и совѣсти человѣка, заслоняютъ представленія о величайшемъ благѣ, о сознаніи исполненнаго долга. Туда она не поѣхала, а сунулась въ первую, казавшуюся подходящей, квартиру. Разбуженные ночью хозяева переполошились. Узнавъ, что это С. А. Лешернъ, они вообразили, что она бѣжала изъ тюрьмы, и хотѣли оставить ее у себя. Едва дождавшись утра, Соня отправилась искать адреса оправданныхъ по суду товарищей, и не прошло нѣсколькихъ дней, какъ она погрузилась въ гущу новыхъ петербургскихъ организацій. Всѣ ее знали, всѣ дорожили такимъ сотрудникомъ.

Но оставаться въ столицѣ ей было невозможно. Родные ея матери требовали ея посѣщеній, строили планы относительно ея будущаго, считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ условія ея жизни. Надо было уѣхать.

Соня выбрала Кіевъ. Революціонная организація была тамъ сильна и работала въ нѣсколькихъ южныхъ губерніяхъ. Во главѣ ея стоялъ Валеріанъ Осинскій, самый дѣятельный и талантливый членъ ея. Онъ давно звалъ въ Кіевъ товарищей, переполнявшихъ нелегальный Петербургъ, быть радъ-радешенекъ, когда Соня направила къ нему свою революціонную работу. Отдыха ей не требовалось. Всѣ силы духовныя и тѣлесныя дадено направлены въ одну точку; сомнѣній и колебаній не было. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ 193-хъ воспиталъ часть нашихъ товарищей настолько опредѣленно и глубоко въ сторону потребности отдавать себя безъ конца работѣ, вѣрнѣе сказать, борьбѣ за выношенные идеалы, что они уже не могли представить себя въ положеніи иного существованія, обывательскаго, что-ли. Программы и способы дальнѣйшей работы, всѣ случайности, связанныя съ жестокими послѣдствіями, всѣ неудачи вообще, но и всѣ возможные удачи и успѣхъ,—все было настолько продумано и взвѣшено, что взявшему свой посохъ въ руки путь не казался ни чуждымъ, ни страннымъ. Напротивъ, люди хотя и знали, что плыть по бурному морю, но чувствовали себя увѣренными пловцами. И Соня снова бросилась въ океанъ, какъ въ знакомую стихію. Въ то время Кіевъ выдавался организаціонной и террористической работой, и за Осинскимъ была установлена тщательная слѣжка, какъ и за всѣми его окружавшими. Жила Соня подъ чужимъ именемъ, но на одной квартирѣ съ Валеріаномъ и участвовала во всѣхъ предпріятіяхъ строго конспиративнаго характера. Однако, недолго пришлось ей пользоваться «нелегальной свободой». Мѣсяцевъ черезъ 8, въ числѣ многихъ обысковъ и арестовъ, квартира Осинскаго подверглась осадѣ, что вызвало со стороны его и Лешернъ воссруженное сопротивленіе. Я не помню всѣхъ подробностей этого событія въ это время я заканчивала свою первую картину на Карѣ, и лишь спустя года три-четыре слышала отъ С. А. раз-

сказы о кievскихъ событіяхъ. И она и Осинскій были приговорены къ смертной казни. Его повѣсили, этого талантливаго отважнаго борца; а Соня была возмущена вторымъ «помилованіемъ», смѣнившимъ смерть на вѣчную каторгу. Опять удружили родные, отдавъ эту прекрасную силу на десятки лѣтъ смертельныхъ мученій. Эта страница жизни С. А. была, быть можетъ, самой тяжелой, самой для нея проковой. Оставшись въ живыхъ, она осталась и съ вѣчной тоской о потерѣ человѣка, умѣвшаго полюбить ее горячо и нѣжно. Гордая и сдержанная, она не давала воли своимъ страстямъ, навсегда осталась нетронутой жрицей боговъ-идеаловъ; отношенія ея къ товарищамъ, самымъ близкимъ, не переходили предѣловъ чистой дружбы; быть-можетъ, въ первый и послѣдній разъ Софья Лешнеръ готова была отвѣтить пылкой любовью на горячее чувство прекраснаго человѣка, блестящаго борца за свободу, изящнаго, прекраснѣйшаго изъ тсзарей. Личное счастье было такъ близко. И вотъ оно уходитъ, уходитъ навсегда, и любимый человѣкъ почти на глазахъ у нея, тутъ, за стѣной тюрьмы, виситъ, задавленный проклятыми руками слугъ проклятыхъ деспотовъ. И въ эти руки отдають жизнь ея навѣки; въ ихъ ядовитыхъ объятіяхъ она будетъ задыхаться изо дня въ день, не зная отдыха, не зная передышки, всегда молча, всегда молясь о смерти.. А злобѣдая не идетъ, она искушаетъ твой духъ, твоё божественное терпѣніе. И ты молчишь и терпишь, и не омѣшь посягнуть, прервать свою муку, во имя вѣрности всему, всему, чему обязалась служить, что полюбила выше жизни своей, и во имя того, кто оставилъ тебя заложницей силы духа, мужества тѣла, вѣчной готовности стоять на часахъ у храма вѣрующихъ въ правоту своего назначенія.

Отпечатокъ этихъ страданій легъ тихой грустью на все будущее Сони, будущее, лишенное всякаго проблеска надежды уйти отъ гнета черной неволи, хоть на мигъ оторваться отъ присутствія этого вниманія безпощадныхъ враговъ, строящихъ благоденствіе свое на недугахъ и смерти лучшихъ сыновъ и дочерей нашей бѣдной родины.

Въ началѣ 1879 года меня выслали съ Кары на поселеніе въ Баргузинъ, у восточнаго берега Байкала; а въ концѣ того же года, кажется, С. А. была привезена на Кару вмѣстѣ съ другими женщинами, все больше кievлянками. Я не затѣвала съ ними переписки, имѣя въ виду свой побѣгъ, и только разъ получила письмо отъ Маріи Александровны Коленкиной, съ которой когда-то ходила «въ народъ» и крѣпко сдружилась. Знала, что Лешнеръ на Карѣ, хотѣла видѣть своихъ дорогихъ женщинъ, но жажда вернуться на поле брани была сильнѣе всего, и я съ такими же жадными до борьбы товарищами, какъ сама—пустилась въ тайгу, въ эту чуждую европейцу дикую стихію,—и векорѣ была приговорена къ каторгѣ. Послѣ того, какъ я пресидѣла 9 мѣсяцевъ въ Верхнеудинской гауптвахтѣ, двинули меня на Кару. Чѣмъ ближе я подѣзжала

къ ней, тѣмъ легче становилось на истрепанномъ неудачей сердцѣ моемъ. Увижу женщинъ, героянь, моихъ доросшихъ, любимыхъ. И Лешернъ, конечно, увижу. Приѣхала, встрѣчаютъ, Сони нѣтъ. Она въ больницѣ, перенесла спавшую болѣзнь. Выздоровленіе шло медленно, апрѣль, май прошелъ—она все тамъ. Но вотъ на Карѣ случилось нѣчто необычайное: изъ мужской политической тюрьмы бѣжало шесть каторжанъ. Все было поставлено на ноги; начальство и подчиненные точно съума сошли. Начались репрессіи выше всякой мѣры, и мужчины объявили голодовку. Донеслось это до насъ, женщинъ, и мы присоединились къ общему протесту. Тогда злоба начальства обрушилась и на насъ. Всѣ маленькія удобства, что допускались въ нашей маленькой тюрьмѣ, были сняты, всѣ камеры крѣпко замкнуты, всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ прервано. Но женщины не сдавались, голодали всѣ, даже еше живая Коленкина. Начальство прибѣгло къ принудительной мѣрѣ: увезли насъ съ Нижней Кары на Усть-Кару, за 15 верстъ; запереть въ карцерныя одиночки и, такимъ образомъ, покараить за соприслѣніе его вольтъ и прервать разъ навсегда наши отношенія съ мужской тюрьмой, дѣйствующія тайно и непрерывно.

Быль жаркій іюльскій день, когда смотритель тюрьмы объявилъ намъ, что насъ увозятъ и чтобы мы тотчасъ собирались въ путь. Напрасная забота—собирать было нечего, ибо мы уже больше мѣсяца ходили въ одномъ арестантскомъ бѣльѣ, и всѣ наши вещи были отсраны, до послѣдней иголки. Но, несмотря на западочность предстоящаго, мы были рады перемѣнѣ, рады подышать чистымъ воздухомъ и быть на солнцѣ, видѣть пространство. За воротами стояли пары воловъ съ двухколками, окруженными рядами женвойныхъ. Смотрю,—тутъ и Лешернъ! Какъ хорошо! Какъ мы рады! Но размѣщало насъ начальство, и мнѣ не довелось ѣхать съ Осней. А процессія состояла изъ десяти, помнится, лицъ: совсѣмъ большая Коленкина, Наталья Армфельдъ, Елизавета Ковальская, Софья Богомолецъ, Викторія Левенсонъ, Софья Шехтеръ, Юлія Крюковская, Лешернъ и Росикова, только что взятая изъ больницы, я.

Солнце ярко палило, воздухъ былъ полонъ жары и кизѣта. Всѣ мы сразу оживились, забыли свои голыя ноги, непокрытыя головы, еле прикрытыя тѣла. (Арестантская одежда на Карѣ была лишь намекомъ на одежду). Никакое другое удовольствіе въ нашемъ положеніи не могло такъ понравиться намъ, какъ эта поѣздка шагомъ, на волахъ, по ярко-зеленой долинѣ, вдоль рѣки Кары на цѣлыхъ 15 верстъ. Съ этихъ сторонъ лужайки съ цвѣтами, разнообразными, красивыми цвѣтами Забайкалья. Руки тянутся къ нимъ невольно, но можно сорвать только тѣ, что возлѣ колесъ, спрыгнуть съ двухколки конвой не даетъ, и только два-три казака укладкой поднесли сами маленькіе букетики нѣкоторымъ

изъ насъ. Этотъ переѣздъ былъ для насъ праздникомъ. Съ цвѣточками въ рукахъ вошли мы въ сырой, пустой и темный сарай, гдѣ насъ тотчасъ же размѣстили по кѣлѣткамъ, задвинули двери тяжелыми засовами. Намъ было объявлено трехмѣсячное карцерное полтокеніе: лишеніе прогулокъ, лишеніе пользованія своими деньгами, книгами, посылками и переписки съ родными. Эти репрессіи обрушились на насъ за наше сочувствіе бѣдственному состоянію нашихъ товарищей-мужчинъ, размѣщенныхъ по разнымъ тюрьмамъ послѣ побѣда Мышкина, Хрущева и еще шестерыхъ заключенныхъ, подвергнутыхъ страшно тяжелому режиму на неопредѣленное время. Наше сочувствіе выразилось въ пятидневной голодовкѣ, которую мы прервали только тогда, когда мужчины дали намъ знать, что они не могли продолжать свою, вслѣдствіе разъединенія ихъ по разнымъ тюрьмамъ.

Состояніе тюрьмы, куда насъ, женщинъ, перевели, было невѣроятно скверное. Достаточно сказать, что это былъ рядъ карцеровъ для уголовныхъ каторжанъ, содержаемыхъ въ самыхъ антигигиеническихъ условіяхъ. Длинный деревянный сарай, раздѣленный въ длину на три части, имѣлъ посрединѣ ширскій корридоръ, въ которомъ стояли двѣ печи. По обѣимъ сторонамъ корридора шли ряды одиночекъ, по десяти съ каждой стороны. Толстыя двери одиночекъ запирались толстыми засовами и замками. Освѣщалась одиночка маленькимъ окошечкомъ въ два стекла вверху наружной стѣны, какъ въ лошадиныхъ стойлахъ. Своего отопленія эти стойла не имѣли. Ихъ стѣны были полны клоповъ, не дававшихъ спать буквально всю ночь. Она проходила въ борьбѣ съ врагами: мы поджигали ихъ салынными свѣчами, а днемъ обваривали кипяткомъ кровати. Зимой же стѣны камеръ промерзали насквозь. Стѣны крайнихъ камеръ покрывались «куржакомъ», ледянымъ олоемъ, бороться съ которымъ было невозможно. Спрашныя морозы продолжали наши усилія. Женщины крайнихъ камеръ спасались отъ холода льдомъ, завѣшивая стѣны распоротыми арестантскими юбками.

Разсидило насъ начальство по одной, и снова я не могла видѣть Софью Александровну. Я знала только, что она отправилась здоровьемъ и бодр. духомъ. Вскорѣ безчеловѣчный режимъ и убійственное помѣщеніе отразились на состояніи здоровья многихъ изъ насъ: Первая свалилась М. Коленкина, только что справившаяся въ прежней тюрьмѣ отъ своего острога кишечнаго катарра. Кромеъ вернувшихся болѣе желудка, она стала сильно страдать удушьемъ. Слегла въ постель надолго и лежала даже лѣтомъ, прикрытая казеннымъ тулупомъ.

Заболѣла Левенсонъ: у нея хлынула портомъ кровь изъ ея больныхъ легкихъ; сильно стала кашлять Ел. Ковальская. Мы стали требовать доктора. Прошелъ мѣсяцъ, его все не было. Мы продолжали требовать. Въ концѣ сентября, лишь послѣ окончанія карцернаго положенія,

пріѣхалъ докторъ со Средней Кары, говоря, что явился по разрѣшенію жандармовъ, котораго раньше не получалъ. Кромѣ лѣкарствъ, мы просили доктора предписать больнымъ фуфайки и чулки, всѣ остальные ходили босыя. И эта просьба требовала многократнаго повторенія. Наконецъ, больнымъ было выдано свое бѣлье. Толстая надзирательница, жена одного изъ жандармовъ, была болѣе доступна и жалостлива къ намъ, отчасти потому, что мы то дарили ее нашими рукодѣліями, то дѣлились съ нею продуктами, и она, пользуясь «разрѣшеніемъ» выдавать больнымъ теплое бѣлье, мало-по-малу распространяла его и на остальныхъ заключенныхъ.

Въ концѣ сентября морозы настолько усилились, что начальству пришлось волей-неволей отворить наши камеры, такъ какъ мы совершенно замерзали. А по истеченіи трехмѣсячнаго карцернаго положенія, во время котораго мы ѣли только арестантскую баλανду и пайки чернаго хлѣба, было разрѣшено снова пользоваться присылаемыми намъ деньгами съ воли, прикупать свою провизію и готовить себѣ обѣдъ собственноручно въ корридорѣ.

Надо замѣтить, что получаемыя женщинами деньги вносились въ общую Карійскую кассу, совсѣмъ небогатую, и поэтому женщины расходовали на себя лишь опредѣленный на ихъ долю пай, котораго хватало на покушку чая, сахару и табаку, изрѣдка масла, кислой капусты и рѣже—омулей.

Какъ только растворились двери камеръ, старые и новые друзья объѣжались въ кучу. Лешернъ, Коленкина, Армфельдъ и я составляли тѣсную семью, прилагавшую всѣ заботы о взаимномъ благополучіи. Сейчасъ же распредѣлили дежурства и работы, принялись устраивать свое тюремное хозяйство. Вскорѣ къ нашей семьѣ присоединилась С. Андр. Иванова, присланная на Кару оканчивать срокъ своей капорги.

Она своимъ бодрымъ мужественнымъ отношеніемъ къ жизни и своимъ всегдашнимъ остроуміемъ внесла оживленіе въ нашу семью и была любимымъ ея членомъ. Она же приняла дѣятельное участіе во всѣхъ нашихъ общихъ хозяйственныхъ работахъ и занятіяхъ—чтеніяхъ и рукодѣліяхъ. Но помимо всей нашей корридорной жизни, вызывавшей активное участіе нашихъ наличныхъ силъ, въ тюремной жизни занимали большое мѣсто личныя бесѣды вдвоемъ, втроемъ въ нашихъ пилыхъ каморкахъ, болѣе интимнаго характера. Каждая имѣла свои особыя симпатіи и только ихъ допускала въ глубины души своей.

Быть-можетъ, больше другихъ въ такихъ собесѣдованіяхъ нуждалась С. А. Лешернъ, по природѣ своей всегда замкнутая и сдержанная. Вотъ въ это именно время мы особенно облизались и обмѣнивались дорогими для насъ мыслями и чувствами. Съ любовью и гордостью смотрѣла я на эту уже не молодую женщину, привыкшую до зрѣлаго воз-

раста пользоваться удобствами и роскошью барской жизни, а теперь одѣтую въ дубовую посконную арестантскую одежду, питающуюся «дубовой» кашей и чернымъ хлѣбомъ и отдававшую всѣ свои деньги въ общее пользованіе. Не только не было слышно отъ нея никакихъ жалобъ на ея тяжелое положеніе, не только сожалѣнія о прошломъ, напротивъ, ея умъ и чувство всегда были заняты возможностью послужить куда-либо тому дѣлу, въ которое она вложила душу. Всегда спокойная и всегда практичная въ своихъ сношеніяхъ съ начальствомъ и окружающими насъ жандармами, она такъ умѣло устраивала наши конспиративныя дѣла, что никогда не вызывала ни малѣйшаго подозрѣнія. Ей и поручалось устройство сношеній съ мужской тюрьмой, оставшейся на Средней Карѣ, что требовало довольно сложной и тонкой организаціи. Надо было приискать вѣрныхъ передатчиковъ—«голубей» среди тысячной толпы утолченныхъ, отдѣленныхъ отъ нашего двора густыми палаями, указать этому «голубю» человека, который бы могъ отнести почту на Среднюю Кару и вручить ее именно такимъ-то лицамъ, въ свою очередь передававшимъ ее въ мужскую тюрьму, и надо было умѣть получить такимъ же путемъ отвѣтную «почту». Такое сообщеніе регулярно поддерживалось и шло каждыя двѣ недѣли.

Кромѣ того, надо было тайно вознаграждать «голубей» нашей стороны, что обыкновенно дѣлалось табакомъ, чаемъ и сахаромъ. Все это С. А. предѣлывала почти на глазахъ жандармовъ, которые всегда присутствовали на нашихъ прогулкахъ, эсрко слѣдившихъ за тѣмъ, чтобы мы не приближались къ палаямъ, отдѣлявшимъ насъ отъ утолченныхъ. Но, такъ какъ прогулка была общая и, что называется, вразсыпаную, то С. А. умудрялась улучшить удобную минутку, когда жандармъ слѣдитъ за другими гуляющими, чтобы передать или получить то, что надо, въ одну изъ щелей частоккола отъ ожидавшаго ее «голубя». Надо прибавить, что почти весь утолченный дворъ знаетъ о существованіи «почты», и за всѣ годы существованія «почты» въ Усть-Карѣ не было ни провала, ни доноса.

С. А. сама охотно переписывалась съ излюбленными ею товарищами въ крѣпости и въ домѣ предварительнаго заключенія, здѣсь же она вела особенно дѣятельную переписку съ Ипполитомъ Мышкинымъ, который писалъ ей много о себѣ, о своемъ прошломъ, о томъ, какъ онъ вадилъ къ Н. Г. Чернышевскому съ цѣлью его освобожденія и какъ онъ былъ арестованъ. Описывалъ онъ и тотъ періодъ, когда онъ былъ правительственнымъ стенографомъ, какъ разъѣзжалъ по городамъ, присутствовалъ на земскихъ собраніяхъ. Какъ часто господа земцы изъ именитыхъ дворянъ и титулованныхъ особъ заискивали у него, прося вычеркнуть изъ его отчета то слова, то цѣлыя выраженія, сказанныя въ пылу братскаго увлеченія, но могуція повредить имъ въ глазахъ пра-

вигальства. Изъ этихъ писемъ я и почерпнула нѣкоторый матеріалъ для краткой біографіи Мышкина, написанной мною въ 1904 году.

Кстати скажу, что всѣ наши свѣдѣнія, почерпаемые изъ нашихъ тюремныхъ переписокъ, страдаютъ крайней скудостью и неточностью не только въ силу конспиративныхъ причинъ, но и потому еще, что пишущій старается въ немногихъ словахъ сказать многое на маломъ клочкѣ бумаги, исписавъ его самымъ мелкимъ почеркомъ, свернувъ въ микро-скопическую трубочку или пакетикъ, который «голубь» долженъ сумѣть запрятать въ избранное имъ потаенное мѣсто. При такихъ условіяхъ не распишешься. Приходится упускать и хронологическій порядокъ и многія побочныя условія, сопровождавшія событія, а о подробностяхъ и говорить нечего. Вотъ почему тѣ, кто пользуется въ своихъ воспоминаніяхъ о товарищахъ тюремной перепиской, какъ матеріаломъ для изображенія ихъ жизни и дѣятельности, легко могутъ впадать въ ошибки или неточности, что было и со мной.

Наша взаимная полная откровенность съ С. А. Лешернъ доходила до того, что мы вмѣстѣ расклеивали полученные нами личныя записки, совместно прочитывали и дѣлились чувствами, мыслями и предположеніями. Болѣе вѣрнаго друга, какимъ была С. А., трудно себѣ представить. Для избраннаго ею друга ничего не было завѣтнаго у нея. Ея преданность и умѣніе хранить тайну были выше всякаго испытанія. Вотъ почему, быть - можетъ, только люди, особенно близко къ ней стоявшіе, могли видѣть и достойно оцѣнить ея высокія душевныя качества.

Вслѣдствіе ли своей сдержанности, а можетъ быть и отъ излишней скромности С. А. не любила высказываться при теоретическихъ разговорахъ и при обсужденіи прочитаннаго, не продумавъ всего предварительно сама. Но зато, когда ей приходилось высказываться по поводу истинъ, для нея уже неспреложныхъ, она отстаивала ихъ горячо и умѣла аргументировать свои доводы. Такая ея сдержанность вводила многихъ въ заблужденіе; ея молчаніе объясняли то отсутствіемъ любознательности, то излишнимъ самолюбіемъ.

Трудолюбіе было характерной чертой ея образа жизни. Превосходная рукодѣльница, она выполняла самыя изящныя заказы, поступаемыя тюрьмой. Это удавалось ей еще и потому, что она получала отъ своихъ родныхъ изъ Петербурга тончайшіе матеріалы для выполненія такихъ работъ, какъ вязанье, вышиванье, шитье и т. п. Она любила сидѣть въ своей камерѣ, внимательно работать и курить самодѣльные папирсы, заполяя дымомъ свою маленькую камеру. Легкое чтеніе предпочитала въ обществѣ многихъ, серьезныя же книги—читать вдвоемъ съ близкимъ человѣкомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, кажется, 1883 года на Кару былъ присланъ изъ Петербурга чиновникъ съ тѣмъ, чтобы опросить въ мужской тюрьмѣ д-ра

Веймара, а въ женской—С. А. Лешгернъ и Н. А. Армфельдъ, не согласны ли они заявить о раскаяніи въ преступномъ участіи своемъ въ революціонномъ движеніи и признать существующій государственный порядокъ ненарушимымъ. Такое раскаяніе повлекло бы немедленное высочайшее помилованіе. Очередно, вліятельные родственники трехъ выше-названныхъ товарищей хлопотали о смятеніи ихъ участи, и на нихъ правительство рѣшило, повидимому, испытать, поколебались ли стойкость и мужество карійскихъ заключенныхъ, находящихся въ столь суровыхъ условіяхъ. Кстали, предстояла коронація Александра III.

Никогда никому изъ заключенныхъ не могла прійти въ голову возможность подобнаго предложенія, а потому, когда Н. А. Армфельдъ вызвали въ тюремную контору, чего раньше никогда не случалось, все мы были крайне удивлены и ломали головы, что бы это значило. Но наше удивленіе было неопредѣлимо, когда Армфельдъ, вернувшись свѣтлая и оживленная, съ недоумѣніемъ въ ея большихъ красивыхъ черныхъ глазахъ, торопясь, волнуясь, говорила: «и что это они придумали, съ какой стати?». И на наши разспросы она отвѣчала: «Я ничего не вижу худого въ своихъ убѣжденіяхъ, сказала я ему. Христосъ самъ проповѣдывалъ любовь къ ближнимъ, онъ самъ заповѣдалъ положить душу свою за други своя, и я удивляюсь, съ какой стати вы предлагаете мнѣ отречься отъ его ученія».—«Но что бы вы стали дѣлать, если бы васъ помиловали и вернули бы на свободу?»—продолжалъ чиновникъ. «Стала бы дѣлать то, что и раньше дѣлала». Не успѣла она окончить своего разсказа, какъ явились жандармы, приглашая въ контору С. А. Лешгернъ. Медлительная и серьезная, пыхтя папироской, отправилась она съ жандармами въ контору. Съ трепетомъ мы ожидали ея возвращенія; зная ея строгое отношеніе къ дорогимъ ей принципамъ, боялись возможныхъ осложненій. Но С. А. вернулась къ намъ такой же спокойной и такъ же пыхтѣла папироской, какъ и ушла отъ насъ. Мы бросились къ ней съ разспросами.

«Я удивляюсь его наивности. Можно ли предлагать взрослому человѣку раскаяться въ своихъ убѣжденіяхъ,—сказала я ему;—написать можно все, что угодно, но развѣ вы повѣрите этому. А чиновникъ мнѣ отвѣтилъ: «не беспокойтесь, вы только напишите, что раскаиваетесь». На это я ему: «Я лгать и приписывать не умѣю». Повернулась и ушла».

Послѣ этого неожиданнаго случая жизнь наша снова потекла обычнымъ однообразнымъ порядкомъ. Виднѣтъ чиновника не вызвали много разговоровъ. Карійки были заняты вопросами жизни внѣшней, далекой, усиленно слѣдили за новостями въ мірѣ наукъ, искусствъ и литературы. Какимъ-то удивительнымъ образомъ намъ разрѣшалось получать текущіе столичные газеты и журналы. Этой возможностью усердно пользовались наши родные. Особенно много книгъ на разныхъ язы-

кахъ, газетъ и журналовъ получала Н. А. Армфельдъ отъ своей «мамы», какъ ее звала вся женская тюрьма. Были и другія развлеченія—попытки развести крошечный огородъ въ тюремномъ дворѣ. С. А. въ этой работѣ участія не принимала. Но она охотно наслаждалась полевыми цвѣтами, когда ихъ приносилъ намъ служитель Магометъ вмѣстѣ съ дровами, съ чирками и разной другой арестантской одеждой, выдаваемой намъ по частямъ изъ казенныхъ амбаровъ.

Магометъ всегда былъ подъ надзоромъ жандармовъ, и большого труда ему стоило принести контрабандой свои букетики, но онъ зналъ, какое удовольствіе намъ доставляютъ цвѣты, и преодолевалъ всѣ трудности. Съ такою же легкостью выносилъ онъ наши чирки за ворота, продавалъ ихъ и на вырученные деньги покупалъ намъ соленыхъ омулей. Надо полагать, что жандармы смотрѣли сквозь пальцы на его проделки, такъ какъ не могли они не видѣть цвѣтовъ на нашихъ столахъ или не слышать запаха омулей въ нашемъ корридорѣ. Магомета за его услуги мы щедро вознаграждали пошитыми нами для него рубахами всѣхъ цвѣтовъ и фасоновъ. Хотя и старый человѣкъ, онъ любилъ прифрантиться. Когда однажды мы узнали, что онъ страстный игрокъ, могъ въ одинъ вечеръ спустить всѣ свои деньги, а деньги у него бывали, кто-то изъ насъ выразилъ предположеніе о томъ, что всѣ наши рубахи поставлены на ставку... Надо было видѣть обиду и гнѣвъ этого черкеса. Онъ моментально выбѣжалъ изъ тюрьмы, выпросился у жандармовъ за ворота и вернулся съ большимъ узломъ, бросивъ его передъ нами со словами: «На, смотри». Намъ было стыдно.

С. А. всегда особенно цѣнила трудъ, потраченный на нее, и при всякой возможности угощала и дарила служителя и всѣхъ, кто оказывалъ ей услуги. Матеріальное положеніе С. А. значительно ухудшилось на Карѣ сравнительно съ тѣмъ, что было въ петербургскихъ тюрьмахъ. Получала она отъ брата раза три въ годъ по 100 рублей, а мать и сестра присылали ей, главнымъ образомъ, матеріалы для работъ и кое-что изъ одежды и сладостей. Деньги она вносила въ общую кассу, всѣмъ остальнымъ дѣлилась со своими близкими... Моя дружба къ ней крѣпла все время нашего совместнаго житья и, хотя я недолго жила съ нею въ одной камерѣ (когда тюрьма стала пополняться новыми каторжанками, насъ стали размѣщать по двое въ одну камеру), но и поселившись съ Ивановой я продолжала неизмѣнно заходить къ С. А. каждый вечеръ для дружеской интимной бесѣды, въ которой она очень нуждалась.

Въ началѣ 1884 года наша тюрьма стала пополняться новыми прекрасными женщинами. Сначала привезли Фаню Абрамовну Морейнисъ, 24-лѣтнюю красивую жизнерадостную дѣвушку, уже успѣвшую доказать свою стойкость и мужество при весьма серьезныхъ условіяхъ ея работы на революціонномъ подприщѣ. Ея звонкій смѣхъ раздавался и

въ корридорѣ, и на дворѣ, и въ камерѣ Наталіи Армфельдъ, тоже любившей посмѣяться, съ которой она быстро сошлась. Немного спустя привезли къ намъ Татьяну Ивановну Лебедеву, Солнгу, неизнаваемо измѣнившуюся послѣ 2-лѣтняго мучительнаго пребыванія въ крѣпости. Она болѣла цынгой, полнѣйшимъ разстройствомъ сердечной дѣятельности и острымъ неизлѣчимымъ малотривіемъ. Объ этой исключительной натурѣ мнѣ хотѣлось бы поговорить подробнѣе и потому я здѣсь ограничусь упоминаніемъ о ея прибытіи. Потомъ привезли Анну Павловну Корба, эту умную высокообразованную изящную женщину, составившую красоту нашего общества. Видя ея хрупкое сложеніе и неспособность къ тяжелому труду, мы отстранили ее отъ всѣхъ хозяйственныхъ работъ, предоставивъ ей изящныя рукодѣлія. Кромѣ того, она взяла на себя уходъ за больными и нуждающимися въ тепломъ участіи и ласкѣ. Ея пребываніе особенно было цѣнно для С. А. Лешернъ, давнишней ея знакомой, внутренняго достоинства которой были извѣстны ей лучше, чѣмъ многимъ друпимъ ея товарищамъ.

Теперь наши бесѣды и чтенія стали оживленнѣе и интереснѣе, такъ какъ каждая вновь прибывающая приносила много новаго изъ внѣшняго міра, рассказывала о томъ, что дѣлалось въ революціонной средѣ и какая участь постигла оставшихся товарищей послѣ насъ, какія прибывали новыя силы.

Еще оживленнѣе стала жизнь въ нашей тюрьмѣ, когда вслѣдъ за А. П. Корба привезли ея близкаго друга П. С. Ивановскую и милую, добрѣйшую Надежду Смирницкую. Шутки и смѣхъ раздавались чаще и громче. Меньше всего въ нихъ принимали участіе М. А. Коленкина и Надя Смирницкая. Первая, больная, рѣдко вставала съ своей постели, а Надя Смирницкая, всегда меланхоличная и даже печальная, любила одиночество, и трудно было ее вызвать на прогулку. Приходилось прибѣгать къ хитростямъ, такъ какъ мы, болѣе здравыя, съ ужасомъ смотрѣли на нашихъ затворницъ, никогда не дышавшихъ свѣжимъ воздухомъ. Все свѣтлое время дня (и зимой, и лѣтомъ) наша тюрьма была открыта, и мы могли выходить на дворъ, когда хотѣли. Часто обманомъ мы вызывали на крыльцо то Коленкину, то Смирницкую, подхватывали подъ руки и таскали взадъ и впередъ по двору при крикахъ и сопротивленіи насильно гуляющихъ. Лешернъ въ такихъ шалостяхъ участія не принимала. Долго такая насильственная прогулка продолжаться не могла; затворница вырывалась, наконецъ, и убѣгала назадъ въ свою камеру. Но больная Т. И. Лебедева любила чистый воздухъ. Лѣтомъ мы разстлали свои халаты, клали подушки и выводили ее на солнышко, садились вокругъ нея и громко читали газеты или журналы.

С. А. Лешернъ охотно выходила на прогулку и какъ любительница чистаго воздуха и по своей обязанности «почтаря». Въ общихъ чтеніяхъ

она всегда принимала участіе, но прохаживалась по двору либо одна, либо съ кѣмъ-нибудь изъ наиболѣе ей близкихъ. Такъ жила наша группа въ тѣсной дружбѣ, внимательно относясь къ нуждамъ другъ друга, при искреннемъ желаніи сократить свои индивидуальныя угловатости и рѣзкости характера, боясь нарушить спокойствіе и права товарищей. Такое общество избранныхъ натуръ не могло не наполнить сердце мое горячею безпримѣнною любовью къ нимъ, а потому, когда въ іюль 1884 г. жандармы сказали мнѣ, что на другой день меня отправляютъ въ дорогу на поселеніе, я была страшно поражена и огорчена предстоящею разлукой.

Поражена я была потому, что по приговору мнѣ слѣдовало пробить на каторгѣ еще четыре мѣсяца; сокращеніе же было, навѣрно, слѣдствіемъ изданнаго тогда манифеста, который былъ, очевидно, примѣненъ и ко мнѣ. Надо сказать, что въ то время карійскими тюрьмами политическихъ за вѣдывалъ жандармскій офицеръ Манаевъ, осужденный впоследствии за растрату тюремныхъ денегъ политическихъ, 2,000 руб., на поселеніе въ Якутскую область. Этотъ офицеръ усилленно пилъ и игралъ въ карты, и у него не оставалось времени заниматься дѣлами заключенныхъ. Оставляя насъ безъ денегъ, онъ не показывался въ тюрьму, и всѣ распоряженія намъ передавали рядовые жандармы; они же и извѣстили меня о моей отправкѣ, ничего не умѣя объяснить намъ.

Начались быстрые сборы. Весь вечеръ до полуночи сидѣли за пивьемъ болѣе приличнаго костюма для меня. Чтеніе было отложено. Шли оживленные разговоры, предположенія, обѣщанія, взаимныя утѣшенія. Три нашихъ курительницы: Лешерягъ, Лебедева и Коленкина истреблили напрошенныя листья манчжурскаго табаку въ неизмѣримомъ количествѣ, но, такъ какъ волненіе было всеобщее, то всѣ переносили облака дыма терпѣливо, и разговоръ не прерывался. Старались быть спокойными и веселыми, но мнѣ это совсѣмъ не удавалось.

Къ великому нашему удивленію, на другой день никто не пришелъ брать меня въ дорогу. Въ напряженномъ состояніи провели мы весь день, придумывая, чѣмъ бы еще снабдить меня въ путь. Онава безпощадно курили, и всѣ потеряли аппетитъ къ ѣдѣ. Въ такомъ напряженномъ состояніи Манаевъ продержалъ насъ четверо сутокъ, и лишь на пятую—жандармы принесли распоряженіе выпроводить меня изъ тюрьмы. Заволновались наши сердца, и всѣ почувствовали, что надо крѣпиться, чтобы не расплакаться, не предаться горю разлуки. Отвѣзжающему, какъ мнѣ, кажется, всегда тяжелѣе достается такая разлука, съ сознатель, что составляетъ товарищей въ темной неволѣ, а его самого какъ-ни-какъ ожидаютъ и небо, и воздухъ, и большія пространства, а потому, можетъ-быть, мнѣ больше другихъ приходилось принимать личную спо-

койствія и бодрости. Всѣ вышли во дворъ и остановились у воротъ тюрьмы въ ожиданіи конвоя. Я стояла спиной къ воротамъ, передо мною полукрутомъ мои дорогіе товарищи. Давно все было сказано и переговорено съ каждой изъ нихъ, а между тѣмъ, стоятъ молча было невывосимо, приходилось шутить и улыбаться. Дружескіе глаза съ любовью смотрѣли на отъѣзжающую, и особенно двѣ пары глазъ смотрѣли на меня сосредоточенно, напряженно, съ глубокимъ чувствомъ горя. Это были прекрасные темные глаза Нат. Армфельдъ и блестящіе, голубые—С. А. Лешернъ. Я поклонилась имъ всѣмъ до земли, а затѣмъ ворота открылись, меня увезли и снова закрыли ворота тюрьмы. Лешернъ была «вѣчница», и, хотя она, какъ и я, не расставалась съ мыслью о побѣгѣ, все-таки разставаясь съ ней, меньше, чѣмъ съ другими было надежды на встрѣчу. Грустно было.

Изъ Селентинска, куда меня поселили, я писала на Кару многимъ друзьямъ моимъ и, конечно, С. А. Лешернъ. Заключениемъ же разрешалось отвѣчать только на открыткѣ и то не своей рукой, а рукой коменданта за подписью корреспондента. Въ открыткѣ упоминалось только о полученіи письма или посылки и о здоровьѣ или нездоровьѣ заключеннаго. Такое нововведеніе было сдѣлано вскорѣ послѣ ухода завѣдующаго Манаева. Къ счастью, на Карѣ оно далеко не строго выполнялось, можетъ-быть, благодаря тому, что капитанъ Бурлей, замѣнявшій отданнаго подъ судъ завѣдующаго Манаева, любилъ страстно наряды и всякія красивыя вещи. Онъ систематически опустошалъ цейхгаузъ политическихъ арестантовъ, большинство которыхъ было изъ достаточныхъ классовъ и привозило съ собою дорогія вещи. Капитанъ Бурлей вынималъ также изъ посылокъ съ женскими рукодѣліями самыя красивыя рубахи и полотенца, посылаемые товарищамъ и роднымъ. Не церемонился онъ и съ нашими деньгами. Такое отношеніе къ имуществу арестантовъ заставляло его смотрѣть сквозь пальцы на отступление отъ безцѣльныхъ строгостей, а потому довольно долгое время я получала съ Кары отвѣты на всѣ свои письма, написанныя рукою арестантовъ.

Довольно долго продолжался оживленный обмѣнъ моей корреспонденціи съ мужской и женской тюрьмами, и у меня набралась большая пачка открытокъ, исписанныхъ разными почерками почти всѣхъ женщинъ, друзей, оставшихся послѣ меня на Карѣ. Много было писемъ и изъ мужской тюрьмы. Я хранила ихъ, какъ лучшее свое сокровище, когда въ ожиданіи обыска, по распоряженію изъ Петербурга, о чемъ предупредили меня изъ Россіи, вынуждена была передать на сохраненіе эти письма въ другія руки, къ несчастью, не умѣвшая сохранить ихъ.

Когда же продѣлки капитана Бурлея были открыты, и онъ былъ удаленъ, моя переписка съ Карой сократилась до минимума, и пришлось прибѣгать къ посредству книгъ, исписанныхъ химическимъ способомъ.

Страстно хотѣлось знать, что дѣлалось въ дорогой мнѣ средѣ, поэтому и приходилось прибѣгать къ конспиративнымъ способамъ. И въ такихъ сообщеніяхъ опять-таки сказывалась серьезность, обстоятельность характера С. А. Лешернъ. Она подробно и точно въ другихъ описывала мнѣ событія, происходившія въ женской и мужской тюрьмахъ, и я издали могла слѣдить за томительной и часто бурной жизнью, вызванною жестокостью режима, особенно обострившагося въ послѣдніе годы жизни карійскихъ тюремъ. Я не переживала ихъ лично, а потому описаніе ихъ предоставляю тѣмъ, кто самъ былъ жертвою безконтрольнаго произвола тюремныхъ властей. Немного осталось живыхъ свидѣтелей того времени. Большая часть мучениковъ давно уже сошла въ молилу или добровольно — не въ состояніи были вынести страданія близкихъ людей — или какъ замученные варварскими жестокостями.

Описывая эти неслыханные ужасы, друзья мои прибавляли въ своихъ письмахъ, что въ продолженіе мѣсяцевъ и даже годовъ каждый вечеръ, лежа на свое соломенное ложе, они молили судьбу о томъ, чтобы утнуть имъ навѣки, не дождавшися запрашняго пробужденія...

Къ 1888 году мои непосредственныя сношенія съ карійцами про- являлись уже очень слабо. Все рѣже и рѣже удавалось узнавать, что тамъ дѣлается. Приходилось прибѣгать къ третьимъ лицамъ, роднымъ заключенныхъ, жившимъ въ Россіи, но и ихъ свѣдѣнія были крайне ограничены, такъ какъ переписка ихъ выражалась въ официальныхъ сообщеніяхъ о здоровьѣ и полученіи писемъ. Режимъ сталъ невозможень. Все шли толки о томъ, чтобы размѣстить карійцевъ по разнымъ забайкальскимъ тюрьмамъ. Женщинъ же, оставшихся въ живыхъ, выпустить въ вольныя команды, гдѣ онѣ и должны были доживать срокъ своей каторги.

Въ 1891 г. я получила, наконецъ, крестьянскій паспортъ, дававшій мнѣ право проживать по всей Сибири. Немедленно выѣхала я изъ Селенгинска, послѣ восьмилѣтняго томительнаго проживанія въ безлюдномъ, глухомъ «ушканьемъ» городкѣ, какъ прозывали его сами обыватели. Въ «мертвомъ» городѣ, какъ прозвалъ его одинъ изъ проѣзжавшихъ черезъ него литераторовъ.

Все мои помыслы и усилія были направлены въ сторону живыхъ людей, живой жизни, а больше всего въ сторону родной мнѣ Россіи. За послѣднія пять лѣтъ, что я прожила въ Сибири въ качествѣ крестьянки, было очень мною встрѣчъ и столкновеній. Множество изшанниковъ возвращалось изъ далекой Якутской области. Одни продолжали свое изшаніе въ «менѣе» отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, другіе имѣли уже право возвратиться на родину. Часто приходилось сталкиваться и съ коренными жителями Сибири, молодымъ поколѣніемъ. А чѣмъ ближе подвигалась я къ Уралу, чѣмъ чаще встрѣчала молодежь, ѣдущую изъ

Россіи то въ ссылку, то на каникулы, то на службу. Время шло въ разспросахъ, въ интересныхъ обличеніяхъ и расхожденіяхъ. Должна сознаться, что какъ свое прошлое, такъ и пережитое другими отходило въ глубь туманной дали...

Но, вернувшись въ Россію въ сентябрь 1896 года, я немедленно написала длинное письмо С. А. Лешернъ, гдѣ передавала свои впечатлѣнія и надежды. Въ это время она уже жила въ Верхнеудинскѣ на поселеніи, и переписываться мы могли свободно. Отвѣтила мнѣ С. А. также большимъ письмомъ, описывая свою скромную жизнь на поселеніи и рассказывая о своемъ слабомъ здоровьѣ. Очевидно, богатырское сложенеіе этой замѣчательной женщины было окончательно подорвано долготлѣтнимъ жестокимъ тюремнымъ режимомъ. Въ такомъ духѣ было и слѣдующее письмо. А на мое третье посланіе ей, она уже не отвѣтила. За нее отвѣтилъ мнѣ Левъ Филипповичъ Мирскій. Онъ писалъ, что послѣднее время С. А. жила на Петровскомъ заводѣ за Байкаломъ; заболѣла она тамъ воспаленіемъ легкихъ и хотя уже оправилась отъ этой болѣзни, но весь ея организмъ до того ослабѣлъ, что у нея не хватило больше силъ «жить», какъ сказали доктора, лѣчившіе ее.

Въ ряду образовъ нашихъ выдающихся женщинъ С. А. Лешернъ, по своимъ высокимъ качествамъ какъ человѣка, такъ и революціонера всегда будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ.

Для меня она была и останется навсегда неизмѣненнымъ дорогимъ другомъ.

И. Н. А. Армфельдъ.

Наталя Александровна Армфельдъ была москвичка. Отецъ ея былъ человѣкъ образованный, любитель иностранныхъ языковъ, которые зналъ прекрасно. Онъ долгое время служилъ инспекторомъ женскаго Николаевскаго института въ Москвѣ, и двѣ его дочери—старшая, впоследствии жена натуралиста Федченко, и вторая, Наталя Александровна, учились въ томъ же институтѣ.

Ея мать, исполнѣ просвѣщенная женщина, рано оставшаяся вдовой, сумѣла создать себѣ столь почетное положеніе среди лучшей части московскаго общества, что съ мнѣніемъ ея считались просвѣщеннѣйшіе люди той эпохи; гр. Л. Н. Толстой относился къ ней съ особеннымъ уваженіемъ. Анна Васильевна Армфельдъ, желая дать своимъ дочерямъ практическое знаніе иностранныхъ языковъ, всегда держала въ домѣ англійчанокъ или французенокъ. Окончивъ институтъ, Наталя Александровна стремилась продолжать свое образованіе, и такъ какъ въ Москвѣ не было тогда вышшихъ учебныхъ заведеній, то ее отпустили за границу.

Въ Гейдельбергѣ она слушала курсы математическихъ наукъ и хорошо въ нихъ преуспѣвала, что не мѣшало ей заниматься тамъ же музыкой и живописью. Надло полагать, что народническое движеніе съ самаго начала 70-хъ годовъ заставило Наталью Александровну вернуться въ Россію и принять участіе въ работахъ организовавшагося движенія. Количество и составъ московскихъ кружковъ того времени мнѣ неизвѣстны, относительно же Натальи Александровны знаю, что ближайшимъ ея товарищемъ по революціонной работѣ въ Москвѣ была Батюшкова, тѣсная дружба съ которой не прерывалась до самой смерти Натальи Александровны.

Знаю также отъ самой Н. А., что за время ея дѣятельности въ Москвѣ она была шесть разъ арестована. Содержалась въ участкахъ, выпускалась и снова туда попадала. Последній изъ московскихъ ея арестовъ кончился административной высылкой ея въ г. Буй, Костромской губерніи. Она часто вспоминала о своемъ тамъ пребываніи и въ шутиломъ тонѣ рассказывала о своихъ знакомствахъ съ мѣстными жителями и о томъ, какъ принимала участіе въ сельскихъ работахъ, какъ ей нравилась жизнь среди простыхъ бизхитростныхъ людей, окруженныхъ такою же безыскусственною природою.

Окончивъ административную ссылку, она вернулась въ Москву, домой къ своей матери, къ своимъ братьямъ, тоже подвергшимся безпрерывнымъ преслѣдованіямъ жандармовъ. Скоро она убѣдилась, что продолжать революціонную работу ей, столь извѣстной москвинскимъ жандармамъ, невозможно, и въ 79 году она переселилась въ Кіевъ, вступила въ тампошнюю организацію революціонеровъ и весной того же года была арестована на Жилинской улицѣ, вмѣстѣ со многими другими (Дебаторій-Мокрѣвичъ, братья Ивечевичи и др.) при вооруженномъ сопротивленіи, во время котораго былъ убитъ жандармъ Казанкинъ, были еще убиты и ранены съ обѣихъ сторонъ. Наташа получила ударъ пулей, отскочившей отъ стѣны рикошетомъ. Пуля попала въ правую грудь и разорвала платье, не задѣвъ ея тѣла. Это черное кашемировое платье пріѣхало на Кару, гдѣ мы и разсматривали сей трофей съ большимъ любопытствомъ. Не было выяснено, чьимъ выстрѣломъ былъ убитъ Казанкинъ. Приписывали этотъ выстрѣлъ Брандту и, несмотря на то, что Наталья Александровна Армфельдъ приняла этотъ выстрѣлъ на себя, Брандтъ все же былъ повѣшенъ.

Судъ надъ жилинцами происходилъ въ одно время съ судомъ надъ Осинскимъ и С. Лешернъ, Этотъ судъ вынесъ три смертныхъ приговора. Изъ жилинцевъ же большинство было приговорено къ каторжнымъ работамъ, въ томъ числѣ и Наташа, на 14 лѣтъ; въ то время ей было около тридцати лѣтъ.

Итакъ, Наталья Александровна Армфельдъ имѣла передъ собою 14 лѣтъ каторги. Съ природными ей бодростью и жизнелюбивостью приняла она свой приговоръ, готовая раздѣлить все трудности и лишения, ожидавшія ея товарищей въ пути и на каторгѣ. Никогда никто не видѣлъ Н. А. грустною или печальною по поводу утраты тѣхъ земныхъ и семейныхъ благъ, которыми она щедро пользовалась, живя подъ крыломъ обожавшей ее матери. Но она часто и глубоко тревожилась за настроеніе своей мамы, все помыслы которой всегда были направлены въ сторону тяжелой и суровой жизни любимой дочери.

До пріѣзда своего на Кару и никогда не видѣла Н. А. и мало слышала о ней; тѣмъ свѣдѣніе было впечатлѣніе, полученное мною при знакомствѣ съ этою яркою и красивою натурой. Миѣ въ высшей степени было пріятно видѣть ея ласковое и сердечное ко миѣ отношеніе съ первыхъ же часовъ нашей встрѣчи. А встрѣча эта произошла такимъ образомъ: въ первый день Пасхи 1882 года подвели меня къ воротамъ женской Карійской тюрьмы, впустили во дворъ, гдѣ на крыльцѣ маленькаго домика, служившаго раньше гауптвахтой, встрѣтила меня группа политическихъ каторжанокъ, дотошъ миѣ совсѣмъ незнакомыхъ. Среди нихъ Армфельдъ и Кутигонская какъ-будто особенно заинтересовались мною, я же была рада видѣть всехъ одинаково, такъ какъ за послѣдніе два слишкомъ года была лишена женскаго общества и стеснялась по немъ. Настроеніе было у меня самое веселое, я сейчасъ же стала знакомиться со всѣми и расспрашивать, кто и откуда? Оказалось, что въ этой же тюрьмѣ находилась М. А. Коленикина, по-она лежала больная въ своей маленькой камерѣ. Съ нею я давно была дружна, вмѣстѣ ходили въ народъ въ 74 году. Остальныя обитательницы этой тюрьмы были для меня новыми и неизвѣстными дѣятельницами: Н. А. Армфельдъ, Кутигонская, Богомолецъ, Ковальская, Шехтеръ, Крюковская, Лещернъ, Россикова и Левенсонъ; послѣднія три находились въ то время въ больницѣ.

Тюрьма раздѣлялась на 4 камеры, двери которыхъ выходили въ корридоръ, гдѣ стояла печь съ кубомъ и плитою. Видѣ камеръ удивилъ меня своимъ семейнымъ характеромъ—на окнахъ стояли цвѣты, въ одной изъ камеръ швейная машинка, а въ той, гдѣ помѣщались Армфельдъ и Кутигонская, стоялъ мольбертъ и на столѣ лежала огромная итальянская гармонія.

Мое радостное состояніе при видѣ милаго женскаго общества перешло и ему—разговорились, шутили, смѣялись, и не прошло часу, какъ Армфельдъ играла танцы на своей итальянской гармоніи, а я яростно плясала, перебирая одну даму за другой. Сколько времени продолжалось такое мое возбужденное состояніе, я сказать не могу, но помню, что послѣ послѣдняго моего тура, съ послѣдней изъ моихъ дамъ.

и зашаталась и упала на кучу моего дорожнаго платья, лежавшаго въ углу на полу. Знаю также, что подняться сама я уже не могла, что могучія руки Армфельдъ подняли меня и стиснули въ сосѣдную камеру на чью-то койку.

Оказалось, что, ѣхавши въ распутицу по Шилкѣ, пестъ систахемъ весеннимъ сырымъ вѣтромъ, часто шромская отъ наледи, застывавшей мои сани, и простудилась и въ первый разъ въ жизни схватила плевроитъ лѣваго легкаго.

Первые пять дней, проведенные мною въ постели, рисуются мнѣ совсѣмъ неясными. Помню лишь, что при малѣйшемъ моемъ движеніи днемъ ли, ночью ли надо мною наклонялась огромная фигура Наташи. Она всѣ ночи проводила на полу около койки. Предписанія доктора выполнялись съ точностью, но главной причиной скорого моего выздоровленія былъ мой крѣпкій организмъ. Черезъ нѣсколько дней, постѣ того какъ я стала на ноги, мои сожителиницы поручили мнѣ обязанности старостихи. Мнѣ пришлось знакомиться со вкусами и желаніями каждой изъ нихъ, чтобы попрафить, насколько можно при скромномъ бюджетѣ, требованіямъ здоровья и привычекъ сожителиницъ.

Вотъ тутъ-то мнѣ и пришлось увидѣть, насколько строго относилась Нат. А. къ своимъ потребностямъ; пришлось убѣдиться, какъ эта уступчивая во всемъ дѣвушка непоколебимо отстаивала свое право на лишенія. Ей никогда ничего не хотѣлось, кромѣ чая и чернаго хлѣба. Она даже увѣряла, что ея организмъ лучше себя чувствуетъ при такой постной пищѣ. Отъ молока, отъ сахара къ чаю она всегда отказывалась. Между тѣмъ, эти лишенія не могли не отозваться на ея здоровьѣ. Организмъ ея постепенно истощался, и незамѣтно приближалась роковая развязка. Что же касается одежды, то кромѣ арестантскаго холста и сукна она ничего не носила. Все, что присылала ей ея «мама», а присылала она часто и помногу, Наташа преподносила товарищамъ, себѣ оставляя лишь англійскія книги, карандаши, рисовальную бумагу и краски, пока ихъ не запретили. Всеглашняя забота Анны Васильевны Армфельдъ не только о своей дочери, но и о ея товарищахъ была извѣстна и женской и мужской тюрьмѣ, а потому всѣ безъ исключенія называли ее мамой, и это величаніе переходило отъ однихъ къ другимъ заключеннымъ. Анна Васильевна собирала въ Москвѣ деньги, книги, теплое бѣлье—все необходимое какъ въ тюрьмахъ, такъ и въ вольной командѣ. Всѣ свои личные средства она употребляла на улучшение жизни карійскихъ каторжанъ. Два или три раза сама прѣзжала на Кару и вносила большое оживленіе въ жизнь не только вольнокомандцевъ, но и заключенныхъ.

Уступчивость и мягкость характера Наташи не были ей привоспитаны съ юности, она была слишкомъ любимой и балованной дочерью въ

семьѣ своей, дѣлалось все такъ, какъ она хотѣла, и никто не заставлялъ ее дѣлать такъ, какъ хотѣли другіе. И «мама» и старая слуга, Лариса Васильевна, прѣстовали свою любимицу и шокорились ея желаніямъ. Талантливая, красивая, жизнерадостная, она побѣждала сердца братьевъ, сестры и подругъ своихъ. Все удавалось ей, все улыбалось. Дѣтство и юность ея прошли сплошнымъ свѣтлымъ праздникомъ. Отраженіе того счастливаго времени окрасило всю жизнь Наташи самыми радужными цвѣтами, и въ ней навсегда осталось страстное стремленіе жить лучшими сторонами жизни. Она безраздѣльно любила всѣхъ тѣхъ, кого сердце ея выбирало въ данное время, кто отвѣчалъ ея духовнымъ вкусамъ. И даже, если дѣйствительность не вполне оправдывала ея выборъ, то она въ своемъ воображеніи дополняла положительными качествами любимый ею образъ. Такое отношеніе къ людямъ вызывало перѣдко и разочарованія. Но сердце Наташи не выносило пустоты, и свое пылкое воображеніе и свою чистую любовь она переносила на новую личность, облобованную среди другихъ. Такая безпредѣльная любовь вызывала и безпредѣльное подчиненіе вліянію избранной личности. Къ счастью Наташи, ея чистая благородная натура скоро улавливала отрицательныя черты ошибочно избраннаго «идеала», и съ грустью разставалась она съ нимъ, направляя свои чувства въ сторону другого живого образа ея лучшихъ представленій о человѣкѣ. Она сожалѣла о маленькихъ несправедливостяхъ, совершенныхъ ею подъ вліяніемъ разочаровавшаго ее, но утѣшалась тѣмъ, что все-таки во время своего «обожанія» она чувствовала себя въ мѣрѣ высокихъ чувствъ и мыслей. Она нуждалась въ конкретномъ изображеніи своего оплеченнаго идеала, и это не было слѣдствіемъ институтской привычки «обожать» кого-нибудь, это была, потребность ея нѣжнаго и горячаго сердца, потребность отдавать на служеніе любимому человѣку свои силы непосредственно, облегчать его жизнь всѣми своими способностями. Стоило ей, напримѣръ, замѣтить, что ея «идеаль» желалъ бы расширить свои знанія по иностраннымъ языкамъ, и она не только была готова просиживать цѣлыми часами, помогая разбираться въ практическомъ и грамматическомъ изученіи, но и тотчасъ соображала, какія книги нужно выписать для дальнѣйшаго упражненія въ языкѣ, стараясь, чтобы онѣ были занимательны и по содержанію. Если же она видѣла, что любимый ею человѣкъ прихворнулъ и нуждается дольше оставаться на дворѣ, — всю черную работу: спирку бѣлья, мытье камеры, ношеніе дровъ и т. п. обязанности она выхватывала изъ-подъ рукъ своего «идеала». Счастливая каждой его лаской, его вниманіемъ, каждою минутою, проведенною вмѣстѣ съ нимъ, она не могла жить безъ проявленія взаимной любви и дружбы. Становилась грустной и печальной, когда ей казалось, что она не пользуется взаимностью, ложилась на свою койку головою внизъ, и

Н. А. Армфельдъ.

если не плакала, то глубоко вздыхала. Но стоило любимому человѣку подойти къ ней, начать шутить, смѣяться и, закончивъ свою бесѣду, выйти въ корридоръ и исплясалъ вмѣстѣ за печкой, какъ черная туча оставляла Наташу, улыбка ея небольшого рта придавала блаженное выраженіе всему ея лицу, а глаза сіяли торжествомъ побѣды надъ несчастьемъ. Такая мягкость и нѣжность ничуть не исключали твердости характера и непреклонной рѣшимости Наташи дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ. Надо было видѣть, съ какимъ удивленіемъ Наташа отнеслась къ предложенію присланныхъ изъ Петербурга двухъ чиновниковъ для опроса Лещергъ, Адмфельдъ и Веймара, не желаютъ ли они высказать раскаянія въ своемъ прошломъ ради возвращенія имъ вѣсѣхъ правъ. Она искренно недоумѣвала, какъ могли обратиться къ ней съ подобнымъ предложеніемъ. Она готова была жертвовать собой не только ради избягнутаго ею товарища, но и ради каждаго цуждающагося въ ея самоотверженіи. Нечего и говорить о томъ, что идея общечеловѣческаго счастья была той основой, на которой и проявлялась вся ея общественная дѣятельность, а ея любящее сердце не дозволялось одними отвлеченіями, оно требовало выраженія этого идеала и въ повседневной жизни. Конечно, были и у Наташи свои антипатіи, но она умѣла заставить себя мириться съ ними, разъ она видѣла, что ея рѣзкое къ нимъ отношеніе можетъ нарушить общую гармонию жизни заключенныхъ.

II.

Пріѣхавши на Кару, мнѣ довелось всего одинъ мѣсяць наслаждаться преимуществами, какими пользовалась средне-карійская женская тюрьма. Побѣтъ товарищей изъ мужской тюрьмы вызвали большія репрессіи и у насъ. Мужчины отозвались на репрессіи голодовкой, къ которой присоединились и мы. Никто не провѣлъ пяти дней нашей голодовки такъ весело и бодро, какъ Наташа. Камеры были еще открыты, и мы могли сообщаться, но многія женщины лежали на койкахъ ради сохраненія силъ своихъ. Наташа же была все время на ногахъ, переходила изъ одной камеры въ другую, шутила, оспаривала насъ нашимъ положеніемъ и даже предлагала собираться вокругъ болѣе слабыхъ, затѣвая игру въ карты, казкимъ-то чудомъ еще оставшіяся въ тюрьмѣ. Такое ея бодрое отношеніе къ постигнутому насъ бѣдствію много смягчало тяжесть нашего положенія. Отобранны были всѣ книги. Мольбертъ, гафмешія и швейная машина куда-то исчезли. Цвѣты изъ горшковъ были выброшены. Пришедшая тюремная команда, наконецъ, заперла насъ на замокъ по разнымъ камерамъ, что не обошлось безъ насилія. Выпускали только для очищенія камеръ отъ парашъ и сожрали всѣ

наши хозяйственныя нужды до минимума. Кормили насъ баландой изъ общаго котла и пайкомъ чернаго хлѣба. И при этихъ условіяхъ Наташа отличалась своимъ дѣятельнымъ характеромъ, вѣчно пекущимся о нуждахъ своихъ сосѣдокъ. Она же изловчалась выскакивать на дворъ, чтобы полить свои гряды съ разными овощами, уже покрытыми пышною зеленью. Надо сказать, что въ маленькомъ дворѣ тюрьмы-гауптвахты Наташа еще раннею весною, когда еще женщины не были лишены относительной свободы, устроила небольшой, но рациональный огородъ. Гряды были пышныя, удобренныя и покрытыя хорошимъ черноземомъ. Изъ Москвы «мама» прислала ей отгородныхъ сѣмянъ, годныхъ для сѣвернаго климата, и уже въ концѣ мая гряды красовались зеленью редиса, огурцовъ, рѣпы, моркови и другихъ овощей. Ухаживала она за своимъ огородомъ ревностно и съ любовью. Онъ былъ у нея въ образцовомъ порядкѣ. Каково же было ея огорченіе, когда вскорѣ послѣ голодовки пришла тюремно-казацкая команда и объявила намъ объ исходѣ изъ Средне-Карійскаго прииска въ Усть-Карійскіе карцера.

Это было въ серединѣ лѣта. Огурцы не только цвѣли, но и показались уже маленькіе огурчики, редисъ можно было уже потреблять. При видѣ всей этой роскоши, остающейся въ рукахъ тюремщиковъ и казаковъ, сердце Наташи не выдержало такого поруганія надъ ея питомникомъ, она набросилась на свои гряды и въ нѣсколько минутъ повыдергала и разбросала всѣ растенія и оставила гряды пустыми. Сцена была комична и полна трагизма.

За воротами стояло нѣсколько четырехколесныхъ дрогъ, запряженныхъ волами, и большой нарядъ конвойныхъ казаковъ.

Едва прикрытыя лѣтнею арестантскою одеждою, лишеныя пожительно всѣхъ собственныхъ вещей, размѣстились мы по двое—по трое на голыхъ доскахъ дрогъ и тихимъ маршемъ длинной процессіей оставили Среднюю Кару.

На Усть-Карѣ наступила холодная, голодная жизнь трехмѣсячнаго карцернаго положенія. Мы были лишены всякой духовной пищи, питались же исключительно баландой и черной пайкой. Боясь цынги, мы рѣшили испробовать арестантскія щи съ картофельной ботвой вмѣсто капусты. На карійскихъ промыслахъ не было въ то время арестантскихъ огородовъ, сажали одну картошку и то въ маломъ количествѣ, но, такъ какъ каждую весну цынгою заболѣвала чуть ли не половина всѣхъ уголовныхъ (а ихъ было около 4,000 чел.), то начальство, желая помочь торю, приказало носить картофельную ботву, солить на зиму и употреблять вмѣсто капусты.

Какъ арестанты справлялись съ этимъ кушаньемъ, мы не знали, но, попробовавъ два раза такихъ щей, отказались имѣть съ ними дѣло вслѣдствіе сильной тошноты, которую они вызывали. Мы предпо-

читали баланду съ ячменной крупой, которая плавала, по выраженію арестантовъ, «съ дубиною кручина за крупиною», настолькоъ мало было этихъ крупъ въ мутной жидкости. Всѣ три мѣсяца наши камеры—стойла были въ замкахъ. Отворялись только по утрамъ для уборки, въ полдень для принятія обѣда и вечеромъ для послѣдней уборки. Каждая изъ заключенныхъ старалась использовать эти минуты свободы ради своихъ личныхъ нуждъ. Наташа же, быстро справившись со своими, подбѣгала къ камерамъ своихъ друзей и шутками и комическимъ изображеніемъ нашего плачевнаго положенія не давала намъ придавать ему трагическаго значенія. Послѣ всѣхъ шутокъ и прибаутокъ она обыкновенно говорила: «Погодите, скоро начнемъ опять обрастать мохомъ» и при этомъ звонко смѣялась, перебѣгая отъ камеры къ камерѣ. Въ это время сама она представляла фигуру, достойную наилучшаго карандаша... Высокая, стройная, съ прекраснымъ оваломъ лица и сіяющими темными глазами, съ вьющимися темно-русыми локонами на плечахъ, съ быстрыми, но красивыми движеніями, Наташа, одѣтая въ чиряки на босую ногу, въ холщевую юбку, едва прикрывающую колѣна, въ посконной рубашкѣ, не закрывающей ни рукъ, ни шеи, въ сукошной распоротой юбкѣ, накинутой на плечи, дабы прикрыть излишнюю наготу—напоминала собою американскаго индѣйца, радостно готовящагося къ бою. Даже хмурые по обязанности жандармы и казаки не могли относиться сурово къ ея «вольностямъ» и улыбались исподтишка, глядя на ея оригинальную и красивую даже въ уродливомъ нарядѣ фигуру.

Прошло три мѣсяца жестокаго режима, разрѣшили пользоваться нашими деньгами и книгами, разрѣшили принимать заказы на ручныя работы. Веденіе хозяйства снова было передано въ наши руки. Мы покупали провизію въ сырсмъ видѣ и готовили сами обѣды и покли хлѣбы. Ржаную муку мы обмѣнивали на пшеничную въ половинномъ размѣрѣ. Наташа и тутъ взяла на себя нелегкую обязанность—печь пшеничныя булки, составлявшія большое подспорье въ нашемъ скудномъ питаніи, и умѣло выполняла свое дѣло. Она же и варила обѣды, чередуясь по недѣльню съ С. А. Лешернъ.

Стирка бѣлья также была ея специальностью. Она мыла не только свое, но и брала бѣлье больныхъ и не умѣвшихъ стирать и каждую недѣлю устраивала «большую стирку». Мытье половъ нѣсколькихъ камеръ, приведеніе въ порядокъ опромнаго корридора было также дѣломъ ея рукъ. Часто, схвативъ метлу, она очищала и нашъ дворъ отъ сора и грязи. Всѣ эти работы она совершала ловко, быстро и весело. Нерѣдко парочно подбѣгала къ нимъ въ минуты меланхоліи или неудовольствія на кого-либо. Въ часы свободные отъ этихъ работъ ее можно было видѣть въ ея камерѣ съ какою-нибудь изъ ближнихъ ей подружекъ съ англійской книжкой Шекспира или Диккенса, терпѣливо перечитывающей одиѣ.

и тѣ же страницы для того, чтобы изучить произношенію и помочь изученію словъ и оборотовъ языка. Въ другой разъ она слушала уже французское чтеніе, помогала переписать Дюда или Флобера и прямо смѣялась вмѣстѣ со своею ученицею то надъ неуклюжимъ переводомъ ученицы, то надъ забавными сценами остроумныхъ писателей. Сама Наташа любила изящную литературу. Она изучила Шекспира въ перелатинникѣ, всего Диккенса, знала хорошо Байрона и вообще предпочитала английскую литературу другимъ. Часто передавала въ своемъ ирривосе-остроумномъ изложеніи самыя изящныя сцены изъ шекспировскихъ драмъ, и слушательницы, вмѣсто того, чтобы проливать слезы, смѣялись неудержимо. Иногда она брала карандажъ, рисовала втихомолку карриатуры на всѣхъ насъ и на разныя тюремныя событія, показывала кому-нибудь изъ насъ, а затѣмъ это произведеніе дѣлалось достояніемъ всей тюрьмы и всѣхъ потѣшало. Обаяніе Наташи простиралось даже на нашу надзирательницу (жену одного изъ жандармовъ), и случилось однажды, что въ камерѣ Наташи раздались звуки гармоніи. Многихъ это привело въ восторгъ, стали собираться въ ея тѣсную каморку, и даже пѣлись «русскою».

Едва началась весна. Снѣгъ становится мягкимъ, и солнце пригрѣвало его, особенно у подножій «шалей»*); Наташа уже съ помощью Магомета лопату, отребала снѣгъ и рыхлила землю для будущаго подобія огорода. Черезъ ту же надзирательницу доставила огородныя сѣмена, сѣяла ихъ въ ящичкахъ, ставила на окно въ коридорѣ, а когда установилось тепло, то высаживала рассаду на взрыхленную полосу подъ полями. Она поливала свои растеньица, оберегала ихъ отъ насѣкомыхъ, радовалась каждому новому листочку, но, несмотря на этотъ тщательный уходъ, «огородъ» ея былъ чахлый, поднимался очень медленно и подавалъ совсѣмъ мало надеждъ. Земля во дворѣ была песчаная и солнца было мало. И все-таки это жалкое подобіе огорода вызывало интересъ всей нашей публики. Ни одна прогулка не обходится безъ того, чтобы гуляющіе не подходили къ заштѣной полоскѣ, разглядывая каждый стебелекъ, каждый листокъ, обсуждая возможность увидѣть редиску съ кедровый или лѣсной орѣхъ, радуясь появленію цвѣта на огурцахъ. Предположеніямъ и иреніямъ не было конца, и Наташа принимала въ нихъ самое горячее участіе. Не покидала увѣренность, что въ концѣ августа мы увидимъ подобіе огурца, рѣпки и другихъ рѣдкостей. Увы! Не довелось и этому огороду созрѣть до конца. Въ одинъ изъ скверныхъ дней, лѣтомъ 1883 года, явились въ нашу тюрьму два петербургскихъ чиновника и стали они читать намъ представленія заключеннымъ. Очевидно, возраженія послѣднихъ чинов-

*) Высокій бревенчатый частоколь, вокругъ тюрьмы.

никакъ не понаравивались. Они вышли недовольные, а черезъ нѣсколько минутъ мы почувствовали послѣдствія ихъ гнѣва,—пришелъ старый жандармъ и объявилъ, что ихъ благородія приказали отнять букетики полевыхъ цвѣтовъ—даръ служителя Магомета,—стоявшій на столѣ въ корридорѣ; а еще приказали уничтожить опородъ плодовъ пальми. Когда мы на другой день вышли на прогулку и снова подошли къ завітной полоскѣ—растеньица валялись разбросанныя, увядшія, безжизненные. Я взглянула на Наташу: въ ея глазахъ были слезы.

Н. А. Армфельдъ любила все живущее. Сама она не сорвала бы ни одного цвѣтка, не истребила бы ни одной букашки, а когда ей попалась на глаза жалкій червячокъ, она бережно брала его на ладонь, любовалась сама и всѣхъ насъ заставляла проникаться восхищеніемъ къ этому существу, описывая его свойства, достоинства и красоты. Собаки, лошади были предметомъ ея дѣтскихъ восторженныхъ воспоминаній, и чѣмъ выше существо поднималось по лѣстницѣ живущаго міра, тѣмъ, конечно, оно было цѣннѣе для ея ума и сердца. Если она не любила всѣхъ людей одинаково, то лишь потому, что и общество людское представляетъ собою не одинаковую среду. За то все, что она находила въ людяхъ хорошаго, восхваляло ихъ одинаково въ ея глазахъ.

Свою семью она нѣжно любила, а маму уважала глубоко, какъ прекрасно просвѣщеннаго человѣка, какъ безгранично-любящую мать, умѣющую по достоинству оцѣнить благородные стимулы своей дочери и раздѣлять любовь къ ея товарищамъ.

Любила она сестру свою, осиротѣвшую послѣ трагической смерти своего мужа, естествоиспытателя Федченко, попибавало въ швейцарскихъ Альпахъ во время изслѣдованія имъ ледниковъ. Кабинетный портретъ, гдѣ изображена была госпожа Федченко со своимъ шестилѣтнимъ сыномъ Борисомъ (впослѣдствіи также ученымъ естествоиспытателемъ), доставлялъ Наташѣ большое наслажденіе. Каждый разъ, когда она заговаривала о своихъ родныхъ, она вынимала изъ сокровеннаго мѣста прекрасный портретъ своей мамы и портретъ сестры и, глядя на нихъ, рассказывала эпизодъ за эпизодомъ изъ своей семейной жизни. Въ этихъ рассказахъ не малую роль играла старая слуга—экономка Мариса Васильевна, всегда присылавшая Наташѣ усердные поклоны въ письмахъ «мамы» и получавшая взамѣнь много нѣжныхъ словъ. Не такъ бесѣды были ея воспоминанія о братьяхъ. Съ старшимъ изъ нихъ, знакомомъ и любителемъ сельскаго хозяйства, извѣстнымъ скотоводомъ Н. Армфельдомъ, у Наташи немного было общаго, она уважала его, какъ честнаго человѣка и безкорытнаго труженника, но онъ не принималъ участія въ ея идейной жизни. Совсѣмъ иныя отношенія у нея были къ ея младшему брату, о которомъ она не могла говорить иначе, какъ съ вѣчною грустью, всегда опечаленная его преждевременною смертію. Съ

кныхъ лѣтъ полиція его преслѣдовала. Много разъ арестовывала, вынуждала скрываться цѣлыми мѣсяцами и довела до того, что молодой человѣкъ впалъ въ чахотку и умеръ, едва достигши двадцатилѣтняго возраста. Наташа рисовала его кроткимъ, нѣжнымъ, всегда мечтающимъ о благѣ человѣчества. Она, чувствуя въ себѣ силу перенести всяческія гоненія, точно сознавала себя виновною въ томъ, что не смогла поддержать бодрость духа своего любимаго брата, не уберегала его отъ чуждой злой воли. Воспоминанія объ этомъ братѣ были самыя для нея печальныя.

III.

Съ прїѣздомъ на Кару Татьяны Ивановны Лебедевой, дѣятельность Наташи удвоилась. Татьяна Ивановна была ея одноклассницею по московскому Николаевскому институту. Онѣ дружили уже тогда. Во время образованія въ Москвѣ революціонныхъ кружковъ, когда обѣ онѣ вышли изъ института, молодя дѣвушки особенно сблизились, пріиклились полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ другъ къ другу. Понятно, что радость обѣихъ при встрѣчѣ на Карѣ была велика, а Наташина, при ея экспансивной натурѣ, была даже восторженна. Но ей, какъ и всѣмъ другимъ, знавшимъ Татьяну Ивановну раньше, пришлось побороть чувство, близкое къ ужасу, при видѣ той спрашной перемѣны, какаѣ постигла Лебедеву за время ея сидѣнія въ Петропавловской крѣпости. Ея изможденный болѣзненный видъ, слабость движеній сразу опредѣлили ея мѣсто среди насъ, какъ опасно больной, и Наташа тотчасъ же отдалась дѣлу ухода за своей больной подругой.

Хотя Татьяна Ивановна была изъ натуръ, не любящихъ принимать услуги и заботы другихъ, хотя она по мѣрѣ силъ своихъ старалась сама дѣлать все для себя и даже старалась войти въ положеніе своихъ товарокъ, но силы ея были столь слабы, каждое усиліе стоило ей столь большого напряженія, что приходилось тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы не допускать ее до сколько-нибудь тяжелыхъ работъ. Понятное дѣло, что всѣ такія работы брала на себя Наташа. Не бросая своего кухоннаго дѣла, она слѣдила за камерой Татьяны Ивановны Лебедевой и какъ только ей казалось, что та нуждается въ помощи, подходила неслышными шагами въ своихъ мягкихъ чирикахъ и предупреждала всякое желаніе больной. Приходилось перевязывать цыпготныя раны на ногахъ больной, подать умыться, поправить постель и много другихъ заботъ прилагать въ теченіе дня, а часто и ночи... Наташа терпѣливо выносила раздраженіе больной и маленькіе капризы, вызываемые нестерпимыми болями ея сложныхъ болѣзней; на все это Наташа отвѣчала шутками, нѣжнымъ тихимъ смѣхомъ и ласками.

Но вотъ пріѣхала наша красавица Анна Павловна Корба. Какъ человѣкъ въ высшей степени деликатный и мягкій въ обращеніи съ людьми, она тоже приняла участіе въ уходѣ за больной Т. Ив. Лебедевой. Она дѣлала это такъ ловко и нѣжно, что Т. Ив. очень скоро оцѣнила новую сидѣлку. Съ этихъ поръ за нею ухаживали обѣ подруги.

Вскорѣ тюрьма наша праздновала пріѣздъ Прасковьи Семеновны Ивановской, близкаго друга Анны Павловны Корба. Свѣтлая личность прекрасной дѣвушки внесла много радостнаго въ нашу жизнь, но, пожалуй, больше друтихъ выпирала отъ ея присутствія Наташа. Обѣ выскія, еще здоровыя и сильныя, онѣ, казалось, легко переносили лишенія тюрьмы и своимъ бодрымъ веселымъ видомъ вселяли бодрость въ сердца остальныхъ. вмѣстѣ онѣ подолгу гуляли въ тюремномъ дворѣ, вспоминали Москву, гдѣ онѣ раньше были знакомы, и всегда такъ оживленно, что смѣхъ ихъ и шутки покрывали всю мрачность тюрьмы. Наташѣ оставалось меньше времени грустить и печалиться о мнимомъ разнородіи къ ней ея «идеала», и она рѣже стала тыкаться головою въ свою подушку, изображая фигуру отчаянія. Такъ продолжалось все время до моего отъѣзда съ Кары. Уѣзжая, можно было быть спокойной за то, что больные и немощные товарищи не будутъ предоставлены на произволъ собственного безсилія, что надъ ними всегда будетъ бодрствовать духъ любви и неустаннаго вниманія.

Благотворное вліяніе счастливаго характера Наташи распространялось въ значительной степени и на мужскую тюрьму. И прозой и стихами она писала оригинальнѣйшія письма своимъ корреспондентамъ. Въ ея письмахъ не было мѣста ни меланхолии, ни жалобамъ на скверное настроеніе. Эти чувства она умѣла оставить при себѣ, къ людямъ же она обращалась радостной стороной своей души. Она шла навстрѣчу имъ все лучшее, что было въ ея умѣ и сердцѣ. И люди любили ее и не могли себѣ представить, чтобы какая-нибудь черная мысль или злобное настроеніе коснулось ея чистой души.

Послѣ моего отъѣзда съ Кары въ 1884 году, послѣ нашего трогательно-мучительнаго разставанія у воротъ тюрьмы мнѣ не суждено было больше видѣться съ Наташею. Наша переписка, первый годъ такая оживленная благодаря злоупотребленію завѣдующаго капитана Бурлея (усердно опустошавшаго нашъ цейхаузъ), стала сокращаться и совѣмъ прекратилась къ концу второго года нашей разлуки. Но мнѣ удалось однажды написать ей откровенное письмо благодаря заѣхавшему въ Селенгинскъ Джорджу Кеннану, по дорогѣ изъ Иркутска на Кару. Онъ самъ предложилъ передать ему и письма и посылки для передачи карійскимъ заключеннымъ. И несмотря на все затрудненія, какія ставила ему карійская администрація, онъ все-таки пробрался въ одну изъ избушекъ вольнокомандирѣ, гдѣ ему устроили свиданіе съ Наташей. Ей онъ собственно-

ручно передать и мое посланіе и всѣ бездѣлушки, посланныя мною друзьямъ. Наташа всласть наговорила съ нимъ по-англійски къ нѣкъ обоюдному удовольствію о чемъ Кеннанъ не преминулъ упомянуть въ своихъ запискахъ. «Мама» ея писала мнѣ довольно часто въ Селенгинскъ, гдѣ и была на поселеніи.

Сначала она писала мнѣ съ Кары, куда она пріѣхала къ своей дочери въ годъ ея выхода изъ тюрьмы въ вольную команду. Анна Васильевна купила ей избушку, обставила ее необходимою хозяйственною утварью и приобрѣла корову, чтобы сколько-нибудь возстановить здоровье Наташи. Совсѣмъ истощенная за время долгой тюрьмы, гдѣ она отказывалась питаться чѣмъ бы то ни было другимъ, кромѣ казеннаго обѣда, состоявшаго изъ похлебки и «дубовой» каши (грубая ячменная каша) и чернаго хлѣба, Наташа сильно ослабѣла. Еще до моего стѣзла изъ тюрьмы внѣшній видъ ея внушалъ серьезныя опасенія. Она сильно похудѣла, цвѣтъ ея лица сталъ желтый, выглядѣла она много старше своихъ лѣтъ. Мы усиленно убѣждали ее отказаться отъ ригоризма по отношенію къ питанію, но никакія просьбы, мольбы и даже угрозы не могли подѣйствовать на нее.

Анна Васильевна застала Наташу въ вольной командѣ уже замужемъ въ Комовымъ, судившимся по большому процессу 193-хъ и вторично по другому процессу, когда его приговорили къ каторгѣ, которую онъ отбылъ и вышелъ въ вольную команду почти одновременно съ Наташей. «Мама» устроила молодую чету со всѣмъ доступнымъ тамъ комфортомъ и вернулась въ Москву въ полной увѣренности, что Наташа опрাসится, принесетъ ей внука, и счастливая бабушка послѣдніе дни своей многострадальной жизни узнаетъ, наконецъ, что такое отдыхъ отъ страданій и радость отъ счастливыхъ событій.

Но этому не суждено было случиться. Какой-то злой рокъ преслѣдовалъ прекрасную семью Армфельдъ.

Изъ Москвы Анна Васильевна все чаще стала упоминать о своемъ нездоровьѣ, просила писать ей чаще, жасовалась на то, что письма съ Кары доходятъ рѣдко и скудны содержаніемъ. Наташа дѣйствительно ожидала ребенка, но здоровье ея слабѣло съ каждымъ днемъ. Наконецъ, я получила извѣстіе о томъ, что у Анны Васильевны родилась внучка. Дѣвочка была такъ слаба, молоко матери никуда не годилось, что на семейномъ совѣтѣ рѣшили новорожденную перевезти въ Москву, для чего и послали на Кару Ларису Васильевну, ту самую преданную женщину, которая нянчила и баловала ребенкомъ еще Наташу. Случилось нѣчто необычайно трагическое. Не доѣхала Лариса Васильевна до Кары, какъ Наташа уже скончалась, по признанію докторовъ, отъ горловой чахотки. Великъ за шею болыная Анна Васильевна умерла въ Москвѣ, не узнавъ о смерти своей дочери. Малышка же

была настолько слаба, что едва Лариса Васильевна взяла ее на свое попечение и отъѣхала съ нею отъ Кары два-три станка, какъ дѣвочка скончалась, и пришлось вернуться съ трупомъ на Кару, чтобы похоронить его рядомъ съ матерью.

Эти горестныя событія, быстро слѣдующія одно за другимъ, били по сердцу тяжелымъ молотомъ. И на Карѣ и на поселеніи друзья семьи Армфельдъ почувствовали себя осиротѣвшими. Къ ихъ несчастью, страшныя событія послѣдовали вскорѣ послѣ исчезновенія дорогой всѣмъ намъ семьи Армфельдъ, наступили самые черныя дни, то кошмарное время, когда заключенные вынуждены были варварскими къ нимъ отношеніемъ начальства прибѣгнуть къ самоубіенію посредствомъ яда и револьверовъ.

Цѣлые годы продолжалось такое мучительное состояніе каторжанъ карійцевъ и кончилось оно тѣмъ, что Карійская политическая тюрьма была раскассирована по разнымъ каторжнымъ тюрьмамъ Нерчинскаго округа, гдѣ каждая группа управлялась жестокимъ режимомъ, по усмотрѣнію того или другого начальника. Объ этомъ уже писали лично переживавшіе эти ужасы и вѣроятно будутъ еще писать многіе, оставшіеся въ живыхъ.

III. Т. И. Лебедева.

1.

Онѣ всѣ три стоятъ передо мной, успешнѣе и всегда присутствующія, высоко чтимыя современницы родныхъ дней нашихъ. Вотъ С. А. Лешернъ: средняго роста, коренастая, съ сильно бѣлокурой головой, съ лицомъ бѣлымъ, нѣжно-румянымъ, украшеннымъ бирюзовыми ясными какъ у дѣтей глазами, всегда прямо, открыто смотрящими на собесѣдника. Медленныя плавныя движенія, тихая, но увѣренная поступь, голосъ ровный, отчетливо произносящій недлиныя рѣчи. Типъ и по внѣшности вполне опредѣленный: увѣренный въ себя, въ своемъ положеніи, въ своей предопредѣленности. Типъ женщины, гордой сознаниемъ своего достоинства.

Вотъ Н. А. Армфельдъ, высокая-армявысшая, стройная, тонкая, быстрая—вся движеніе, стремленіе впередъ: на работу, на помощь, на борьбу. Всегда одинаково готовая въ полнотѣ неизятыхъ силъ, ключущихъ въ молодой благородной груди. Блѣдный, съ рѣдко выступавшимъ румянцемъ, овалъ ея лица, нѣсколько обострившійся у подбородка, давалъ красивый римскій профиль съ правильно очерченнымъ носомъ съ горбинкой, разрѣзомъ тонкихъ губъ, тонкой красивой бровью. Но лучше всего были ея глаза, вызывавшіе наружу всю пре-

лесть ея души. Эта душа, полная духовныхъ сокровищъ, сливалась, dribилась, переливалась, какъ ртуть, въ своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ. И глаза не переставали передавать наружу всё мельчайшіе оттѣнки ея движеній. И то горѣли молниеноснымъ блескомъ, то свѣтились мягкимъ огнемъ, то становились темными, точно задернутыми густой завѣсой, и постепенно прояснялись, привѣтливо, радостно юсѣняя все лицо, уже озаренное улыбкой. Вьющіеся волосы дополняли красоту дѣвушки. Да, этотъ типъ женщины сразу вызывалъ представленіе о благородной, о могучей красотѣ, о силѣ одухотвореннаго тѣла, о высшей земной поэзіи, доступной лишь вкусамъ изящнымъ. Это была увѣренность въ силѣ, данной самой природой и потому смѣлой и непобѣдимой.

А вотъ и Тат. Ив. Лебедева. Ее много труднѣе очертить. Въ ней не было стихійности, не было той внѣшней опредѣленности, и не только въ ея физическомъ строеніи, но и въ тѣхъ видимыхъ индивидуальных особенностяхъ, по которымъ можно быстро составить себѣ понятіе о характерѣ человѣка. Скорѣе малаго роста и вообще нѣжнаго сложения, Т. И., очевидно, съ юныхъ лѣтъ не пользовалась хорошимъ здоровьемъ. Цвѣтъ лица былъ желтоватый, на рукахъ коричневья пятна попеременно съ бѣлыми безцвѣтными доказывали неправильное состояніе сердца, а размѣренность, даже сдержанность движеній—отсутствіе физической энергіи тѣла. Но всё эти робкія стороны ея внѣшности исчезали предъ двумя явленіями, поражавшими при первомъ взглядѣ на нее: черные какъ смоль волосы, волнистые и густые, покрывали голову роскошной шапкой и придавали всей фигурѣ нѣчто таинственно могучее. Откуда это? Это впечатлѣніе усиливалось черными же какъ смоль глазами, небольшими, но столь опредѣленно очерченными, столь много содержащими въ себѣ спокойно горящаго внутренняго свѣта, что казалось, будто въ нихъ заложены разъ навсегда зажженные звѣзды. Эти волосы и эти глаза преобразжали Т. Ив., и трудно было примирить слабость ея тѣла съ такой могучей красотой ея волосъ и глазъ. Я была совсѣмъ поражена, увидя ее впервые, и долго всматривалась прежде, чѣмъ сумѣла говорить.

Т. И. Лебедева принадлежала къ организаціи чайковцевъ московскаго кружка. Была привлечена къ процессу 193-хъ, нѣкоторое время прожила на порукахъ, а въ 1877 году, когда начался судъ надъ ея сопроцессниками, водворена была въ Домъ предварительнаго заключенія, гдѣ я съ ней и познакомилась. За пять мѣсяцевъ суда мы и на прогулки выходили группами и могли посѣщать другъ друга по камерамъ, и вотъ однажды дверь мою открыли, и вошла ко мнѣ дѣвушка—точно видѣніе.

Вся она будто восковая, а глаза горятъ интенсивнымъ звѣзднымъ огнемъ, а черная грива волной рассыпается. Я залюбовалась... Посѣщеніе

было вызвано прозаическими мотивами, всё готовились къ осылкѣ, и нашъ Красный Крестъ забился о томъ, чтобы снабдить каждаго необходимымъ. Въ то время Крестомъ этимъ завѣдывала, главнымъ образомъ, извѣстная и потомъ общественная дѣятельница, одна изъ выдающихся членовъ кружка Чайковскаго—Александра Ивановна, урожденная Корнилова. Она то и направила ко мнѣ Т. Ив-ну съ запросомъ, въ чемъ я особенно нуждаюсь. Пока мы говорили, я не опускала глазъ со своей собесѣдницы. Она ушла, взявшись пошить для меня на машинкѣ необходимую теплую вещь. Эта работа потребовала дальнѣйшаго общенія между нами. Мы видѣлись нѣсколько разъ и разговаривали. Т. Ив. очень сдержана, и въ бесѣдахъ со мной о себѣ говорила очень мало, отвѣчала на вопросы коротко и даже не дѣлилась своими взглядами и убѣжденіями. О ея прошломъ я ничего не знала, видѣла только, что какъ членъ организаціи она пользовалась безусловнымъ уваженіемъ. Вблизи знавшіе любили ее.

Только потомъ, понавѣ во второй разъ на Кару, узнала отъ Нат. Ал. Армфельдъ многое, что помогло мнѣ уяснить себѣ двойственность перваго впечатлѣнія отъ встрѣчи съ Таней. Она рано лишилась родителей, была отдана въ московскій Николаевскій институтъ, гдѣ и провела всѣ годы ученія. Неврѣзкаго здоровья, скромная по натурѣ, она, очевидно, не противилась той дрессировкѣ, какой подчиняютъ дѣвицъ въ казенныхъ заведеніяхъ, и усвоила себѣ ту сдержанность и свѣтскую дисциплину манеръ, какая у Наташи, на примѣръ, живой по природѣ, простой, за исключеніемъ классныхъ часовъ жившей на привольѣ въ просвѣщенной домашней обстановкѣ,—совершенно отсутствовала. Привычка къ свѣтской корректности сказывалась у Т. Ив. особенно при соприкосновеніи съ мало ей знакомыми людьми; но она и вообще не оставляла ее. Потомъ на каторгѣ, при самой труппой матеріальной обстановкѣ, изящество манеръ строгое къ себѣ Т. Ив. носило оттѣнокъ «гостиной» въ наши маленькія собранія. Распуценность и вообще не допускалась, но ея присутствіе какъ бы приглашало всѣхъ насъ сидѣть прямо, выржаться скорѣе изысканно.

При поверхностномъ знакомствѣ съ этой рѣдкой дѣвушкой трудно было себѣ представить, сколько духовной силы таится въ ея труднѣ, сколько яснаго пониманія взятой на себя задачи въ ея кучерявой головкѣ, какой неутощаемый огонь мужества и самоотверженности въ ея звѣздныхъ круглыхъ глазахъ

Голосъ Мицурова. № 10—12.

Т. И. Лебедева.

По нашему процессу (193-хъ) Т. И. Лебсдевой зачли годы предварительнаго сидѣнія, она вышла изъ тюрьмы еще раньше окончанія нашего суда, длившагося цѣлыхъ пять мѣсяцовъ. Послѣ этого она надолго исчезла съ горизонта, доступнаго моему созерцанію. Высланная въ Сибирь, живя при контролѣ каждаго движенія и каждаго письма моего, я потеряла изъ виду большинство соратниковъ своихъ. Ихъ строго конспиративная работа дѣлала совершенно неизвѣстными мѣста ихъ жительства, родъ занятій, назначеніе ихъ тайныхъ функцій. Личности исчезли, онѣ слились въ великую революціонную партію, давшую своимъ историческіе отроки: землевольчество, народовольчество, чернопередѣльство и пр. О нихъ мы знали, къ нимъ мысленно примыкали, выбирая себѣ направленія наиболѣе соответствующія уму и сердцу, и жили въ трепетномъ ожиданіи возможности лично примкнуть къ дружинѣ, ставшей за народное право. Очень рѣдко удавалось прослѣдить судьбу того или другаго борца, остановившаго на себѣ особенное вниманіе своей предшествовавшей дѣятельностью. Обѣ стороны, правительство и революція, такъ зорко слѣдили другъ за другомъ, что конспирація достигла виртуозныхъ степеней. Ближайшіе люди часто ничего не знали другъ о другѣ. Между тѣмъ, все, что было болѣе зрѣлаго умомъ и сильнаго духомъ среди выпущенныхъ на волю во время суда по большому процессу, примкнуло къ теченію Народной Воли и вошло въ самый центръ ея организаціи.

Выросли, казавшіеся нѣкогда скромными, правитные характеры; и то, что казалось нѣжнымъ цвѣткомъ, тепличнымъ растеніемъ, превращалось въ мощныя пальмы, крѣпкія какъ сталь, подъ открытымъ небомъ свѣтлой рѣшимости, подъ свѣжимъ дыханіемъ спокойнаго мужества, страшными ударами неожиданныхъ препятствій. Душа, взлетѣвшая однажды надъ суетой мѣщанской жизни, цѣла инья, небесныя пѣсни, растворялась въ мощной поэзіи мірской любви. Она достигла тѣхъ высшихъ предѣловъ сознанія, гдѣ не оставалось мѣста ни грубому эгоизму, ни мелкой зависти, ни жалкому самолюбію, вѣчно занятому вопросомъ: на почетномъ ли мѣстѣ я возсѣдаю? Не сидитъ ли кто выше меня? Это былъ подъемъ не только героическаго характера, какъ его понимаютъ въ смыслѣ отважной борьбы съ громадно-сильнымъ врагомъ, подъемъ, требующій чрезвычайнаго временнаго напряженія силъ, необходимыхъ для одолѣнія, требующій напряженія существа нашего на тотъ или иной предметъ борьбы. Нѣтъ, это былъ полный переходъ изъ одного міра въ другой; полное оставленіе ветхаго человѣка ради жизни въ новозавѣтномъ мірѣ. Оставь отца и мать, жену, дѣтей, всѣ блага земли, всѣ надежды на наслажденія ими. Оставь все это не ради награды по ту ли, эту ли сторону, не ради признанія толпы, исторіи, религіи. Нѣтъ!

Пребываніе въ чистой атмосферѣ у дѣла, гдѣ власно царитъ великая мысль человѣка, гдѣ весь его духовный запасъ находитъ про-

сторъ и свѣтлый привѣтъ, гдѣ лучшія запросы души его встрѣчаютъ примѣненіе и поощреніе, гдѣ онъ можетъ любить безъ мѣры и конца, не опасаясь, что любимое имъ человѣчество оболжетъ его довѣріе,—само по себѣ давало удовлетвореніе, ни съ чѣмъ не сравнимое по силѣ связей. Довольство, сопряженное съ пребываніемъ въ столь счастливой атмосферѣ, само по себѣ манило людей, искавшихъ чистаго источника, могущаго утолить жажду души ихъ.

Высокій духовный подъемъ семидесятыхъ годовъ обусловливался, конечно, причинами большого историческаго значенія: обнаженіе стародавнихъ грубо-варварскихъ формъ общезжитія съ одной стороны, и овѣтъ, пролитый новой наукой, правильно освѣщавшей социальныя вопросы, съ другой стороны—плодили послѣдователей ученія Чернышевскаго и Добролюбова, дававшихъ въ книгахъ своихъ отвѣты на высокіе вопросы религіозно-настроенныхъ душъ.

Отъ предразсудочныхъ вѣрованій молодые умы быстро переходили къ вѣрованіямъ, опиравшимся на знаніе дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, реальная причинность высокаго подъема духа ничуть не исключала его значенія, какъ состоянія высшаго блага, доступнаго человѣку, столь высокаго блага, что никакія условія, могущія исказить жизнь, затормозить нормальное пользованіе ею, не могли умалить не только сознанія своей правоты, но и чувства наслажденія этою правотою. Люди страдали, ощущали боль, голодъ, истощеніе, тоску при потерѣ товарищей, гнѣвались, негодовали, умирали въ мучительномъ одиночествѣ—но надъ всѣми этими муками властно носилось сознаніе: «я лучшую долю избралъ».

Типичнѣйшимъ человѣкомъ такого духовнаго состоянія была среди насъ Т. И. Лебедева. Хрупкая тѣломъ, проведенная юность въ узкихъ рамкахъ стѣснительныхъ условностей, рано познавшая терниі пути русскаго революціонера, отдавшая всю недолгую жизнь свою исключительно дѣлу революціи—она являлась до конца дней своихъ нагляднымъ мартирологомъ прирожденнаго борца за правду. Жизнь дала ей одну тяжесть, непрестанныя лишанія и мученія; ея тѣло тянуло скорбное существованіе, ея строгія къ себѣ требованія ставили ее внѣ жизненныхъ усладъ. И все это не мѣшало Таничкѣ быть самой милой и интересной, я бы сказала—прелестной дѣвушкой. Она не только чуяла сердцемъ своимъ, она и умомъ своимъ понимала, знала, что ея путь есть лучшій; что на немъ она сумѣетъ отточить таланты души своей и что, оставляя позади себя свой міръ, скажетъ съ увѣренностью: «все, что было цѣннаго во мнѣ, я ему оставила безъ утайки. Я свой долгъ предкамъ своимъ уплатила».

Но, вѣдь, приходилось не только горѣть огнемъ вдохновеннаго борца, надо было и жить самой обыденной жизнью; благодаря конспиративной работѣ, приходилось принимать на себя новыя неиспытанныя

положенія—то простой работницы, то беззаботной обывательницы, то хлопотливой хозяйки. Приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными сословіями, съ самыми причудливыми условіями, и всегда быть именно тѣмъ типомъ, личину котораго надо было изобразить. Успѣшному выполненію такой трудной задачи Татьяной много помогала ея находчивость, ея недюжинный умъ, умѣвшій быстро ориентироваться во всѣхъ обстоятельствахъ, и, кромѣ того, ея наблюдательность, вызывавшая остроумнѣйшія замѣчанія, которыя она дѣлала съ премилымъ апломбомъ, не допускавшимъ возраженій. Умѣла она и кстати поомѣяться.

II.

Несмотря на скудные газетныя сообщенія, мы на Карѣ уже знали, что Т. И. Лебедева вмѣстѣ съ двадцатью народовольцами судилась въ Петербургѣ по дѣлу о царевубійствѣ, что она приговорена къ смертной казни, замѣненной пожизненною каторгой, и находится гдѣ-то въ заключеніи, откуда никакія извѣстія о заключенныхъ не проникаютъ. Самые близкіе родные не имѣли малѣйшихъ свѣдѣній о своихъ страдальцахъ. У Танички же былъ братъ Петръ Ив. Лебедевъ, жившій въ Москвѣ, служившій тамъ много лѣтъ мировымъ судьей, женатый, семейный. И онъ, и его добрѣйшая жена Вѣра Дмитриевна такъ много любили Татьяну Ив. всегда о ней заботились, всѣмъ нужнымъ ее снабжали; но на этотъ разъ и они не могли добиться хотя бы намека о томъ, что дѣлается съ сестрой. Анна Васильевна Армфельдъ, мать Наташи, тоже московская жительница, всегда поддерживала сношенія съ семьей Лебедевыхъ, и черезъ нее мы узнавали, что о Таничкѣ ни слуху ни духу.

И въ то время бывало, что когда въ Европейской Россіи накопится по разнымъ тюрьмамъ достаточное количество намѣченныхъ для отправки въ Сибирь политическихъ арестантовъ—этихъ высылаемыхъ соединяли въ одну большую партію и отправляли этапомъ въ Сибирь. По дорогѣ разбрасывали въ мѣста назначенія то по одиночкѣ, то группами, кого на поселеніе, кого въ тюрьмы для окончанія срока каторги. Въ 70-хъ годахъ «преступниковъ» политическихъ возили еще на тройкахъ, съ двумя жандармами каждаго. Но съ начала 80-хъ годовъ испугались расходовъ на все растущее число революціонеровъ, и при солдатскомъ конвоѣ, съ офицеромъ во главѣ, на крестьянскихъ подводахъ зимою, вся партія медленно двигалась тысячи верстъ, перенося всѣ невзгоды сибирской зимы. Лѣтомъ ѣхали на телѣгахъ только женщины да больные, «буторъ» (котомки арестантскія съ класкей) наваливался горю на предназначенныя телѣги, а всѣ могущіе итти шли шеренгой по пыльной дорогѣ, звеня кандалами. Ежегодно двѣ-три многолюдныя партіи шествовали по «Владиміркѣ» и рассылали вѣсли въ разные углы Сиби-

ри. И по сей часъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги партіи двигаются такимъ же способомъ, гдѣ нѣтъ воднаго сообщенія. Лѣтсмъ по водѣ ихъ отправляютъ «паузками». Тогда сообщали товарищи: кто и куда идетъ, жестокъ ли, нѣтъ ли конвойный офицеръ, сильно ли голодаютъ по недостатку средствъ. Отмѣчали лицъ, не заслуживающихъ довѣрія. Подробные списки давались за подписью старосты партіи и его помощника; частныя письма друзья посылали своимъ друзьямъ. Доходили списки и до Кары, въ мужскую тюрьму, а она добросовѣстно пересылала ихъ въ женскую.

И вотъ лѣтомъ 1883 года узнаемъ мы, такимъ образомъ, что въ лѣтней же партіи идетъ Т. И. Лебедева. Скоро и письмо отъ Анны Васильевны Армфельдъ извѣстило Натану, что ея институтская подруга Таня жива и, хотя весьма ослабѣвшая, отправлена на Кару для доживанія срока своей пожизненной каторги. Это извѣстіе было точно голосомъ съ того свѣта. Таня жива, Таня идетъ! Мы снова увидимъ необыкновенную дѣвушку съ черными роскошными волосами, черными глазами, горящими какъ звѣзды, блѣдную, изкуренную, но еще молодую и красивую. Я такъ живо ее помнила. Насталъ и день свиданія. Я не помню ни мѣсяца, ни числа, но я отчетливо вижу картину нашей встрѣчи. Мы, каторжанки, гуляли во дворѣ, было тепло, одѣты были легко и почему-то толпились у воротъ. Вѣроятно, Магометъ шепнулъ намъ о приходѣ «партіи», и мы уже поджидали прибытія Тани. Скоро и ворота пріотворились, вошелъ жандармъ, за нимъ кто-то маленькій въ сѣромъ халатѣ, позади опять жандармъ. Кто это? Что это?.. Предъ нами остановилась дѣвочка—маленькая, желтая, худенькая. Головка ея была покрыта сѣроватымъ пушкомъ, слабые глазки едва свѣтились, маленькая улыбка приглашала узнать, познакомиться. Крошечная тошенькая ручка пріветливо протянулась.

Группа гуляющихъ дрогнула, но быстро овладѣла собой.

— «Таня!». «Танюша!». «Татьяна Ивановна!».

Старались казаться спокойными и радостными. Но было уже поздно, Таня замѣтила общее омятеніе, наши недоумѣвающие взоры, болѣзненный трепетъ сердецъ нашихъ, отразившійся на всѣхъ лицахъ.

— Не узнали?.. И ты, Наташа?..

Въ отвѣтъ посыпались увѣренія въ противномъ, ласки, привѣты.

Велика была радость увидѣть Таню еще живую, но такой разительной переменны, такого преображенія красивой молодой дѣвушки въ крошечную старушку, безволосую, беззубую, еле двигающую ногами,—никто себя не представлялъ. Эта скорбная внѣшность ясно говорила о страданіяхъ, выпавшихъ на долю Лебедевой за годы ея заточенія.

Не сразу, а вдолгъ послѣ ея пріѣзда Т. И. стала отвѣчать на вопросы о своемъ заточеніи въ Петропавловской крѣпости. Послѣ суда ее перевели въ Алексѣевскій рavelинъ, и сидѣла она тамъ два года въ под-

вальной камерѣ, на черномъ хлѣбѣ и баландѣ исключительно; ни мыла, ни пребенки не полагалось. Цынга, аневризмъ сердца, сильнѣйшій катарръ желудка не вызывали прихода доктора, лѣченія не полагалось. Книжки, кромѣ Библии, освѣтъ отсутствовали; переписка и всѣ общенія совершенно. Прогулки стали невозможны за болѣзнью ногъ, покрытыхъ цынготными ранами.

Изъ крѣпости въ карету Т. Ив. вынесли на простынь. Тамъ въ сыромъ подвалѣ равелина она оставила и свою красу и все свое здоровье.

Свѣжій воздухъ долгаго этапнаго пути нѣсколько освѣжилъ захудалую кровь больной. Лучшее питаніе и уходъ преданныхъ товарищей вернули часть утраченныхъ силъ, и въ наши карійскія ворота страдальца вошла сама, безъ поддержки. Татьяна Ивановна не любила внѣшнихъ изліяній чувствъ своихъ, еще больше сна не любила сожалѣній по отношенію къ себѣ и допускала лишь тѣ проявленія вниманія, какія вызывались состояніемъ здоровья, пребсвались улучшеніемъ гипісны. Первые недѣли ея пребыванія мы приноравливались къ установленію возможно лучшаго режима для больной, надѣясь достигъ стараніями нашими хотя бы частичнаго возстановленія здоровья любимаго товарища. Въ теплые солнечные дни выводили Таню во дворъ, укладывали на разостланные халаты и подушки, читали громко газеты, оставляя ее засыпать подъ чтеніе, ограждая сонъ ея отъ навойливости мухъ, отъ случайнаго порыва вѣтра, отъ неосторожнаго приближенія стражи.

Мы надѣялись, мы льстили себя увѣренностью, что наше страстное желаніе видѣть Таню здоровой достигнетъ своей цѣли, благодаря нашимъ неуныннымъ стараніямъ. И Танечка какъ будто поддавалась усиліямъ; она стала лучше двигаться, стала больше попреблять пищи, и не прошло мѣсяца, какъ она потребовала своего участія въ общехозяйственныхъ работахъ.

«—Я хочу и могу работать»,—настойчиво говорила она. И артель наша принуждена была внять убѣжденному голосу и обсудить немаловажный вопросъ. Съ согласія самой Татьяны Ивановны было постановлено, что она сама лично будетъ разливать чай на всѣхъ насъ, утромъ и вечеромъ; будетъ принимать участіе въ крошкѣ манчжурскаго табаку, привозимаго изъ Владивостска большими «папухами», и сна же будетъ по вечерамъ громко читать нашей публикѣ очередные кивили и журналы. Всѣ эти постановленія находились въ связи съ личными вкусами больной. Несмотря на слабость сердца, сна употребляла самый крѣпкій чай и выпивала два стакана, наливая до верху прямо изъ чайника. Получалось густое пиво, а она выпивала его безъ сахара. Любила она также курить и много курила. На наши освѣты и просьбы не дѣлать ни того ни другого, въ виду вреда для здоровья,—Таня слегка иронически улыбалась и говорила: «вы думаете, что я тогда не умру!» Она-то хорошо знала, до какой степени болѣзни овладѣли ея организмомъ, понимала и то, что не

въ тюрьмѣ можетъ избавиться отъ нихъ. Громкое чтеніе доставляло ей удовольствіе потому, что читала она очень хорошо, овладѣвала вниманіемъ слѣшателей и видимо сама лучше проникалась прочитаннымъ при звукѣ отчетливо, выразительно произносимыхъ словъ. Ни пафоса, ни восклицаній не было въ ея чтеніи, но полось становился твердымъ, внушительнымъ, заставляя себя слушать, не будучи ни крикливымъ, ни сантиментальнымъ.

Такова была и сама Татьяна Ивансена. За годы тяжелой отвѣтственной работы, за годы жестокаго заключенія Татьяна Ивановна возмужала умомъ и характеромъ. Она столько тяжести подняла на плечахъ своихъ, столько лѣтъ несла эту тяжесть съ достоинствомъ могучаго борца, что не могла не познать своего значенія на нивѣ, небогатой такими силами; не могла не заручиться увѣренностью въ силѣ разума своего. Она выражала сужденія свои спокойно, но авторитетно. Ее не только любили, цѣнили и уважали, ее и любили. Ей не только противрѣчили не только потому, что щадили ея слабое здоровье, но и потому, что чувствовали неуклонность ея рѣшеній. Она была слишкомъ умна и справедлива, чтобы настаивать на чемъ-либо недолжномъ, но тому рѣшенію, которое она предлагала или отклоняла—приходилось подчиняться.

«Таня будетъ недовольна».

Этого сознанія было достаточно, чтобъ дѣлать такъ, какъ она считаетъ нужнымъ.

Въ ея маленькомъ больномъ тѣлѣ вмѣщались два опредѣленныхъ сознанія: «Я поставила надъ собою крестъ» (это были ея точныя слова). «Я знаю, что Карійская тюрьма есть послѣдній этапъ моей жизни; я знаю, что дни мои сочтены». Наряду съ этимъ Таня сознавала свою отвѣтственность передъ товарищами, предъ всеми людьми,—отвѣтственность, требовавшую отъ нея твердаго спокойствія чловѣка, взявшаго на себя тяжелое бремя выносить всѣ послѣдствія, сопряженныя съ избранной работой. Ни жалобъ, ни стоновъ, ни намековъ на тяжесть страданій никто отъ нея не слышалъ. Можетъ быть, такое именно отношеніе къ остатку дней своихъ способствовало строгому величію, съ какимъ Татьяна Ивансена держала себя въ нашей средѣ.

Надо было видѣть и слышать ее въ дозвѣ зимніе вечера, когда она, сидя въ концѣ больнаго стола въ корридорѣ, громко читала намъ. Прямая, никогда не опираясь ни облокачиваясь, твердымъ полось она произносила рѣчи и описанія, никогда не смущалась, не останавливаясь для разсужденія. Никто не рѣшался прерывать ея чтеніе своими замѣчаніями; всѣ знали, что по оканчаніи его Таня останется за столомъ еще на нѣкоторое время, чтобы дать высказаться слушателямъ и самой внести поправки. Закончивъ бесѣду, она удалялась въ свою камеру, пдѣ помещалась одна; тамъ она давала свободу усталости и ждала Наташу, чтобы съ ея помощью все приготовить къ ночи и осмотрѣть синія пятна по тѣлу.

Таня знала признаки, когда эти пятна переходили въ открытыя раны. Были перевязки, были лекарства.

Надо было ее видѣть и за чайнымъ столомъ: большой самоваръ, большой бѣлый чайникъ, стаканы, чашки и кружки. Таня знала, кто изъ чего пьетъ въ какой пропорціи. Себѣ она наливала изъ чайника пивобразный чай, но всѣмъ намъ сообразно нашимъ вкусамъ. Послѣдовательница во всемъ строгаго порядка, она никогда не пила больше двухъ стакановъ, и не нравилось ей, когда кто другой выходилъ изъ обычной своей нормы и просилъ налить сверхъ обычнаго. Чаше всѣхъ грѣшила, несравненная Наташа. Всегда почти голодная, жившая на одномъ черномъ хлѣбѣ (ради того, чтобъ другимъ досталось больше), она восполняла недостатокъ въ пищѣ жеваніемъ пайки съ третьимъ, а иногда и съ четвертымъ стаканомъ чая. Обыкновенно она пила три, и Таня наливала ихъ, какъ должно; но въ четвертомъ она шидѣла безпорядокъ и неизмѣнно спрашивала при этомъ: «развѣ ты не выпила три свои стакана?» А Наташа слушалась и виноватымъ голосомъ отвѣчала: «выпила, Танечка... что жъ, еще захотѣлось».

Мы переглядывались, всѣмъ страшно хотѣлось смѣяться, но серьезный видъ Тани одерживалъ смѣхъ, и только по оклчаніи чаепитія гдѣ-нибудь въ углу молодежь давала волю своему остроумію, а Наташа уморительно сообщала, сколько она тряслась прежде, чѣмъ попросить четвертый стаканъ.

Цѣльный человекъ была Татьяна Ивановна Лебедева. Въ проявленіяхъ мелочей отражалась только общая конструкція ея образа дѣйствій, ея поведенія, такъ безупречно проведеннаго во всѣ рѣшительные и опасные моменты ея дѣятельности, въ долгіе годы расплаты за понесенные труды.

Живя съ нами на Карѣ и сознавая ясно приближеніе развязки съ жизнью, страдая невыносимыми болями, она не говорила: «Дѣлайте, что хотите, мнѣ же дайте покой; я все равно скоро уйду отъ васъ, лишнія тревоги только напрасно утомляютъ меня!» Нѣтъ, Татьяна Ивановна входила въ интересы нашей непосредственной тюремной жизни; она живо заглядывала и въ далекій міръ, доступный намъ лишь благодаря газетамъ. Она выслушивала наши сужденія и вставляла свое значительное слово, освѣщавшее вопросъ съ иной стороны, вызывавшее дальнѣйшее обсужденіе, новые мысли. И въ этихъ близкихъ нашему міровоззрѣнію разговорахъ въ Татьянѣ Ивановнѣ сказывалась дисциплина ума и темперамента, не допускавшая ни криковъ, ни экзальтаціи въ шумной формѣ. Горячо, убѣжденно отстаивала она свои мнѣнія, но всегда терпѣливо выслушивала чужія и если парировала ихъ, то не грубо и не обидно, а развѣ находчивой ироніей, цекотавшей самолюбіе, но не оскорблявшей достоинства культурнаго уха.

Маленькія собранія для обсужденія нашихъ хозяйственныхъ и «семейныхъ» дѣлъ имѣли въ Тальянѣ Ивановѣ строго-внимательнаго члена. Не будучи ласковой вообще, она была вполне общественнымъ членомъ, и всѣ интересы ячейки, въ составъ которой она входила, были ея собственными интересами. Ни ссоръ, ни непріятныхъ столкновеній съ группами, инако относящимися къ тюремному строю жизни, она тоже не допускала. Съ ея пріѣздомъ еще больше уплотнилась та спайка, которой отличалась группа наша. И къ начальству отношенія ея совпадали съ нашими.

III.

Зимую 1883—1884 гг. Таня почти все время была на ногахъ, хотя перевязку ногъ приходилось дѣлать часто. Къ веснѣ больная слабѣла, слышно бывало, какъ она тихо раздражалась у себя въ камерѣ при неудачномъ прикосновеніи къ больнымъ мѣстамъ. Но вотъ привезли къ намъ А. Пав. Корба, изящнѣйшую изъ женщинъ, и она ювенили стѣнными руками умѣла успокоить больную. За Нат. Армфельдъ осталась вся тяжелая работа по камерѣ Тат. Ив., а то, что касалось обязанности «сестры», выпало на долю Аллы Павловны. Таня была довольна, тихое ворчаніе прекратилось. Но вотъ стали капризиться желудокъ, катарръ спать раз-вернулся, а пища все одна и та же: супъ и котлетки (по одной на каждую больную, Лебедеву и Колѣнкину), да еще не всегда изъ хорошаго мяса. Средства же наши не увеличивались, а постепенно уменьшались, такъ какъ лица, заботившіяся о насъ, оставались одни и тѣ же, а населеніе тюрьмы прибывало, и мы съ болью въ душѣ наблюдали, какъ тѣло Танячки таяло, хотя духъ ея оставался бодръ. Ея трагическое отношеніе къ тяжелому положенію нашей тюремной жизни не измѣняло ей. Ея установившійся взглядъ на законченность и близкій конецъ ея собственнаго существованія не колебался ни надеждами ни иллюзіями.

Средина 80-хъ годовъ держала настолько опредѣленно ретроградный курсъ, а общество такъ трусливо уклонялось отъ малѣйшаго сопротивленія злу, что тьма кромѣшная безпрепятственно заволоскла необъятную страну и со всѣхъ концовъ ея неслись волны самаго безнадежнаго характера. Реакція бушевала, волны ея докатились и до Кары, обвинительницы столь многихъ свирѣпыхъ традицій. Ни надеждъ, ни иллюзій въ то время не было, снѣгъ откладывался на будущее. И не только больному члену, какъ Таня, можно было мечтать и строить планы на лучшее будущее. Она твердо считала себя отрѣзанной отъ жизни и терпѣливо ждала конца, ничѣмъ не выражая личной скорби, личныхъ сожалѣній. Казалось, ей все равно, какъ прожить сочтенные дни, лишь бы прожить ихъ съ достоинствомъ. Ни пристрастій, ни собственныхъ влеченій къ той или другой личности, ни волненій по поводу тревогъ нашей внутренней жизни не

замѣчалось въ ней. И при чтеніи газетъ, еще не опіятыхъ въ то время, и журнальскъ она оставалась спокойной. Правда, что тогдашняя печать была столь сѣра, блѣдна, безсодержательна, что еле-еле въ лучшихъ изданіяхъ можно было вычитать между строкъ прескользнувшую свѣжую мысль, либо намекъ на интересное событіе. Но это не мѣшало намъ всѣмъ горячиться и спорить, доказывать и опровергать, Таня же дѣлала это спокойно, реэсно, иногда внося шутку, иногда легкую иронию. Со всѣмъ безчувственной она не оставалась, но очевидно было, что ея спокойствіе и ровность отношенія выработались рядомъ глубокихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій. Лишь при событіяхъ, особенно трагическихъ чувства стойкой души ея, Таню покидало ея наружное равнодушіе; тогда она волновалась шарангѣ съ другими, хотя и не такъ экспансивно.

Мое отношеніе къ ней было безусловно почтительное и нѣжное, я видѣла въ ней человѣка величайшей цѣнности и была счастлива какъ-дѣмъ знакомъ ея вниманія. Но я не смѣла предполагать полной взаимности съ ея стороны, настолько она была всегда одинакова со всѣми, сдержана въ проявленіи чувствъ всихъ. Только съ Наташей, какъ однакашницей по институту, обращеніе ея было проще и откровеннѣе. Тутъ можно было слышать и возвышенный голосъ и болѣе оспрую шутку. Но когда мнѣ объявили о выходѣ на поселеніе, и всѣ мы заволновались предстоящею разлукою, когда, снаряжая меня въ дорогу, мы всѣ сидѣли за большимъ столомъ въ эсрндерѣ, шили, расчитывали ресурсы для снабженія необходимымъ въ дорогу, когда чтеніе и всѣ домашнія текуція дѣла отошли въ сторону и публика погрузилась и мыслями и чувствами въ предстоящее разставаніе, я не могла не видѣть того горячаго участія, съ какимъ Танечка дѣлила всѣ заботы группы нашей. Казалось, она сама съ собой все заранѣе обдумала, обсудила, и не было такой подробности, на которую не было бы у нея потсвало отвѣта. Не переставая работать и говорить, она усиленно курила, забывая выпускать дымъ въ сторону, какъ она обыкновенно это дѣлала. С. Ал. Лешеригъ писмогала ей въ этомъ очень усердно, и надъ столомъ стояло облако густого дыма, скутывая наши лица. Да, Танечка волновалась. Ей стоило усилій, чтобъ сдерживать себя. Можетъ-быть, и она цѣнила меня, какъ вѣрнаго товарища, а можетъ-быть, и любила меня. Когда, наконецъ, наступилъ часъ ухода моего, и всѣ столпились у эсротъ, провожая меня, я въ послѣдній разъ видѣла дорожное скорбное личико и унесла съ собою увѣренность въ нѣжномъ расположеніи къ себѣ Т. И. Лебедевой.

Эта увѣренность со всѣмъ укрѣпилась, когда, прійдя на поселеніе, я могла начать переписку съ карійцами. Какъ я уже гсвирала, первые два сна шла очень аккуратно и уваженно, благодаря снисхожденію комендантовъ, злоупотреблявшихъ деньгами и вещами заключенныхъ. На каждое мое письмо каждый адресатъ отвѣчалъ опарыткой, написанной его же

рукой, выразившей довольно свободно то главное, что ему хотѣлось сказать. Тогда изъ опарытокъ Тани, написанныхъ твердымъ круглымъ красивымъ почеркомъ, могла я найти подтвержденіе моей увѣренности въ ея горячей дружбѣ ко мнѣ. Это необычайно радовало меня, я особенно дорожила ея письмами, и до сей поры оплакиваю потерю сей драгоценности, исчезнувшей вмѣстѣ съ другими подобными эпямъ дорогими строками, въ одинъ изъ тревожныхъ дней и не совѣмъ по моей винѣ.

Когда я покидала тюрьму, Т. И. Лебедева, С. А. Лешернъ и Н. А. Армфельдъ дали мнѣ адреса своихъ родныхъ, чтобъ я подробнѣе сообщила имъ о житіи на Карѣ, о нуждахъ заключенныхъ. Такимъ образомъ установилась моя переписка съ Петромъ Ивановичемъ Лебедевымъ—братомъ Тани, и продолжалась она нѣкоторое время и послѣ смерти ея. Съ Кары въ первый же годъ мнѣ написали, что здоровье Тани сильно слабеетъ, раны на ногахъ и по тѣлу причиняютъ ей страшныя боли, и что нѣтъ надежды на поправку, тѣмъ болѣе, что и желудокъ пересталъ работать, требуетъ постоянно искусственной помощи. Быстро шло разрушеніе, хрупкое тѣло утасало, сильный великій духъ улеталъ отъ земли; но послѣднато не случилось. Духъ Тат. Ив. Лебедевой навсегда остался съ нами, съ ея соратниками. Онъ и въ будущемъ не перестанетъ свѣтить поколѣніямъ въ дни подъяема и яснаго разумѣнія, въ тѣ дни, когда юныя души ищутъ, вызываютъ къ правдѣ, къ духовной высотѣ.

Среди именъ нашихъ борцовъ за общее счастье имя Тат. Ив. Лебедевой стоитъ свѣтлое, личіемъ не смраченное. Она ушла, но люди, привыкшіе ее любить, цѣнить по достоинству, не могли мириться съ чувствомъ разлуки, и моя переписка съ Петр. Ивановичемъ Лебедевымъ, ея братомъ, продолжалась и послѣ смерти его сестры, какъ бы не желая признать совершившейся утраты. А на Карѣ, послѣ смерти Тани и Натальи вскорѣ одна за другою, наступили черныя дни преслѣдованій, жестокостей, вызывавшихъ новыя и новыя смерти.

IV. М. К. Крылова.

Какъ мнѣ ея знали когда-то, какъ мало осталось помнящихъ ее... Сколько молодыхъ и здоровыхъ революціонныхъ организацій пережила и изжила она. Сколько видѣла возникавшихъ, терпявшихъ свое назначеніе и отличавшихся въ измѣненіи формъ, вносявшихъ новыя поправки въ свои программы и ближайшія цѣли для того, чтобы, поддаваясь требованіямъ времени, продолжать работу при расширенныхъ либо суженныхъ задачахъ.

Сначала заступница личныхъ правъ человѣка, потомъ активная дѣятельница въ революціонныхъ рядахъ, послѣ конецъ жизни внимательный сочувствующій созерцатель накопленія юныхъ силъ для борьбы за справедливый строй жизни, Марья Константиновна Крылова всю свою

жизнь была типичнѣйшимъ человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ. Чувство личнаго достоинства, индивидуальной независимости, самостоятельность матеріальной жизни и сознаніе святости взятаго на себя долга точно родились вмѣстѣ съ нею, и за всѣ 60 лѣтъ ея жизни неустаннаго труда и лишеній не оставляли ее ни при какихъ обстоятельствахъ. Дочь небогатой дворянской семьи Смоленской губ., Марія Константиновна Крылова уже въ 13 лѣтъ почувствовала всю скудость умственной жизни захолустнаго угла и устремилась къ ученію. Дома едва давали простую грамоту, а сосѣди-помѣщики одинаково равнодушно относились къ просвѣщенію и своихъ и чужихъ дѣтей. Надо было выбиться изъ темной среды во что бы то ни стало, самой искать свѣта. Дѣвочкѣ удалось перебраться въ уѣздный городъ, гдѣ были родственники и знакомые. Здѣсь она работала и училась. Въ то время такое явленіе было рѣдкостью, въ городѣ заговорили о любознательной дѣвочкѣ, ею заинтересовались. Кто-то изъ узнавшихъ объ ея стремленіи къ ученію доставилъ ей возможность брать уроки у просвѣщенныхъ учителей, и Марья Константиновна много успѣла.

Черезъ три-четыре года она и сама давала уроки; потомъ поступила учительницею въ частный домъ и мечтала скопить деньги для поѣздки въ Москву съ цѣлью учиться.

Не обошлось безъ посторонней помощи.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ молодая дѣвушка отправилась въ древнюю столицу напугу, въ то время уже имѣвшую богатое наследіе сороковыхъ годовъ: кружки молодежи, гордо стремившіеся къ просвѣтительной работѣ среди широкихъ массъ. Почти всѣ кружки эти составлялись передовыми студентами университета, но не замыкались въ своей средѣ, напротивъ, искали агентовъ, послѣдователей, сопридниковъ во всѣхъ слояхъ общества.

Тогда же вопросъ объ освобожденіи женщины отъ плена старыхъ предрассудковъ стоялъ на ряду съ другими освободительными требованіями, среди которыхъ дѣло просвѣщенія народныхъ массъ занимало господствующее положеніе. Школы ежедневныя для дѣтей и воскресныя для взрослыхъ, лекціи, бібліотеки, мастерскія, артели, сотрудничество всѣхъ видовъ, «свободы», объявленныя въ теоріи, и «реформы», проводимыя на практикѣ, окрыляли рвенію лучшихъ людей въ Россіи. Увлекали ихъ надежды и усилія къ реальному осуществленію благихъ начинаній, оповѣщенныхъ и обсуждаемыхъ въ литературѣ. Молодежь же не только вѣрила, но бралась за дѣло. Для Россіи это была эпоха первата отпургаго выступленія добровольцевъ на обработку огромнаго матеріала народныхъ способностей, лекавшихъ влуне, умышленно заеѣваемыхъ сорною травюю. Подумать только, какая огромная плодотворная работа была бы уже совершена, будь возможность продолжать ее, безпрепятственно расширяя, углубляя и вводя новыхъ и новыхъ работниковъ... Горѣли молодые серд-

ца, съ вѣрой шли впередъ и съ радостью встрѣчали каждаго, готового присоединить свои силы къ продолжанію великой нивы. А тутъ пришла дѣвушка, молодая, изъ темнаго царства, самостоятельно вставшая на путь исканія, серьезная, строгая въ своей простотѣ, готовая отдаться работѣ на общее счастье...

Строгое отношеніе къ прошлымъ неправдамъ и прѣхамъ верхнихъ слоевъ по отношенію къ народнымъ массамъ вызывало въ Маріи Крыловой такое же строгое отношеніе къ самой себѣ. На всю жизнь свою Марья Крылова оставалась образцомъ самоотверженнаго героизма. Пріѣхала она въ Москву съ определенной цѣлью учиться, поглощать знанія голодной любознательной головой. Направленная доброжелательными людьми, она скоро вошла въ соприкосновеніе съ молодежью, занятой не только обученіемъ себя, но и другихъ. И не успѣла Марья Крылова закончить самообразованіе, какъ уже была привлечена къ общественной работѣ. Она вступила въ среду молодежи, часть которой привлекалась потомъ и судилась подъ названіемъ «каракозовцевъ».

Съ дѣтства Марья Крылова видѣла и знала тяжелыя условія жизни «простого народа». Она провела юность свою въ мелкопомѣстномъ дворянскомъ гнѣздѣ, гдѣ нужда, чванство, лѣнь и невѣжество были стимулами, обуславливавшими отношенія господъ къ рабамъ, гдѣ бралось отъ нихъ все, что только можно было взять, и ровно ничего не возвращалось, кромѣ матеріальныхъ обидъ и крайнихъ оскорбленій. Чувство справедливости, глубоко заложенное въ сердцѣ дѣвушки, возмутилось разъ и навсегда, и она сумѣла перенести его на всѣ явленія несправедливости и лицемѣрнаго приличія, какимъ «господа» стали прикрывать свою безсердечную эксплуатацію освобожденныхъ рабовъ, вынужденныхъ продавать трудъ свой за безцѣнокъ. Раскрѣпощеніе крестьянъ оставило ихъ при прежнему безправіи, при прежнему невѣжествѣ. Не удивительно, что честная часть общества старалась собственными усиліями, то групповыми, то единоличными, сколько-нибудь наполнить пропасть, глубоко отдѣлявшую темныя пласты населенія отъ тонкаго интеллигентнаго слоя. И чѣмъ тоньше былъ этотъ слой, тѣмъ больше требовалось энергіи и самоотверженности, чтобы пробить оконце въ толщѣ неприступной стѣны, сложенной изъ предразсудковъ общества, изъ недовѣрія простого народа къ господамъ и усиленной административной опеки, зорко охранявшей цѣлость, ненарушимость общенароднаго невѣжества.

Немудрено и то, что доброжелатели народа должны были работать на его просвѣщеніе «строжно», тайно или подъ прикрытіемъ желательныхъ правительству формъ.

Тоже было и въ кружкѣ молодежи (названномъ потомъ каракозовскимъ лишь потому, что одно время, непродолжительное, Каракозовъ

числился членомъ этого кружка), имѣвшемъ цѣлью чисто-культурную работу, какъ мы понимаемъ ее въ настоящее время.

Могла ли Марія Крылова отказаться принять въ ней участіе? Конечно, нѣтъ.

И она отдалась ей вполне, стала усерднѣйшею работницею и въ воскресныхъ и въ дѣтскихъ школахъ, и въ бібліотекахъ, и въ мастерскихъ, когда требовалось. А когда въ Москвѣ разразился громъ надъ всей просвѣтительной организаціей и лучшая часть молодежи была арестована, Марію Константиновну Крылову также привлекли къ дѣлу, подъ надзоръ.

Такое отношеніе правительства къ гуманитарной работѣ образованныхъ людей, идущихъ на встрѣчу духовнымъ нуждамъ народа, возмутило сознаніе дѣвушки и, не испугавшись преслѣдованій, она рѣшила продолжать начатое дѣло, во что бы то ни стало. А такъ какъ просвѣтительное движеніе не прекращалось, и новыя и новыя силы слетались въ группы, ставившія цѣлью открыть глаза народу на дѣйствительное положеніе вещей,—для чего приходилось называть вещи своими именами, —то понадобились приемы нелегальные и, прежде всего, свои типографіи, гдѣ бы можно было печатать правду, не стѣсняясь цензурой.

Въ шестидесятые годы, несмотря на либеральныя реформы, сыскъ былъ не только распространенъ, но и старательнѣе, и всякое начинаніе обученія народа, тогда поголовно неграмотнаго, всякое къ нему приближеніе считалось уже злоумышленіемъ противъ правительства. Частныя школы, товарищества разнаго рода, кассы взаимопомощи и другія благія учрежденія, устраиваемыя частными лицами, закрывались одно за другимъ, учредители же отдавались подъ надзоръ полиціи или высылались въ сѣверныя губерніи Россіи.

Трудно было при такихъ условіяхъ, да еще при малочисленности хорошихъ опытныхъ организаторовъ и конспираторовъ, устроить и долго прсдерживать въ дѣйствиі тайную типографію. Рѣшено было основать ее за границей, въ Женевѣ, гдѣ уже было не мало русскихъ энергичныхъ эмигрантовъ.

Нужны организаторы, нужны литераторы, нужны и наборщики, усердно и скромно отдающіе свои силы, чтобы какъ можно больше сдѣлать и какъ можно меньше стоить всегда бѣдной организаціи гонимыхъ гражданъ родины своей. Гдѣ найти лучшаго труженика, болѣе удобнаго во всѣхъ отношеніяхъ сотрудника, какъ не Марія Константиновна Крылова?

Она... она поѣдетъ! Она сумѣетъ и границу перейти незамѣтно и тамъ устроиться, какъ того требуютъ условія и положеніе эмигранта, и работать будетъ, не покладая рукъ. Такъ оно и вышло. Дѣвушка съ радостью приняла предложеніе ѣхать за границу, видѣть столько новаго, интереснаго, поучительнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, работать въ столь

значительномъ учрежденіи, какъ свободная типографія, откуда на свѣтъ Божій появлялся тѣ идеи, за которыя она и ея товарищи готовы отдать жизнь свою,—видѣть вылитыми въ ясную и понятную, можно сказать, осязаемую форму. Такая перспектива наполняла сіяніемъ душу ея. И вотъ Марія Крылова за границей, въ Швейцаріи, въ Женевѣ.

Дорога прснеслась, какъ волшебный сонъ, все мелькало, все кружилось въ головѣ. Въ то время Россія представляла еще большій контрастъ по сравненію съ Западной Европой. Онъ ярко бросался въ глаза и такъ поразкалъ, что мысль не успѣвала догонять зрительныя впечатлѣнія, а картины смѣнялись быстро, покрывая одна другую.

Впереди Женева съ ея ученіемъ, свободой и овѣтомъ, съ ея окрестными красотами, въ рамкѣ неземной прелести. Да, она все увидитъ, всѣмъ насладится. Однако, прежде всего надо посѣлить свой храмъ, свою мастерскую, типографію. Вѣдь, ради нея дѣвушка разсталась съ дѣлами родины своей, ради нея рѣшилась потратить столько денегъ на свою поѣздку. О, сколько народныхъ денегъ ушло на нее, еще ничѣмъ не заслужившую такой на себя траты! Пошла въ мастерскую, увидѣла маленькую комнату, въ ней маленькій станокъ и тутъ же принялась учиться набору и печатанію. Все это она скоро постигла и уже не отходила отъ станка. Ночевала она въ другомъ помѣщеніи, но ѣла и пила тутъ же, чтобы не терять времени на ходьбу. Ыла всухомятку, пила горячую воду вмѣсто чая и всякой другой горячей пищи. Носила все одно и то же свое сѣрое платье. Проходили дни, нецѣли, Марія Крылова съ утра до вечера стояла за кассой, все откладывая: лекціи, осмотры, прогулки. Это успѣется, надо сперва отработать всѣ издержки на себя, свою матеріальную стоимость тому народу, что, не разгибаячись, работаетъ отъ зари до зари, не доѣдая, не досыпая. Эта мысль не оставляла дѣвушку и все тѣснѣе прикрѣпляла ее къ печатному станку, все интенсивнѣе дѣлала ея работу.

Газеты, брошюры, листы и цѣлыя книжки выходили изъ маленькой типографіи, гдѣ, кромѣ Маріи Крыловой, работало еще два человѣка, не боявшихся, какъ она, погулять въ праздникъ и пообѣдать въ кафе на людяхъ.

Проходили мѣсяцы, времена года, кончился годъ.

Марія Константиновна, исхудавшая, блѣдная, едва стояла на ногахъ, противясь просьбамъ товарищей умѣрить часы работы, выходить на воздухъ, лучше питаться.

Стали болѣть за ея жизнь и подъ разными предлогами выдворили ее назадъ въ Россію. Опять быстрая дорога, опять мельканіе городовъ, видовъ, фермъ, горъ, потоковъ и—опять граница. А за ней старая, старая картина, безутѣшная, однообразная, скудная. Когда, вѣзжая домой, Марія Константиновна спросила себя,—гдѣ была, что видѣла?—въ отвѣтъ ей представилась ея маленькая типографія, передъ глазами мелька-

ли буквы, буквы... Дорогія, хорошія буквы, но, кромѣ нихъ, ничего не было видно. За то осталось сознание вѣрно исполненнаго долга и той огромной просвѣдательной работы, которая безъ ея помощи не была бы выполнена такъ быстро и такъ успѣшно.

Былъ конецъ шестидесятыхъ годовъ, начало семидесятыхъ. Новая волна молодежи созрѣла къ движению впередъ, и многочисленная группа, все въ той же Москвѣ, раскинула свои оплоты въ разныя стороны отечества.

Марія Константиновна вернулась уже человѣкомъ заслуженнымъ и была встрѣчена самымъ радушнымъ образомъ въ своей средѣ. Она плотно вошла въ нее и продолжала работать со многими членами той группы, которая судилась подъ названіемъ «нечаевцевъ». Продолжая общественную дѣятельность, она не переставала жить исключительно на заработанныя ею самой деньги. Знание печатнаго дѣла много облегчало ея полулегальное положеніе.

Нечаевскій процессъ, имѣвшій мѣсто въ 1872 году, закончился каторгой, поселеніемъ и административной высылкой сотенъ лицъ, мужчинъ и женщинъ. Процессъ имѣлъ всероссійскую огласку, благодаря кратковременной свободѣ печати, и лучшая часть нашего общества, ознававшая всю правоту требованій защитниковъ общаго права, заколыхалась по всѣмъ угламъ Россіи и полилась въ народныя массы непооредственно.

Она ясно сознавала необходимость приобщенія этихъ массъ къ рациональному теченію мысли, къ вѣрному пониманію дѣйствующаго государственнаго строя.

Всѣ тѣ партіи, что впослѣдствіи были извѣстны, какъ «народники-лаверисты», «народники-анархисты», «землевольты», «народовольцы» и «чернопередѣльцы»;—всѣ онѣ имѣли уже свои корни въ движеніи 73—74 годовъ. Всѣ онѣ имѣли и своихъ представителей, болѣе или менѣе опредѣлившихся въ процессѣ 193-хъ, къ сооруженію котораго привлекалось около 3,000 человѣкъ, изъ коихъ большинство было отпущено на волю. Но изъ 300 оставленныхъ для суда надъ ними,—за четыре года предварительнаго заключенія загублено въ тюрьмахъ около 100 юныхъ жизней.

Марія Константиновна Крылова побывала въ это время въ административной ссылкѣ. Затѣмъ снова работала въ нелегальной типографіи, а ко времени образованія группы чернопередѣльцевъ она была снова «на волѣ» и примкнула къ ней. Эта дѣвушка—на всю жизнь свою дѣвушка—никогда не бралась за дѣло, не изслѣдовавъ всѣ его стороны. Прежде, чѣмъ начать набирать или печатать статью, она тщательно ее изучала, положительно отказывалась работать надъ ней, если не вполне соглашалась съ ея содержаніемъ. Такая строгость особенно стала сказываться съ возрастомъ Маріи Константиновны, и, работая до чернопере-

дѣльческой партіи, она немало времени употребляла на полемику со своими сотрудниками, отстаивая свои поправки.

Тихая, вдумчивая, испытывавшая на себѣ всю тяжесть невѣжества, всю трудность добиться свѣтлаго пониманія дѣйствительности, Марія Константиновна предпочитала мирную пропаганду своихъ идей, вѣрила въ возможность скорого распространенія правильныхъ взглядовъ на истинные запросы человѣческаго существованія и потому никогда не примыкала къ теченіямъ непосредственной борьбы съ существующимъ правительственнымъ строемъ. Она не была краснорѣчива, не обладала самоувѣренной развязностью, всегда предпочитала хотя и отвѣтственную, но самоличную работу, безъ шума, безъ толпы.

Послѣдній ея арестъ былъ за участіе въ чернопередѣльческой типографіи, гдѣ она работала усерднѣйшимъ образомъ, какъ всегда и вездѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ ее отправили въ Сибирь на поселеніе въ обществѣ многочисленной партіи каторжанъ и поселенцевъ.

Прежде, чѣмъ лично познакомиться съ Маріей Константиновной Крыловой, мнѣ пришлось много слышать о ней отъ сидѣвшихъ съ нею въ Москвѣ, въ Бутырской тюрьмѣ, и отъ свершившихъ вмѣстѣ съ нею весь этапный путь отъ Москвы до Иркутска. Безупречность ея жизни и строжайшее отношеніе къ самой себѣ вызывали безусловное къ ней уваженіе, и если при этомъ любили упоминать и о странностяхъ оригинальнаго характера ея, то всегда съ добродушнымъ смѣхомъ и ради общаго веселья.

Дѣйствительно, принципы ригоризма, доведенные Маріей Константиновной до большихъ предѣловъ, иногда заставляли ее удѣлять много времени на мелочи, безъ которыхъ можно было бы обойтись. Я помню, какъ одна ея пріятельница сердца и смѣясь рассказывала, какъ Марія Константиновна, избранная въ Бутыркахъ старостихой, садилась каждое послѣобѣда за свою счетную книжечку и часами повторяла себѣ подъ ность: « $\frac{1}{8}$ коп., $\frac{1}{8}$ коп., $\frac{1}{8}$ коп.» и т. д. до утомленія слуха.

Всѣхъ женщинъ сидѣло въ камерѣ восемь, и потому сей знаменатель повторялся ежедневно и безъ конца. Сколько ни уговаривали верховнаго эконома оставить доподлинное исчисленіе стоимости каждаго продукта на душу потребителя, Марія Константиновна оставалась невозможима, и ея сожигательницы на весь остатокъ жизни своей запомнили дробь $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{4}$ и т. д. «Должна же я знать, сколько расходую ежедневно»,—возражала Марія Константиновна, «если не вести точнаго счета, можно перерасходовать». А перерасходовать, значитъ, выйти изъ разъ навсегда положеннаго бюджета, совершить, что называется, смертный грѣхъ противъ совѣсти своей, воспитанной на строгомъ соблюденіи правилъ, установленныхъ этой же самой совѣстью. Своихъ товарищей по партіи Марія Константиновна удивляла не только той простотой, съ какой огранчи-

чивала свои матеріальныя потребности, она была интересна и своей находчивостью въ дѣлѣ борьбы съ неудобствами путешествія по этапамъ.

Всѣ знали, напримѣръ, о томъ, что между всѣми неудобствами такого пути выдающееся мѣсто занимаетъ обиліе насѣкомыхъ, особенно клоповъ во всѣхъ этапныхъ помѣщеніяхъ, и что не было способа избавиться отъ этихъ кровопійцъ, наполнявшихъ всѣ стѣны деревянныхъ зданій, Всѣ ночи приходилось мучиться безсонницей отъ нашествія голодныхъ насѣкомыхъ. Одна Марія Константиновна спала спокойно въ длинномъ колениковомъ мѣшкѣ, который завязывала у горла, приделавъ къ нему мѣшокъ изъ рѣдкой кисеи для защиты лица и головы. Она загодя пошила себѣ это приспособленіе, и ея спутники съ завистью смотрѣли на ея спокойный сонъ, хотя много подсмѣивались надъ причудами «старой дѣвы». Но такъ какъ изобрѣтательница сей причуды была убѣждена въ своей правотѣ, она обыкновенно не смущалась и во всемъ руководствовалась тѣмъ, что диктовали ей собственный разумъ и выработанные ею принципы. Такая рѣзкая опредѣленность мнѣній и рѣшеній дѣлала неудобною тѣсную сожмѣстную жизнь съ нею. Она охотно сохраняла полную независимость своихъ привычекъ и вкусовъ и предпочитала жить одной. Такъ она и устраивалась на мѣстахъ поселеній, которыхъ перемѣнила нѣсколько за время своей жизни въ Сибири.

Одно время она жила въ Тункѣ, на югѣ Иркутской губерніи, одномъ изъ лучшихъ мѣстъ по сочетанію торъ, лѣсовъ, воды и пространства, годныхъ для хлѣбопашества.

Здѣсь она занялась оторочничествомъ и даже полеводствомъ. Аккуратная до педантизма, она и для посѣва пшеницы заготовляла отборныя сѣмена, сортируя ихъ руками въ долгіе зимніе вечера; и пшеница родилась крупная, съ полнымъ колосомъ и вѣскимъ зерномъ. Только въ первый годъ съ посадкой лука вышло недоразумѣніе: Марія Константиновна посадила его, какъ смѣялись потомъ товарищи, «не для себя, а для антиподовъ», т. е. вверху ногами, и должно неудомѣвала надъ грядкой, почему лукъ не всходитъ? Привела эксперта—мѣстную крестьянку, и та, порывшись въ землѣ, обнаружила причину неудачи. Было нѣсколько конфузно, но это не обезкуражило упорную хозяйку, она продолжала совершенствовать свое земледѣліе и круглый годъ питалась овощами огорода своего и ѣла пшеничный хлѣбъ со своего поля. Это было ея спасеніе. Она наотрѣзъ отказалась отъ помощи изъ Россіи и отсылала деньги обратно, считая эту помощь необходимой только больнымъ и слабымъ.

Она мечтала о томъ, какъ бы избавиться и отъ пособія казеннаго, тѣхъ 12 руб. кормовыхъ, кои выдавались тогда поселенцамъ ежемѣсячно. Ей надо было жить своимъ трудомъ исключительно, и во время своего пребыванія въ Тункѣ она таки добилась этого и отъ пособія отказалась. Получивъ, наконецъ, крестьянскія права, а съ ними и право жить по

всей Сибири, она переѣхала на житье въ Иркутскъ, гдѣ я и познакоми-
лась съ ней въ 1893 году.

Здѣсь Марія Константиновна наняла себѣ дешевую комнатку, сама
себѣ готовила обѣды, сама обслуживала всѣ свои потребности, и даже
привезла съ собой два мѣшка отборной пшеницы, съ которою долго во-
зилась, не зная, что дѣлать съ зерномъ; доставка же изъ города на мель-
ницу и обратно обоилась бы дороже самой муки. Марія Константиновна
пожертвовала пшеницу переселенцамъ.

Немедленно по приѣздѣ стала она искать работы и предлагать
услуги свои одной изъ типографій города, гдѣ, кромѣ взрослыхъ, рабо-
тало много подростковъ за низкую плату. Уже пожилая и со слабыми
глазами, она удивляла завѣдующаго типографіей аккуратностью въ рабо-
тѣ и умѣлымъ обращеніемъ со всѣми манипуляціями этой специаль-
ности. Работала не скоро, какъ и все дѣлала медленно, но неутомимо и край-
не добросовѣстно. Это сразу выдвинуло ее среди остальныхъ рабочихъ, и
въ первый же мѣсяцъ при расчетѣ ей была выдана плата, значительно
превышающая плату остальныхъ, особенно плату подростковъ. Марія
Константиновна возмущалась и принципиально отказалась отъ прибавки,
падавшей на ея часть. Начальство же отказалось взять ее обратно. Было
не мало переговоровъ и съ нимъ и съ рабочими, и порѣшили раздѣлить
излишекъ между подростками, къ ихъ большому удовольствію. Раз-
мѣръ заработка остался за ней повышеннымъ и на другіе мѣсяцы и все
время дѣлился между малышками. Изъ тѣхъ 20 руб., что марія Конста-
нтиновна оставляла на свою долю, она сумѣла скопить себѣ «на дорогу»,
такъ какъ приближался конецъ ея ссылки.

II.

Уѣзжая изъ Иркутска и приближаясь къ Россіи, я потеряла изъ
виду Марью Константиновну Крылову, и не приходилось о ней думать
иначе, какъ о человѣкѣ, истощенномъ суровой жизнью, удрученномъ за-
ботой о заработкѣ насущномъ. Неожиданно я встрѣтилась съ Марьей
Константиновной въ Россіи, гдѣ люди, занятые своимъ дѣломъ, мало
слѣдили за судьбою другъ друга; не то, что въ Сибири, гдѣ всѣ мы,
сильные, были наперечетъ, да и духъ товарищества держался твердо.
Однажды занесла меня судьба въ Воронежъ. Тамъ завязалось знаком-
ство съ лучшими людьми города; и вдругъ слышу я,—говорятъ о Марьѣ
Константиновнѣ. «Какъ фамилія?» — «Крылова». — «Гдѣ живетъ?» —
«Тамъ-то». — «Что же она подѣлываетъ?» — «Служить въ статистикѣ».
Обрадовалась я, побѣжала искать стараго товарища. Пришла. Застала
ее дома. Узнала меня и Марья Константиновна. Лѣтъ 5 мы не видались,
но встрѣтились въ увѣренности найти другъ въ другѣ все прежнее. Такъ

и случилось. Ни внѣшность, ни духовное содержаніе моей старой пріятельницы не измѣнились.

Марья Константиновна снимала квартиру въ домѣ очень почтенной домовладѣлицы, г-жи Кравцовой, умѣвшеей цѣнить людей по ихъ нравственнымъ достоинствамъ; она охотно уступила Маріи Константиновнѣ свѣтлую комнату съ отдѣльнымъ ходомъ за дешевую плату. И Марія Константиновна, такъ любившая независимость во всѣхъ отношеніяхъ, была предовольна своимъ апартаментомъ, «съ отдѣльнымъ ходомъ», окруженная каменными капитальными стѣнами. Ни шумъ, ни суета не могли ворваться въ ея тихій пріютъ. Кроватька, столъ, два стула и стѣнной шкафъ—составляли всю мебель комнаты. Нигдѣ ни пылинки, все прибрано къ мѣсту, на столѣ листы графленой бумаги—картограммы, діаграммы, а на окнѣ книги, газеты и письменныя принадлежности. Марія Константиновна плавала въ родной своей сферѣ. Съ цифрами она справлялась легко, а смыслъ этихъ цифръ открывалъ ей обширныя картины дѣйствительности, и по нимъ она могла судить о тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ какихъ живетъ нашъ народъ по прошествіи 40 лѣтъ послѣ освобожденія изъ крѣпостной зависимости. Она могла судить о томъ, что можетъ крестьянинъ удѣлить изъ своего бюджета на духовныя свои потребности. Любовь къ рабочему народу жила горячо въ сердцѣ женщины, никогда не забывшей своего долга интеллигентнаго чело-вѣка передъ страной, вскормившей и воспитавшей ее. Она, эта страна, дала ей крѣпкое тѣло, высокую моральную натуру, ея умственные способности. Она послала ей добрыхъ людей, помогшихъ добиться свѣта знанія, она же ей давала и работу осмысленную, полезную. Много и горькаго дала ей родная страна, но Марія Константиновна относилась эту горечь къ пережиткамъ старой исторіи, отходящей въ глубь вѣковъ. Въ общемъ, она была довольна своимъ теперешнимъ положеніемъ и даже изрѣдка посѣщала сосѣдей по дому, относившихся къ испытанной женщи-нѣ съ большимъ уваженіемъ. Отношеніе къ ней было почтительное и бережное; поразительная чистота ея жизни и удивляла и трогала всѣхъ, кто знакомился съ ней. Рѣзкость ея словъ, прямота въ сужденіяхъ держали людей на извѣстномъ разстояніи, странности характера вызывали нѣкоторое любопытство, а необычайная добросовѣстность ея въ работѣ и неизмѣнный ригоризмъ въ личной жизни заставляли невольно преклоняться предъ столь цѣльной, выдержанной натурой и вызывали чувство нѣжности къ чело-вѣку, ничего себѣ не бравшему отъ жизни, кромѣ права жить согласно своимъ убѣжденіямъ. Конечно, среди сбычнаго общества, погруженнаго въ завоеваніе себѣ личнаго комфорта и переходящаго счастья, Марія Константиновна являлась образцомъ большой нравственной силы и яснаго разума. Такою она и оставалась до конца своей жизни.

Много разъ приходилось мнѣ бывать въ Воронежѣ; ни разу почти

не пропускала я случая побывать у Маріи Константиновны и неизмѣнно заставляла ее въ той же квартирѣ и за той же работой. Утромъ она уходила въ статистическое бюро и работала тамъ до 3-хъ часовъ, приходила домой все больше и больше уставшею, такъ что тотчасъ же ложилась на отдыхъ и уже потомъ ѣла свой скромный обѣдъ отъ хозяйки. Потомъ засыпала не надолго, а весь вечеръ читала и додѣлывала дневную задачу.

Чѣмъ старше становилась она, тѣмъ больше дорожили ею, какъ примѣрною работницею, и каждые два года ежемѣсячное жалованіе ея увеличивалось рублемъ на 10. Она стала откладывать все, что превышало 25 руб., положенные на прожитіе, и лишь когда заработокъ ея возросъ до 60 руб. въ мѣсяцъ, она позволила себѣ издерживать на себя 30 руб. въ мѣсяцъ.

Сумма казалась ей столь необыкновенно большой, что, несмотря на всѣ ея «прихоти», деньги оставались въ запасѣ. Въ одно изъ моихъ посѣщеній она повѣдала мнѣ, что давно думала о приобрѣтеніи пары хорошей обуви, но что страшно было издержать на себя такое количество денегъ. Рѣшили вопросъ въ положительномъ смыслѣ, куплены были ботинки за 15 руб. съ калошами. Но... Марія Константиновна положила ихъ въ шкафъ и годъ не рѣшалась пускаться въ дѣло. Когда же, наконецъ, она надѣла ихъ, то у нея ужъ были приготовлены вязаные чехлы для этихъ ботинокъ. Чехлы надѣвались сверхъ обуви во время работы въ бюро, съ цѣлью сбереженія; дома же все снималось, и одѣвались старые туфли.

Когда въ 1906 году я въ послѣдній разъ видѣлась съ этой поучительной женщиною и выразила ей свое одобреніе за то, что она скопила нѣсколько сотъ рублей на случай болѣзни и старости, — «знаешь, — сказала она, — а я отдала свои сбереженія. Эти два года такъ нуждались въ средствахъ; бурные годы были. А я ужъ стара, сама участія принимать не могла; надо же было послужить чѣмъ-нибудь». Тутъ мнѣ стало страшно за Марію Константиновну, ея гордый характеръ ручался за то, что никакой посторонней помощи она не приметъ, а, между тѣмъ, съ каждымъ разомъ ея восковая фигура двигалась медленнѣе, лицо становилось безкровное и такое бѣлое, прозрачное, точно святое. Она значительно походила къ старости, сѣдые всегда въ скобку стриженные волосы окаймляли лицо точно лики иконы; глаза умиленно смотрѣли на свѣтъ Божій. Такъ было пріятно видѣть ее такою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ страшно — вотъ-вотъ она свалится. А она все работала, все брела и въ дождь и въ гололедицу по гористымъ улицамъ Воронежа въ свое статистическое бюро, не пропускавая ни дня работы. Она такъ прочно воспитала въ себѣ чувство долга, что почувствовала бы себя несчастной, лишившись возможности работать неустанно. Разъ два-три случалось, что она брала от-

пускъ лѣтомъ на мѣсяць, но тащила съ собой свои листы и діаграммы, чтобы не отстать отъ другихъ сотрудниковъ. Ея сила воли, ея смолоту выработанная привычка владѣть собою сослужила ей великую услугу. Марія Константиновна не знала дряхлой, вялой старости. При всей физической слабости, она жила человѣкомъ дѣйствующимъ, независимымъ ни отъ людей, ни отъ обстоятельствъ. Она работала на пользу другихъ и содержала себя до конца жизни своей. Только два-три дня до кончины своей она перестала ходить на службу и не вставала съ постели.

Случилось это въ началѣ второго десятка нынѣшняго столѣтія. Теперь, когда ея нѣтъ съ нами, она не представляется мнѣ умершею. Она, какъ-будто, тихо ушла для того, чтобы показать всѣмъ намъ, какъ можетъ человѣкъ вмѣстѣ въ себѣ свободу духа, силу воли и чувство правды даже при условіяхъ жизни страшно тяжелыхъ, угнетающихъ, принижующихъ тѣхъ, кто не хочетъ либо не умѣетъ дать просторъ своей вѣрѣ въ назначеніе человѣка, какъ разумнаго существа.

У. Г. М. Гельфманъ.

Процессъ «являдесяти» явилъ собою роскошный цвѣтникъ прекрасныхъ русскихъ женщинъ. Хотя я далеко не всѣхъ ихъ знала и видѣла лично, но условія жизни революціонеровъ нашихъ, сорокъ лѣтъ назадъ, были таковы, что ни пространство, ни время, ни всякое другое разобщеніе не могли разъединить ихъ, и всѣ мы знали другъ-друга наперечетъ и горячо слѣдили за участіемъ одинъ другого. Во-первыхъ, насъ было сравнительно мало, во-вторыхъ, мы жили дружно, братски. Если лично кого не знали и не видали (а это часто случалось при строгомъ одиночномъ заключеніи и послѣ суда, при расселеніи по безпредѣльной Сибири, при жестокомъ преслѣдованіи переписки), то всегда жадно спрашивали товарищей, имѣвшихъ счастье близко ознакомиться съ тѣмъ или другимъ борцомъ и имѣвшихъ ключъ отъ души дорогаго человѣка, столь желаннаго, столь любимаго. Каждому тогда было ясно, что оторваться отъ обеспеченной жизни, чтобы рисковать вѣчными муками ради возможности внести каплю сознанія въ головы обездоленной братіи, крестьянъ и рабочихъ, можетъ только натура высокаго качества, сердце чистое и разумъ ясный. Зная это, каждый стремился ухватиться чувствомъ своимъ, своимъ воображеніемъ за дорогой, прекрасный образъ, находя въ немъ подтвержденіе своей правоты и украшеніе своей суровой жизни.

Составъ каждаго процесса разсматривался, какъ новое откровеніе, и старались тщательно собирать малѣйшія подробности о личности каждаго соучастника. Такъ было и на этотъ разъ. Мы, члены процесса «193-хъ», уже сидѣли окученные въ Петербургѣ, часть—въ Предварительномъ, часть—въ Петропавловскѣ, и дивились тому, что насъ такъ долго не передаютъ суду, когда узнали всякими тайными способами, что

термы наполнены новымъ составомъ «преступниковъ», особенно богатымъ женскимъ персоналомъ. Это являлось чрезвычайно интереснымъ и ограднымъ. Интереснымъ особенно потому, что многія женщины, сплошь молодая, оказались воспитанницами институтовъ, были прекрасны собой и имѣли блестящую будущность. Ограднымъ было то, что преобладаніе женскаго элемента въ процессѣ пятидесяти свидѣтельствовало о серьезности направленія женскаго интеллекта, такъ долго хранившагося подъ судомъ. Вторая половина, мужская, включала въ себя нѣсколько доблестныхъ кавказцевъ, студентовъ. Они и наиболѣе выдающіяся женщины были все слушателями Цюрихскаго университета и оттуда вернулись въ Россію организованной группой и стали пополнять оной составъ лучшей молодежью, вращаясь, главнымъ образомъ, среди городскихъ фабричныхъ рабочихъ.

Какъ и гдѣ къ нимъ присоединилась Гезя Гельфманъ, я не знаю. Съ ней я познакомилась въ Литовскомъ замкѣ, куда нашихъ женщинъ (по процессу 193-хъ) перевезли передъ отправкой въ Сибирь. Дѣвушка, не получившая и средняго образованія, изъ простой рабочей семьи, Гезя не только не была диссонансомъ среди изящнаго женскаго общества своей организаціи, она, на мой взглядъ, явилась живымъ, яркимъ цвѣткомъ въ обществѣ лицъ, подернутомъ флеромъ свѣтской выправки. Въ яркій румянецъ, блестящіе глаза и особенно звонкій, искренній смѣхъ очень пріятно оживляли наше общество, всегда сильно озабоченное возможностью вернуться какъ можно скорѣе къ прерванной революціонной работѣ. Молодая, еще недостаточно искушенная жестокими ударами, щедро сыпавшимися на головы обреченныхъ себя на неустанную борьбу съ гнетомъ царизма, Гезя, напротивъ, была счастлива, вполне счастлива въ новой средѣ. Здѣсь ее любили и, главное, цѣнили тѣ ея качества, тѣ свойства ея души, за которыя она вынесла столько борьбы и поненій въ своей родной средѣ, гдѣ и прошла ея юность. Какъ милое найденное дитя, она была общей любимицей и своимъ присутствіемъ выводила насъ изъ области серьезныхъ соображеній въ міръ обыкновенной, но скорѣе радостной жизни, усыпанной блестками остроумія, юмора и забавныхъ анекдотовъ изъ жизни ея сородичей и собственныхъ переживаній. Отсюда, изъ кружка дружныхъ людей, преданныхъ своей идеѣ и своимъ товарищамъ, счастливая Гезя обращалась назадъ, къ далекому прошлому, какъ къ безсильному чудовищу, чувствуя себя вѣдь его досягаемости. Тамъ, гдѣ-то далеко остались и проклятіе отца, и преслѣдованіе родни, и наемъ близкихъ. Она свободна, но и не одна. Любая изъ товарокъ, своего или другого процесса, замѣнитъ ей и сестру, и мать, смотря по возрасту. Все вмѣстѣ встрѣчаютъ ее улыбкой и отзываются ласковымъ смѣхомъ на ея раскаты звонкаго веселья. Она увѣрена, что, возвращаясь съ казенной работы, войдетъ въ атмосферу любви и внимания и сама входитъ съ готовымъ, неподдѣльнымъ привѣтомъ.

Въ просторной камерѣ, за большимъ, длиннымъ столомъ сидятъ и осужденныя, и жены вольныя, получившія милость сопровождать на каторгу своихъ мужей, и всѣ онѣ заняты ручными работами, снаряжая цѣлые транспорты ссыльныхъ. Но вотъ входитъ Геся, за ней тихая Аня Топоркова, и сразу въ камерѣ говоръ и смѣхъ, и всѣ лица устремлены на румяныя щеки черноволосой Геси, совсѣмъ забывшей, что она просидѣла только-что за огромными пальцами, сопнувшись, часовъ пять-шесть. Въ сосѣдней камерѣ стоялъ промадный инструментъ, обтянутый бѣлой тонкой матеріей, по которой Аня и Геся вышивали гладью «казенный» заказъ. Старшая надзирательница очень настаивала на скорѣйшемъ окончаніи заказа, ссылаясь на высокую особу, для которой онъ готовился. Но дѣвушки, приговоренныя къ работамъ, пользовались присутствіемъ въ тюрьмѣ значительной группы своихъ товарокъ и не спѣшили потворствовать рвенію своего непосредственнаго начальства. И сама «старшая» относилась къ обѣимъ «арестанткамъ» съ довѣріемъ и уваженіемъ, признавая ихъ облагораживающее вліяніе на уголовныхъ женщинъ, рядомъ съ которыми шали подружки жили. Первые мѣсяцы въ Литовскомъ это житіе было для нихъ истиннымъ наказаніемъ, и только мало-по-малу онѣ смогли отвоевать себѣ сносная условія заключенія, внушивъ къ себѣ уваженіе всѣхъ окружающихъ. Обѣ онѣ, Топоркова и Гельфманъ, жили дружно, какъ сестры. Мнѣ казалось, что онѣ точно слились въ одно цѣлое, дополняя одна другую: Аня была совсѣмъ бѣлокурая, нѣжнаго цвѣта лица, съ тихимъ взглядомъ и такой же улыбкой; голоса она не возвышала, говорила ровно, спокойно, какъ-будто немного грустно; она и вѣдыхала часто. Когда онѣ входили къ намъ изъ-за плетца, Геся выступала впереди живо и шумно, Аня, какъ добрая тѣнь, выступала за ней молча.

Все это переживалось въ июнѣ и въ июль 1878 года, но такъ живо сохранились въ памяти образы обѣихъ дѣвушекъ, что трудно себѣ представить, будто ихъ нѣтъ, или будто это такъ давно было. Тогда новыя лица, новыя встрѣчи оставляли во мнѣ глубокое впечатлѣніе, и всегда внѣдрялись въ мое представленіе потому, вѣроятно, что общественная жизнь, связанная съ множествомъ участниковъ въ ней, была для меня новостью вообще. Свою юность и часть молодости я провела въ глухой провинціи, долго вела культурную работу въ одиночку, а потому—съ помощью небольшого крута лицъ въ той же глухой провинціи, за немногими исключеніями. Между тѣмъ, меня всегда тянуло къ людямъ—сопрудникамъ, и каждый новый типъ близкихъ по духу лицъ приковывалъ къ себѣ мое вниманіе, какъ гнѣздо драгоцѣнное, не только интересное. Душа моя всегда была готова любить, и ужъ не отъ меня зависѣло удержатъ эту любовь навсегда или на время.

Можетъ-быть, потому и образы двухъ дѣвушекъ, особенно Геси Гельфманъ, сохранились такъ живо, что тѣ дни, что мы прожили вмѣстѣ.

были точно праздники для женщинъ, собравшихся въ Литовской тюрьмѣ. Праздникомъ была эта совмѣстная жизнь для однихъ послѣ долгого одиночества, для другихъ послѣ непріятныхъ мытарствъ въ хлопотахъ о слѣдованіи за мужьями, а для нашихъ двухъ «хозяекъ», какъ мы ихъ называли, по той простой причинѣ, что съ нашимъ появленіемъ имъ стало и много веселѣе и много свободнѣе. Ихъ работа дѣлилась между пальцами и хлопотами кормленія большой кампаніи, устройства «комфортовъ» для прибывшихъ и всяческой суеты, сопряженной съ прибытіемъ численной кампаніи.

Наше дружное сожительство и энергичная подготовка къ отъезду въ далекій суровый край вызывали громкіе разговоры, энергичныя сужденія и на-ряду съ шими звонкій смѣхъ Геси, всегда вставлявшей остроумное словцо. Надо полагать, что Литовскій никогда не видалъ въ стѣнахъ своихъ ни болѣе изящнаго, ни болѣе дѣятельнаго общества. Александра Ивановна Корнилова, теперь Морозъ, собиралась въ трущобу Уральскихъ горъ, какъ административно-высылаемая, Лариса Васильевна Ошестубъ, Анна Дмитриевна Чарушина и жена Тимофея Квятковскаго,—арестованныя передъ отправкой въ Сибирь вмѣстѣ съ ихъ мужьями. Елена Медвѣдева изъ процесса 50-ти—въ Сибирь на поселеніе; Софья Андреевна Иванова, теперь Борейша, тогда отправляемая въ Архангельскую губернію по совокупному приговору, за участіе въ Казанской демонстраціи 1876 года и какъ членъ процесса 193-хъ; милыя дѣвушки Елена Прушакевичъ и Фруза Суплинская, обѣ въ ссылку послѣ «большого» процесса; наконецъ, и я, уже осужденная по этому же процессу. Можетъ-быть, были еще одна-двѣ женщины, но я ихъ не упомню. Но и этого общества было достаточно, чтобы совмѣстно съ «хозяйками» просторная камера съ большимъ столомъ, служившимъ и для нашихъ трапезъ и для нашихъ работъ, была полна оживленія и разнообразнаго говора. И немудрено, что старшая надзирательница, вдова какого-то военнаго чина, дама петлутая и бывалая, очень охотно заходила въ нашъ павильонъ и также охотно вступала въ разговоръ подъ предлогомъ какихъ-нибудь тюремныхъ правилъ. Она, видимо, поразгалася спокойнымъ, дѣловымъ тономъ, съ какимъ мы обсуждали наши приготовления къ жизни въ ссылкѣ и на каторгѣ. Ее особенно коробили слова: «каторжане», «кандалы», «централка» и т. д. совсѣмъ, по ея мнѣнію, непристойныя, страшныя въ обществѣ изящныхъ, красивыхъ женщинъ, какими были, напримѣръ, Лариса Васильевна, Елена Медвѣдева, Фруза Суплинская, Елена Прушакевичъ; въ обществѣ столь высокообразованныхъ, какъ Александра Ивановна; въ обществѣ такихъ молодыхъ и женственныхъ, какъ Софья Андреевна и наши «хозяйки». Она слушала, широко раскрывъ глаза, точно не вѣря, что всѣ эти добрыя, деликатныя женщины такъ спокойно и просто принимаютъ на свои изящныя плечи удары судьбы, точно онѣ родились съ предчув-

ствіемъ этихъ ударовъ, точно съ дѣтства прочли ихъ предсказаніе на крикахъ своей участи. Не было ни рисовки, ни аффектація, ни сожаленій, ни бравурства. Былъ самый обыкновенный разговоръ о томъ, что взять съ собой и какъ уложиться при маломъ размѣрѣ сумокъ и всѣа дозволенныхъ закономъ лишеннымъ правъ и даже «вольнымъ» женамъ».

Такое положеніе вещей предвидѣлось за всѣ четыре года, что мы сидѣли въ тюрьмахъ до приговоровъ. Мы такъ близко освоились съ этимъ положеніемъ, что теперь, въ обществѣ миломъ и близкомъ не могли говорить о немъ иначе, какъ оживленно и бодро. Для надзирательницы, привыкшей сочетать понятія о каторгѣ и о кандалахъ съ понятіемъ позора, это было непонятно въ виду высокой человечности и неапреклонной гордости, съ какими политическія женщины встрѣчали безпощадную жестокость своихъ всеобщихъ враговъ.

23 іюля и меня повезли въ Сибирь. Сперва по желѣзной дорогѣ. Насъ было десять человекъ арестантовъ съ «вольными женами», на каждомъ было по два жандарма съ офицеромъ во плавѣ. Грустно было отрываться отъ дружной дорогой семьи, среди которой были особенно близкія привязанности. Мы утѣшали себя тѣмъ, что никто не останется въ ссылкѣ надолго, что всѣ мы скоро вернемся продолжать насильственно прерванную работу. Условившись въ шифрахъ, въ адресахъ, внесли поправки въ будущій образъ дѣйствій, въ политическую тактику.

Никто не прощался навсегда, напротивъ,—чувствовалась необходимость воли и успѣха. И мы, дѣйствительно, жадно слѣдили за жизнью другъ друга. Кто первый бѣжалъ, куда бѣжалъ, въ какой революціонной группѣ примкнуетъ?.. Проходили мѣсяцы, чувство томилось и напрягалось. Тутъ доходили извѣстія. Вдругъ слышно: Софья Андреевна Иванова, наша «Шушка», какъ ее звали по породе Шуша, откуда она появилась 17-лѣтней революционеркой,—уже въ Петербургѣ, принятая восторженно въ сердце революціонной работы. Еще возвращались молодцы силы въ родное гнѣздо. Вернулась и Гезя Гельфманъ. Собрались, и —молчокъ. О вернувшихся мы не имѣли никакихъ свѣдѣній. Закапѣла спять конспиративная работа, только «покушенія» и «взрывы» говорили открыто о мощи, дѣйствующей пдѣ-то глубоко, въ нѣдрахъ русской души.

Сколько тревоги, сколько трепетныхъ ожиданій... Сколько мучительныхъ дней и шорыжаній... Ахъ, кто только не шорывался уйти, вернуться къ соратникамъ, чтобы вмѣстѣ бороться, вмѣстѣ умереть...

Ни пароходовъ, ни желѣзной дороги, ни шоссеиной же было въ то время въ Сибири. Рвались и бѣжали, рискуя всѣмъ, и только Западная Сибирь дала нѣсколько удачныхъ побѣговъ. Дикая тайга и Байкаль ограждали пути ея восточной части. Каторга и Ледовитый океанъ ожидали смѣльчаковъ Забайкалья... А тамъ, въ Европейской Россіи надры-

нашихъ силы и грохоталъ динамитъ. Они сдѣлали свое дѣло, они разъ навсегда подорвали величіе, разрушили ореолъ, окружившій ликъ самодержавія, и фактически лишили Россію царей. Александръ III всѣ 13 лѣтъ своего царствованія провелъ въ Гатчинѣ подъ диваномъ, приставивъ ко рту четверть съ зеленымъ виномъ. А на судѣ въ 1907 году по дѣлу о заговорѣ противъ Николая II прокуроръ воскликнулъ, произнося свою обвинительную рѣчь: «Они лишили Россію царя, они атрепанили его въ царскосельскаго и гатчинскаго обывателя»... Публика переглянулась,

Да, народovolъцы пробили широкую брешь въ исторіи всероссійской психологін, и да будетъ имъ вѣчная слава. И тебѣ, цвѣтокъ далекой Палестины, отдавшій свои молодыя силы, свое молодое счастье на благо всѣхъ, тебѣ, принимавшей участіе въ смертельныхъ подвигахъ твоихъ товарищей, тебѣ, Гезя Гельфманъ, да будетъ вѣчная память и торжачая любовь всѣхъ насъ, и теперь и всегда.

К. Брешковская.

Мелочи прошлого,

А. Э. Керенский в борьбу за Учредительное собрание в 1915 г.

(Доклад Директора Департамента Полиции от 18 августа 1915 г.).

По имеющимся в моем распоряжении сведениям, происходящим в настоящее время на политической почве забастовки рабочих, а также волнения среди них являются результатом революционной деятельности членов социаль-демократической и трудовой фракций Государственной Думы, и главным образом лидера последней присяжного повременного Керенского. Революционная деятельность Керенского выразилась в лозунге «борьба за власть, за учредительное собрание» и сводилась к систематическому дискредитированию в глазах масс Правительственной власти и инспирированию революционных выступлений, кои им тщательно и систематически готовились. Подготовка эта выразилась в устройстве Керенским ряда собраний в столицах и провинции, которые он обязал агитировать и информировать революционные силы. Видя, что партия социалистов-революционеров одна не может в скором времени поднять массы, Керенский организуя совещание, вверил съезд представителей партий социалистов-революционеров, народных социалистов и трудовиков для объединения в борьбу за созыв учредительного собрания. Этот съезд из представителей как обих столиц, так Сибири и Европейской России, состоялся в квартире Керенского под его председательством и вынес целый ряд революционных резолюций об изменении существующего государственного строя. Далее Керенский, проводя в жизнь эти резолюции в своих речах в Государственной Думе, одновременно через своих единомышленников внушает рабочим массам не ограничиваться одним протестом против тех или иных событий в своих выступлениях, а последние сопровождать непременно требованием учредительного собрания. Для успеха этих требований Керенский рекомендует рабочим устраивать явочным порядком собрания на улицах (массовки) и на заводах, создавать заводские коллективы (организации) для образования по образцу 1905 года Совета Рабочих Депутатов, чтобы в известный момент направить движение в определенную сторону, имея лозунгом «созыв учредительного собрания», которое и должно взять в свои руки оборону страны, так как, якобы, иначе правительство заключит мир с целью подавить рабочее движение. Для большего успеха своей агитации Керенский распространяет среди рабочих слухи, что им получается масса писем из провинции и армии с требованием свержения дома Романовых и взятия власти в свои руки.

Изложенная преступная деятельность Керенского привела к тому, что настоящее стачечное движение, несмотря на протест социаль-демократов ленинского толка, имело успех лишь потому, что ленинцам социаль-демократы ликвидаторы и социалисты-революционеры народники определенно отвечали, что их «думские депутаты уже больше не будут стучаться в пролетарскую дверь в поисках сочувствия и поддержки» и что было бы преступным со стороны представителей пролетариата не поддерживать депутатов.

Предлагая в целях пресечения дальнейшей революционной деятельности произвести аресты наиболее активных революционных деятелей, прошу указания вашего сиятельства как надлежит поступать в отношении главного руководителя настоящего революционного движения члена Государственной Думы Керенского.

18 августа 1915 года.

Второе 1 марта.

Покушение на императора Александра III въ 1887 г.

(По неизданнымъ источникамъ).

И, покончивъ борьбу, вспомянувъ нашу судьбу,
Обвинять насъ потомки не станутъ
И въ свободной странѣ оправдаютъ вполне,
Добрымъ словомъ погибшихъ вспомянутъ *).

I.

Послѣ 1 марта 1881 года старая гвардія Народной Воли понесла чувствительныя потери, которыя вѣрнѣе теперь назвать ея поражениемъ. Изъ рядовъ партіи выбыли энергичные бойцы, беззабѣтно преданные дѣлу революціи, обаятельные люди, заражавшіе своимъ примѣромъ молодежь, революціонеры съ желѣзнымъ характеромъ и искренней вѣрой въ успѣхъ своего дѣла, въ правоту своихъ убѣжденій и поступковъ. Къ 1883 году Народная Воля носила въ себѣ злокачественную, смертельную

*) Изъ стихотворенія, написаннаго послѣ казни 4 ноября 1880 г. А. А. Квятковскаго и А. К. Прѣснякова и напечатаннаго въ № 4 «Народной Воли».

Матеріаль о «Второмъ 1 марта» распадается на три группы: воспоминанія и статьи, напечатанныя въ Россіи и за границей, печатные отчеты Департамента Полиціи и, наконецъ, официальные документы, не бывшіе въ печати (рядъ цѣнныхъ свѣдѣній я почерпнулъ изъ разговоровъ съ участниками дѣла І. Д. Лукашевичемъ и М. В. Новорусскимъ, за что имъ приношу глубокую благодарность).

Воспоминанія шлиссельбуржцевъ М. В. Новорусскаго и І. Д. Лукашевича («Какъ я за что попалъ въ Шлиссельбургъ» М. В. Новорусскаго помѣщено въ «Быломъ» за 1906 г., № 4, «Воспоминанія о дѣлѣ 1 марта 1887 года» І. Д. Лукашевича напечатаны въ томъ же журналѣ за 1917 г., №№ 1 и 2)—цѣннѣйшіе документы, первоисточники, много разъясняющіе, и удивляешься памяти людской, точной не только въ главныхъ чертахъ, но и въ деталяхъ.

Биографическія свѣдѣнія о главаряхъ «Второго 1 марта» даны въ «Галлерей Шлиссельбургскихъ униковъ». Объ І. Д. Лукашевичѣ и М. В. Новорусскомъ напечатаны статьи В. Н. Фигнеръ, объ А. И. Ульяновѣ—воспоминанія его сестры А. И.

болѣзнь—предательство. Дегаевщина окончательно расшатала когда-то крѣпкій организмъ партіи, и работа ея замираетъ. Въ слѣдующемъ году дѣлаются попытки со стороны Распорядительной Комиссіи, выбранной на Парижскомъ Съѣздѣ, примирить разныя партійныя теченія, обновить самый составъ организаціи и съ молодыми силами поставить работу, что называется, на рельсы. Пріѣздь Г. А. Лопатиня, посланнаго въ Рос-

Ульяновой, имѣются замѣтки М. В. Новорусскаго о казенныхъ первомаковцахъ: П. Я. Шевыревъ, В. Д. Генераловъ, П. И. Андреюшкинъ и В. С. Осипановъ. Современная событію легальная пресса «безмолствовала», если не считать небольшого официального извѣщенія объ арестѣ на Невскомъ проспектѣ трехъ студентовъ съ бомбами и напечатаннаго послѣ казни пятерыхъ первомаковцевъ приговора надъ осужденными. Только «Московскія Вѣдомости» сочли нужнымъ поговорить о крамолѣ. Другія газеты ограничились перепечаткой сообщеній, а «Русскія Вѣдомости», выразители стремленій либеральнаго общества, посвятили свою передовицу... «жалкимъ результатамъ ирландской полтики и отставкѣ статсъ-секретаря Гиксъ-Бича».

Обстоятельства нашего времени лишили возможности автора статьи воспользоваться отчетомъ о дѣлѣ, напечатанномъ въ заграничномъ органѣ «Свободная Россія» (отъ 1 декабря 1889 г.); пришлось лишь ограничиться пересказомъ І. Д. Лукашевича, въ его «Воспоминаніяхъ». Совершенно остались намъ неизвѣстными также строки, помѣщенные въ «Общемъ Дѣлѣ» (№ 97).

Къ источникамъ второй группы относятся «Обзоры важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ Жандармскихъ Управленіяхъ Имперіи по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ», издававшіеся ежегодно Департаментомъ Полиціи. «Обзоры»—источникъ довольно мутный, тенденціозный, но чрезвычайно важный, такъ какъ составители ихъ непосредственно пользовались документами полицейскихъ дознаній, вещественными доказательствами, отобранными при обыскахъ, и агентурными свѣдѣніями. «Обзоръ» за 1887 годъ—подъ № XII—послужилъ матеріаломъ для труда (авторъ неизвѣстенъ намъ); вышедшаго въ количествѣ ста экземпляровъ на французскомъ языкѣ и переведеннаго на русскій подъ названіемъ «Хроника социалистическаго движенія въ Россіи въ 1878—1887 гг.»; «Обзоромъ» № XII пользовались Спиридовичъ, Рожановъ и другіе официальные историки жандармской дѣятельности. Новаго всё они для насъ ничего не дали, поэтому упомянутые труды можно смѣло обойти молчаніемъ.

Третьимъ и важнѣйшимъ источникомъ для статьи служатъ всеподданнѣйшіе доклады министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. Толстого и его товарищей по жандармской дѣятельности директора Департамента Полиціи П. Н. Дурново и генерала Оржевскаго.

Александръ III, какъ его отецъ и дѣдъ, проявлялъ самую живую любознательность по политическимъ дѣламъ, а къ покушенію 1 марта 1887 года царь отнесся съ удвоеннымъ вниманіемъ. Доклады о «Второмъ первомъ марта» составлялись въ Департаментъ особенно подробно, царя знакомили съ малѣйшими измѣненіями въ ходѣ слѣдствія и обыкновенно посылали копии показаній арестованныхъ. Такимъ образомъ всеподданнѣйшіе доклады, являясь почти копіей самого слѣдствія, имѣютъ передъ нимъ и нѣкоторыя преимущества: среди нихъ сохранились бумаги, кончавшіе въ слѣдственномъ матеріалѣ, а главное, на нихъ имѣются собственноручныя отмѣтки царя, по которымъ мы можемъ видѣть, каково было отношеніе императора къ дѣлу, и лишній разъ убѣдиться в духовномъ ничтожествѣ и умственной немощи російскаго самодержца.

ию вдохнуть «душу живую» въ революціонную работу, въ началѣ дать благоприятные результаты; съ его арестомъ въ октябрѣ 1884 г. и массовымъ проваломъ революціонныхъ работниковъ фактически прекратила существованіе Народная Воля. Юридически партія умираетъ въ 1886 году, когда были задержаны видные народovolъцы: Борисъ Оржикъ, Сергій Ивановъ, Богоразъ и нѣкоторые другіе.

Народная Воля, съ которой приходилось считаться передъ короной Александра III, перестаетъ внушать опасенія правительственной власти. «Торжествующіе крики реакціи слышны повсюду», пишетъ Народная Воля въ октябрѣ 1885 года *). «Нѣтъ революціонной партіи, она погибла, благодаря строимъ мѣрамъ»,—говорятъ Плеве, Дурново и tutti quanti, радостно потирая руки.

Для департамента полиціи несомнѣнно, что арестъ зачинщиковъ, «профессиональныхъ агитаторовъ», изъ которыхъ 80 % «креакъ **), окончательно убьетъ движеніе и погубитъ даже тѣ остатки организаціи, какіе имѣются на лицо. «И если бы»,—мыслитъ обозрѣватель,—«розыски Старія Когана, Захара Васильева, Раисы Крашфельдъ, Леона Ясевича и Абрама Баха (послѣдніе двое находятся за границей) увѣнчались успѣхомъ, то можно съ увѣренностью сказать, что преступное сообщество въ данное время не нашло бы въ своей средѣ людей, способныхъ замѣнить утраченныя въ лицѣ названныхъ агитаторовъ силы ***).

Чѣмъ меньше импонируютъ правительству революціонныя выступленія, чѣмъ больше они —ослабѣваютъ, тѣмъ увѣреннѣе дѣйствуетъ власть. Партію правительство величаетъ «кучкой злонамѣреннаго элемента», которому можно приписывать самыя безнравственныя взгляды и поступки уголовнаго характера. Подобную точку зрѣнія легко воспринимають лица, чуждыя революціонной борьбѣ, попавшія въ среду враговъ правительства случайно, нравственно неустойчивыя и лири тоненія дѣлающіеся или ренегатами или предателями. Они, перейдя въ противоположный лагерь, не жалѣють красокъ на характеристику революціонеровъ ****).

*) «Народная Воля» № 11—12, статья «С.-Петербургъ, 1 октября».

***) «Обзоръ», XI, стр. 7.

****) Тамъ же, стр. 3. Оптимизмъ Департамента Полиціи послѣ 1 марта 1887 г. нѣсколько поблекъ, хотя къ тому времени удалось задержать Когана, и выданъ былъ австрійскими властями Л. Ясевичъ. По этому поводу состоялась дѣлая переписка между нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и австрійскимъ правительствомъ. Несговорчивость австрійцевъ выводила Александра III изъ терпѣнія, и онъ на докладахъ шефа жандармовъ не разъ высказывалъ свой гнѣвъ: «Это дѣйствительно по-австрійски» (12 сентября), «Надо сознаться, что подлѣе австрійскаго правительства поступить было трудно» (21 октября) и т. п.

*****) Хорошимъ примѣромъ можетъ служить поведеніе и рѣчь предателя, или, по официальной терминологіи, обвиняемаго, даншаго «подробное и откровенное показаніе, разъяснившее вполнѣ обстановку преступленій», Петра Елько, который су-

Къ 1887 году въ крупныхъ городахъ Россіи существовали отдѣльные кружки, небольшія организациі, составленныя главнымъ образомъ изъ студенчества, безъ основательной теоретической подготовки, революціоннаго опыта и достаточной выдержки. Реакціонная политика Императора Александра III, общественное безразличіе къ вопросамъ социальнымъ, проповѣдь «малыхъ дѣлъ» и совѣты «не сражаться съ вѣтреными мельницами» служили плохими проводниками революціоннаго міросозерцанія. Да и въ народнической идеологіи, въ формахъ самой организациі замѣчались основательные недочеты, которыми пытались объяснить неудачи партійной работы: «Народная Воля» слѣдовала строгой централизациі, неприемлемой для революціонеровъ новаго призыва. Около 1884 года въ Петербургѣ во главѣ съ П. Ф. Якубовичемъ образовалась «Молодая Народная Воля», оппозиція старымъ народолюбцамъ. Группа настаивала на пересмотрѣ программы, вводила въ планъ своихъ дѣйствій энергичную работу среди фабрично-заводскихъ пролетаріевъ и признавала аграрный и фабричный терроръ.

Устранять программныя и организационныя тренія приходилось все чаще и чаще. Видные революціонеры неустанно развѣзжаютъ по Россіи, идутъ навстрѣчу мѣстнымъ реформамъ, спорятъ, убѣждаютъ кое-какъ налаживаютъ и единомысліе и организационную спайку. Когда въ іюнѣ мѣсяцѣ 1886 года пишетъ Льву Тихомирову: «Можно было предполагать, что въ виду реформъ у насъ произойдетъ расколъ, но предположенія эти разсѣялись, и у насъ оказалось замѣчательное единство, несмотря на то, что мы находимся въ послѣднее время далеко другъ отъ друга, въ разныхъ концахъ Россіи; это тѣмъ оправдѣе, что служить нагляднымъ доказательствомъ тому, что мы живемъ дѣйствительною

дился по дѣлу Г. А. Лопатина. На засѣданіи суда, докладываетъ 28 мая 1887 года царю генераль Шебеко, «Елько старался доказать, что ни Исполнительнаго Комитета, ни строго организованной партіи не существуетъ, а все это на бумагахъ и игра въ правительство, основанная на томъ, что сегодня мы сапоги чистимъ, а хотимъ, чтобы завтра намъ ихъ чистили». Елько признаетъ только Лаврова, Тихомирова и еще двоихъ-троихъ за политическихъ дѣятелей, остальные, главнымъ образомъ, эмигранты, «шайка, въ которую лѣзутъ всѣ бѣжавшіе изъ Россіи, отъ мелкаго поддѣльвателя фальшивой монеты до проворовавшагося присяжнаго повѣреннаго или нотаріуса. Значеніе таковыхъ лицъ сводится къ нулю. Все это самозванцы, называющіеся громкими именами агентовъ Исполнительнаго Комитета, членовъ Распорядительнаго Комиссіи, которые губили и губятъ молодежь». Несдерживаемый судомъ П. Елько произнесъ рѣчь, пересыпанную выраженіями «сволочь», «мошеники», «проходимцы». Отъ послѣднихъ словъ Александръ III получилъ полное удовлетвореніе и, отчеркнувъ ихъ, написалъ: «Славно отдѣлалъ ихъ». Видя, что судъ безвозбранно разрѣшаетъ на засѣданіи площадную ругань, Лопатинъ просилъ предсѣдателя оградить его и другихъ подсудимыхъ отъ оскорбленій со стороны Елько. Безъ сомнѣнія, на основаніи показаній Елько составлена «вѣрная» характеристика революціонеровъ въ Обзорѣ XI, стр. 8 и 9.

жизнью, а не витаемъ въ области отвлеченныхъ принциповъ» *). Не всягда такъ благополучно оканчивалось на мѣстѣ, иногда приходилось разрѣшать сомнѣнія у авторитетныхъ лицъ. Такъ М. И. Фундаминскій **) въ то время, когда Коганъ писалъ свое письмо, отправляется изъ Москвы въ Парижъ, чтобы побесѣдовать съ П. Л. Лавровымъ по программнымъ вопросамъ.

Бесѣдовать тогдашнимъ социалистамъ народническаго толка приходилось о многомъ. Они должны были считаться со сторонниками группы «Освобожденія труда», составившейся въ 1883 году изъ чернопередѣльцевъ и объявившей о задачахъ социаль-демократовъ въ брошюрѣ Г. В. Плеханова «Социализмъ и политическая борьба». Группа устами своего лидера заявляла, что «борьба за политическую свободу съ одной стороны и подготовка рабочаго класса къ его будущей самостоятельной и наступательной роли, съ другой—такова, по нашему мнѣнью, поставка партійныхъ задачъ», единственно возможная въ настоящее время... Нужно только, чтобы русскіе революціонеры, въ свою очередь, не «слишкомъ поздно» начали дѣло подготовки рабочаго класса, дѣло, теперь уже ставшее «исполнѣ современнымъ и насущнымъ». У молодежи, разочарованной и въ народничествомъ и въ народовольчествѣ, взгляды только-что образовавшейся группы считались послѣднимъ словомъ революціонной и социалистической мысли.

Въ 1884 году выходитъ программа группы, въ слѣдующемъ напечатана вторая брошюра Г. В. Плеханова «Наши разногласія». Оба изданія имѣютъ огромный успѣхъ, одно—какъ необходимая и дѣйствительная замѣна народовольческой программы, другое—какъ удачная и яркая полемика съ народничествомъ. Здѣсь авторъ выступилъ съ критикой народническихъ взглядовъ на роль капитализма и общины въ Россіи. Пусть, говоритъ Г. В. Плехановъ, «русскіе социалисты изъ привилегированной среды оставляютъ всякіе помыслы о захватѣ власти, представляя его нашей рабочей социалистической партіи будущаго. Ихъ усилія направляться могутъ лишь къ созданію такой партіи и къ устраненію всѣхъ условій, неблагоприятныхъ для ея работы и развитія».

Ничего подобнаго не приходилось слышать до сихъ поръ нашей молодежи отъ руководителей революціоннаго народничества. «Въ революціонной литературѣ,—пишетъ Л. Шинко въ дополненіи къ извѣстной книгѣ Туна, —сталъ проводиться тогда взглядъ, придававшій всякому революціонному движенію характеръ историческаго процесса и отри-

*) Обзоръ XII, стр. 33.

**) Студентъ Петровской Академіи, арестованъ въ Москвѣ по дѣлу Богораза въ 1886 г., сосланъ на 10 л. въ Восточную Сибирь, участвовалъ въ Якутскомъ сопротивленіи, присужденъ на 20 л. каторги, умеръ въ 1895 г. въ Иркутскѣ. О немъ см. Обзоръ XII, стр. 11, 43, 52 и 127, и заграничное «Былое», 1903 г., № 3, стр. 203.

цавшій *научность* революціонной борьбы, подобной той, которую вела Народная Воля... Въ этой новой теоріи революціонная инициатива какъ бы уступала мѣсто безошибочному разсчету, основанному на непреложныхъ историческихъ законахъ и потому устранявшему так-называемую непроезводительную трату революціонныхъ силъ».

Къ срединѣ 80-хъ гг., кромѣ группы «Освобожденіе труда» за границей, появляются социаль-демократическія организаціи, въ родѣ Благоевской, въ самой Россіи. Большинство ихъ составляется изъ учащейся молодежи крупныхъ университетскихъ городовъ; иногда мы встрѣчаемъ распропагандированнаго рабочаго мѣстной фабрики или завода. Старонникамъ народничества приходится считаться съ послѣдователями марксистскаго ученія и осторожно вступать въ борьбу, хотя теоретическія разногласія не приняли той остроты, какъ потомъ, въ 90 и 900 годахъ *). Для русскихъ социалистовъ основы міросозерцанія не казались диаметрально противоположными, различія въ программахъ существенными, какъ позже. Пора «размежеваться» не пришла, социалистическая печать не договорилась до конца, сліяніе юбѣихъ группъ считалось возможнымъ, раздоръ, при ограниченности революціонныхъ силъ, малубнымъ и недопустимымъ. Люди разныхъ взглядовъ на ходъ социалистической борьбы могли работать вмѣстѣ.

Во время расцвѣта правительственной и общественной реакціи политическихъ кружковъ было недостаточно, къ сожалѣнію, они были изолированы другъ отъ друга, дѣйствовали по собственному плану, исповѣдывали собственное credo. Члены нарождающейся организаціи считали себя обязанными выявить свою политическую физиономію, написать программу, которая, если въ кружокъ входили народники, мало чѣмъ отличалась отъ народовольческихъ взглядовъ и была перелѣвомъ программы Исполнительнаго Комитета, хотя марксистскія вѣянія и тутъ давали себя знать. Такова, напримѣръ, программа харьковской «подгруппы», образовавшейся лѣтомъ 1886 года **).

Былъ одинъ вопросъ тактическаго характера, которымъ народвольтцы не могли поступиться—вопросъ о террорѣ. Но онъ не служилъ помѣхой для сліянія. Очень часто социаль-демократы энергично работали въ террористической организаціи и даже становились во главѣ ея. І. Д. Лукашевичъ, одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей по второму 1 марта,

*) Кромѣ народвольтцевъ и социаль-демократовъ, въ 1886 году за границей существовали «федералисты», съ Драгомановымъ во главѣ, группа «Пролетаріата» издавала въ Женевѣ газету «Walka klas», а Эльпидинъ печаталъ «Общее Дѣло», органъ «конституціоналистовъ».

**) Подгруппа просуществовала недолго и весной 1887 г. была ликвидирована. Въ нее входили: М. А. Уфландъ, С. М. Ратинъ, Г. Е. Шуръ, М. И. Туганъ-Барановскій, Н. В. Григорьевъ, М. Н. Натансонъ, В. П. Бражниковъ и др.

въ объясненій, представленномъ имъ 8 марта при слѣдствіи, писалъ: «Груды Карла Маркса, Энгельса, Лассалля, Плеханова и т. п., которые во всеоружіи знанія своего вѣка явились въ защиту четвертаго сословія, указали мнѣ путь къ исканію истины. Я вполне убѣдился въ правотѣ воззрѣній социаль-демократовъ, проникся ихъ ученіемъ. Я былъ знакомъ и съ программой Народной Воли, но эта программа, по-моему, страдала большимъ недосаткомъ теоретическаго обоснованія своей практической дѣятельности. Поэтому я и не старался стать въ ряды этой партіи» *). Социаль-демократомъ считался и другой участникъ организаціи О. М. Новорухинъ, заподозрѣнный полиціей еще въ 1885 году въ принадлеж-ности къ петербургской группѣ.

Терроръ стараются обосновать «научно» и обратить въ ономъ, осуждаютъ индивидуальныя выступленія, какъ не достигающія цѣли. Единственной формой борьбы, заявляютъ въ проектѣ программы харьковскіе народовольцы-террористы **), является систематическій терроръ. Политическій терроръ въ Россіи «не есть мсть, самосудъ или безсознательный протестъ отчаянія, ни, наконецъ, прямое средство ниспроверженія существующаго экономическаго строя, а временная сознательная и разсчитанная борьба противъ столповъ деспотизма, не имѣющая подъ собой никакой почвы». Почти тоже самое говорятъ социальсты-

*) Въ «Воспоминаніяхъ», которымъ мы должны довѣрять больше, чѣмъ вынужденнымъ показаніямъ, Лукашевичъ говоритъ обратное: «Мнѣ хотѣлось войти въ организацію Народной Воли, но это мнѣ не удалось, такъ какъ въ это время уже была разбита центральная организація Народной Воли и дѣятельность ея замедла. Въ началѣ «объясненія» Лукашевича императоръ ставитъ резолюцію: «Образецъ идеала нынешней молодежи! Реализмъ, безвѣріе и только одна нелѣпая теорія».

***) «Народовольцы-террористы» вѣроятно представляли собой террористическую организацію вышеупомянутой харьковской «подгруппы»; во всякомъ случаѣ, обѣ организаціи были въ тѣсной связи. М. А. Уфляндъ входилъ въ обѣ группы, какъ Бражниковъ и Ратинъ. Харьковцы имѣли сношенія съ фракціей террористовъ 1 марта 1887 года черезъ Бражникова. Въ книжкѣ А. И. Ульянова была найдена записка: «Уф-Ланд» (страна), нѣсколько ниже чертежъ дома и другая пометка «Иван. 16» (Ивановская, 16). Жандармамъ не трудно было разобрать записку «Уф. трудная страна», найденную также при арестѣ Когана въ Москвѣ 26 января 1887 г. Прямое отношеніе къ народовольцамъ-террористамъ имѣлъ И. Мейснеръ, арестованный лѣтомъ 1887 года. Программа «народовольцевъ-террористовъ» была отпечатана не позднѣе начала 1887 г. въ видѣ брошюры съ заголовкомъ: «И къ нашему протесту присоединится протестъ самой жизни». Брошюра 7 марта при докладѣ гр. Д. Толстого посылалась царю. Александръ III на докладѣ написалъ: «Это можетъ-быть серьезный фактъ. Тѣмъ болѣе правительству слѣдуетъ энергично (изъ переправленнаго энѣргично) и твердо продолжать свое дѣло, не укланяться въ сторону и безпощадно карать враговъ». Гр. Д. Толстой со своей стороны дѣлаетъ приписку: «Обратить особое вниманіе на эту организацію Вельбицкаго, а копію съ этой записки сообщить полковнику Новицкому, такъ какъ въ ней говорится о генералѣ Дрентельнѣ».

федералисты, рѣшаясь «вести дѣятельную борьбу съ правительствомъ, основаніемъ которой будетъ служить революціонная аристократія, конечнымъ актомъ—терроръ» *). Предостерегающій голосъ Л. Тихомирова, писавшаго 5 марта 1885 г., что всѣ силы уходятъ не на переворотъ, а на терроръ и «уложить ихъ (т. е. силы) опять въ частичныя дѣла въ угоду террору—это значитъ вѣчно оставаться нулемъ» **), не только не нашелъ себѣ поддержки въ средѣ единомышленниковъ, но встрѣшилъ энергичный отпоръ. Б. Оржихъ, въ найденномъ при обыскѣ черновикѣ, возразилъ Тихомирову: «Мы будемъ употреблять всѣ усилія, чтобы по мѣрѣ возможности осуществлять систематическій терроръ, при чемъ полагаемъ, что терроръ нужно создать терроромъ и ни на минуту этого не забывать... Каждый террористическій фактъ есть шагъ впередъ... Вездѣ и всюду публика жаждетъ террора, и огромное большинство мыслящихъ людей въ Россіи приписываетъ упадокъ партіи отсутствію террора» ***).

И. Д. Лукашевичъ въ упоминаемомъ выше объясненіи признавалъ «существованіе террора, какъ рожковую необходимость, какъ стихійное явленіе до тѣхъ поръ, пока будутъ въ такомъ полномъ разладѣ политика правительства и убѣжденія передовой части русской интеллигенціи. Терроръ ускоряетъ широкую, заставляя правительство дѣлать уступки—соотвѣствующія измѣненія въ законодательствѣ» ****).

Далеко не всѣ социаль-демократы тогда были настроены благожелательно къ террору, кое-гдѣ они выступали противъ и высказывались довольно рѣзко. Эмиграція почти единодушно отвергала его, но въ Россіи людямъ, жившимъ въ условіяхъ реакціи 80-хъ гг., казалось немыслимымъ отказаться отъ рѣшительныхъ и крутыхъ мѣръ революцион-

*) Федералисты обѣщали дѣйствовать по примѣру Народной Воли, своей предшественницы, въ цѣляхъ «объединенія всѣхъ фракцій оппозиціи на вопросъ политической свободы», намѣрены были издавать въ Москвѣ органъ «соціально-революціонная партія». За содѣйствіемъ обратились къ Плеханову, В. Засуличъ, Кравчинскому и другимъ эмигрантамъ. См. Обзоръ XII, стр. 7, 8.

***) Обзоръ XI, стр. 28.

****) Обзоръ XI, стр. 28. Относительно настроенія молодежи и общества любопытна рукопись, отобранная у Генералова. Она представляла изъ себя отчетъ о положеніи революціонныхъ группъ въ юго-восточныхъ городахъ (Области Войска Донского), обозначенныхъ инициалами А, В, С. При характеристикѣ революціонной дѣятельности въ городѣ В авторъ говоритъ: «Направленіе молодежи преимущественно террористическое; многіе спрашиваютъ, отчего замолкла Н. В.; кое-кто высказываетъ желаніе скорѣйшаго устраненія Александра III. Даже военные въ массѣ недовольны реакціей, но они ограничиваются желаніемъ посадить на престолъ кого-нибудь другого». На допросахъ 5 и 11 марта Генераловъ отказался назвать автора, оправдываясь запятованіемъ, но довелъ до свѣдѣнія жандармовъ, что при неудачѣ ихъ предпріятія рѣшено было вызвать террористовъ изъ провинціи, гдѣ тоже существуютъ организаціи. Не намекалъ ли онъ на харьковскую группу?

*****) На послѣднюю фразу царь отвѣчаетъ: «Жестоко ошибается».

наго воздѣйствія на правительство. Въ вопросѣ о террорѣ социаль-демократы должны были уступать, народоувольцы здѣсь были непримиримы. Д. Коберманъ на присланную изъ-за границы социаль-демократическую анкету отвѣчаетъ: «Только люди, живущіе за границей и потерявшіе знаніе русской жизни, могутъ предлагать социаль-демократическія программы для Россіи. Теперь пора социалистовъ-революціонеровъ, а не социаль-демократовъ; послѣднимъ, можетъ-быть, принадлежитъ будущее, первымъ настоящее» *).

Несогласіе въ этомъ пунктѣ тинодца принимало формы личной отчужденности и даже настоящей вражды. «Возможна ли у насъ социаль-демократія, какъ въ Германіи? Я думаю, что невозможно», писалъ П. И. Андреюшкинъ въ началѣ 1887 года **. «Что у насъ возможно, это—самый беспощадный терроръ, и я твердо вѣрю, что онъ будетъ и даже не въ продолжительномъ будущемъ; вѣрю, что теперешнее затишье—затишье передъ бурей. Исчислять достоинства и преимущества краснаго террора не буду, ибо не кончу до скончанія вѣка, такъ какъ онъ мой конекъ, а отсюда вѣроятно выходитъ и моя ненависть къ социаль-демократамъ». Въ памятной книжкѣ Андреюшкина сохранилась запись: «у нихъ (несомнѣнно, дѣло идетъ о социаль-демократахъ) слово расходится съ дѣломъ». Видя причину распада въ страхѣ безплодныхъ жертвъ, Андреюшкинъ добавляетъ: «Каждая жертва полезна; если вредить, то не дѣлу, а личности; между тѣмъ какъ личность ничтожна съ торжествомъ великаго дѣла» ***).

Замѣтную борозду въ революціонномъ движеніи второй половины 80-хъ гг. провела дружка Ульянова, Шевырева, Лукашевича и др. Программа фракціи—попытка примирить теорію и практику народоувольчества съ социаль-демократами и дать «научное объясненіе» террору. Мысль о составленіи программы зародилась въ кружкѣ по словамъ Ульянова приблизительно во второй половинѣ декабря 1886 г. (****). «Все были согласны», пишетъ Ульяновъ въ показаніи отъ 20 марта,

*) Обзоръ XII, 6 и 7 стр.

**) Письмо Андреюшкина къ студенту Харьковскаго университета Никитину, имѣвшее, какъ увидимъ ниже, роковое значеніе для первоапрельцевъ.

***) Последняя фраза была вставлена въ обвинительный актъ для характеристики Андреюшкина. Обзоръ XII, стр. 16.

****) Андреюшкинъ 7 марта показалъ, что осенью 1886 года въ Петербургѣ онъ составилъ новую программу революціонной партіи, выработанную на основаніяхъ программы Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли и состоявшагося въ послѣдній годъ соглашенія партіи Народной Воли съ партией социаль-демократовъ, которая до этого времени сходилась въ конечной цѣли своихъ стремленій, но расходилась въ путяхъ для достиженія цѣли». Эту программу онъ имѣлъ только въ рукописномъ видѣ. О какомъ соглашеніи и о какой программѣ говорить Андреюшкинъ, сказать трудно. Вѣроятно, онъ держалъ въ рукахъ одинъ изъ многихъ проектовъ.

«что ни въ одной изъ существующихъ программъ не выставляется достаточно рельефно главное значеніе террора, какъ способа вынужденія у правительства уступокъ, и не дается удовлетворительнаго объективно-научнаго объясненія террора, какъ столкновенія правительства съ интеллигенціей, неизбежнаго, такъ какъ оно выражаетъ собой разладъ, существующій въ самой жизни и неминуемо переходящій при известной степени обостренія въ открытую борьбу. Поэтому и было рѣшено формулировать наши взгляды на терроръ въ особой специально террористической программѣ. Вскорѣ къ этому присоединилась мысль составить опытъ обще-партийной программы, которая могла бы объединить революціонныя партіи. Преемная программа Народной Воли по недостатку научной обстановки и нѣкоторой неопредѣленности своихъ положеній не вполне удовлетворяетъ революціонные кружки, и мы думали, что, исправляя эти ея недостатки и сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя измѣненія, смоги устранить всѣ существенныя причины разногласія и послужить дѣлу объединенія революціонныхъ силъ».

Мысль составить программу получила осуществленіе только въ февралѣ мѣсяцѣ 1887 года, при самомъ близкомъ участіи А. И. Ульянова, І. Д. Лукашевича, О. М. Говорухина и М. И. Основоваго *). Ульяновъ на вопросъ называлъ проектъ «опытомъ новой программы, объединяющей партіи Народной Воли и социаль-демократовъ».

Оригиналъ программы миновалъ экандармскія руки, и Ульянову, сидѣвъ въ Петропавловской кѣрѣсти, по памяти пришлось ее возстановливать. Заглавіе проекта гласило: «Программа террористической фракціи партіи Народной Воли». Приложена она была при показаніяхъ Ульянова отъ 20 и 21 марта и пошла вмѣстѣ съ докладомъ на прочтеніе императору. Первая резолюція, какую постановилъ Александръ III, была: «Эта записка даже не сумасшедшаго, а чистаго идиота» **). Приводимъ программу въ самыхъ существенныхъ выдержкахъ.

Начинается она словами, ставшими къ тому времени трафаретомъ:

«По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы—соціалисты. Къ социалистическому строю каждая страна приходитъ неизбежно, естественнымъ ходомъ своего экономическаго развитія; онъ является такимъ же необхо-

*) І. Лукашевичъ вспоминаетъ объ этомъ собраніи: «Для обсужденія программныхъ вопросовъ мы (Ульяновъ, я, С..., Г...) собрались на квартирѣ Ульянова и здѣсь, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, Ульяновъ взялся формулировать наши положенія и составить текстъ программы нашей фракціи. Онъ вышелъ въ другую комнату и довольно быстро и хорошо справился со своей задачей. Онъ прочиталъ намъ написанное, мы одобрили и рѣшили напечатать эту программу». Былое, 1917 г., № 1, стр. 40.

**) Въ началѣ было написано «идеота». Резолюціи Александра III воспроизводятся здѣсь съ точнымъ соблюденіемъ его орфографіи.

даннымъ результатомъ капиталистическаго производства и порождаемаго имъ отношенія, насколько неизбежно развитіе капитализма, разъ страна вступила на путь денежнаго хозяйства. Этотъ законъ не выражаетъ собою, конечно, единственно возможнаго пути; онъ не исключаетъ возможности болѣе прямого перехода къ социалистической организаціи народнаго хозяйства, если для этого существуютъ особо благоприятныя условія въ привычкахъ народа, въ характерѣ интеллигенціи и правительствъ. Онъ выражаетъ собой лишь ту историческую неизбежность, въ которую каждая страна приходитъ къ социалистическому строю, если ея развитіе совершается стихійно, безъ сознательнаго участія въ немъ какой-либо общественной группы. Только на известной ступени экономическаго развитія общества, при достаточной зрѣлости его, возможно осуществленіе социалистическаго идеала, и не только полное осуществленіе его, но и каждый шагъ къ нему возможенъ только какъ результатъ мѣтленія въ отношеніи общественныхъ силъ въ странѣ какъ результатъ количественнаго или качественного увеличенія силы въ рабочемъ классѣ. Только черезъ сознаніе и волю самого народа могутъ воплотиться въ его жизнь какіе-либо принципы, и только извѣстныя экономическія условія обуславливаютъ прочную подготовку народнаго сознанія къ воспріятію социалистическихъ идей. Параллельно съ экономическимъ развитіемъ страны идетъ ея политическая жизнь».

Политическія завоеванія совершаются активнымъ выступленіемъ значительной части населенія государства, таковой въ Россіи считается крестьянство. «Въ немъ еще живы,—говоритъ программа,—его старыя традиціонныя принципы—право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, свобода совѣсти и слова. Несмотря на значительное развитіе въ его средѣ мелкой буржуазіи, крестьянство еще прочно держится общиннаго владѣнія землей, а его несомнѣнная привычка къ коллективному труду даетъ возможность надѣяться на непосредственный переходъ крестьянскаго хозяйства въ форму, близкую къ социалистической». При своей отсталости и неорганизованности крестьянство можетъ сказать только «безсознательную поддержку своимъ общимъ недовольствомъ». Второй и главной революціонной силой являются рабочіе,—«естественные носители социалистическихъ идей» и проводники этихъ идей въ крестьянствѣ; они будутъ имѣть рѣшающее вліяніе при экономической и политической борьбѣ.

Роль дворянства, духовенства и бюрократіи пассивна, невелика «и у нашей нарождающейся буржуазіи. Правительство опирается на армию и черезъ нее получаетъ самодержавное могущество, потому «необходимо имѣть на нее вѣдѣніе наравнѣ съ другими общественными группами». Передовой опрядъ въ политической борьбѣ—интеллигенція. Главныя силы партіи должны влти на воспитаніе и организацію рабочаго класса и улучшеніе народнаго хозяйства. «Но при существующемъ политическомъ режимѣ въ Россіи невозможна никакая часть этой дѣятельности» *).

*) Царь отчеркнулъ фразу и написалъ: «Это утѣшительно».

«Окончательныя требованія», необходимыя «для обезпеченія политической и экономической независимости народа и его свободнаго развитія», сводятся къ восьми пунктамъ:

«1) Постоянное народное представительство, избранное свободно прямой и всеобщей подачей голосовъ безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности и имѣющее полную власть во всѣхъ вопросахъ общественной жизни.

«2) Широкое мѣстное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣхъ должностей.

«3) Самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы.

«4) Полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій и передвиженій.

«5) Націонализациа земли.

«6) Націонализациа фабрикъ, заводовъ и всѣхъ вообще орудій производства.

«7) Замяня постоянной арміи земскимъ ополченіемъ.

«8) Даровое начальное обученіе» *).

Въ отстаиваніи минимума свободы террористы рѣшили дѣйствовать заодно съ либералами **). «Что же касается до социаль-демократовъ, то наши разногласія съ ними кажутся намъ очень неуместными и лишь теоретическими»... Они сводятся, по мнѣнію авторовъ проекта, къ тому, что фракція возлагаетъ «больше надежды на непосредственный переходъ народнаго хозяйства въ высшую форму и, придавая большое самостоятельное значеніе интеллигенціи, считаетъ необходимымъ и полезнымъ немедленное введеніе политической борьбы». На практикѣ же и террористы и социаль-демократы дѣйствуютъ во имя однихъ и тѣхъ же идеаловъ и одними тѣми же средствами, поэтому фракція убѣждена, что социаль-демократы «всегда будутъ ближайшими товарищами».

«Передовой, лучшей части русскаго общества ***), — продолжаетъ авторъ программы, — все дальне и дальне приходится отстоять отъ правительственныхъ начинаній. Между правительствомъ и интеллигенціей произойдетъ разрывъ уже давно, пропасть увеличивается съ каждымъ днемъ. Въ борьбѣ съ революціонерами правительство пользуется крайними мѣрами устрашенія, поэтому и «интеллигенція вынуждена была прибѣгнуть къ формѣ борьбы, указанной правительствомъ, т. е. террору ****). Терроръ есть, такимъ образомъ, столкновеніе правительства съ интеллигенціей, у которой отнимается возможность мирнаго культурнаго воздѣйствія на общественную жизнь». Чѣмъ сильнѣе будетъ гнеть, тѣмъ чаще будутъ происходить «террористическіе факты и правительство будетъ оказываться въ этой борьбѣ все болѣе и болѣе изолированнымъ».

*) «Чистѣйшая комунна», — пишетъ Александръ III, прочитавъ параграфы.

**) Резолюція Царя: «Къ сожалѣнію это уже давно и безъ того такъ».

***) Александръ III иронически восклицаетъ: «Дѣйствительно это все перлы Россіи».

****) «Ловко», — замѣчаетъ царь.

Успех такой борьбы несомненен» *). Террор должен действовать систематически и, дезорганизуя правительство, окажет огромное психологическое воздействие: он поднимет революционный дух народа, подорвет обаяние правительственной силы и подвигнет пропагандерским образом на массы **). Фракция стоит за децентрализацию террористической борьбы: пусть волна красного террора разольется широко и по провинции, где система устрашения еще больше нужна, как протест против административного гнета.

Террор немедленно прекратится, если правительство удовлетворит минимум свободы и гарантирует выполнение следующих условий: «1. Полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и передвижений. 2. Созыв представителей от всего народа, выбранных свободно прямой и всеобщей подачей голосов, для пересмотра всех общественных и государственных форм жизни. 3. Полная амнистия по всем государственным преступлениям прошлого времени».

Программу едва ли увидели все участники второго 1 марта. Некоторые из них не могли даже ее прочесть, так как она не была готова и даже к 25 февраля не переписана набело. Ульянов читал проект в этот день одному Осипанову на квартирѣ у Канцера ***). Рукопись, как показал Горкунов 4 марта, имѣла карандашные пометки. «Канцера» мне сказал, — откровенничают Горкунов, — что Ульянов принесет программу для того, чтобы Осипанов мог повторить ее передъ судом».

II.

Образованию фракции предшествовали события, которые содействовали знакомству будущих ее членов, а при постоянно поддерживавшемся между ними общении укрепили это знакомство въ дружескую связь. Главаря фракции принадлежали къ петербургскому студенчеству, среди котораго, несмотря на полный общественный застой, билась кое-какая жизнь: существовали политическія организации новиннаго характера, похожія скорѣе на кружки самообразования, работало подъ руководством профессора О. Миллера «Научно-литературное общество» и вѣдѣли довольно жалкое полулегальное существованіе различныя землячества. Студенчество, стремившееся къ политикѣ и желавшее найти прямые отвѣты на проклятые вопросы, имѣло аудиторію В. И. Семев-

*) «Самоуверенности много, отнять нельзя» отмѣчаетъ Александръ III на программѣ.

**) Лукашевичъ высказался о террорѣ нѣсколько по-другому: «Я считаю главной задачей всякой революціонной дѣятельности пропаганду и организацію, а неизбежный терроръ только, какъ содѣйствіе». Объясненіе 8 марта.

***) Лукашевичъ пишетъ, что программа читалась всѣмъ собравшимся, а съ Осипановымъ Ульяновъ имѣлъ продолжительное собесѣдованіе по различнымъ политическимъ вопросамъ». «Бѣлое», 1917 г., I, стр. 41.

скаго. «Когда онъ читалъ о крестьянскомъ движеніи XVIII ст. въ Россіи, то не только всѣ скамьи были заняты слушателями, но и проходы и окна. Такъ хотѣлось уроками прошлаго освѣтить темное настоящее», вспоминаетъ І. Д. Лукашевичъ *). И къ лекціямъ В. И. Семеновскаго и къ студенческимъ организаціямъ, будь то музыкальный или литературный кружокъ, научное общество или просто собраніе землячествъ, «поставившее себѣ цѣлью» элементарнѣйшее удовлетвореніе запросовъ студенчества,—правительство относилось подозрительно и мало по малу вывело эту «крамолу» изъ университета **). Землячества перешли на нелегальное существованіе и въ послѣдствіи приравнялись властью къ тайному революціонному сообществу. Въ землячествахъ каждый членъ дѣлалъ небольшой взносъ, изъ которыхъ составлялся капиталъ для поддержки нуждающихся товарищей; бывала при землячествахъ и библиотека, откуда брали нужный учебникъ, беллетристику, книжку толстаго журнала и нерѣдко послѣднюю новинку революціоннаго подполья—прокламація, листовки и брошюры. «Что дѣлать»—это своеобразное евангеліе шестидесятниковъ—было непременнымъ «воздемъ земляческой библиотеки, а томъ Маркса, на котораго спросъ не ослабѣвалъ, окончательно упрочивалъ за библиотекой репутацію болатой и даже пижарской.

Въ началѣ 1886 года,—рассказываетъ М. В. Новорусскій, членъ новгородскаго землячества, —организовался союзъ землячествъ (такъ организовывался онъ, можетъ-быть, десятки разъ) ***) , который среди другихъ своихъ цѣлей, какъ-то: саморазвитіе, касса, библиотека, выставлалъ, между прочимъ,—спрашно сказать,—выработку сознательныхъ революціонеровъ. Я говорю объ этомъ съ нѣкоторой шроніей, потому что на самомъ дѣлѣ выработки никакой не было, а были изрѣдка собранія де-

*) «Воспоминанія», «Былое», 1917 г. I, стр. 29.

**) В. И. Семеновскій прекратилъ чтеніе лекцій въ концѣ 1885 года. Студенты рѣшили поднести ему адресъ и предполагали 8 февраля устроить демонстрацію протеста, въ концѣ концовъ отвергнуто. По этому поводу вышла прокламація; авторомъ ея полиція считала вольнослушателя С. Ашиткова, котораго и арестовала, а потомъ административно выслала. Адресъ В. И. Семеновскому за подписью 600 членовъ отвезли на квартиру студенты Звѣревъ, С. А. Переселенковъ, А. И. Александринъ и др. «Голосъ Минувшаго», 1916 г. № 10 и Обзоръ XI, ч. II, стр. 14, 30 и 31.

***) Союзъ студенческихъ организацій, носившій различныя наименованія—Студенческій Союзъ, Общестуденческій Союзъ, Союзъ Землячествъ, Союзный Союзъ, образовывался не разъ въ городахъ съ высшими учебными заведеніями въ продолженіи 80, 90 и начала 900 гг. Союзный Совѣтъ начала 900-хъ годовъ игралъ немаловажную роль въ исторіи студенческихъ движеній. Въ то, приблизительно, время, когда организовался Союзъ Землячествъ, Департаментъ Полиціи ликвидировалъ Общестуденческій Союзъ. 19 мая 1886 г. Александръ III подписалъ членамъ его—П. Аргунову, П. Соколову, В. Романовскому и др. административную высылку въ разные мѣста Сибиря и Европейской Россіи. Обзоръ VIII, стр. 29; IX, стр. 73, 129.

путатовъ отъ землячествъ, которыя происходили довольно вяло и безъ-жизненно» *).

Слабую дѣятельность союза оживилъ въ свое время и полицейскій надзоръ, слѣдившій за землячествами и видѣвшій въ нихъ благоприятную почву для развитія революціонной пропаганды. Однимъ изъ энергичнѣйшихъ организаторовъ союза былъ Петръ Яковлевичъ Шевыревъ **).

Для Шевырева союзъ былъ переходной ступенью къ настоящей революціонной дѣятельности. Изъ членовъ союза онъ предполагалъ выбрать подходящий элементъ, годный для будущей борьбы и готовый служить дѣлу революціи безъ страха и упрека. Своими мыслями онъ по-дѣлился съ І. Д. Лукашеничемъ, одобрившимъ его предположенія.

Осенью 1886 года организація начала дѣйствовать. Представителями землячествъ кромѣ Шевырева и Лукашенича оказываются Ульяновъ, Новорусскій и нѣкоторые другіе изъ тѣхъ лицъ, которымъ потомъ суждено было принимать участіе въ заговорѣ 1 марта ***).

Какъ ни старались объединить отдѣльныя ячейки гаварии союза, какъ не пытался оживить дѣятельность самого союза такой неумирующей человѣкъ, какъ Шевыревъ, результаты получались слабыя. Слишкомъ

*) «Былое», 1906 г., IV, 68.

***) Шевыревъ, сынъ купца г. Харькова, родился 29 июня 1863 г., прошелъ 3-ю Харьковскую гимназію и въ 1883 г. поступилъ въ Петербургскій университетъ. Въ томъ же году онъ переходитъ въ университетъ родного города на естественный факультетъ, въ 1884 году по настоянію своего брата, боявшагося за здоровье П. Я. — у него была чахотка — снова прѣзжаетъ въ северную столицу, чтобы пользоваться совѣтами медицинскихъ знаменитостей. Несмотря на болѣзнь, подвижной, всегда тревожный и тревожащій, съ недюжинными организаторскими способностями, Шевыревъ былъ олицетворенная инициатива. Въ его головѣ одинъ планъ слѣдовалъ за другимъ, который смѣнялся новымъ проектомъ. Революціонныя взгляды, воспріятыя Шевыревымъ на гимназической скамьѣ, требовали практической дѣятельности, звали на опасную дорогу борьбы съ правительствомъ. Окунувшись съ головой въ тайныя студенческія организаціи, Шевыревъ рѣшается вмѣстѣ съ немногими изъ своихъ товарищей осуществить объединеніе землячествъ и различныхъ студенческихъ касъ.

***)) Этимъ не ограничилась дѣятельность Шевырева. Пользуясь пожертвованіями, сборами съ концертовъ, онъ замышляетъ открыть студенческую столовую, о которой мечталъ еще въ 1885 г. товарищъ Шевырева О. М. Говорухинъ, попавшійся полиціи съ рукописнымъ уставомъ кухмистерской для учащихся. Въ золотыхъ рукахъ Шевырева столь заманчивый для студенчества планъ получаетъ осуществленіе. Въ октябрѣ 1886 г. онъ посвящаетъ въ него студента Канчера. «Мысль эта меня запыла», показывая въ послѣдствіи на допросѣ Канчеръ, «и я началъ дѣятельно помогать Шевыреву въ устройствѣ кухмистерской; прислана была Шевыревымъ койка Викторія Клечинская, куплена мебель, нанята квартира на углу Средняго и Тучкова переулковъ, и для кухмистерской пошла полнымъ ходомъ и весьма успешно». Послѣ открытія столовой, выражаясь языкомъ официальнаго обозрѣвателя, «сдѣлалась вскорѣ мѣстомъ сборищъ политически неблагонадежной молодежи».

велика была реакція въ самомъ обществѣ, а студенчество—«барометръ общества»—отражало на себѣ подавленность и пассивность революціонныхъ и либеральныхъ кружковъ. Единственно чѣмъ проявилъ себя коюзъ, такъ это устройствомъ панихиды-демонстраціи на Волковомъ кладбищѣ въ 25-лѣтнюю годовщину смерти Н. А. Добролюбова. Полиція, конечно, знала объ этомъ раньше, приняла свои мѣры, и могла кричать 17 ноября увидѣла только небольшая депутація съ звѣнками. Демонстранты послѣ неудачи проникнуть на кладбище двинулись къ Невскому проспекту, чтобы идти къ Казанскому собору, но на Лиговскѣ были окружены казаками. Градоначальникъ, тогда имъ былъ Прессертъ, продержалъ студентовъ на литовской грязи нѣсколько часовъ, арестовалъ болѣе спротивившихъ изъ протестующихъ, а остальныхъ ближе къ сумеркамъ распустилъ по домамъ. Человѣкъ пятнадцать изъ арестованныхъ полиція вскорѣ выслала *). Событіе 17 ноября всколыхнуло застоявшееся болото столичной жизни. Дня черезъ два, черезъ три послѣ демонстраціи коюзъ выпускаетъ прокламацію. Въ составленіи ея и отпечатаніи несомнѣнно принимали участіе Шевыревъ, Лукашевичъ, Говорухинъ и Ульяновъ. Въ прокламаціи, хорошо отектографированной на большомъ листѣ почтовой бумаги, подъ заглавіемъ «17 ноября въ Петербургѣ», коюзъ сообщаетъ обществу о произведенныхъ полиціей арестахъ и приглашаетъ противопоставить правительственной силѣ силу **). Воззваніе раздавалось по друкамъ и высылалось почтой. Сохранился рассказъ Горкуна и Канчера, какъ 20 или 21 ноября Шевыревъ принесъ къ нимъ на квартиру пачку прокламацій, часть которыхъ была вложена въ конверты. Вскорѣ пришли Ульяновъ, Говорухинъ, студенты Горнаго института Голубятниковъ и Погребовъ ***). Справляясь по календарю, собравшіеся писали адреса на имя предводителей дворянства, председателей управъ, городскихъ головъ, профессоровъ, редакцій и общественныхъ дѣятелей. Наклеили принесенныя Ульяновымъ марки на конверты, и, выйдя изъ собранія, каждый изъ участниковъ опуттилъ воззванія въ почтовый ящикъ. При хорошо поставленныхъ черныхъ кабинетахъ, воззванія не дошли по назначенію и попали въ руки жандармовъ. Канчеръ на допросѣ могъ лицезрѣть нѣсколько конвертовъ, надписанныхъ его рукой. Подпольная литературная дѣятельность въ 1887 г. свелась къ нулю, поэтому прокламація, какъ и самое событіе 17 ноября,

*) Описание демонстраціи см. «Былое», 1906 г., IV, 69; 1917 г., I, 28.

***) «Былое», 1917 г., I, 29. Эту фразу впоследствии на судѣ оберъ-прокуроръ Невлюдовъ поставилъ въ вину Шевыреву.

***) Погребовъ Николай Федоровичъ и Дмитрій Васильевичъ Голубятниковъ повлазились за участіе въ сходкѣ у Канчера ссылкой въ Архангельскую губернію: первый—три годами, второй—пятью, какъ уже привлеченный по дѣлу Бартешева и др. Обзоръ X и XII, 17, 68, 124 и 180.

была замѣтнымъ антиправительственнымъ выпадомъ *). Вступивъ на путь политической борьбы, союзъ въ лицѣ его дѣятельныхъ представителей понималъ, что останавливаться на полдорогѣ—это значитъ отказаться отъ активной борьбы съ правительственной властью. Такимъ настроеніемъ воспользовалась принимающаяся за работу фракція террористовъ. Ея организація шла параллельно слабой и неуверенной дѣятельности союза, и Горкунъ со словъ Калчера на слѣдствіи заявилъ, что она въ сентябрѣ мѣсяцѣ уже существовала. Сообщенія Горкуна мало рѣшатъ противъ истины. Къ началу 1886—7 учебного года Шевыревъ и Лукашевичъ оказались организаторами дѣла, и само собою вышло, что составили центральную группу фракціи.

Какъ химикъ, Лукашевичъ берется за приготовленіе металельныхъ снарядовъ, предоставляя Шевыреву организовывать боевыя группы. Центральныя кружокъ—руководитель всего дѣла—рѣшилъ приступить къ образованію отдѣльныхъ боевыхъ ячеекъ, неизвѣстныхъ другъ другу и дѣйствующихъ каждая самостоятельно. Неудача одной изъ группъ могла быть исправлена выступленіемъ другой, третьей и т. д. Въ этомъ заключались «нѣкоторые организаціонныя измѣненія въ постановкѣ террористическаго дѣла», о которыхъ намекнулъ въ показаніяхъ А. И. Ульяновъ.

Руководители старались сводить новыхъ лицъ съ большою осторожностью. Сначала они пользовались ими, какъ помощниками при незначительныхъ работахъ, давая возможность только подозревать, что они находятся при дѣлѣ несомнѣнно революціонномъ. Болѣе преданнымъ предлагали принять участіе въ покушеніи, не называя лица, на которое оно готовится, и не обнаруживая другихъ участниковъ заговора. Незадолго до покушенія члены боевой группы узнавали, кого рѣшено было устранить, и до послѣдняго времени не были осведомлены о всѣхъ членахъ организаціи.

«Вобщемъ все дѣло велось злоумышленниками чрезвычайно конспиративно», — докладывалъ царю генералъ Оржевскій 9 марта, — и привлеченіе многихъ лицъ составляетъ весьма тонкій приѣмъ, въ значительной степени затрудняющій разслѣдованіе. Исключительную конспиративность отмѣчаетъ и оффиціальныя обзорѣватель революціоннаго движенія за 1887 г. Планъ покушенія былъ извѣстенъ лишь немногимъ руководителямъ, участники привлекались постепенно, какъ бы съ намѣреніемъ въ дѣло введено было больше людей, нежели того требовала

*) Изъ студенческихъ прокламацій отмѣтимъ еще одну, напечатанную въ форматѣ воззванія 17 ноября. Разсылалась прокламація по почтѣ и была озаглавлена: «Не можетъ гражданинъ спокойно смотрѣть на горе родины своей». Прокламація, подписанная «Студенты», приглашала товарищей къ большому общенію, сплоченности, образованію кружковъ, постановкѣ органа для изложенія своихъ взглядовъ и т. д.

необходимость; мало того, многіе участники и пособники до самой последней минуты вовсе не знали другъ друга. Все это, очевидно, было одѣлано съ цѣлью «бить съ толку полицію и затруднить слѣдствіе» *). Любопытно, что авторъ «отчета о дѣлѣ 1 марта 1887 г., помѣщеннаго въ «Свободной Россіи» **), дѣлаетъ совершенно другіе выводы, опираясь на тѣ же факты. Указывая на отсутствіе конспираціи въ террористической группѣ, авторъ ставитъ въ вину руководителямъ, что о приготовленіяхъ знала масса народа, конспиративныя квартиры, способы сношенія революціонеровъ между собой и т. п. не выдерживаютъ самой слабой критики. Съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Организация—тѣло такого мастера, какъ Шевыревъ,—была поставлена, судя по документамъ, строго конспиративно и образцово. Полиціи не удалось открыть многого, несмотря на откровенныя показанія Горкуна и Канчеря ***).

Дѣятельность центральной группы преобладала прежде всего людьми для исполненія главныхъ задачъ фракціи. Первой изъ нихъ было устраненіе Александра III. Въ представленіи революціонеровъ Александръ III—глава реакціи (какимъ онъ въ дѣйствительности и былъ), его смерть могла лишь порадовать свободлюбивую Россію и содѣйствовать введенію новыхъ формъ государственной жизни. Въ глазахъ террористовъ фракціи Народной Воли Александръ III былъ обреченный человекъ ****).

Лукашевичъ и Шевыревъ въ концѣ октября или въ началѣ ноября мѣсяца пригласили въ организацию своего знакомаго Звѣрева *****), но онъ отказался отъ предложенія и рекомендовалъ имъ надежнаго человека, лично ему извѣстнаго Василія Степановича Осипанова. Лучшаго выбора главаря первой террористической группы фракція сдѣлать не могла.

Свиданіе съ Осипановымъ состоялось въ оранжереѣ университетскаго ботаническаго сада. Предъ Лукашевичемъ и Шевыревымъ предсталъ брнетъ, невысокаго роста, коренастый, крѣпкаго сложенія; «судя

*) Озоръ XII, стр. 27.

***) «Свободная Россія», 1889 г. 1 февраля.

****) Канчеръ на допросѣ 12 марта заявилъ: «Шевыревъ велъ себя вообще таинственно и не только не называлъ мнѣ лишнихъ именъ, но даже не упоминалъ въ разговорахъ со мной о существованіи революціонной партіи». Слѣдуя примѣру Шевырева, дѣйствовалъ и Канчеръ. «Гдѣ образовалась и существуетъ эта организация, гдѣ и кѣмъ приготовлялись снаряды, какое ихъ устройство, когда предположались покушенія,—ничего этого Канчеръ мнѣ не сказалъ, и я не знаю.»—письм. Горкуну 3 марта.

*****) Фракціи было предложеніе изъ Москвы убить Каткова, но она отъ этого плана отказалась, такъ какъ Катковъ никакого officialнаго поста не занималъ. «Былое», 1917 г., № 1, стр. 38.

*****) Звѣревъ, студентъ сибирякъ по рожденію, не былъ открытъ полиціей, и о его участіи мало кто зналъ изъ фракціи.

но чертамъ его лица, въ немъ можно было предполагать нѣкоторую примѣсь инородческой крови. Это былъ человѣкъ чрезвычайно осмотри- тельный, осторожный (давно онъ заслужилъ кличку «коготь»), но въ то же время твердый, рѣшительный и беззаветно преданный освободи- тельному движенію. Это былъ идеальный типъ борца боевой дружины, у котораго не дрогнетъ рука въ рѣшительный моментъ и который не потеряетъ ни самообладанія, ни хладнокровія въ самую критическую минуту» *).

Родомъ изъ мѣщанъ города Томска**), Осипановъ въ 1870 г. поступилъ въ гимназію и одно время велъ дружбу съ лучшимъ реальнаго училища Б. Оржихомъ, впоследствии извѣстнымъ революціо- неромъ. Въ 1881 году онъ студентъ Казанскаго университета, хорошо подготовленный теоретически къ общественнымъ вопросамъ и револю- ціонеръ на практикѣ. Осипановъ участвуетъ въ студенческихъ организа- ціяхъ, привлекается въ 1882 г. къ изученію о Красномъ Крестѣ На- родной Воли и за посѣщеніе сходовъ исключается на годъ изъ уни- верситета. Въ 1883 году онъ снова въ Казани, осенью 1886 года пере- ходитъ въ Петроградскій Университетъ и слушаетъ лекціи на IV курсѣ юридическаго факультета.

«Я по своимъ природнымъ склонностямъ всегда чувствовалъ влеченіе къ пропагандаторской дѣятельности,—заявилъ 5 апрѣля Осипа- новъ.—И я безъ сомнѣнія остался бы пропагандистомъ, если бы не внѣшнія несоможнаго стѣснительныя условія пропаганды, какъ и вооб- ще всякой дѣятельности, несогласной съ видами правительства, хотя бы она не заключала въ себѣ ничего прямо революціоннаго, напримѣръ, устройству рабочихъ библиотекъ изъ дозволенныхъ цензурой книгъ и т. п. Преслѣдованія всѣхъ сколько-нибудь свободомыслящихъ людей, закрытія газетъ и журналовъ, политическіе процессы, въ которыхъ лю- ди присуждаются къ тяжкимъ наказаніямъ и отчеты о которыхъ не даютъ сколько-нибудь обстоятельнаго понятія, за что осуждены эти люди, изыятіе изъ библиотекъ чуть не всѣхъ порядочныхъ книгъ, даже чисто научныхъ, какъ геологія Ляйэля, Агассица; стѣсненія, такимъ подвергается учащаяся молодежь—все это не могло не озлобить меня, такъ что я, наконецъ, пришелъ къ мысли самому совершить царе- убійство».

«Лѣтомъ 1886 года рѣшеніе это настолько созрѣло, что я подалъ прошеніе въ С.-Петербургскій университетъ, куда и перешелъ осенью.

*) «Былое», 1917 г., № 2, стр. 130: «Передъ выходомъ на улицу,—говоритъ Новорусскій,—ему предложили на всякій случай яду. Онъ отказался, сказавъ, что сумеетъ выдержать до конца, и онъ дѣйствительно выдержалъ. «Галерея», стр. 221.

**) Осипановъ былъ самымъ старшимъ изъ террористической группы. Къ 1 марта 1887 года ему было 26 лѣтъ.

Я рассчитывалъ стрѣлять изъ пистолета съ оправленными мелкими пулями (или дробью) или изъ револьвера. Для этого я считалъ необходимымъ имѣть помощниковъ, которые бы слѣдили за выѣздами государя и дали мнѣ возможность выбрать удобный для произведенія покушенія моментъ. Съ цѣлью разыскать такихъ помощниковъ, я сталъ заводить знакомства. Поиски мои нѣкоторое время оставались тщельными, отчасти потому, что я потерялъ тѣ связи, на которыя надѣялся, отправаляясь въ Петербургъ, но, наконецъ, уже въ исходѣ осени я узналъ, что два человѣка имѣютъ намѣреніе предпринять что-нибудь въ террористическомъ родѣ. Съ этими людьми я познакомился, и мы рѣшили опера такъ, что я буду стрѣлять, и мнѣ будутъ даны помощники для слѣженія за выѣздами государя, и если удастся найти другое лицо, согласное стрѣлять, то стрѣлять вдвоемъ. Рѣшили искать подходящихъ людей, но вскорѣ этотъ первый планъ нами былъ замѣненъ, разросся въ болѣе обширный заговоръ, въ которомъ принялъ участіе, между прочимъ, и я*.

На свиданіи съ Осипановымъ планъ стрѣлять въ царя былъ отвергнутъ; рѣшили, что онъ выступитъ съ бомбой, а пока на него возлагалась задача хорошо изучить мѣстность у дворца. Осипановъ вскорѣ убѣдился въ невозможности наладить одному, поэтому заговорщики постановили организовать группу въ шесть человѣкъ—изъ трехъ металличниковъ и трехъ развѣдчиковъ. Во главѣ первой группы, составленной изъ студентовъ, долженъ былъ дѣйствовать Осипановъ. Одновременно со студенческой боевой дружиной образовалась другая, рабочая, главаремъ ея согласился быть юзнательный рабочій, извѣстный подъ именемъ Павла*), третья группа замѣчалась студентомъ Военной Медицинской Академіи С. А. Никоновымъ**), оказывавшимъ и раньше многія цѣнныхъ услугъ фракціи. Большое участіе въ дѣлахъ террористовъ принимали также О. М. Говорухинъ***), и М. И. Сосновскій****). Нѣ-

*) Къ сожалѣнію, фамилія рабочаго не сохранилась въ памяти І. Д. Лукашевича. Не былъ ли имъ извѣстный въ революціонныхъ кругахъ развитой рабочій Павелъ Александровичъ Зыссеръ, не разъ привлекавшійся по политическимъ дѣламъ въ маѣ 1886 года высланный изъ Петербурга и проживавшій тамъ конецъ года нелегально. О немъ см. Обзоръ за 1887 г., стр. 71, 72 и 122.

**) Причастность Сергѣя Андреевича Никонова къ дѣлу 1 марта такъ и осталась неизвѣстной правительству. Никоновъ привлекался во второй половинѣ 1887 г. по дѣлу о военно-революціонныхъ кружкахъ и административно былъ высланъ въ Восточную Сибирь на четыре года.

***) Орестъ Макаровичъ Говорухинъ, казакъ Донецкой Области, 1883 г. поступилъ на естественный факультетъ Петербургскаго университета, въ 1885 г. былъ привлеченъ въ СПб. къ дознанію по дѣлу подпольной типографіи Буткова и Теселкина. Эмигрировавъ за границу, онъ проживалъ въ Женевѣ подъ фамиліей Комарова. О немъ см. ниже и въ Обзорѣ XI, стр. 47; XII, стр. 9, 17, 20, 21 и 27; XIII, 49.

****) Сосновскій, Михаилъ Ивановичъ, сынъ чиновника, уроженецъ Полтавской

которые изъ революціонно настроенной молодежи, преимущественно учащейся, помогали фракціи чѣмъ могли и умѣли *).

Для приготовления бомбъ требовалось особое помѣщеніе, такъ какъ динамиту и гремучей ртути, въ готовомъ видѣ, достать было трудно. Лукашевичъ рѣшилъ устроить все самъ. Онъ добылъ большую часть динамита для трехъ бомбъ. На первыхъ порахъ ему приходилось готовить и азотную кислоту. Большую помощь Лукашевичу оказывалъ А. И. Ульяновъ, вступившій въ центральный кружокъ послѣ отъѣзда Шевырева, т. е. только 17 февраля. До этого Ульяновъ, знакомый террористамъ по союзу землячества, принималъ самое большое участіе въ дѣлахъ фракціи **).

губ., въ 1882 г. студентъ Кіевскаго, а въ 1883 г. Петербургскаго университета, физико-математическаго факультета. См. о немъ ниже и Обзоръ XII, стр. 27, 71 и 110.

*) «Первымъ намъ предложилъ свои услуги,—говоритъ Лукашевичъ,—въ качествѣ прямого исполнителя террористическаго акта одинъ молодой человекъ С.». С. оказался болтливымъ и о своемъ рѣшеніи разсказалъ пріятелямъ. Фракція отказалась отъ его услугъ, и С. подт. благовиднымъ предлогомъ былъ удаленъ въ провинцію. Неудачна была и вторая попытка на покушеніе. Нѣкій георгіевскій кавалеръ взялся застрѣлить Александра III при пріемѣ кавалеровъ во дворцѣ. Но изъ этого ничего не вышло. Шевыревъ тотчасъ же прекратилъ съ нимъ сношенія. «Былое», 1917 г., I, стр. 27 и 28.

***) Александръ Ильичъ Ульяновъ—старшій братъ В. И. Ульянова, извѣстнаго теперь подъ литературнымъ псевдонимомъ «Ленинъ». Родился онъ въ Н.-Новгородѣ 31 марта 1866 года, съ 1869 г. остальную, немноголѣтнюю жизнь провелъ въ г. Симбирскѣ, гдѣ его отецъ сначала состоялъ инспекторомъ народныхъ училищъ, а съ 1874 года управлялъ дирекціей.

Отецъ А. И. Ульянова, Илья Николаевичъ, принадлежалъ къ исключительнымъ для того времени дѣтелямъ и оставилъ послѣ смерти огромное духовное наслѣдство и благодарную память въ Симбирскомъ краѣ. «Сынъ бѣдныхъ и знатныхъ родителей изъ г. Астрахани,—по выраженію автора его некролога («Симб. Губ. Вѣд.» 1886 г., № 7).—И. Н. Ульяновъ достигъ положенія энергіей и горячей преданностью дѣлу. За 16 лѣтъ пребыванія въ качествѣ руководителя народнаго образованія Симбирской губерніи, онъ открылъ 434 школы съ 20,000 учащихся».

Въ атмосферѣ постоянного и перваго труда, окруженный уголкомъ согласной семейной жизни, гдѣ такъ часто повторялось далеко не безразличное слово «народъ», воспитывался А. И. Ульяновъ. Въ 1874 году онъ поступаетъ въ мѣстную гимназію. Ульяновъ въ классѣ шелъ первымъ и, поглощенный занятіями по естественнымъ наукамъ, химію онъ изучилъ основательно и даже въ кухнѣ устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ лабораторіи. Въ 1883 г. онъ кончилъ гимназію съ золотой медалью (за послѣдніе четыре года пребыванія Ульянова въ гимназіи директоромъ ея былъ Ѳ. М. Керенскій, отецъ А. Ѳ. Керенскаго).

Сестра Ульянова, Анна Ильинишна, прибывшая вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ и также привлеченная по дѣлу 1 марта, вспоминаетъ, что ея братъ «пріѣхалъ уже съ серьезной научной подготовкой, съ сильно развитой способностью къ самостоятельному труду, и прямо-таки страстно набросился на науку. Первые два года братъ жилъ очень замкнуто, выдавая лишь съ товарищами землячками, вмѣстѣ съ которыми имъ было основано скоро симбирское землячество. Занимался онъ

Выдѣлявшійся изъ обыкновенной студенческой среды, Ульяновъ въ глазахъ центральнаго кружка и близкихъ къ организаціи лицъ стоялъ весьма высоко и считался подходящимъ для фракціи дѣятелемъ и помощникомъ. Онъ не сразу согласился участвовать въ заговорѣ на жизнь Александра III. Съ ними ведутъ переговоры и Шевыревъ, и Говорухинъ, оба убѣждаютъ его вступить на путь революціонной работы и помочь имъ въ организаціи покушенія. Ульяновъ потомъ сознавался, что ему пришлось раза два или три говорить съ лицами, принимавшими активное участіе въ террористическомъ заговорѣ *). Въ концѣ концовъ всѣ мнѣнія сошлись на одномъ: «раньше осуществленія конечныхъ экономическихъ идеаловъ необходимо достичь предварительно извѣстнаго минимума политической свободы». И Ульяновъ, какъ и его товарищи, пришелъ къ заключенію, что единственное средство, могущее оказать сильное воздѣйствіе на русское правительство, есть систематическій терроръ. Разъ рѣшившись на что-нибудь, Ульяновъ уже не отступалъ назадъ и шелъ къ цѣли твердой и энергичной поступью. На его долю пало много работы опасной и отвѣтственной. Какъ дѣятель, онъ былъ противоположностью экспансивному Шевыреву. Здоровый физически, всегда сдержанный и спокойный, Ульяновъ работалъ не нервами, какъ его больной чахоткой предшественникъ по центральному кружку. Своими недюжинными способностями Ульяновъ imponировалъ окружающимъ, а чуткостью и искренностью завоевалъ симпатіи товарищей.

Понемногу росла новая организація. Добываніе азотной кислоты у Лукашевича шло весьма медленно, и къ первымъ числамъ января онъ могъ приготовить не болѣе трехъ фунтовъ динамиту. Къ этому времени Осипановъ уже выяснилъ, что выходить противъ царя одному невозможно; слѣдовало позаботиться и о новыхъ террористахъ. Тогда Шевыревъ по рекомендаціи Говорухина и Ульянова познакомился съ двумя студентами университета, Генераловымъ и Андреюшкинымъ **). Сначала

только естественными науками. Ульяновъ избралъ естественный факультетъ и специализировался по любимой имъ зоологіи. На третьемъ курсѣ онъ написалъ на заданную тему сочиненіе и получилъ золотую медаль. Въ послѣдній годъ жизни Ульяновъ много читаетъ по общественнымъ вопросамъ, знакомится съ трудами на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ по политической экономіи, по социализму и по исторіи.

*) Показанія отъ 5 марта.

***) Внѣшность Пахома Ивановича Андреюшкина (родился въ 1861 г.) говорилъ объ его южномъ происхожденіи. Сынъ богатаго грека, оставившаго мать Пахома Ивановича съ ребенкомъ на рукахъ, воспитанникъ Кубанской войсковой гимназіи въ Екатеринодарѣ, онъ явился въ Петербургскій университетъ, на физико-математическій факультетъ осенью 1886 года. «Къ этому времени,—говорилъ на показаніи 7 марта Андреюшкинъ,—я уже имѣлъ вполне сложившіяся революціонныя убѣжденія. въ

ихъ рѣшено было привлечь въ помощь Лукашевичу для добыванія азотной кислоты, не требующаго большихъ знаній *).

Предложеніе взять на себя обязанности металлика Андреюшкинъ получилъ чрезъ своего товарища Генералова. Осторожно, взвѣсившая свои силы, совѣтуясь съ Ульяновымъ, Говорухинымъ и Шевыревымъ, брали оба террориста на себя тяжкую обязанность. Генераловъ еще въ началѣ января предложилъ фракціи «свои услуги на всякій террористическій фактъ» **).

Работа по добычѣ азотной кислоты шла медленно, они могли добывать не болѣе двухъ фунтовъ въ день. Рѣшено было приобрести кислоту въ готовомъ видѣ, использовавъ связи фракціи съ кружкомъ виленскихъ революціонеровъ.

Связи съ ними поддерживалъ Лукашевичъ, у котораго имѣлись адреса и пароли. Изъ студентовъ, товарищей Лукашевича, бравшихъ на себя исполненіе разныхъ порученій, особенно ему близкими были Гамолецкій ***) и Брониславъ Пилсудскій ****). Сношенія съ виленцами носили оживленный характеръ и, несомнѣнно, они уже въ январѣ догадывались, что петербургская группа предпринимаетъ что-то серьезное.

которыхъ я склонялся къ программѣ партіи Народной Воли, хотя къ самой партіи еще не принадлежалъ. Во второй половинѣ 1886 года я примкнулъ окончательно къ этой партіи».

*) Осипанова, кромѣ Лукашевича и Шевырева, никто изъ фракціи не зналъ. Съ Лукашевичемъ до послѣднихъ дней знакомы тоже были немногіе. Занимаясь выгонкой азотной кислоты, Генераловъ и Андреюшкинъ не знали, что они являются помощниками Лукашевича.

***) Василий Денисовичъ Генераловъ—товарищи звали его «Денисьичъ»—былъ на годъ моложе Андреюшкина и разнился отъ него по характеру. Андреюшкинъ былъ романтическая натура, въ каждое дѣло онъ вкладывалъ свою восторженность и съ увлеченіемъ работалъ надъ задуманнымъ. Генераловъ обладалъ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ характеромъ, съ твердостью и рѣшительностью онъ шелъ на террористическій актъ. Происходилъ онъ изъ казаковъ станицы Потемкинской 2 округа, области Войска Донского. Въ 1878 году поступилъ въ Нижнечирскую прогимназію, аттестатъ зрѣлости получилъ въ 1886 г. въ Новочеркасскѣ. Въ Петербургскомъ университетѣ онъ состоялъ на юридическомъ факультетѣ.

****) Гамолецкій Константинъ Владиславовичъ, уроженецъ Ковенской губ., сынъ чиновника, кончилъ Виленскую гимназію, въ 1863 году поступилъ въ Петербургскій университетъ и вошелъ вмѣстѣ съ Лукашевичемъ и С. въ кружокъ польскихъ революціонеровъ. Въ томъ же году онъ попалъ на дурной счетъ у полиціи, и у Гамолецкаго произвели обыскъ. Участіе его во фракціи было третьестепеннымъ, что не помѣшало ему получить ссылку въ Тобольскую губернію на 4 года. Вернувшись домой, онъ эмигрировалъ въ Америку и примкнулъ тамъ къ анархистамъ. О немъ см. «Обзоръ» XII. «Былое», 1917 г., № 1, 23.

*****) Пилсудскій, Брониславъ Юсифовичъ, изъ дворянъ Виленской губ., кончилъ V гимназію въ Петербургѣ въ 1866 г. Въ университетъ поступилъ на юридическій факультетъ.

Во главѣ революціоннаго виленискаго кружка стояли Исаакъ Дембо *) . Антонъ Гнатовскій **) и Пашковскій Титъ ***). Антонъ Гнатовскій въ началѣ января по своимъ дѣламъ прїѣзжалъ въ Петербургъ, и террористы у него просили достать въ Вильно стрихнинъ, атропинъ и нитрометъ. Брониславъ Пилсудскій, гостившій въ это время дома, по просьбѣ Дембо нашелъ немного яду у знакомаго провизора и принялъ порученіе отвезти его въ Петербургъ. Какъ разъ въ это время прїѣхалъ изъ Петербурга спеціально посланный за азотной кислотой, ядомъ и деньгами Канчеръ.

Азотная кислота оказалась совершенно негодной. Для выдѣлки динамита требовалась крѣпость не мѣнѣе 45°, а въ присланной было всего только 35°. Кислоту заговорщики спустили въ Наву. Старый способъ приготовленія кислоты нашли болѣе удобнымъ. Генералову и Андреюшкину пришлось продолжать уже начатое дѣло.

Заговорщики видѣли, что нужно торопиться. У нихъ къ началу февраля ничего еще какъ слѣдуетъ не было готово, въ боевой трущбѣ прежде всего не хватало развѣдчиковъ. Между тѣмъ они узнали объ отъѣздѣ императора 3 марта въ Галчину и о предполагаемомъ путешествіи царской семьи на югъ Россіи. Шевыревъ буквально горѣлъ на организаціи покушенія, онъ не могъ ни заниматься, ни читать, все время торопился и призывалъ вести дѣло какъ можно скорѣе. Осторожный, спокойный Ульяновъ совѣтовалъ не торопиться, отложить развязку до осени; Шевыревъ съ нимъ не соглашался, другіе, какъ Говорухинъ, были на сторонѣ Шевырева. Поспѣшность исполненія заставила Шевырева

*) Дембо, Исаакъ Вульфвичъ, уроженецъ г. Поневѣжа, Ковенской губ., р. въ 1863 г., учился въ V гимназіи, курса не окончилъ, одно время былъ фармацевтомъ. За пропаганду среди столичныхъ рабочихъ въ 1864 г. онъ привлекался къ дознанію. Съ арестомъ первомартовцевъ онъ эмигрировалъ въ Цюрихъ, гдѣ проживалъ подъ фамиліей Бринштейна. Здѣсь Дембо проявилъ себя дѣятельнымъ революціонеромъ, старался оживить революціонную работу, завести связи съ Россіей и возобновить терроръ. Поѣздка С. Гинсбургъ, окончившаяся неудачей, въ значительной степени дѣло рукъ Дембо. 6 марта (стар. стilia) Дембо случайно былъ убитъ при взрывѣ бомбы. Его смерть надѣлала много хлопотъ швейцарской полиціи и повлекла высылку нѣкоторыхъ эмигрантовъ изъ Цюриха. Обзоръ XII, XIII, XIV.

**) Гнатовскій, Антонъ Доминиковичъ, 24 лѣтъ, дворянинъ Вилениской губ., воспитывался въ Виленискомъ техническомъ училищѣ. Въ 1882 г. привлекался въ Вильно за пропаганду и отданъ былъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. Послѣ неудачи 1 марта вмѣстѣ съ Дембо жилъ въ Цюрихѣ подъ фамиліей Прекера. Послѣ смерти своего товарища поселился въ Парижѣ, гдѣ энергично занимался революціонными дѣлами и оставался подъ бдительнымъ надзоромъ заграничной полиціи. Обзоры III, V, XII, XIII, XV.

***) Пашковскій, Титъ Ильичъ, р. около 1860 года, изъ дворянъ Ковенской губ. Въ 1880 году выдержалъ экзаменъ на аптекарскаго ученика при Минской гимназіи. Въ 1884 г. за распространеніе прокламацій получилъ два года надзора.

вести въ курсъ дѣла людей мало революціонныхъ, изъ зеленой студенческой молодежи и даже случайныхъ, какъ Волоховъ. Ульянову жаловался на это Говорухинъ и не ждалъ добра отъ еще не опрѣшшихъ концовъ. Предостереженія его оказались не напрасными.

Шевыревъ переоцѣнилъ силы Канчера. Онъ его считалъ вполне подходящимъ для дѣла человѣкомъ и рѣшилъ привлечь его ближе. Если довѣрять показаніямъ Канчера, дѣло обстояло такъ. Числа 9—10 февраля онъ узналъ о готовящемся покушеніи, и Шевыревъ предложилъ ему участвовать въ немъ. Годный на мелкія порученія, незамѣнимый исполнитель, Канчеръ, видимо, тутъ обробѣлъ и нѣсколько уклончиво отвѣтилъ Шевыреву, что не знаетъ ихъ убѣжденій, мало читалъ и считаетъ себя совершенно неподготовленнымъ. Шевыревъ успокоилъ его: роль Канчера будетъ пассивная, и онъ ничѣмъ не рискуетъ, и Канчеръ далъ свое согласіе.

Вторымъ развѣдчикомъ пригласили товарища и сожителя Канчера по квартирѣ Петра Горкуна *). Его рекомендовалъ Канчеръ, чувствуя, что Горкунъ о многомъ догадывается. А догадаться было нетрудно. Постоянныя посѣщенія незнакомыхъ или мало знакомыхъ лицъ, таинственные переговоры шопотомъ въ другой комнатѣ возбуждали любопытство Горкуна, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ Шевырева, какъ виднаго дѣятеля среди студенчества.

О разговорѣ Канчера съ Шевыревымъ, подслушаннымъ Горкуномъ, послѣдній такъ повѣствуетъ въ показаніяхъ. «Всего разговора мнѣ слышать не удалось, но удалось поймать нѣсколько фразъ, въ которыхъ употреблялось слово «покушеніе», которое и навело меня на нѣкоторыя соображенія, а затѣмъ тотъ же господинъ **) просилъ Канчера не посвящать въ это дѣло меня, но Канчеръ, какъ мнѣ показалось, сказалъ, что, насколько онъ меня знаетъ,—меня остерегаться не нужно». Въ этотъ день яли на другой Канчеръ послѣ нѣкотораго колебанія и замѣшательства повѣдалъ Горкуну о существованіи террористической фракціи, о покушеніи на царя и о своемъ участіи въ заговорѣ. Предварительно онъ сказалъ Горкуну, что ему вѣрить и на его скромность надѣется.

*) Михаилъ Никитичъ Канчеръ и Петръ Степановичъ Горкунъ были земляками, оба они уроженцы Полтавской губ. Канчеръ сынъ почтмейстера г. Умани, въ 1874 году поступилъ въ Лубенскую гимназію, былъ одно время въ Полтавской гимназіи, въ Лубенской держалъ экзаменъ экстерномъ въ 1886 г. Осенью поступилъ въ Петербургскій университетъ. Къ 1 марта 1887 года ему было 21 годъ, а его товарищу Горкуну 20. Горкунъ, сынъ майора, воспитанникъ Лубенской гимназіи, въ университетѣ состоялъ на юридическомъ факультетѣ. О нихъ Обзоръ XII, а также въ воспоминаніяхъ Лукашевича.

**) Въ показаніяхъ 3 марта Горкунъ не называетъ Шевырева по фамиліи, какъ это дѣлаетъ 4 марта, а только описываетъ: «Какой-то господинъ, выше средняго роста, съ свѣтлой небольшой бородкой, въ очкахъ».

Послѣ разговора Горкунъ далъ согласіе наблюдать за выѣздами императора.

Канцлеръ посоветовалъ привлечь къ общему дѣлу и Волохова *). Сначала Волоховъ исполнялъ разныя мелкія порученія, а числа 16 или 17 февраля принялъ на себя обязанности развѣдчика. Къ 20 февраля боевая группа исполнѣтъ организовалась.

Въ первыхъ числахъ февраля Лукашевичъ имѣлъ около 10 фунтовъ динамита, но, по его разсчету, для трехъ бомбъ необходимо было не менѣе 13. Дальнѣйшей работѣ помѣшали непредвидѣнныя обстоятельства. На квартиру, въ которой приготовлялся динамитъ, почему-то обратило вниманіе сыскное отдѣленіе. Продолжать занятія при такихъ условіяхъ было рискованно, и Лукашевичъ вмѣстѣ съ Швырвымъ предложили Ульянову найти помѣщеніе и тамъ изготовить недостающее количество динамита. Ульяновъ обратился чрезъ своего товарища В. К. Агафонова **) къ Новорусскому съ просьбой предоставить на время свою квартиру.

Въ разговорѣ Новорусскій, между прочимъ, указалъ, что на-дняхъ онъ переѣзжаетъ въ Парголово, гдѣ квартира стоитъ дешевле, и займаться тамъ ему будетъ несравненно удобнѣе. Хозяйкой квартиры была М. А. Ананьина ***). Ульяновъ нашелъ парголовскую квартиру подходящей для своихъ дѣлей. Новорусскій заручился согласіемъ М. А. Ананьиной и предложилъ Ульянову отправить лабораторію вмѣстѣ со своей кухонной посудой.

12 февраля Ульяновъ отправился въ Парголово и въ 2—3 дня приготовилъ нитроглицеринъ. Дѣла фракціи требовали его присутствія въ городѣ, и Ульяновъ, попросивъ М. А. Ананьину сохранить лабораторію и нѣсколько унцій нитроглицерина, уѣхалъ обратно въ Петер-

*) Волоховъ Степанъ Александровичъ изъ мѣщанъ г. Лохвиць, Полтавской губ., учился въ Лубенской гимназій, но курса тамъ не кончилъ.

**) Агафоновъ Валеріанъ Константиновичъ, минералогъ и писатель, родился въ Лѣсномъ, около Петербурга, въ 1863 году, въ то время студентъ физико-математическаго факультета, остался въ подозрѣній по дѣлу 1 марта. Въ 1889 году онъ кончилъ университетъ, въ 1903 г. защитилъ магистерскую диссертацию и одно время состоялъ приватъ-доцентомъ въ Спб. университетѣ. Послѣ 1905 г. эмигрировалъ за границу. Его перу принадлежатъ рядъ научно-популярныхъ статей въ журналѣ «Міръ Божій» («Современный Міръ»).

***) Ананьина Марія Александровна родилась въ 1849 году, воспитывалась въ пріютѣ принца Ольденбургскаго, въ Парголовѣ занимала мѣсто земской акушерки. Дочь ея, Лидія Ивановна, род. 1868 г., училась первоначально въ Парголовской земской школѣ, затѣмъ въ Маріинской гимназій, съ 1885 года слушала курсы земской Учительской семинаріи. По окончаніи дѣла 1 марта получила административную ссылку въ Западную Сибирь на пять лѣтъ. Въ ссылкѣ вышла замужъ за Бородача. Одно время Л. И. работала въ провинціальныхъ газетахъ и состояла отвѣтственнымъ редакторомъ «Русскаго Богатства».

бургъ *). Для Новорусскаго, когда онъ переселился на новую квартиру, оставленные вещи были «сюрпризомъ». О покушении онъ догадывался, но «какъ человекъ, стоящій внѣ организаціи», лишеть Новорусскій. «Я считалъ совершенно неумѣстнымъ обращаться къ Ульянову съ какими бы то ни было разспросами о подробностяхъ». За свое косвенное и мимолетное участіе М. В. Новорусскій, какъ извѣстно, жестоко поплатился.

Замыселъ террористовъ приближался къ развязкѣ; поэтому тѣмъ, кто состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ участниками покушенія и кто принималъ хотя бы самое опдаленное участіе въ дѣлахъ фракціи, грозило безопадное преслѣдованіе со стороны правительства. Товарищамъ пришлось взять на себя заботу освободить такихъ лицъ отъ не заслуженнаго ими наказанія. Къ дѣламъ террористовъ, а въ особенности къ нѣкоторымъ изъ членовъ фракціи, близки были О. М. Говорухинъ и Н. А. Рудевичъ, гимназическій товарищъ Андреюшкина, носившій кличку среди одноклассниковъ „Сижунъ“. Какую роль игралъ Рудевичъ въ замыслѣ, можно только догадываться. Онъ не бралъ на себя ничего опредѣленнаго, дѣлалъ то, что было нужно сейчасъ, въ данную минуту. Короталъ время вмѣстѣ съ пріятелями за скучнымъ приготовленіемъ азотной кислоты, переносилъ матеріалъ, однимъ словомъ, былъ «послбникомъ» и необходимымъ въ организаціи человекомъ. Гораздо больше значилъ Говорухинъ. Поднадзорный, дѣятельный революціонный работникъ, принимавшій участіе въ обсужденіи многихъ плановъ террористической организаціи, Говорухинъ былъ въ курсѣ дѣлъ заговора 1 марта 1887 года. Его совѣты цѣнили Шевыревъ, имѣлъ онъ вліяніе и на Ульянова. У него на квартирѣ находилась часть матеріаловъ для

*) Около 28 февраля Лукашевичъ послалъ въ Парголово бутылъ съ азотной кислотой, оказавшейся лишней. Къ сожалѣнію, память І. Д. Лукашевича не сохранила фамилію отвозившаго; извѣстно только, что имъ былъ студентъ-юристъ IV курса. На слѣдствіи жандармы домогались узнать фамилію этого лица; одно время ихъ сбило показаніе брата Новорусскаго, мальчика 10 лѣтъ, — они подозрѣвали В. Пилсудскаго. Потомъ подозрѣніе на В. Пилсудскаго отпало. Невольнымъ виновникомъ этого оказался М. В. Новорусскій. Когда онъ былъ въ предварилкѣ, къ нему посадили предателя Остроумова, и тотъ, пользуясь наивностью Новорусскаго въ дѣлахъ тюремныхъ и политическихъ, разспрашивалъ подробности о процессѣ. Не предполагая ничего злостнаго, Новорусскій былъ откровененъ съ нимъ. Однажды Остроумовъ далъ знать, что у него есть сосѣдъ, который знаетъ Новорусскаго. Предполагая въ немъ лицо, привозившее кислоту, Новорусскій просилъ Остроумова передать поклонъ и сказать одно слово: «бутылъ». Этого было достаточно, чтобы сидѣвшій съ Остроумовымъ сосѣдъ—имъ оказался Арсеній Хлѣбниковъ, студентъ университета—получилъ 5 лѣтъ Восточной Сибири «за сношенія съ участниками дѣла 1 марта 1887 г.». Хлѣбниковъ по выходѣ Новорусскаго изъ Шляссельбурга узналъ, почему онъ получилъ такое большое наказаніе, и кто невольно ему «удружилъ». О Хлѣбниковѣ см. «Обзоръ» XII, примѣчаніе 3, на стр. 47.

лабораторіи, за которыми хаживали и Швыревъ, и Андреюшкинъ, и Канчеръ. Въ комнатѣ рядомъ съ Говорухинымъ проживала курсистка Раиса Шмидова *), хорошо освѣдомленная въ дѣлахъ Говорухина, свой человѣкъ въ революціонной средѣ и помогавшая террористамъ въ ихъ начинаніяхъ. Въ срединѣ февраля рѣшено было, что Говорухинъ и Рудевичъ скроются за границу. Первымъ выѣхалъ Рудевичъ **).

Нервная, напряженная работа, приближающаяся петербургская весна и постоянныя волненія пошатнули и безъ того слабое здорье Швырева. Его родные настаивали на немедленномъ отъѣздѣ въ Крымъ. Приходилось бросать совершенно налаженное дѣло и, не дожидаясь конца, покинуть столицу. Онъ обращался къ Канчеру съ просьбой не отказываться отъ порученій Лукашевича, знакомаго Канчеру до сихъ поръ лишь шалочно, и, посоветовавшись съ Лукашевичемъ, предлагалъ войти Ульянову въ центральную группу руководить боевой организаціей. Ульяновъ согласился.

III.

Боевая группа была исполнѣ организована, снаряды были готовы, но никто изъ членовъ не зналъ ея руководителя Осипанова. О своемъ знакомствѣ съ нимъ Генераловъ на допросѣ рассказывалъ: «Третьяго метальщика, Осипанова, я увидѣлъ въ первый разъ 21 или 22 февраля въ кондитерской по правой сторонѣ Михайловской улицы, если идти съ Невскаго проспекта. Я пошелъ въ эту кондитерскую съ Андреюшкинымъ; для того же, чтобы узнать тамъ Осипанова, мы должны были явиться въ 7 часовъ 10 минутъ пополудни. Осипановъ долженъ былъ сидѣть за столомъ и пить кофе, а на столѣ положить шашку и въ ней бѣлый платокъ и книжку; я съ Андреюшкинымъ должны были помѣститься поближе къ столу Осипанова и при удобномъ случаѣ спросить у него, который часъ; онъ долженъ былъ отвѣчать съ прибавленіемъ фразы: «Но мои часы отстаютъ на 13 минутъ». Когда мы все это продѣлали, то Осипановъ вышелъ изъ кондитерской и отправился чѣшскомъ на Васильевскій островъ, а мы слѣдовали за нимъ и сошлись вмѣстѣ

*) Шмидова Раиса (Ревекка) Абрамовна, род. въ 1864 году въ Мелитополѣ, Таврической губ., акушерка-фельдшерица по профессіи, въ Петербургѣ училась сначала на Калинкинскихъ, а потомъ на Фребелевскихъ курсахъ. О ней Обзоръ XII, стр. 20, 79, 108 и 161 и ниже.

**) Рудевичъ Николай Авксентьевичъ, р. 1865 г., сынъ полицеймейстера г. Ейска, воспитывался въ Кубанской войсковой гимназіи. Въ университетѣ былъ на естественномъ факультетѣ. За границей жилъ въ Цюрихѣ подъ фамиліей «Полозова» вмѣстѣ съ Ранопортомъ и Рейнштейномъ, редактировалъ газету «Соціалистъ». О немъ Обзоръ XII, стр. 9, 20, 21, 27, 81 и 106; XIII, стр. 44; XIV, стр. 56; XV, стр. 4, 6 и 56 и ниже.

на улицѣ за зданіемъ университета. Здѣсь мы обсуждали планъ послѣдательства на жизнь государя императора и въ общемъ результатѣ рѣшили выполнить это въ слѣдующіе за тѣмъ дни на Невскомъ проспектѣ, такъ какъ здѣсь было больше вѣроятности видѣть проѣздъ государя, чѣмъ на другихъ улицахъ *). Свѣдѣнія же о дняхъ предполагавшихся проѣздовъ государя мы ожидали получить отъ другихъ соучастниковъ». Въ случаѣ неудачи съ бомбой, Генераловъ долженъ былъ стрѣлять изъ пистолета отравленными пулями **).

На 25 февраля назначили собраніе метальщиковъ и развѣдчиковъ на квартирѣ у Канчера, чтобы выработать общій планъ, поговориться и больше познакомиться другъ съ другомъ. На совѣщаніе пришли Андреюшкинъ, Генераловъ, Волоховъ, Осипановъ и Ульяновъ. «Предполагалось,—разсказываетъ Горкунъ,—выходить изъ дома къ одиннадцати часамъ утра на Невскій проспектъ, по которому ходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ: по правой сторонѣ Невского проспекта, считая отъ Адмиралтейской площади, должны были идти я, за мной Канчеръ, за Канчеромъ «Котъ» со снарядомъ въ формѣ книги; по лѣвой сторонѣ въ то же время параллельно съ нами—Волоховъ, Андреюшкинъ и Генераловъ, послѣдніе двое со снарядами. Дойдя до Публичной библиотеки, они поворачиваются назадъ; впереди идетъ «Котъ» со снарядомъ, за нимъ Канчеръ, за Канчеромъ я, за мной Волоховъ, который для этого переходитъ на нашу сторону ***); Андреюшкинъ и Генераловъ со снарядами идутъ по той же лѣвой сторонѣ. Кажется, они должны были бросать снаряды первыми ****). Порядокъ этотъ не былъ окончательно установленъ на сходкѣ. Больше всѣхъ на этой сходкѣ говорилъ Ульяновъ, который и сообщилъ намъ между прочимъ, что снарядъ «книга» слабѣе снарядовъ, брошенныхъ 1 марта 1881 года, но что онъ разброситъ на сажень. Въ то время, когда разговоры относительно порядка хожденія на Невскомъ еще продолжались, Ульяновъ вышелъ съ Осипановымъ («Котъ») въ другую комнату и разъяснялъ ему, кажется, устройство снаряда «книги». Я предполагала это потому, что «Котъ» говорилъ Ульянову тутъ же при мнѣ, что нехорошо знакомъ съ устройствомъ снаряда-

*) 1 марта Генераловъ говорилъ, что они ждали царя и на Морской, собираясь убить его при слѣдованіи въ Исаакіевскій соборъ.

***) Пистолета онъ съ собой не взялъ, считая его плохимъ. У Андреюшкина при арестѣ отобрали револьверъ, который, какъ онъ объяснилъ, имѣлъ только для самозащиты.

****) Развѣдчики давали знакъ метальщикамъ о приближеніи царя—«высморкавъ бѣлымъ платкомъ носъ». Показанія Канчера отъ 4 марта.

*****) Метальщики рѣшили бросать бомбы, когда тому представится случай, соблюдая очереди. Показанія Андреюшкина 7 марта.

«книжки», послѣ чего Ульяновъ ушелъ съ Осипановымъ въ другую комнату и чертилъ ему что-то *).

*) Снарядъ Осипанова имѣлъ видъ книги въ крѣпкомъ переплетѣ изъ толстой напки, покрытой бумагой зелено-мраморнаго цвѣта. На корешкѣ было тисненіе «Терминолог. медицинскій словарь Гринберга». Внутренность книги приготовлявшій бомбу Лукашевичъ вырѣзалъ, предварительно склеивъ листы между собой. Края листовъ онъ укрѣпилъ шестью винтами съ трехъ сторонъ,—въ образовавшееся внутри пустое пространство была вставлена папковая коробка, а въ нее помѣщена въ видѣ плоскаго продолговатаго четырехугольника жестяная коробка. Двѣ другія бомбы отличались только по формѣ; онѣ были овально-цилиндрическія, вершковъ 6 высоты, въ папковой обложкѣ, оклеенной чернымъ колескоромъ. Въ картонный футляръ вставлялся жестяной цилиндръ, при чемъ во всѣхъ трехъ бомбахъ между футлярами и оболочкой образовывался промежутокъ пальца въ полтора шириной. Промежутокъ заполнялся свинцовыми жребейками кубической формы, начиненными стрихниномъ и пересыпанными просомъ. Въ цилиндрахъ свинчатокъ было: въ одномъ 251 штука, 204 въ другомъ, а въ снарядѣ-книгѣ 66.

Бомбы, точиѣе запалы, отступали по своему устройству отъ конструкціи металлическихъ снарядовъ 1 марта 1881 года, изобрѣтенныхъ Кибальчичемъ и Исаевымъ. Запаль снарядовъ 1 марта 1881 года былъ устроенъ нѣсколько иначе; въ бомбахъ Лукашевича трубочекъ не было, ихъ замѣняли стеклянная вата и перегородка изъ бумаги. Усовершенствовалъ ихъ І. Д. Лукашевичъ.

Запаль имѣлъ видъ трубки (запаль снаряда книги былъ приготовленъ по тому же принципу, и походилъ на букву Т съ маленькой пояской, въ которой помѣщалась гремучая ртуть и часть бумажнаго стопина), дѣлившейся на двѣ части бумажной перегородкой, которая была пропитана парафиномъ. Въ трубкѣ—по одну сторону перегородки помѣщалась смоченная въ сѣрной кислотѣ стеклянная вата, подвѣшенная на платиновой провололкѣ къ обыкновенной пробкѣ, закрывавшей отверстіе запала. Во второй части запальной трубки, по другую сторону бумажной перепонки, насыпался бѣлый порохъ, приготовленный изъ сахара и бертолетовой соли въ видѣ крупныхъ зеренъ (скорѣе—четыреугольничковъ) безъ всякой примѣси пороховой пыли. Отъ пороха шелъ фитиль (бумажный стопинъ), соприкасавшійся съ гремучей ртутью; бумажная перегородка имѣла шнуръ, который былъ пропущенъ черезъ стеклянную трубку (во избѣжаніе соприкосновенія съ сѣрной кислотой) и выходилъ наружу. Для взрыва снаряда требовалось дернуть за шнурокъ, прорвать перегородку, затѣмъ нужно было такъ бросить бомбу, чтобы зерна пороха въ запалѣ посыпались на стеклянную вату—соприкосновеніе давало вспышку, и огонь черезъ стопинъ сообщался съ гремучей ртутью. Отъ взрыва послѣдней произойдетъ взрывъ динамита, которымъ была наполнена жестянка снаряда. Всего въ трехъ бомбахъ динамиту оказалось 12 фунтовъ. Сфера дѣйствія снарядовъ достигала двухъ сажень въ діаметрѣ, а съ разлетомъ пулъ 20 сажень.

Для осмотра бомбъ и отобранныхъ при обыскахъ веществъ жандармы пригласили профессора артиллерійской академіи Федорова. При экспертизѣ снарядовъ Федоровъ попробовалъ содержимое пулъ на языкъ и почувствовалъ себя дурно. Благодаря принятымъ мѣрамъ профессоръ пришелъ въ себя. Мин. вн. дѣлъ счелъ нужнымъ объ этомъ случаѣ сдѣлать докладъ Александру III. Царь поставилъ резолюцію: «Слава Богу, что онъ отдѣлался такъ дешево». По заключенію эксперта, оболочки приготовлены неумѣло—«ихъ дѣлалъ повидимому не техникъ, а химикъ».

На собраніи 25 февраля, по предложенію Осипанова, рѣшили выйти на Невскій проспектъ въ 11 часовъ слѣдующаго дня *). Аккуратно въ назначенное время метальщики и развѣдчики явились на заранѣе намѣченные мѣста, но планъ ихъ оказался явно несостоятельнымъ. При большомъ движеніи на улицѣ, заговорщики постоянно теряли другъ друга изъ виду. Метальщики ходили по проспекту сначала отдѣльно, а потомъ сошлись вмѣстѣ, совершенно позабывъ о конспираціи и объ исполненіи выработаннаго плана. Андреюшкинъ и Генераловъ носили снаряды на тесемкѣ черезъ плечо подъ пальто, Осипановъ держалъ книгу-бомбу подъ мышкой **).

Въ 2 часа дня террористовъ уже на Невскомъ не было. Осипановъ черезъ Канчера далъ распоряженіе 27 февраля развѣдчикамъ на Невскій проспектъ не выходить. Въ этотъ день на мѣстѣ были только Генераловъ и Осипановъ, Андреюшкинъ занимался чинкой испортившагося запала. Метальщики прошли разъ по Невскому, зашли въ кофейную, выпили по стакану кофе и разошлись по домамъ. Въ 11 часовъ слѣдующаго дня вся боевая группа была налицо, пробовала ходить въ томъ порядкѣ, какъ было намѣчено, но изъ этого ничего не вышло. «Въ этотъ день, — показывать потомъ Горкунъ, — я вышелъ часовъ въ 11 утра и видѣлъ на Невскомъ Канчера, Волохова, Осипанова и Андреюшкина. Ходили мы по Невскому въ условленномъ порядкѣ. Но затѣмъ я потерялъ изъ виду Канчера и Осипанова, вследствие чего перешелъ на другую сторону Невскаго. Тутъ ко мнѣ подошелъ Андреюшкинъ и сказалъ мнѣ, что кромѣ меня и Волохова никого изъ насъ не видитъ. На это я отвѣчалъ ему, что въ виду этого слѣдуетъ идти домой. Тогда Андреюшкинъ повернулъ въ какую-то улицу, а я съ Волоховымъ пошли домой» ***).

Раздѣлавшись со своими обязанностями химика, приготовивъ нужное количество нитроглицерина, Ульяновъ послѣ отъѣзда Рудевича и Говорухина за границу, а Шевырева въ Крымъ, торопился съ печатаніемъ программы фракціи террористовъ. Шрифтъ типографіи хранился у Генералова. Возможно, что у него происходить и самый наборъ «проекта». Для печатанія, по рекомендаціи Лукашевича, выбрали квартиру Б. Пилсудскаго. По заявленію Ульянова, печатаніе первой части программы началось послѣ 15 февраля, вторую же только приготовили къ печати. По условію съ Пилсудскимъ, Ульяновъ долженъ былъ являть-

*) Царя ждали въ Исаіевскій соборъ, но онъ такъ и не пріѣхалъ.

***) Вслѣдствіи Генераловъ нашелъ, что привѣшенная такимъ образомъ бомба мѣшаетъ ему; онъ отломилъ дужку, къ которой была привязана тесемка, и носилъ снарядъ, какъ Осипановъ.

***) Генераловъ разсказалъ на допросѣ 5 марта, что метальщики 28 февраля ходили отъ 11 до 4 дня. За это время они успѣли пообѣдать въ ресторанахъ.

ся съ паролемъ: «Мы за спѣшнымъ дѣломъ, не можете ли пособить», на что слѣдовало отвѣтить: «можемъ помочь». 28 февраля Ульяновъ явился къ Б. Пилсудскому съ двумя неизвѣстными ему молодыми людьми *), гѣтъ 20—22, средняго роста, безъ бороды; одинъ изъ нихъ былъ блондинъ, другой шатенъ, одѣты оба были въ штатское платье. «Они принесли съ собою разныя типографскія принадлежности и шрифтъ, который былъ уже уложенъ въ наборъ. Пришли они часовъ въ 7 вечера и проработали до 11. Печатаемъ они не занимались, но исправляли набранный шрифтъ по имѣвшейся у нихъ рукописи... На другой день, 1 марта, съ 10 часовъ утра и почти до 5 часовъ вечера они продолжали ту же работу, окончили наборъ 2-хъ страницъ рукописи и пробовали печатать».

Между тѣмъ полиція начала свое дѣло и незамѣтнымъ образомъ выясняла составъ организаціи, сначала не представляя себѣ, что она имѣетъ дѣло съ террористическимъ заговоромъ. Замыселъ участниковъ дѣла второго 1 марта погубила неосторожность Андреюшкина. Въ концѣ января мѣсяца департаментъ полиціи получилъ, добытую путемъ перлюстраціи, копию письма, пересылавагося изъ Петербурга въ Харьковъ на имя студента Ивана Никитина **). Авторъ письма выставлялъ себя рьянымъ сторонникомъ террора и непримиримымъ противникомъ соціаль-демократическаго міровоззрѣнія ***). Оканчивалось письмо едва ли загадочной, но интригующей фразой: «10 числа изъ Е—а получена телеграмма, изъ коей видно, что тамъ кого-то взяли на казенное содержаніе, но кого, неизвѣстно, и это насъ довольно сильно беспокоитъ, т.-е. меня, ибо я вѣдь дѣятельную переписку съ Е—мъ и поэтому беспокоюсь за моего адресата, ибо если онъ твою, то и меня могутъ тоже твою, а это нежелательно, ибо поволоку за собой много народа очень дѣльнаго. P. S. Спроси у С., что онъ сдѣлалъ съ тѣми деньгами, которыя онъ собиралъ «для бѣднаго»... по листику, полученному имъ отъ меня въ Е—ѣ» ****).

*) Такъ и не открытымъ слѣдствіемъ. Не называетъ ихъ и Лукашевичъ въ воспоминаніяхъ.

***) Лукашевичъ ошибочно считаетъ, что письмо было послано Богоразу. «Былое», 1917 г., № 1, стр. 123.

****) Начало письма помѣщено выше.

*****) 10 января студентъ Рудевичъ, извѣстный землякамъ по гимназической кличкѣ «Сижитъ», получилъ чрезъ студента Ф. Мееровича изъ Екатеринодара отъ посланнаго за ноябрьскую демонстрацію М. Фридмана телеграмму: «Скажите Куянткову. Сынъ умеръ. Митя». Это было условленное извѣщеніе объ арестѣ Силы Жилинскаго, привлеченнаго къ дознанію по одному изъ московскихъ дѣлъ. Послѣ ареста Жилинскаго въ Екатеринодарѣ разнесся неосновательный слухъ, что арестованъ и Андреюшкинъ. По поводу содержанія телеграммы и личности Куянткова Мееровичъ дальнѣе, но выраженію всеподданнѣйшаго доклада отъ 17 марта, «крайне неудовлетвори-

Письмо заинтересовало жандармовъ. Никитина арестовали, и онъ назвалъ Андреюшкина авторомъ письма. Только 27 февраля поступили изъ Харькова свѣдѣнія въ департаментъ, и полиція немедленно учредила «неустанное наблюдѣніе за Андреюшкинымъ, который уже ранѣе былъ замѣченъ въ сношеніяхъ съ лицами политически неблагонадежными». Наблюдѣніе на Невскомъ дало возможность установить знакомыхъ Андреюшкина, такъ какъ на дому это едва ли бы удалось сдѣлать. Онъ, согласившись на террористическій актъ, велъ жизнь очень замкнутую. Жандармы только 28 февраля получили тревожныя свѣдѣнія о готовящемся покушеніи, если довѣрять всеподданнѣйшему докладу ихъ шефа. 1 марта гр. Д. Толстой сообщаетъ царю: «Вчера начальникомъ С.-Петербургскаго секретнаго отдѣленія получены агентурнымъ путемъ свѣдѣнія, что кружокъ злоумышленниковъ намѣренъ произвести въ ближайшемъ будущемъ террористическій фактъ, и что для этого въ распоряженіи этихъ лицъ имѣются метательные снаряды, привезенные въ Петербургъ готовыми «привѣзкимъ» изъ Харькова» *). Наблюдѣніе за террористами было удвоено, хотя агенты полиціи, судя по ихъ поведенію при арестѣ революціонеровъ, не представляли себѣ, что они имѣютъ дѣло съ бомбистами.

Заговорщики за три дня пребыванія ни разу не видѣли императора. На одномъ изъ собраній рѣшено было выйти 1 марта и, если не удастся покушеніе въ этотъ день, и царь поѣдетъ на югъ, то слѣдовать за нимъ и убить его на пути. 1 марта—дата слишкомъ памятная и для правительства, и для революціонеровъ, поэтому начальникъ секретнаго отдѣленія приказалъ арестовать выслѣженныхъ агентами лицъ, едва ли предполагая, что онъ имѣетъ въ рукахъ тѣхъ террористовъ, о которыхъ его уже предупредили.

Вечеромъ 28 февраля Осипановъ зашелъ къ Канчеру и далъ распоряженіе направить Волохова на слѣдующій день на Садовую улицу, Горкуна на Гороховую, а Канчеру отправиться на Невскій пресектъ. Самы металъцики рѣшили ходить вмѣстѣ. Утромъ 1 числа Андреюшкинъ зашелъ за Генераловымъ; оба они направились къ Невскому, и на тротуарѣ у главнаго штаба около 11 часовъ утра ихъ арестовали съ бомбами; у Андреюшкина, кромѣ того, при обыскѣ нашли заряженный револьверъ. Осипанова задержали на Невскомъ у Казанскаго собора. О своемъ арестѣ и первыхъ минутахъ лодъ арестомъ онъ рассказалъ довольно подробно въ заявленіи отъ 5 апрѣля.

тельные объясненія» и тутъ же былъ арестованъ. Подъ С., вѣроятно, слѣдуетъ подразумевать Михаила Ставраки, арестованнаго вмѣстѣ съ Никитинымъ.

*) Незадолго до этого въ Петербургѣ показался извѣстный революціонеръ Бражниковъ, вскорѣ арестованный.

«При задержаніи меня на Невскомъ проспектѣ полицейскіе агенты, Тимофѣевъ и Варламовъ, обыскали только мои карманы съ цѣлью, какъ они говорили, узнать, нѣтъ ли тамъ револьвера, но не обратили никакого вниманія на книгу. Изъ этого я заключилъ, что меня не должны подозрѣвать въ намѣреніи бросить снарядъ и что о нашемъ замыслѣ полиціи, вѣроятно, ничего неизвѣстно, а также, можетъ-быть, неизвѣстно пока и о моихъ сотоварищахъ, тѣмъ болѣе, что я не видѣлъ, чтобы кого-либо изъ нихъ арестовали, а, сѣвши на извозчика, даже замѣтилъ проходившаго мимо меня Канчера. Когда меня привезли въ управленіе, мы стали подниматься по какой-то узкой и глухой лѣстницѣ, дѣлавшей завороты. Тутъ мнѣ пришла мысль, что если я произведу взрывъ, то могу этимъ оттянуть на нѣкоторое время раскрытіе заговора и дать этимъ возможность Андреюшкину и Генералову привести его къ концу и, кромѣ того, убить двухъ агентовъ, которые, какъ я думалъ, могли заподозрить не только меня, но и моихъ товарищей и впоследствии арестовать ихъ. Вообще я полагалъ, что взрывомъ могу замести хотя первые слѣды, повредить же дѣлу не могу. Съ этой цѣлью, будучи еще на лѣстницѣ, я потянулъ за бичевку, отчего должна была порваться бумажная перегородка, но потянулъ такъ сильно, что веревка порвалась, произведши нѣкоторый звукъ.

Тимофѣевъ и Варламовъ, ведшіе меня въ это время подъ руки, какъ видно, услышали этотъ звукъ, но не поняли, въ чемъ дѣло, и только сильнѣе стали держать меня подъ руки, вслѣдствіе чего я не имѣлъ возможности бросить снарядъ такъ, какъ это требовалось, его устройствомъ. Но когда меня привели чрезъ какой-то корридоръ въ комнату, гдѣ за столомъ сидѣлъ полицейскій офицеръ, и опустили мнѣ руки, я бросилъ снарядъ шагахъ въ трехъ отъ себя на полъ, подбросивши его, сколько помню, нѣсколько выше уровня моего роста. Снарядъ падалъ корешкомъ къверху и наискось, т. е. въ положеніи, благоприятномъ для взрыва, но взрыва не послѣдовало. Полицейскій офицеръ вздрогнулъ, но не обратилъ на это вниманія, и только спустя минуту или двѣ послѣ паденія снаряда одинъ изъ агентовъ поднялъ его, поднесъ зачѣмъ-то къ уху, передалъ, кажется, тому же офицеру» *).

Канчеръ въ точности исполнилъ распоряженіе Осипанова. Горюнь въ началѣ 12 утра уже былъ на Гороховой, прошелся по ней одинъ разъ до Семеновскаго моста, на обратномъ пути повернулъ по

*) Осипановъ очень интересовался, почему не взорвалась его бомба: «Я на вѣрное знаю, что снаряды Андреюшкина и Генералова по системѣ устройства и тщательности исполненія ничѣмъ не превосходили мой». Онъ обращалъ вниманіе слѣдователей на то, что неудачное приготовленіе бомбъ есть уже юридическій казусъ, имѣющій значеніе для другихъ участниковъ заговора. Юристъ и заботливый другъ сказался въ Осипановѣ.

Малой Морской къ Невскому. Тамъ онъ Канчера не засталъ, собрался идти домой и около Малой Садовой, противъ Александринскаго театра, былъ арестованъ. Канчеръ метальщиковъ на Невскомъ не нашелъ. арестъ Осипашова просмотрѣлъ и даже не замѣтилъ, какъ онъ вмѣстѣ съ агентами полиціи проѣхалъ на извозчикѣ мимо него. Онъ прошелся два раза по Невскому проспекту до Литейнаго, собираясь идти домой, былъ задержанъ на углу Б. Морской улицы. На Невскомъ проспектѣ арестовали и Волохова.

Объ арестѣ террористовъ въ департаментѣ полиціи немедленно составили докладъ и за подписью Толстого отправили царю, съ краткимъ извѣщеніемъ о заговорѣ и небольшими биографическими справками объ арестованныхъ. «На этотъ разъ Богъ насъ спасъ,—написалъ царь на докладѣ,—но надолголи? Спасибо всѣмъ чинамъ полиціи, что не дремлютъ и дѣйствуютъ успѣшно—все, что узнаете болѣе приежайте».

Слухъ о покушеніи на императора быстро разнесся по городу и, какъ всякій слухъ, росъ и могъ принять для правительства нежелательную редакцію. «Во избѣжаніе преувеличенныхъ толковъ» гр. Толстой 1-го же марта просилъ у государя разрѣшенія напечатать особое извѣщеніе. Царь на докладѣ высказалъ согласіе въ характерной для себя резолюціи: «Совершенно одобряю и вообще желательно не придавать слишкомъ большого значенія этимъ арестамъ. По моему лучше было бы узнавши отъ нихъ все, что только возможно, не придавать ихъ суду, а просто безъ всякаго шума отправить въ Штоссельбургскую крѣпость—это самое сильное и непріятное наказаніе. А.»

На другой день шефъ жандармовъ представилъ «проектъ правительственнаго сообщенія». «1 сего марта на Невскомъ проспектѣ около 11 часовъ утра задержаны три студента С.-Петербургскаго университета, при коихъ по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежатъ къ тайному преступному сообществу. а отобранные снаряды по осмотрѣ ихъ экспертомъ оказались заряженными динамитомъ и свинцовыми пулями, начиненными стрихниномъ». Такое сообщеніе Александръ III призналъ «совершенно достаточнымъ» *).

IV.

Дознаніе по дѣлу 1 марта начато было немедленно, подъ наблюденіемъ министра юстиціи. Большой интересъ во все время слѣдствія проявлялъ Александръ III, постоянно выска-

*) Въ такой редакціи сообщеніе появилось въ «Правит. Вѣстникѣ» въ № 47. отъ 4 (16) марта. Нѣсколько ниже напечатано, что императоръ въ воскресенье 1 марта, въ 2 часа дня, выѣзжалъ на панихиду въ Петропавловскій соборъ, откуда уѣзжалъ въ Гатчину. 3 марта онъ былъ на раутѣ у вел. кн. Влад. Александровича.

зывая свои соображенія и предположенія. Дознаніе велось жандармами подъ руководствомъ директора департамента полиціи П. Н. Дурново совместно съ товарищемъ прокурора Котляревскимъ, въ 1905 г. прославившимся на посту председателя Виленской судебной палаты.

Въ началѣ жандармы фѣшили, что бомбы приготовлены въ Харьковѣ, и къ дѣлу 1 марта имѣютъ отношеніе студенты Харьковского университета В. Н. Поповъ и В. П. Бражниковъ, за которымъ передѣтъмъ охотилась нѣсколько мѣсяцевъ и московская, и петербургская, и харьковская жандармерія *). Обыски у Генералова и Андреюшкина указали на полную несостоятельность такого предположенія. На шхъ квартирахъ полиція не нашла въ достаточномъ количествѣ матеріала для приготовления оболочекъ и взрывчатого вещества.

Арестованные при первомъ допросѣ отказались отъ показаній, исключая Генералова. Онъ, назвавшись при арестѣ Грановскимъ, «чтобы скрыть до времени свою квартиру и предупредить арестованіе своихъ знакомыхъ», заявилъ, что вышелъ на Невскій проспектъ «бросить снарядъ подъ экипажъ при проѣздѣ государя императора изъ Аничкова дворца». Разказавъ вкратцѣ о своемъ участіи вмѣстѣ съ Андреюшкинымъ въ террористической фракціи, которая «не признаетъ власти Исполнительнаго Комитета» Народной Воли, Генераловъ откровенно писалъ: «Однимъ терроромъ и можно въ настоящее время достигнуть свободы слова, свободы сходокъ и вообще всего того, что я понимаю подъ свободой общества». Сознался онъ и въ участіи въ обсужденіи плана

*) Василій Петровичъ Бражниковъ, студентъ Харьковского университета, землякъ Рудевича, арестованъ въ концѣ февраля въ Харьковѣ и былъ привлеченъ по харьковскому дѣлу. По высочайшему повелѣнію 8 іюня 1888 года административно отправленъ на Сахалинъ подъ надзоръ полиціи срокомъ на 10 лѣтъ. О немъ см. «Обзоръ» XII и XIII (часть II). Владиміра Николаевича Попова полиція арестовала 25 февраля на Варшавскомъ вокзалѣ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ провожавшей его Р. Шмидовой. На Шмидову жандармы уже раньше обратили вниманіе, благодаря доносу квартирной хозяйки, нѣкоей Прокофьевой. 23 февраля Андреюшкинъ пришелъ въ квартиру Говорухина съ большимъ узломъ подъ шинелью и отдалъ его Шмидовой. Любопытствующая хозяйка нашла подъ кроватью Говорухина нѣсколько стеклянныхъ бутылокъ и какія-то пакки; на слѣдующій день все это было унесено вновь пришедшимъ Андреюшкинымъ. Подозрительность Прокофьевой удвоилась, она рѣшила донести полиціи, которая одновременно съ арестомъ Шмидовой произвела у ней обыскъ. Ничего подозрительнаго найдено не было. Говорухина жандармы не застали на квартирѣ, онъ къ этому времени скрылся. «Такимъ образомъ,—говоритъ всеподданнѣйшій докладъ отъ 10 марта,—показаніемъ Прокофьевой установлены сношенія Говорухина съ Андреюшкинымъ и участіе еврейки Шмидовой въ этомъ дѣлѣ». Показаніе Канчера 12 марта говорило: хотя о причастности къ заговору Шмидовой онъ не знаетъ ничего, но слышалъ отъ Шевырева, что ее остерегаться не нужно. Ульяновъ на судѣ старался выгородить Андреюшкина и скомпрометировать показанія Прокофьевой заявленіемъ, что у Шмидовой былъ онъ, а не Андреюшкинъ. См. «Галерея», стр. 211.

покушения, въ приготовленіи азотной кислоты, объяснить, для чего употреблялись каждый предмет, каждая вещь, найденная при обыскѣ въ его квартирѣ, описать даже устройство своей бомбы. Генералову, видимо, сообщили объ арестѣ Осипанова, потому, что онъ не считъ нужнымъ скрывать его имя и называлъ его на ряду съ Андреюшкинымъ, какъ металлическа при покушеніи. Въ знакомствѣ съ развѣдчиками онъ не сознался, какъ не произнесъ никакого другого имени, отдѣлываясь при показаніяхъ стереотипной фразой: «объяснить не желаю» *).

Прежде Генералова считъ нужнымъ дать свои объясненія и Осипановъ. Не упоминая никого, онъ показалъ, что былъ на Невскомъ, какъ металлищикъ, одинъ, никого изъ соучастниковъ не имѣлъ, кромѣ лица, передававшего ему бомбу. «Съ какою цѣлью я имѣлъ этотъ снарядъ, отъ кого, когда и гдѣ получить таковой, я въ настоящее время объяснить не желаю,— писалъ Осипановъ 1 марта,— но въ послѣдствіи все, что касается меня лично, будетъ мною объяснено» *).

Опредѣленіе говоритъ Андреюшкинъ: «Несъ снарядъ съ цѣлью совершить атреубійство, находя его необходимымъ для облегченія существующаго строя. Это рѣшеніе у меня было плодомъ не аффекта, не увлеченія, а плодомъ продолжительнаго зрѣлаго размышленія и взвѣшиванія всѣхъ могущихъ быть случайностей». Онъ подтверждаетъ, что снаряды сдѣланы въ Петербургѣ, но не у него, въ его квартирѣ приготовлялась только азотная кислота. «Когда мнѣ именно этотъ снарядъ былъ переданъ и кѣмъ,— отвѣчать не желаю»,— заканчиваетъ Андреюшкинъ свое показаніе 1 марта. Въ послѣдствіи показаніе Андреюшкина оказалось болѣе, чѣмъ труднымъ. Ему приходится отстаивать судьбу человека близкаго, дѣлу совершенно непричастнаго, и который могъ погибнуть благодаря неосторожной откровенности Андреюшкина, разъ уже оказавшейся губительной для всего дѣла. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ полиція при обыскѣ у Андреюшкина нашла письмо, часть котораго, писанная химическими чернилами, была такого содержанія: «Я не понялъ вашего письма, измочилъ его все въ желѣзѣ и въ итогѣ получилъ нуль. Что это значитъ? Разобрали мое послѣднее письмо, которое получили отъ матери? О его содержаніи никому ни слова: молчите даже Раисѣ и Женкѣ, ибо онѣ ничего не знаютъ, не ихъ ума дѣло. Если дѣло не удастся въ теченіе этихъ трехъ дней (до 3 марта), то или отложимъ, или поѣдемъ за нимъ. Пишите на имя Анны Григорьевны для передачи Авдотѣ Федоровнѣ. Пока прощайте, кое-что найдете,

*) Изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ видно, что Генералова допрашивали 5 и 13 числа. Въ послѣдній разъ Генераловъ употребилъ много усилій, чтобы доказать полную непричастность къ дѣлу казака лейбъ-гвардіи Казачьяго полка Аполлинарія Ефремова, своего друга дѣтства, навѣщавшаго Генералова на квартирѣ.

если догадаетесь, въ любовной части письма. Сообщите адресъ: тотъ потерялъ и забыть. Пишу чрезъ мать» *). Письмо было адресовано въ Екатеринодаръ, адресата назвать Андреюшкинъ отказался. 7 марта янцдармы перехватили изъ Екатеринодара телеграмму: «Вы просили ничего не отвѣчать. Съ полученія письма я прожила цѣлую вѣчность. Да отвѣчайте. Комахина». Дознаніе къ 11 марта выяснило настоящую фамилію отправительницы, ею оказалась народная учительница А. А. Сердюкова **). Сердюкова была арестована и препровождена въ Петербургъ. При обыскѣ у ней нашли нѣсколько писемъ Андреюшкина, гдѣ онъ подробно посвящаетъ ее въ свою интимную жизнь и разсказываетъ о своей революціонной дѣятельности. Сердюкова буквально знала о каждомъ шагѣ Андреюшкина. Послѣ ноябрьской демонстраціи онъ описалъ ей петербургскія событія, въ январѣ, условившись переписываться химическими чернилами, далъ знать о своемъ вступленіи въ организацию. 14 февраля Андреюшкинъ въ видимомъ текстѣ письма сдѣлалъ Сердюковой предложеніе, а въ химическомъ сообщалъ, что «должно быть покушеніе на жизнь государя, я въ числѣ участниковъ, которые будутъ бросать бомбы, умоляю, не влопайтесь, не пишите даже о своемъ согласіи на предложеніе». Сердюкова не вынесла неопредѣленности и длительного молчанія Андреюшкина, 7 марта послала уже извѣстную телеграмму, которая ее выдала окончательно ***). Андреюшкинъ, чувствуя свою вину, спасалъ положеніе, какъ возможно. Онъ ни разу не упомянулъ имени Сердюковой, а когда она была арестована, заявилъ о своихъ дружескихъ отношеніяхъ съ ней и о ея полной не причастности къ дѣлу. Но кубанцы были на дѣломъ счету у правительства. «Прибывающіе въ столицу и другіе университетскіе города, уроженцы Кубанской области отличаются вреднымъ политическимъ направленіемъ, — ****)

*) Письмо, несомнѣнно, было написано вечеромъ 28 февраля или утромъ 1 марта. Раисой, Женькой и Анной Григорьевной Андреюшкинъ называлъ знакомыхъ слушательницъ женскихъ курсовъ Раису Гавриловну Ульянку, Елену Хлѣбникову и Анну Коржъ. Онѣ были немедленно арестованы. Авдотья Федоровна, по показанію Андреюшкина, лицо вымышленное, подъ которымъ значился адресатъ.

**) Анна Адриановна Сердюкова, уроженка Кубанской области, родилась въ 1860 году, въ 1879 году кончила женскіе педагогическіе курсы при Кубанской учительской семинаріи и получила званіе народной учительницы.

***) «Содержаніе химическаго текста письма Андреюшкина привело меня въ такой ужасъ,—пишетъ Сердюкова 21 марта,—что я не знала, что мнѣ дѣлать. Я каждый день ожидала, что совершится что-то ужасное».

****) Царь соглашается съ такой характеристикой: «Это уже давно такъ, въ особенноти благодаря дѣйствіямъ наказнаго атамана Кармалина въ 70-хъ гг. Н. Н. Кармалинъ уже въ 1862 году былъ на плохомъ счету у полиціи, и о немъ въ III отдѣленіи существовало дѣло: «О начальникѣ штаба 3 корпуса Кармалинѣ, позволяющемъ себѣ исумѣстныя сужденія въ политическомъ отношеніи». Архивъ III отд. 1862 г., 1 эксп., № 120.

говорится въ восподаннѣйшемъ докладѣ отъ 11 марта,—кубанскіе уроженцы составляютъ тѣсную, сплоченную группу близкихъ между собой людей и вмѣстѣ съ уроженцами Донской области поставили наибольшее число членовъ въ такъ-называемую партію «соціалъ-демократовъ» *). Сердюкова была опнесена къ числу участниковъ дѣла второго 1 марта и должна была предстать предъ судомъ по обвиненію въ «недонесеніи» **).

Наряду съ метальщиками твердо держались 1 марта и развѣдчики. Горкунъ отрицалъ какое-либо отношеніе къ заговору, а Канчеръ показавъ, что «съ лицами, завѣдомо для него принадлежащими къ тайному сообществу, знакомъ не былъ». Своему показанію Канчеръ старался придать видъ искренности. Онъ не отрицалъ ни знакомства съ метальщиками—вѣдь, вѣдь, они студенты университета,—даже показавъ, что Оспановъ заходилъ къ нему раза два попить чайку. Относительно остальныхъ дѣло было еще проще. Съ Горкуномъ Канчеръ жилъ, а Волоховъ былъ другъ его дѣтства. На Невскій Канчеръ ходилъ гулять безъ всякой цѣли, о другихъ же онъ ничего не знаетъ; хотя видѣлъ ихъ на проспектѣ, но не считъ нужнымъ заговаривать съ ними.

Несмысленно, своей освѣдомленностью жандармы сразу сбили погрѣннѣй тонъ Канчера и показали Горкуну, что они ему не вѣрятъ. Къ этому еще прибавились запугиванія—не брезговали даже напоминаніемъ о пыткахъ ***)—перспектива быть повѣшеннымъ, и оба молодыхъ студента судорожно забились въ паличскомъ страхѣ въ цѣпкихъ рукахъ опытныхъ слѣдователей. Жандармы видѣли, съ какой стороны они могутъ болѣе всего поживиться. Метальщики были пока оставлены въ покоѣ, все вниманіе обращено на Канчера и Горкуна.

Утромъ второго числа Горкунъ даетъ обширное показаніе, на которомъ Александръ III ставитъ свою отмѣтку: «Это можетъ быть открыто».

«Подтверждая мое вчерашнее показаніе о непринадлежности ни къ какой революціонной партіи,—начинаетъ Горкунъ,—я, однако, не могу признать себя виновнымъ въ томъ, что, узнавъ случайно о подготавливавшемся покушеніи на жизнь Государя Императора, принялъ военное участіе въ этомъ дѣлѣ. Поводомъ къ моему участію послужило

*) «Благодаря Новочеркасской гимназіи, которая имѣла скверную репутацію»,—пишетъ императоръ на докладѣ.

***) Жандармы, добываясь откровенности отъ Сердюковой, пробовали подѣйствовать на нее, какъ на женщину, выставляя Андреюшкина въ непривлекательномъ видѣ. Ей сообщили, что онъ уже сдѣлалъ предложеніе Аннѣ Коржъ, на что Сердюкова дала 21 марта краткій отвѣтъ въ своихъ показаніяхъ: «Объ этомъ до сего дня я не знала и даже не подозрѣвала».

****) См. у Новорусскаго, «Былое», 1906 г., IV, стр. 78, и въ воспоминаніяхъ Лукашевича, «Былое», 1917 г., II, стр. 120.

не личное мое сочувствіе къ царевубійству и вообще къ террористическому направленію, а именно то, что, случайно узнавъ о замыслѣ, мнѣ оставалось одно изъ двухъ: или фактически примкнуть къ заговору, или же отступить и навлечь на себя подозрѣнія въ измѣнѣ со всѣми ея послѣдствіями. Я избралъ первое, въ чемъ теперь искренно раскаиваюсь и даю полное и правдивое показаніе о всемъ томъ, что мнѣ извѣстно въ отношеніи подготовлявшагося покушенія». Дальше идетъ разсказъ, намъ уже извѣстный, какъ Горкунъ и Волоховъ попали въ развѣдчики, какую роль при этомъ игралъ Канчеръ и «господинъ въ дѣлахъ» *). На предложеніе Канчера слѣдить за царемъ Горкунъ «долженъ былъ согласиться, хотя внутреннее убѣжденіе и протестовало противъ него». Перепутанный на смерть Горкунъ не щадитъ Канчера, который, судя по показаніямъ, является его злымъ гениемъ, совратителемъ. Онъ не тнушается и клеветы, намекая не разъ на возможность партійной мести, и не разъ напоминаетъ жандармамъ о своемъ глубокомъ раскаяніи и обѣщаніи «дать совершенное откровенное показаніе, выяснивъ рѣшительно все, что извѣстно». Въ общемъ, онъ дѣйствительно искрененъ, и жандармы, вымотавъ нужное, скоро оставляютъ его въ покоѣ.

Показанія Канчера были сдержаннѣе по тону, онъ ни на кого не сѣтовалъ, не увѣрялъ жандармовъ въ своей правдивости и раскаяніи, но для стѣдствія онъ былъ цѣннѣе, такъ какъ знаетъ о дѣлахъ фракціи больше Горкуна. Поэтому откровенность Канчера принесла огромный вредъ сравнительно съ сообщеніями его испуганнаго пріятели. Большая часть обвиненія построена на показаніяхъ Канчера. Однимъ словомъ, онъ далъ довольно близкую къ дѣйствительности характеристику организаціи и ея членовъ, сознательно оставивъ нѣсколько въ тѣни себя и тѣхъ лицъ, участія коихъ хотя и было выдающимся, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставило и Канчера въ совершенно невыгодное для него положеніе. Горкунъ со своей откровенностью шелъ навстрѣчу жандармамъ, Канчеръ не всегда поступалъ такимъ образомъ; показанія отъ него большей частью *отбирались*, онъ только подтверждаетъ или дополняетъ уже извѣстное. Горкунъ своей непосредственностью подкулилъ даже Александра III, человека недоувѣрчиваго и настроеннаго всегда враждебно къ революціонерамъ. «Простота» его стала ясна и жандармамъ равно чрезъ четыре допроса. Канчеръ былъ сложенѣе. Несмотря на его кажущуюся искренность, исключительныя услуги жандармамъ при слѣдствіи, онъ довѣріемъ отъ нихъ не пользовался. «О, это хитрый хохоль», — гворить Лукашевичу опытный полицейскій П. Н. Дурново.

*) Непонятно, почему Горкунъ, разсказавъ о Канчерѣ, не считъ нужнымъ назвать фамилію Швырева, удовлетворившись на первый разъ описаніемъ его наружности.

Канчеръ увидаль, куда ведетъ оговоръ земляка и пріятеля. «Я признаю себя виновнымъ въ томъ,—пишетъ онъ,—что зналъ о готовящемся покушеніи на жизнь Государя Императора и помогаль въ выполненіи этого покушенія тѣмъ, что передаваль матеріалы для пригото-вленія взрывныхъ снарядовъ и слѣдилъ на улицѣ за пробѣдомъ Государя Императора для подачи сигнала къ выполненію покушенія, но я утверждаю, что я не былъ руководителемъ этого преступленія и что я не принадлежу къ революціонной партіи. Руководителемъ этого преступле-нія былъ студентъ Говорухинъ *), а исполнителями Андреюшкинъ, Генера-ловъ и Осипановъ. Изъ лицъ, которыя приходили въ мою квартиру, чтобы свидѣться между собой, я приписываю одного студента Ульянова, который на прошлой недѣлѣ приходилъ одинъ разъ и имѣлъ свиданіе съ Осипановымъ, котораго звали кличкой «Ботъ».

Ульяновъ былъ арестованъ 1 марта. Строя отъ нетерпѣнія узнать результаты наблюденія, онъ отправился на квартиру Генералова **), гдѣ уже была полицейская засада, которая его немедленно задержала. 2 мар-та гр. Д. Толстой поставилъ царя въ извѣстность объ арестѣ Ульянова и доложилъ, что «студентъ Говорухинъ, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, 24 февраля «крылся со своей квартиры и пока не разыс-канъ ***). Что же касается личности въ очкахъ, приходившей, по пока-занію Горкуна, къ Канчеру для переговоровъ о покушеніи, то, по объ-ясненію Канчера, это студентъ Шевыревъ, выбывшій въ половинѣ февраля изъ Петербурга въ Харьковъ, гдѣ живетъ его братъ».

Чѣмъ откровеннѣе вели себя на допросахъ Горкунъ и Канчеръ, тѣмъ большее количество лицъ имъ приходилось называть и, выгора-живая себя, рассказывать о такихъ подробностяхъ, которыхъ жандармы никогда бы не узнали.

Къ 3 марта власти знали о дѣйствительномъ участіи въ заговорѣ двѣнадцать человѣкъ, изъ которыхъ девять были задержаны ****). «Почти

*) Съ легкой руки Канчера О. М. Говорухинъ такъ и остался въ глазахъ слѣдствія руководителемъ дѣла второго 1 марта.

**) Лукашевичъ въ воспоминаніяхъ («Былое», 1917 г., I, стр. 42) и А. И. Ульянова («Галерея», стр. 210) говорятъ, что Ульяновъ былъ арестованъ на квар-тирѣ Канчера: между тѣмъ, авторъ «Обзора» за 1887 г. (стр. 23) даетъ свѣдѣнія, что 1 марта «задержанъ Ульяновъ, пришедшій на квартиру Генералова».

***) Отмѣтка Александра III: «Навѣрно выѣхалъ изъ Петербурга».

****) Лукашевича и Пилсудскаго арестовали въ ночь на 3 марта, Шевырева искали въ Харьковѣ, а Ножурскій, по словамъ доклада, «будеть арестованъ сег-дня вечеромъ». «Усиленно разыскивался» Говорухинъ, оставшій Ульянову для Шмидовой и понашую въ руки жандармовъ записку, гдѣ сообщалъ о рѣшеніи по-кончить съ собой, бросившись въ прорубь. Шмидова, задержанная на вокзалѣ (см. выше), скоро была выпущена. 2 марта ее снова арестовали и только послѣ показаній Канчера привлекли къ дознанію. Она 6 и 11 марта отрицала знакомство съ Андреюш-

одновременный отъездъ изъ С.-Петербурга Шевырева, Говорухина и Новорусскаго,—говорить всеподданнѣйшій докладъ отъ 3 марта,—въ виду показаній Капчера и Горкуна о значеніи первыхъ двухъ въ этомъ дѣлѣ, быть можетъ, дастъ основанія предполагать, что названные три лица и были главными руководителями преступнаго предпріятія... Весьма вѣроятно, что, кроме упомянутыхъ двѣнадцати лицъ, будутъ обнаружены дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ и другіе участники преступленія».

Ананьины и Новорусскій, переѣхавшіи въ Парголово, не подозревали, что на нихъ надвигается проза. Лабораторія и бутылка съ нитроглицериномъ, оберегаемая М. А. Ананьиной, пребывали до Ульянова открыто въ квартирѣ. При переговорахъ съ Ульяновымъ Новорусскій условился «на той версіи показаній, которую мы будемъ давать на случай (совершенно невѣроятный случай!), если я буду привлеченъ къ дѣлу... Онъ ѣдетъ туда въ качествѣ репетитора къ Колю, сыну М. А. Ананьиной, и, какъ студентъ и химикъ, беретъ съ собою лабораторію для личныхъ занятій» *). На первомъ допросѣ Новорусскій не призналъ себя виновнымъ въ участіи въ заговорѣ, о пребываніи Ульянова въ Парголово показавъ такъ, какъ было рѣшено, не отрицая получения лабораторіи отъ неизвѣстныхъ ему молодыхъ людей. Отъездъ Ульянова онъ объяснилъ нечаянно съ м-мъ Ананьиной. вмѣстѣ съ Новорусскимъ, когда полиція увидѣла результаты своего обыска, были арестованы мать и дочь Ананьины, согласно подтвердившіи версіи Ульянова-Новорусскаго **). Такое шаткое объясненіе при перекрестныхъ допросахъ, показаніями брата Новорусскаго, десятилѣтняго мальчика Володи, настоящаго репетитора Коли Ананьины студента Василия Данчича легко рѣшилось. Выяснилось, что о новомъ учителѣ никто ничего не слыхалъ, а Коля Ананьинъ и дворникъ дома ни разу его не видали. Кроме того, Володя Новорусскій разсказалъ о посѣщеніи какого-то господина въ пенсѣ, который 22 февраля привезъ въ Парголово бутылку съ азотной кислотой. Сильной уликой въ глазахъ студента противъ Новорусскаго были лоскутокъ бумаги, по цвѣту похожій на периллетъ снаряда-мины, и найденный у него при обыскѣ. Всего этого было достаточно, чтобы Ново-

кинымъ и правильность доноса хозяйки Прокофьевой. Александръ III охарактеризовалъ ея показанія резолюціей: «Упорно вретъ».

*) «Былое», 1917 г., IV, стр. 73. Новорусскій говоритъ, что Ульяновъ отказался отъ такой редакціи показаній. Онъ ошибается. Ульяновъ два раза 5 и 11 марта показывалъ такъ, какъ онъ сговорился съ Новорусскимъ.

**) При первомъ допросѣ 5 марта М. А. Ананьины, числившаяся по паспорту крестьянкой, между прочимъ писала: «Я безпрестанно заботилась о томъ, чтобы приготовить сына въ гимназію». Александръ III подчеркнул слово «въ гимназію» краснымъ карандашомъ, сбоку поставилъ три восклицательныхъ знака и написалъ: «Это-то и ужасно, мужикъ, а тоже лезетъ въ гимназію!».

русскій оказался при слѣдствіи въ ряду важныхъ дѣятелей фракціи террористовъ, а М. А. Ананьиина заняла въ обвиненіи мѣсто хозяйки динамитной мастерской *).

При арестѣ Ульянова степень его участія въ заговорѣ и роль во фракціи террористовъ не была достаточно ясна жандармамъ **). Только 4 марта, послѣ показаній Горкуна и Канчера и самого Ульянова, жандармы мѣняли, кого они видятъ предъ собой. Ульяновъ съ первыхъ строкъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ фракціи, сознался въ замыслѣ лишить жизни императора, для чего приготовлялъ нѣкоторыя части снарядовъ, набивалъ динамитомъ бомбы, но не говорилъ о себѣ, какъ обь инициаторѣ и организаторѣ покушенія ***). Руководствуясь его сознаниемъ, слѣдствіе на ряду съ Шевыревымъ и Говорухинымъ ставитъ Ульянова, какъ главаря фракціи и руководителя заговора. Обстоятельства несчастно сложились для Ульянова, да, онъ меньше заботился о себѣ, а предлагалъ всѣ старанія выгородить другихъ ****). Ульяновъ скорѣе защищалъ другихъ, чѣмъ выяснялъ свое дѣйствительное участіе въ заговорѣ. Его тактику скоро постигъ Александръ III, отмѣтивъ не безъ досады 11 марта: «Отъ него я думаю больше ничего не добьешься» ****).

Въ своей ревности выяснитъ какъ можно скорѣе лицъ, имѣющихъ отношеніе къ первоюмартовцамъ, жандармы обыскиваютъ и арестовываютъ отдаленныхъ знакомыхъ, земляковъ, къ которымъ участники заговора могли имѣть какое-либо касательство, нѣкоторыхъ задерживаютъ и до-

*) 9 числа Лукашевичъ разсказалъ уже извѣстный жандармамъ фактъ о побѣдкѣ Ульянова въ Парголово за нитроглицериномъ, «приготовленіе котораго въ городѣ было небезопасно, такъ какъ при этомъ происходитъ испареніе, сильный запахъ азотной кислоты, и нужны громоздкія приспособленія въ родѣ кадокъ». Александръ III на показаніи отмѣчаетъ: «Объ этомъ Ананьины ничего не замѣчаютъ».

***) Со словъ Канчера Горкунъ 3 марта, разсказывая о метательныхъ снарядахъ, изобрѣтенныхъ какимъ-то студентомъ, заявилъ: «кажется, авторъ Ульяновъ».

****) Показанія отъ 4 марта. Кромѣ того, Ульянова допрашивали 5, 11, 19, 20 и 21 марта. Въ послѣдній разъ онъ не щадилъ себя совершенно и призналъ за собой то, что раньше отвергалъ: «Мнѣ одному изъ первыхъ,—писалъ Ульяновъ 21 марта,—принадлежитъ мысль образовать террористическую группу, и я принималъ самое дѣятельное участіе въ организаціи въ смыслѣ доставленія денегъ, подысканія людей, квартиры и проч. Что же касается до моего нравственнаго, интеллектуальнаго участія въ этомъ дѣлѣ, то оно было полное, т.-е. все то, которое позволяли мнѣ мои способности и сила моихъ знаній и убѣжденій». Царь на послѣднюю фразу съ ироніей, часто его посѣщавшей, отмѣтилъ: «Эта откровенность даже трогательна».

*****) «Когда я увидѣлся въ первое засѣданіе съ Ульяновымъ на судѣ,—пишетъ Лукашевичъ,—то онъ пожимая мнѣ руку, сказалъ: «Если вамъ что-нибудь будетъ нужно, говорите на меня»,—и прочелъ въ его глазахъ безповоротную рѣшимость умереть». «Былое», 1917 г., II, 132.

*****) Оберъ-прокуроръ Неклюдовъ замѣтилъ на судѣ: «Вѣроятно, Ульяновъ призналъ себя виновнымъ и въ томъ, чего не дѣлалъ». «Былое», 1917 г., II, стр. 132.

прашиваютъ только потому, что они, по ихъ мнѣнію, подозрительны *) или случайно зашли въ квартиру, находящуюся подъ прикомомъ полиціи **).

Насколько тяжелыми оказались показанія противъ Ульянова, настолько данныя свѣдѣнія сложились сравнительно благопріятно для Лукашевича. Жандармы узнали, что онъ набиваетъ бомбы, содѣйствовалъ побѣдкѣ Кангера въ Вильну ***), передавалъ матеріалы для разрывныхъ снарядовъ, но это не давало еще основанія считать его руководителемъ фракціи и даже по терминологіи обвиненія «сообщникомъ» въ дѣлѣ, а лишь только «пособникомъ». О настоящей роли Лукашевича знати очень немногіе, они молчали.

С марта Лукашевичъ даетъ обширное «объясненіе, не внесенное въ формальный протоколъ» ****). «Не могу не показать, — заканчиваетъ его Лукашевичъ, — что жизнь моя не принесла ощутительной пользы для дорогого мнѣ люда; что весь мой запасъ научныхъ знаній и искреннихъ намѣреній липибъ для него. Но данный случай можетъ указать правительству, что существуютъ теперь такіа условія, которыя вызываютъ

*) Интересенъ восподаннѣйшій докладъ гр. Д. Толстого отъ 5 марта: «Въ двадцатыхъ числахъ минушаго февраля мѣсяца начальникъ С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія получилъ агентурнымъ путемъ свѣдѣнія, что проживающій въ столицѣ врачъ Латышовъ ведетъ подозрительныя сношенія съ нѣсколькими лицами, которыя часто посѣщаютъ другъ друга, принимая всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы не быть замѣченными. Имѣя въ виду, что означенныя свѣдѣнія исходить отъ челоѵка, стояшаго близко къ арестованному въ прошломъ году представителемъ кружка такъ-называемыхъ «соціалъ-демократовъ», было установлено наблюденіе за Латышовымъ и посѣщавшими его лицами, а упомянутому сотруднику (близко стоявшему къ «соціалъ-демократамъ») поручено ознакомиться съ цѣлями и намѣреніями кружка врача Латышова. Хотя намѣренія кружка и не были въ достаточной степени выяснены, но тѣмъ не менѣе, въ виду происшедшаго і сего марта задержанія злоумышленниковъ съ разрывными снарядами, требованія осторожности указывали на необходимость арестованія Латышова и всѣхъ близкихъ ему лицъ. Произведенными въ ночь на 2 марта обысками у врача Латышова, студента технологическаго института Фомина, кандидата С.-Петербургскаго университета Книшова, курьестки Григорьевой и у запаснаго рядоваго Лаврова найдены преступныя изданія, рукописи предосудительнаго содержанія, лотерейныя билеты и разные адреса. Поименованныя лица содержатся подъ стражей». Дѣло о нихъ присоединили къ дознанію объ арестованныхъ въ октябрѣ 1886 г. П. Аршауловѣ, Н. и П. Андреевыхъ и другихъ соціалъ-демократовъ. По высочайшему повелѣнію 8 іюня 1888 г. упомянутые лица были подвергнуты надзору полиціи на разные сроки. См. «Обзоръ» XI, 29; XII, 63, 66, 118—121; XIII, 52, 53.

***) Такъ случилось со студентомъ Карташеввымъ, зашедшимъ къ Генералову.

****) Восподаннѣйшій докладъ отъ 9 марта считаетъ Лукашевича «связующимъ звеномъ между зачпниками въ Петербургѣ и пособниками въ Вильнѣ».

*****) Любопытно показаніе Лукашевича отъ 8 марта; онъ рассказываетъ о перелачѣ пачекъ неизвѣстному лицу отъ челоѵка тоже неизвѣстнаго съ такими подробностями, описаніями деталей встрѣчи, что жандармы повѣрили его искренности.

людей на самоотверженную дѣятельность, хотя имъ приходится лорвать со всѣмъ дорогимъ, со своею семьей, закадычными друзьями, любимой подругой, со своими задушевными помыслами и возжелѣніями. Отвѣтомъ на всѣ эти соображенія, по всей вѣроятности, будетъ смертный приговоръ, хотя и безцѣльный. Зачѣмъ онъ?... Смертная казнь не устрашаетъ и не воздѣйствуетъ благотворно на народъ—это торжественно признало само правительство, перенеся публичную казнь въ четыре стѣны: не устрашаетъ и не удерживаетъ она отдѣльныхъ лицъ, какъ это показываетъ террористическая дѣятельность. Нельзя не высказать благихъ пожеланій, чтобы правительство устроило дѣло такъ, чтобы не тратились напрасно молодцыя силы въ кровопролитной борьбѣ, и чтобы верховный правитель могъ безъ спасенія за свою личность стать ближе къ народу *). Къ 17 марта стачка участія Лукашевича для сѣдствія исполнѣ выказалась: Лукашевичъ занималъ выдающееся положеніе среди заговорщиковъ... Роль самого Лукашевича совершенно ясно очерчивается его собственнымъ объясненіемъ о запискахъ, посланныхъ черезъ Канцлера въ Вильну, и подробнымъ показаніемъ Пильсудскаго.

По распоряженію изъ Петербурга Шевырева искали въ Харьковѣ, его тамъ не оказалось, онъ находился уже въ Крыму. 7 марта жандармскій подполковникъ Малицкій задержалъ Шевырева въ Ялтѣ, департаментъ полиціи потребовалъ его въ столицу и немедленно о своихъ распоряженіяхъ доложилъ царю **). Черезъ недѣлю Шевырева привезли въ Петербургъ, и на первомъ допросѣ онъ не призналъ себя виновнымъ въ заговорѣ на царубійство и отрицалъ справедливость всѣхъ имѣющихся противъ него показаній. Такой манеры вести себя при сѣдствіи онъ держался и послѣднѣ. «Когда мнѣ придется предстать предъ судомъ,—говорилъ онъ товарищамъ, задолго до ареста,—я не дамъ рѣчь и вылагать своихъ воззрѣній... Какъ бы ни были явны улики, я откажусь всего отъ лица свое участіе въ дѣлѣ» ***). Поведеніе Шевырева при допросахъ бѣсило жандармовъ, они въ отрицаніи и Шевырева видѣли попытку спасти себя путемъ заширательства, раздражались на него и Александръ III. На докладѣ отъ 14 марта царь пишетъ: «отъ этого негодяя ничего не добьешься», а на коніи показанія отмѣчаетъ: «конечно больше и не скажетъ». Последній допросъ состоялся 18 марта, приводимъ его полностью: «Отъ Юсифа Лукашевича я денегъ 110 рублей не получалъ и о томъ, что такія деньги присланы изъ Вильны или изъ другого мѣста, онъ мнѣ не говорилъ, и предъявленное мнѣ показаніе объ этомъ Лукашевича признаю ложнымъ, равнымъ образомъ

*) «Какъ все это старо, пережовано и трогательно!»—замѣчаетъ Александръ III, отмѣчая приведенное мѣсто карандашомъ.

***) Резолюція царя отъ 8 марта: «Это весьма успѣшно и утѣшительно».

***) «Былое», 1917 г., I, стр. 48 и 49, см. также «Галерея», стр. 216.

считаю ложнымъ и показаніе Генералова о томъ, что я ему давалъ порученія, относившіяся до приготовленія разрывныхъ снарядовъ». Не стѣсняющійся въ выраженіяхъ государь не считаетъ нужнымъ сдержаться и при этомъ докладѣ. Генераль-лейтенантъ Оржевскій стѣбчаетъ: «Собственной Его Величества рукой начертано: «Подлецъ!», въ Гатчинѣ 20 марта 1887 года». Шевырева безповоротно признали теперь «дѣйствительнымъ руководителемъ преступленія».

Участіе эмигрировавшаго Рудевича открылось случайно. Въ книгѣ Ульянова слѣдствіе нашло замѣтку: *Руд.* Навели справку въ спискахъ университета, установились на фамиліи Рудевича, дальнѣйшія разспросы подтвердили догадку жандармовъ. Выяснилось, что онъ 19 февраля уѣхалъ изъ квартиры въ Ейскъ, гдѣ его, по справкамъ, не оказалось; на его отъѣздъ за границу указалъ Канцлеръ, а его слова подтвердило собственноручное письмо Говорухина, посланное для Ульянова изъ-за границы по конспиративному адресу и сохвѣтъ не агентурнымъ путемъ попавшее въ руки Департамента Полиціи. «4 сего марта, на имя студента С.-Петербургскаго Университета князя Тенишева.—докладываетъ 17 числа генераль Оржевскій,—проживающаго въ качествѣ преподавателя дѣтей у Товарища Оберъ-прокурора 2 Департамента Правительствующаго Сената Хвостова, получено письмо изъ Цюриха отъ неизвѣстнаго лица, почему письмо это было предъявлено въ Департаментъ Полиціи.

По разсмотрѣніи почерка письма оказалось, что оно написано разсказываемымъ по дѣлу 1 марта сего года Орестомъ Говорухинымъ, въ чемъ убѣждаетъ также и самое содержаніе письма, въ коемъ упоминается о «Васѣ» и «Ванѣ», малолѣтнихъ братьяхъ Говорухина. Студентъ князь Тенишевъ объяснилъ, что еще въ декабрѣ минувшаго года студентъ Александръ Ульяновъ, съ которымъ онъ былъ одновременно въ Симбирской гимназіи, обратился къ нему съ просьбой получать письма на его, Тенишева, имя. Хотя князь Тенишевъ отказалъ Ульянову въ просьбѣ, но чрезъ нѣсколько дней получилъ изъ Харькова письмо, содержаніе котораго не понималъ, и показалъ его г. Хвостову *). На другой день въ университетѣ Ульяновъ спросилъ Тенишева, не получалъ ли онъ писемъ изъ Харькова. Передавъ Ульянову полученное наканунѣ письмо, Тенишевъ вновь просилъ не ставить его на будущее время въ неприятное положеніе—получать чужія письма. Загѣтъ 4 марта пришло письмо изъ Цюриха, помѣченное 27 февраля—11 марта, и Тенишевъ передалъ это письмо своему дядѣ, правителю канцеляріи Министра Внут-

* Лишнее подтвержденіе того, что петербургскіе террористы имѣли постоянную связь съ «народовольцами террористами» г. Харькова. См. выше.

тренних Дѣль статскому совѣтнику Пазухину *), предполагая въ виду бывшаго примѣра, что и это письмо предназначалось Ульянову.

Въ означенномъ письмѣ имѣются указанія, что почти одновременно съ Пазухинымъ выѣхалъ изъ Россіи за границу какой-то господинъ «Сижант». Въ заключеніе докладъ сообщаетъ, что подъ именемъ «Сижант'а» слѣдуетъ разумѣть Рудевича).

Говорухинъ писалъ Ульянову о благополучномъ пріѣздѣ въ Швейцарію вмѣстѣ съ Сижантомъ и между прочимъ просилъ узнать у «хвойнаго дерева» точный адресъ «С. И. З.», проживающаго на «В. Н.» **). Жандармы принялись разгадывать намеки Говорухина и расшифровали ихъ почти безъ всякаго труда. Агентурнымъ путемъ они узнали, что студентъ М. И. Сосновскій собираетъ деньги для бѣжавшихъ за границу революціонеровъ. Сопоставляя его фамилію съ названіемъ «хвойное дерево», Департаментъ Полиціи пришелъ къ убѣжденію, «что подъ этой личикою слѣдуетъ разумѣть именно упомянутаго студента». Сосновскаго задержали, и его объясненія при допросѣ окончательно убѣдили жандармовъ, что онъ имѣетъ близкое знакомство съ первомартовцами. Сосновскій былъ привлеченъ къ дознанію.

«Всеподданнѣйшимъ докладомъ представляю себѣ доложить Вашему Императорскому Величеству,—лишеть генералъ Оржевскій,—что дознаніе о злоумышленникахъ, задержанныхъ 1 сего марта съ различными спарядами, закончено вчера, 21 марта, и сегодня передано для дальнѣйшаго направленія прокурору С.-Петербургской судебной палаты. Изъ дознанію этому привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ слѣдующія лица:

Подъ стражей:

1. Студентъ Петръ Шевыревъ.	4. »	Василій Осипановъ.
2. » Александръ Уляновъ.	5. »	Пахомъ Андреюшкинъ.
3. » Юсифъ Лукашевичъ.	6. »	Василій Генераловъ.

*) Алексѣй Дмитриевичъ Пазухинъ (род. 18 февр. 1845 г., † 27 янв. 1891 г.), известный реакціонеръ, сотрудникъ катковскаго «Русск. Вѣстн.», составитель Положенія о земскихъ начальникахъ.

***) Т.-е. «Сергѣя Ивановича Заруднаго, проживающаго на Воскресенской набережной». Его сыновья Александръ Сергѣевичъ, помощникъ секретаря с.-петербургскаго окружнаго суда, и Сергѣй Сергѣевичъ, студентъ Петровской академіи, дали Сосновскому свои адреса для переписки Шевырева съ Петербургомъ и Москвою. Квартира С. С. Заруднаго въ Москвѣ служила и явкой для революціонеровъ. Шевыревъ чрезъ С. С. Заруднаго подъ именемъ Ивана Павловича Кульминскаго завелъ сношенія съ московскими революціонерами, среди которыхъ Зарудный имѣлъ большіи связи. Оба брата привлекались по дѣлу первомартовцевъ, и дознаніе о нихъ по высочайшему повелѣнію окончилось административнымъ взысканіемъ: С. С. Зарудный по совокупности съ московскими дѣлами получилъ три года ссылки въ Западную Сибирь, А. С. Зарудному зачли въ наказаніе предварительное заключеніе «Обзоръ», XII. XIII.

Подъ стражей:

7. »	Михаилъ Канчеръ.	9. »	Бронисл. Пилсудскій.
8. »	Петръ Горкунъ.	10. »	Констант. Гомолецкій.

Скрылись и разыскиваются:

11. »	Орестъ Говорухинъ.	14. Дворянка Елена Пашковская.
12. »	Николай Рудевичъ.	15. Мѣщанинъ Исаакъ Дембо.
13. Дворянинъ	Антонъ Гнатовскій.	

Подъ стражей:

16. »	Степанъ Волоховъ.	20. Дворянинъ Титъ Пашковскій.	
17. Кандидатъ	Духовной Академіи
Михаилъ Новорусскій.	21. »	Юсифъ Пилсудскій.
18. Крестьянка - акушерка	Марья
Ананьина.	22. Мѣщанка	Ранса Шмидова.
19. Крестьянка	Лидія Ананьина.	23. »	Эсфирь Гордонъ.
		24. Дворянка	Анна Ульянова.
		25. Мѣщанка	Анна Сердюкова.

Независимо сего въ С.-Петербургскомъ жандармскомъ управленіи начато особое дознаніе о лицахъ, находившихся въ преступныхъ сношеніяхъ съ участниками преступленія, обнаруженнаго 1 сего марта. Къ дознанію сему привлечены и подлежатъ привлеченію слѣдующія лица:

Подъ стражей:

1. Быв. студ. Дмитрій Фридманъ.	7. Мѣщанинъ Абрамъ Марковичъ.	
2. Акушерка Розалія Фридманъ.	8. Мѣщанка Ранса Пузыренская.	
3. Студентъ Фроимъ Мееровичъ.	9. »	Фани Пузыренская.
4. »	Яковъ Ноткинъ.	10. Мѣщанинъ Леонтій Лейбовичъ.
5. »	Михаилъ Сосновскій.	11. Мѣщанка Анна Лейбовичъ, скрылась.
6. Мѣщанка Марія Берковичъ.		

Поименованные 11 человекъ обвиняются въ предоставленіи своихъ адресовъ для преступной переписки, участіи въ снабженіи деньгами, въ сборѣ пожертвованій для Говорухина и т. п.».

Внѣстѣдствіи по дознанію жандармское управленіе, кромѣ бр. Зарудныхъ, привлекло смотрителя Еленинскаго совѣтальнаго института В. М. Федоровскаго и курсистку Р. И. Калайтанъ, обвиняемыхъ въ сборѣ денегъ для Говорухина. Дѣло о лицахъ, вошедшихъ во вторую группу, было разрѣшено, по высочайшему повелѣнію, административно. Дознаніе прекратили относительно Р. Пузыренской, Л. Лейбовича и Р. Фридманъ. Пять лѣтъ Восточной Сибири получили Сосновскій и Я. Ноткинъ и три года Берковичъ и Марковичъ. Ф. Пузыренская, М. Фридманъ, В. Федоровскій подвергнуты тюремному заключенію на сроки отъ 6 мѣсяцевъ до 6 недѣль, а Калайтанъ отдана подъ надзоръ полиціи на 2 года на мѣстѣ служенія ея будущаго мужа В. Акимова, опредѣленнаго священникомъ въ Ставропольскую епархію. Изъ первой группы дѣло прекратили относительно Е. Пашковской.

V.

Какъ они внушала гр. Д. Толстой въ своихъ докладахъ Александру III, что главные виновники замышлявшагося покушенія находятся въ рукахъ властей, какъ ни старались жандармы показать, что имъ въ дѣлѣ все ясно—найдена динамитная мастерская, обнаружены и бомбы и химикаты и сообщники и пособники—увѣренность въ полномъ раскрытій заговора отсутствовала *). Напуганное правительство подозрѣвало постороннія, весьма сильныя влiянiя, использовавшiя въ дѣляхъ общеевропейской политики революцiонныя стремленiя студенческой молодежи.

Въ то время Александръ III, настроенный противъ Фердинанда, не скрывалъ своей вражды къ Германiи и Австрiи, симпатизировавшихъ политикѣ Болгарiи. Руководящiе круги Петербурга пользовались раздраженiемъ императора для проведенiя англiйскихъ плановъ. 1887 годъ принесть съ собой европейскую газетную войну, рядъ словесныхъ выступленiй присяжныхъ политиковъ, бряцанiя оруженiемъ, омпданiе франко-русскаго союза, который привѣтствовалъ Катковъ, теперь дышавшiй ненавистью къ Бисмарку и къ нѣмцамъ. Въ воздухѣ нахло близкой кровавой бойней, дипломатiя, по обыкновенiю, плела овсю кружева и за истоками фразъ пыталась скрыть дѣйствительное положенiе вещей, ясную для всѣхъ истину.

Если раньше «падать» Россiи было специальностью «Англичанки», то теперь вездѣ замѣчали нѣмецкую интригу. Увидѣли ее и въ дѣлѣ 1 марта.

Въ началѣ статьи уже упоминалось, что наша легальная пресса, принужденная молчать, перепечатала только официальные извѣщенiя изъ «Правительственнаго Вѣстника», не пытаясь даже эзоповскимъ языкомъ, иносказательно, обсуждать событiе и давать о немъ болѣе подробныя свѣдѣнiя. Только казенное перо многорѣчиваго «златоуста М. Н. Каткова» не знало стѣсненiй. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 63. 5 марта) вмѣстѣ съ извѣщенiемъ о пойманныхъ съ бомбами трехъ студентахъ помѣщена обширная передовица по поводу заговора 1 марта.

«Все въ Россiи спокойно,—утверждаетъ авторъ въ первой строкѣ своей статьи, обращаясь больше къ европейскому обществу, чѣмъ къ русскому обывателю.—Школа, слава Богу, оздоровлена путемъ введенiя новаго университетскаго устава, революцiонная партiя разбита, революцiонеры, посѣдѣвшие въ бояхъ, или изгнаны изъ обществъ или считаются по заграничѣ безсильные и безвредные. Но если

*) Гр. Д. Толстой въ концѣ марта уже пересталъ настаивать, что заговоръ раскрытъ полностью. Министръ колебался и «подозрѣвалъ». Объ этомъ см. ниже.

все спокойно въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, то можно ли сказать, что все спокойно въ нашихъ внѣшнихъ, въ нашихъ иностранныхъ дѣлахъ?»

«Съ того времени, какъ возникло опасеніе, что Россія не захочетъ долѣе оставаться въ распоряженіи чужихъ державъ и захочетъ имѣть свою политику, соответствующую ея достоинству и ея собственнымъ интересамъ, начали появляться у насъ дурные признаки, стали замѣчаться такъ называемые самообразовательные кружки, въ которые привлекаются молодые люди сначала для литературнаго препровожденія времени, для чтенія извѣстныхъ писателей, при чемъ мало-по-малу прочитываются и подпольныя изданія, которые, наконецъ, и становятся главными предметами занятій, разсужденій и толковъ. Тутъ-то и улавливаются наиболѣе податливые чтенцы и замыкаются въ кѣтку, разобщаются туманомъ революціонныхъ идей съ окружающимъ міромъ, подчиняются тайной командѣ, должнымъ образомъ терроризируются и потомъ становятся слѣпыми орудіями для самыхъ безумныхъ дѣлъ, для самыхъ гнусныхъ злодѣяній».

«Кто ихъ поджигаетъ»,—спрашиваетъ авторъ въ концѣ статьи.— „Is fecit cui prodest“,—по мнѣнію Каткова. «самообразовательные кружки» есть порожденіе темныхъ силъ, питающихся соками нѣмецкой и анпирусской политики. Ей-то особенно и полезны русскійскіе заговоры, антиправительственныя выступленія, террористическіе замыслы *).

Фантазіями Каткова и его менѣе талантливыхъ продолжателей власть пользовалась, запуская русскихъ самодержцевъ или, какъ въ данномъ случаѣ, желала возстановить монарха противъ ненавистной Германіи. Александръ III внимательно читалъ «Московскія Вѣдомости» и прислушивался къ ихъ мнѣнію. Наличие нѣмецкой интриги для него была несомнѣнна, допускалъ ее и руководитель тогдашней внутренней политики гр. Д. Толстой. Нѣкоторыя указанія, правда, косвенныя, имѣются во всеподданнѣйшихъ докладахъ **).

Мать А. И. Ульянова въ отчаяніи пишетъ Александру III письмо, надѣясь тронуть монарха своими слезами, своей материнскою скорбью. Приводимъ письмо полностью вмѣстѣ съ бездушными отпѣтками царя, говорящими о его мепительномъ, черствомъ сердцѣ.

«Милосерднѣйшій Монархъ!

Горе и отчаяніе матери даютъ мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ Вашему Величеству, какъ единственной защитѣ и помощи.

Милости, Государь, прошу! Пощады и милости для дѣтей моихъ! Старшій сынъ, Александръ, окончившій гимназію съ золотою ме-

*) Статья изъ «Московск. Вѣд.» была перепечатана въ № 3 «Русск. Вѣстн.» за 1887 г., въ отд. «Современн. Лѣтопись», подъ названіемъ «Возобновленіе злоумышленныхъ попытокъ въ Россіи», стр. 378—385.

***) Въ первой резолюціи (см. выше) царь желалъ кончить дѣло «безъ шума». Не считалъ ли онъ съ самаго начала заговоръ дѣломъ иноземныхъ враговъ Россіи?

далью, получить золотую медаль и въ университетѣ. Дочь моя, Анна, успѣшно училась на Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ. И вотъ, когда оставалось всего лишь мѣсяца два до окончанія ими полнаго курса ученія,—у меня вдругъ не стало старшаго сына и дочери: оба они заключены по обвиненію въ прикосновенности къ злодѣйскому дѣлу перваго марта.

Слезъ нѣтъ, чтобы выплакать горе. Словъ нѣтъ, чтобы описать весь ужасъ моего положенія.

Я видѣла дочь, говорила съ нею. Я слишкомъ хорошо знаю дѣтей своихъ и изъ личныхъ свиданій съ дочерью убѣдилась въ полной ея невинности. Да, наконецъ, и Директоръ департамента Полиціи еще 16 марта объявилъ мнѣ, что дочь моя не скомпрометирована, такъ что тогда же предполагалось полное освобожденіе ея. Но затѣмъ мнѣ объявили, что для болѣе полнаго слѣдствія дочь моя не можетъ быть освобождена и отдана мнѣ на поруки, о чемъ я просила, въ виду крайне слабаго ея здоровья и убійственно вреднаго вліянія на нее заключенія въ физическомъ и моральномъ отношеніи.

О сынѣ я ничего не знаю. Мнѣ объявили, что онъ содержится въ тюрьмѣ, отказали въ свиданіи съ нимъ и сказали, что я должна считать его совершенно погибшимъ для себя.

О, Государь! Если бъ я хоть на одинъ мигъ могла представить своего сына злодѣемъ,—у меня хватило бы мужества отречься отъ него, и благоговѣнное уваженіе къ Вашему Величеству не позволило бы мнѣ просить за него. Но все, что я знаю о сынѣ, не даетъ мнѣ возможности представить его такимъ,—и я милости прошу у Васъ, Великодушнѣйшіи Государь! Сынъ мой былъ всегда убѣжденнымъ и искреннимъ ненавистникомъ терроризма въ какой бы то ни было формѣ. Такимъ я знаю его до послѣднихъ канікулъ (въ 1886 г.), проведенныхъ имъ дома у меня, въ Симбирскѣ *).

Онъ былъ всегда религіозенъ, глубоко преданъ интересамъ семьи и часто писалъ мнѣ. Около года тому назадъ умеръ мой мужъ, бывшій директоромъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи. На моихъ рукахъ осталось шестъ человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ четверо малолѣтнихъ. Это несчастіе, совершенно неожиданно обрушившееся на мою сѣдую голову, могло бы окончательно сразить меня, если бъ не та нравственная поддержка, которую я нашла въ старшемъ сынѣ, обѣщавшемъ мнѣ всяческую помощь и понимавшемъ критическое положеніе семьи безъ поддержки съ его стороны.

Онъ былъ увлеченъ наукой до такой степени, что ради кабинетныхъ занятій пренебрегалъ всякими развлеченіями. Въ университетѣ онъ былъ на лучшемъ счету. Золотая медаль открывала ему дорогу на профессорскую кафедру,—и нынѣшній учебный годъ онъ усиленно работаетъ въ зоологическомъ кабинетѣ университета, подготавливая магистерскую диссертацию, чтобы скорѣе выйти на самостоятельный путь и быть опорой семьи. Зная это, могу ли я представить сына моего злодѣемъ? А между тѣмъ, онъ такъ тяжело обвиняется и, безъ сомнѣнія, у обвинительной власти должны быть всѣскія доказательства для обвиненія.

Я не знаю ни сущности обвиненія, ни данныхъ, на которыхъ оно основано. Но, сопоставляя самый фактъ обвиненія въ тяжчайшемъ

* «Хорошо она знаетъ сына!»,—отмѣтка Александра III.

государственномъ преступленіи съ фактами относительно возрѣніи моего сына въ самомъ недавнемъ прошломъ, преданности его наукѣ и интересамъ семьи,—я вижу непримиримую несообразность, представляющую чѣмъ-то совершенно несобъяснимымъ. Здѣсь возможно допустить лишь—или какую-то роковую случайность, или помраченіе разсудка, но ни въ какомъ случаѣ не злодѣйство, проистекающее изъ убѣжденно преступной натуры. Онъ былъ всегда слишкомъ религіозенъ, туманенъ и честенъ, чтобы, будучи въ здоровомъ умѣ, идти на злодѣйское дѣло и заслужить проклятіе милліоновъ людей. Онъ былъ слишкомъ развитъ, чтобы не понимать позорнаго безчестія этого дѣла. Онъ слишкомъ любилъ сестру, чтобы губить ее. Онъ слишкомъ былъ преданъ семьѣ, чтобы пятнать ее позоромъ, слишкомъ уважалъ свой дворянскій родъ, чтобы клеймить его.

О, Государь! Умоляю—пощадите дѣтей моихъ! Нѣтъ силъ перенести этого поря и нѣтъ на свѣтѣ горя такого лютаго и жестокаго, какъ мое горе! Сжальтесь надъ моею несчастною старостью! Возвратите мнѣ дѣтей моихъ!

Если у сына моего случайно ступанился разсудокъ и чувство, если въ его душу закрались преступныя замыслы,—Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу въ душѣ его тѣ лучшія человѣческія чувства и побужденія, которыми онъ такъ недавно еще жилъ! *).

Я свято вѣрю въ силу материнской моей любви и сыновней его преданности—и ни минуты не сомнѣваюсь, что я въ состояніи сдѣлать изъ моего несовершеннолѣтняго еще сына честнаго члена русской семьи, вѣрнаго слугу Престола и Отечества,—не сомнѣваюсь, что онъ употребитъ всю послѣдующую жизнь свою на то, чтобы загладить павшую на него вину. И если бѣ я увидѣла въ сынѣ хоть малѣйшіе задатки злой воли, хоть малѣйшее упорство относительно исправленія,—клянусь, Государь, не нужно карателя и обвинителя безпощаднѣ меня: я сама передамъ его въ руки правосудія и буду свидѣтельствовать противъ него.

Милости, Государь, прошу, милости! Въ такомъ отчаянномъ несчастіи, какъ мое, можетъ быть только помощь Всевышняго да милость Царская.

Умилосердитесь, Государь, надо мной и дайте мнѣ возможность доказать, что обреченный на гибель сынъ мой можетъ быть вѣрнѣйшимъ изъ слугъ Вашего Величества!

Марія Ульянова.

28 марта 1887 года.

С.-Петербургъ.

(Васильевскій островъ,

Средній пр., д. 32, кв. 5).

Вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Кавалера Станислава I степени Марія Александровна Ульянова. Постоянное жительство въ Симбирскѣ».

*) Царь отмѣчаетъ послѣднюю фразу и пишетъ: «А что же до сихъ поръ она смотрѣла!».

Наверху прошения Александр III ставить резолюцію: «Мнѣ кажется желательнымъ дать ей свиданіе съ сыномъ, чтобы она убѣдилась что это за личность ея милѣйшій сыночекъ и показать ей показанія ея сына чтобы она видѣла какихъ онъ убѣжденій».

Въ тотъ же день, 30 марта, гр. Д. Толстой посылаетъ докладъ директору Департамента Полиціи П. Н. Дурново съ любезной собственноручной запиской: «Нельзя ли воспользоваться разрѣшеннымъ Государемъ Ульяновой свиданіемъ съ ея сыномъ, чтобы она уговорила его дать открытое показаніе, въ особенности о томъ, кто, *кроме студентовъ*, устроилъ все это дѣло. Мнѣ кажется, это могло бы удался, если бы подѣистновать поискуснѣ на мать». Дурново на письмѣ министра даетъ распоряженіе: «Вызвать ко мнѣ Г-жу Ульянову завтра къ 12 часамъ». Приказаніе немедленно было исполнено. Какого содержания велся разговоръ у Дурново съ М. А. Ульяновой, догадаться не трудно, но желаемыхъ результатовъ для министра и царя онъ не принесъ. А. И. Ульянова передаетъ сцену перваго свиданія ея брата съ матерью.

«Когда мать пришла къ нему на первое свиданіе, онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни, прося ее простить его за причиняемое имъ горе. Онъ говорилъ ей, что у него есть долгъ не только передъ семьей, и рисуя ей безправное, подавленное положеніе родины, указывая, что долгъ каждаго честнаго человѣка бороться за освобожденіе ея.

— «Да, но эти средства такъ ужасны».

— «Что же дѣлать, если другихъ нѣтъ, мама»,—отвѣтилъ онъ.

И онъ вслѣски старался примирить мать съ ожидавшей его участію.

— «Надо примириться, мама»,—говорилъ онъ.

И онъ напоминаетъ ей о меньшихъ дѣтяхъ, о томъ, что слѣдующіе за нимъ братъ *) и сестра кончаютъ въ этомъ году съ золотыми медалями и будутъ утѣшеніемъ ей.

Убитая горемъ мать долго убѣждала и просила его подать прошеніе о помилованіи.

«Не могу я сдѣлать этого послѣ всего, что призналъ на судѣ **),—отвѣчалъ братъ.—Вѣдь, это же будетъ неискренне».

На этомъ свиданіи присутствовалъ нѣкій молодой прокуроръ, нѣсколько разъ отходившій къ двери и выходившій даже изъ камеры.

*) В. И. Ульяновъ (Ленинъ) кончалъ въ Симбирскѣ гимназію. Въ томъ же году «исключенъ изъ Казанскаго университета, гдѣ посѣщалъ юридическій факультетъ, за социалистическую пропаганду». См. его біографію въ книгѣ «Большевики». Изд. «Задруга», М. 1918, стр. 236 и 237.

**) Память измѣнила А. И. Ульяновой. Первое свиданіе ея брата состоялось до суда. Вѣроятно, разговоръ о помилованіи происходилъ послѣ 19 апрѣля, когда состоялось приговоръ.

чтобы дать возможность матери шереговорить свободнѣе съ сыномъ. При послѣднихъ словахъ брата онъ обернулся и, со слезами на глазахъ, воскликнулъ: «Правъ онъ, правъ!».

«Слышишь, мама, что люди говорятъ»,—сказалъ тогда братъ.

«У меня просто ружи опустились»,—разсказывала объ этомъ свиданіи мать.

28 марта послѣдовало распоряженіе предать суду особаго присутствія Правительствующаго Сената съ ословными представителями изъ всѣхъ привлекавшихся къ дознанію только 15 человекъ: Генералова, Андреюшкина, Осипанова, Канчера, Горкуна, Шевырева, Ульянова, Б. Пилсудскаго, Лукашевича, Волохова, Пашковскаго, Новорусскаго, М. Ананьину, Шмидову и Сердюкову. Относительно І. Пилсудскаго, Ульяновой, Гамолецкаго, М. Ананьиной и Е. Гордонъ 8 апрѣля по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи состоялось высочайшее повелѣніе разрѣшить дѣло въ административномъ порядкѣ *).

Вѣроятно потому, что при арестахъ Генераловъ давалъ показаніе первымъ, его имя въ обвинительномъ актѣ стояло впереди и самое дѣло официально называлось «дѣломъ Генералова и др.» **). 2 апрѣля подсудимымъ были вручены обвинительный актъ, а 15 числа начались надъ первомартовцами судъ. Всѣ они обвинялись въ организации покушенія на жизнь государя, кромѣ Сердюковой, виновной въ недонесеніи.

Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій П. А. Дрейеръ, обвинялъ прокуроръ Неклюдовъ. Защитники были у всѣхъ подсудимыхъ кромѣ Ульянова и Новорусскаго, который по незнанію своевременно не заявилъ о желаніи имѣть адвоката. «Защитники,—говоритъ Лукашевичъ,—выступили со своими рѣчами, блѣдными, краткими и безцвѣтными, не касаясь тѣхъ условий, которыя породили революціонное движеніе, которыя приводили и приводятъ на скамью подсудимыхъ столько лицъ, одушевленныхъ стремленіями улучшить существующій режимъ» ***).

Принципиальную рѣчь произнесъ Ульяновъ. Онъ разсказалъ, какъ отъ мечтаній ранней юности онъ перешелъ къ взглядамъ научнаго социализма, какъ встрѣтилъ препятствія со стороны правительства, когда хотѣлъ ближе сойтись съ народомъ. Легальной дѣятельности не давалось простора, пришлось встать на путь борьбы революціонной. Насиліямъ правительства необходимо было противопоставить силу, террору—терроръ, организаціей послѣдняго и занялась фракція. Предсѣдатель не

*) О приговорѣ надъ ними см. выше.

***) «Былое», 1906 г., IV, стр. 74.

***) «Былое», 1917 г., II, стр. 126. Тамъ же изложена болѣе полно рѣчь А. И. Ульянова и самая процедура суда. Къ воспоминаніямъ Лукашевича мы и отсылаемъ читателя. См. также «Общее дѣло» № 97 и брошюру «Послѣднія слова казненныхъ», Спб. 1906 г., стр. 57 и 58.

разъ прерывалъ Ульянова замѣчаніями, что его взгляды уже извѣстны по рѣчамъ прежнихъ революціонеровъ и ничего новаго для суда не дадутъ.

Осипановъ хотѣлъ воспользоваться послѣднимъ словомъ и началъ рѣчь возраженіемъ своему защитнику, что онъ не хочетъ для себя никакого снисхожденія. Предсѣдатель остановилъ его; по его мнѣнію, въ послѣднемъ словѣ можно говорить только въ пользу, а не во вредъ себѣ *). Осипановъ мало надѣялся, что ему на судѣ дадутъ слово.

Въ объясненіи отъ 5 апрѣля онъ, между прочимъ, писалъ: «Я хорошо сознаю, что далъ въ немъ (объясненіи) слишкомъ много мѣста разсужденіямъ чисто теоретическаго свойства, которыя, можетъ быть, было бы болѣе умѣстно высказать въ изустныхъ объясненіяхъ на судѣ, но я не имѣю твердой увѣренности, что тамъ мнѣ дана будетъ возможность высказаться хоть сколько-нибудь обстоятельно. Между тѣмъ, идеи и соображенія, которыя я привелъ въ этомъ заявленіи, руководили моими поступками, составляли завѣтную часть моего нравственнаго бытія и слишкомъ для меня дороги, чтобы я отказался высказать, если представится къ этому какая-либо возможность» **). Послѣ запрещенія говорить, Осипановъ сѣлъ на мѣсто и не проронилъ ни звука.

19 апрѣля состоялся приговоръ Сената ***). Шевыревъ былъ признанъ зачинщикомъ и руководителемъ заговора. Генераловъ, Осипановъ, Андреюшкинъ, Канчаръ, Горкунъ, Волоховъ и Ульяновъ—сообщниками, при чемъ послѣдній «принималъ самое дѣятельное участіе какъ въ злоумышленіи, такъ и въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ

*) «Былое», 1917 г., II, стр. 126, а также «Галлерей», стр. 221.

**) Осипановъ въ своемъ письменномъ заявленіи повторяетъ программу фракціи и ее взглядъ на терроръ. На первый планъ онъ ставитъ пропаганду социалистическихъ идей, говоритъ о необходимости организаціи трудящихся массъ и требуетъ отъ правительства уступокъ политическаго характера. Между прочимъ, онъ протестуетъ противъ обывательскаго взгляда, усиленно поддерживавшагося правительствомъ еще въ 70 г., что социалисты желаютъ путемъ насиія водворить атеизмъ и стоять за «общность женъ». Осипановъ признаетъ, что «народъ настоящаго времени гораздо менѣе инертенъ, чѣмъ, напримѣръ, въ началѣ 70 г., во времена пресловутаго (sic!) хожденія въ народъ». Народъ понимаетъ революціонеровъ по-своему, онъ смотритъ на нихъ, какъ на защитниковъ стараго порядка, какъ на охранителей крѣпостной Россіи, противъ которой выступаетъ пока только царь. «Не заставятъ ли подобныя мнѣнія народъ подняться во имя царя»,—спрашиваетъ Осипановъ.—Тогда революціонерамъ придется взять дѣло возстанія въ свои руки. «Будетъ масса совершенно бесплодныхъ убійствъ и разрушеній, будутъ уничтожены многія блага цивилизаціи... Поэтому мы не симпатизировали и не можемъ симпатизировать подобному типу революціи. Если бы было иначе, если бы мы ему сочувствовали, мы, вѣроятно, давно бы успѣли вызвать подобную революцію».

***) О приговорѣ надъ первоапрѣльцами и приведеніи смертной казни въ исполненіе напечатано въ «Правит. Вѣстн.», № 98, отъ 9 мая.

его осуществленію». Лукашевичъ, Новорусскій, Ананьина М., Б. Пилсудскій, Пашковскій и Шмидова признавались пособниками, «содѣйствіе которыхъ было болѣе или менѣе необходимо для совершениа преступленія». Виновной въ недонесенія оказалась и Сердюкова. Притворъ суда для всѣхъ былъ одинаковъ—смертная казнь чрезъ повѣшеніе. Въ-стѣ съ тѣмъ особое присутствіе постановило ходатайствовать предъ государемъ о замѣнѣ смертной казни каторжными работами: Горкуну, Канчеру, Волохову и Ананьиной на 20 лѣтъ, Б. Пилсудскому на 15 лѣтъ и Пашковскому на 10 лѣтъ; Шмидовой ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ и Сердюковой—заключеніемъ въ тюрьмѣ на два года съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ.

Александръ III удовлетворилъ ходатайство особаго присутствія, но срокъ каторги Горкуну, Канчеру и Волохову понизилъ до 10 лѣтъ.

«Послѣ этого приговора,—вспоминаетъ Лукашевичъ,—мнѣ разрѣшили свиданіе съ отцомъ. Отцу моему, который очень любилъ меня, чрезъвычайно хотѣлось спасти мнѣ жизнь. Защитникъ мой тоже настойчиво совѣтовалъ подать прошеніе о помилованіи, текстъ котораго онъ составилъ. Въ это время, увы, я смотрѣлъ на подачу прошенія совершенно ошибочно, какъ на формальность. Но чѣмъ больше я сблизался и сживался со старыми народовольцами въ Шлиссельбургѣ, тѣмъ рѣзче, сильнѣе и мучительнѣе чувствовалась вся неумѣстность этого поступка. И этотъ ложный шагъ стоилъ мнѣ многихъ страданій *).

Лукашевичъ, какъ и Новорусскій, по повелѣнію царя получилъ безсрочную каторгу. «Я не помню точно,—пишетъ Новорусскій,—какого числа былъ произнесенъ смертный приговоръ въ предварительной формѣ. Въ тотъ же или на другой день, подѣ влияніемъ продолжительныхъ и настойчивыхъ убѣжденій своего сосѣда шпіона **), имѣвшаго тогда въ моихъ глазахъ огромный авторитетъ, я подаль прошеніе на высочайшее имя. Въ немъ я писалъ въ выраженіяхъ, которыя никогда съ тѣхъ поръ не могу вспомнить безъ нравственной боли, жалобу на строгость приговора и просьбу сохранить мнѣ жизнь и отправить меня въ ссылку» ***). І. Д. Лукашевичъ и М. В. Новорусскій были навсегда заточены въ Шлиссельбургскую крѣпость, и только событія 1905 года возвратили имъ свободную жизнь.

8 мая министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой письменно докладывалъ императору: «Сегодня въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, согласно приговору особаго присутствія Правительствующаго Сената, 15—19 ми-

*) «Былое», 1917 г., II, стр. 128. Защищалъ Лукашевича прис. пов. Принцъ Г. Г., года три тому назадъ скончавшійся.

**) Къ Новорусскому подсадили предателя А. П. Остроумова, который очень «интересовался» дѣломъ 1 марта 1887 года.

***) «Былое», 1906 г., IV, стр. 96.

нувшало апрѣля состоявшемуся; подвергнуты смертной казни государственные преступники: Шевыревъ, Ульяновъ, Осипановъ, Андреюшкинъ и Генераловъ.

Но свидѣннымъ сообщеннымъ приводившимъ приговоръ Сената въ исполненіе, товарищемъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда Щегловитовымъ *), осужденные въ виду перевода ихъ въ Шлиссельбургскую тюрьму предполагали, что имъ даровано помилованіе. Тѣмъ не менѣе, при объявленіи имъ за полчаса до совершенія казни, а именно въ 3½ часа утра, о предстоящемъ прирѣженіи приговора въ исполненіе, всѣ они сохранили полное спокойствіе и отказались отъ исповѣди и принятія св. таинъ.

Въ виду того, что мѣстность Шлиссельбургской тюрьмы не представляла возможности казнить всѣхъ пятерыхъ одновременно, эшафотъ былъ устроенъ на три человѣка, и первоначально выведены для совершенія казни Генераловъ, Андреюшкинъ и Осипановъ, которые, выслушавъ приговоръ, простились другъ съ другомъ, приложились къ кресту и бодро вошли на эшафотъ, послѣ чего Генераловъ и Андреюшкинъ громкимъ голосомъ произнесли: «Да здравствуетъ Народная Воля!». По имъ самое намѣревался сдѣлать и Осипановъ, но не успѣвъ, такъ какъ на него былъ накинута мѣшокъ. По снятіи труповъ вышеозначенныхъ казненныхъ преступниковъ, были выведены Шевыревъ и Ульяновъ, которые также бодро и спокойно вошли на эшафотъ, при чемъ Ульяновъ приложился къ кресту, а Шевыревъ оттолкнулъ руку священника».

На докладѣ, кромѣ обычнаго знака о прочтеніи его даремъ, никакой другой помѣтки не имѣется.

Трагически кончилъ свою жизнь Канцлеръ. Отправленный на Сахалинъ, онъ, по словамъ Лукашевича, не вынесъ урвненій совѣсти и застрѣлился, предварительно принявъ ядъ; смерть наступила на сразу, Канцлеръ промучился нѣсколько часовъ. Въ Восточной Сибири умеръ и Горкутъ. Титъ Пашковскій изъ 1895 г. застрѣлился въ Якутскѣ **). Односительно остальныхъ, къ сожалѣнію, мы свидѣній не имѣемъ. Известно только, что М. А. Аванзана скончалась на каторгѣ, а Б. Цилондскій 5—6 лѣтъ тому назадъ былъ живъ.

Вся сила правительственныхъ репрессій послѣ раскрытія заговора направлена была противъ студенчества и университетовъ, которые Александръ III не иначе называлъ, какъ революционными гнѣздами и разсадниками революціи. Мало церемонился онъ и съ профессорами, давая имъ не всегда лестныя характеристики. Вплоть доизявко, что по-

*) Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ, бывшій министръ юстиціи и известный черносотенный дѣятель въ недавнее время.

***) «Общ. Дѣло», № 97.

тербургскій университетъ забилъ тревогу. 6 марта ректоръ университета И. Е. Андреевскій собралъ профессоровъ, преподавателей и студентовъ въ актовъй залъ и въ присутствіи попечителя округа и его помощника произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ скорбь и негодованіе по поводу случившагося и приглашалъ профессоровъ и студентовъ поднести царю адресъ съ увѣреніями въ своихъ вѣрнопопдадническихъ чувствахъ *).

Адресъ былъ составленъ слѣдующаго содержания:

«Ваше Императорское Величество,
Государь Всемилоствѣйшій!

Три злоумышленника, недавно сдѣлавшіеся, къ великому несчастію для С.-Петербургскаго Университета, его студентами, своимъ участіемъ въ адскомъ замыслѣ и преступномъ сообществѣ нанесли университету невыносимый позоръ. Тяжко, оскорбно, безвыходно! И въ эти горестныя дни С.-Петербургскій Университетъ, въ цѣломъ его составѣ, всѣ его профессора и студенты ищутъ для себя единственнаго утѣшенія въ милостивомъ, Государь, дозволеніи повернуть къ священнымъ столамъ Вашего Величества чувства вѣрнопопдаднической преданности и горячей любви».

На подлинномъ слѣдуютъ подписи ректора, профессоровъ и преподавателей. Царь на адресъ написалъ: «Благодарю с.-петербургскій университетъ и надѣюсь, что *на дѣлѣ*, а не на бумагѣ только онъ докажетъ свою преданность и постарается залладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ участіамъ студентовъ въ преступномъ замыслѣ. Да благословитъ его Господь на все доброе» **).

Часть студенчества, весьма незначительная, откликнулась на рѣчь И. Е. Андреевскаго въ особой прокламаціи ***), не осталась она равнодушной и къ самому событію 1 марта. Въ началѣ апрѣля мѣсяца департаментъ полиціи получилъ свѣдѣнія, что члены студенческаго союза вырабатываютъ программу новаго кружка и обсуждаютъ текстъ воззванія по поводу 1 марта и состоявшагося приговора надъ его участницами. Наблюденіе установило, что въ теченіе апрѣля мѣсяца студенты университета А. Д. Павловскій, Е. И. Яковенко, Б. А. Метцъ, I. и В. П. Петровы, И. I. Эйсымонтъ, П. И. Захаровъ, а также близкій знакомый

*) Рѣчь проф. И. Е. Андреевскаго помѣщена въ «Правит. Вѣстн.» за 1887 г., № 50, отъ 7 марта. Конечно, редація не преминула распространиться о невозможномъ «ура» и непрерывномъ пѣніи гимна студентами и профессорами.

**) Въ «Правит. Вѣстн.», приб. въ № 57 отъ 16 марта, и № 58 отъ 17 марта адресъ и резолюція напечатаны полностью.

***) Въ составленіи прокламаціи полиція подозрѣвала М. И. Сосновскаго, Е. Яковенко, а въ печатаніи на тектографѣ Н. Евстифѣева, Обзоръ, XII, стр. 71

М. В. Новорусскаго, занимающийся преподавательской дѣятельностью Н. П. Евстифѣевъ и др. собирались въ разныхъ квартирахъ,— послѣдній разъ ихъ сходка состоялась на Крестовскомъ островѣ 12 мая,— и обсуждали проекты прокламаціи. Проекты представлены были Яковенкомъ, Захаровымъ и Евстифѣевымъ. Собраніе остановилось на редакціи Яковенко и Евстифѣева и поручило послѣднему отектографировать ее. 16 мая участники сходки были арестованы, прокламація Евстифѣева, озаглавленная «Къ зрителямъ», попала въ руки полиціи.

Указывая на затишье послѣдняго времени, авторъ отмѣчает *), что за послѣднее время «произошелъ крупный фактъ во внутренней жизни партіи, известной подъ именемъ «Народной Воли»: единая централизованная революціонная организація умерла въ борьбѣ за свое существованіе, уступивъ мѣсто федераціи отдѣльныхъ кружковъ, для успѣшности борьбы. Организація Н. В. оказалась слишкомъ слабой, и сознаніе это зародило мысль у приверженцевъ ея принциповъ о несвоевременности такой организаціи. Процессъ перехода къ новой формѣ устройства по необходимости продолжителенъ и тягостенъ для партіи, такъ что нельзя удивляться его сильному вліянію на боевую ея дѣеспособность». Давѣ говорилось, что центральная организація связывала инициативу отдѣльныхъ самостоятельныхъ группъ и «1 марта 1887 года первый случай выступленія на пути террора не отъ имени Исполнительнаго Комитета, а отъ какого-то тайнаго кружка». У И. Попова оказался проектъ устава «партіи политическаго освобожденія», такъ и не появившійся на свѣтъ.

Дѣлю о нихъ было разрѣшено административнымъ порядкомъ; всего болѣе пострадалъ Н. П. Евстифѣевъ, его выслали въ Восточную Сибирь на 8 лѣтъ **).

Столица ничѣмъ другимъ себя не проявила, молчала и провинція. Только относительно Казани имѣются свѣдѣнія, что тамъ по поводу перваго марта была опечатана прокламація въ количествѣ 200 экземпляровъ. Она распространялась по почтѣ въ самомъ городѣ. При начавшемся дознаніи выяснилось, что воззваніе разсылалъ Н. Д. Барановъ, который и получилъ 6 лѣтъ Иркутской туб. ***).

*) См. «Обзоръ» XII, стр. 68—70. Прокламацію хотѣли издать отъ имени «Студенческаго союза». Судя по отчету, полиція имѣла своихъ людей въ средѣ студенчества, которые доносили ей о всѣхъ мельчайшихъ предположеніяхъ и рѣшеніяхъ. На сколько правдивы были свѣдѣнія, сказать трудно.

**) Кромѣ вышеперечисленныхъ лицъ, «по дѣлу бр. Поповыхъ, Евстифѣева и другихъ», привлекались Н. Э. Ватсонъ, Зысеръ П. А., Гарнакъ Е. Е., Рязанова М. А., Деруновъ К. Н., Евстифѣевъ С. П. и Филиппова А. В., вскорѣ освобожденная. Подробно о нихъ см. «Обзоръ» XII и XIII.*

***) Тамъ же.

Дѣло «Второго 1 марта» закончило одинъ періодъ революціоннаго движенія. Фракція террористовъ появилась почти наканунѣ 90-хъ годовъ, когда борьба съ правительствомъ приняла новыя формы. Отдѣльными тропинками, то опускаясь, то поднимаясь, выходили революціонеры на торную широкую дорогу массоваго протеста. Росла и крѣпла социаль-демократическая организація, вобранныя въ себя въ первые годы все дѣйствительное и молодое. Въ своей увѣренности, что у нея только одна правда, что съ ея только тактикой слѣдуетъ считаться, она оставалась до первыхъ лѣтъ XX вѣка, нѣсколько преждевременно прочитавъ отходную народническому и народовольческому міровоззрѣнію. Организація партіи с.-р., выступивъ С. В. Бастмашова напомнили о старыхъ, назавшихся навсегда ушедшихъ, подахъ. Надо было пройти 15 годовъ революціонной подготовки, чтобы идеи народничества, участниковъ фракціи второго 1 марта, взгляды на терроръ воскресли, развились и чѣмъ дальше, тѣмъ больше завоевывали себѣ сторонниковъ. Революціонное движеніе вступало въ новую фазу.

А. Поляковъ.

Зинаида Коноплянникова.

Среди множества самоотверженных людей, принесших свою жизнь и кровь ради торжества русской свободы, вспоминается мне сейчас удивительная по своей цельности и безграничной самоотверженности казенная двенадцать летъ тому назад Зинаида Коноплянникова.

Люди не рождаются революционерами. Жизнь дѣлаетъ ихъ такими. Чуткіе и отзывчивые, они видятъ неправду жизни, и эта неправда вызываетъ ихъ на борьбу. Интересно бываетъ прослѣдить, какъ мирный и любящій человекъ постепенно силою вещей доходитъ до насильственной борьбы съ существующимъ строемъ. Впрочемъ, относительно Коноплянниковой надо сказать, что мирной ее врядъ ли можно было назвать. Любящей, самоотверженной—да, но отнюдь не мирной. Еще въ раннемъ дѣтствѣ она была большимъ сорванцомъ, пытливымъ и предприимчивымъ ребенкомъ, склоннымъ ко всевозможнымъ шалостямъ. Въ ней было много мальчишескаго, и она предпочитала общество мальчишковъ, которые невольно подчинялись ей, чувствуя ее право на предводительство.

Родилась Коноплянникова 2-го ноября 1879 года. Отецъ ее былъ солдатомъ, а потомъ служилъ вахтеромъ въ Петербургѣ, въ Крестовоздвиженской общинѣ сестеръ милосердія. Человекъ онъ былъ прямой, но страшно вспыльчивый; и зная за собой эту черту, въ минуты гнѣвныхъ вспышекъ стремительно кидался къ водѣ и набиралъ ее въ ротъ, чтобы такимъ вибрирующимъ дѣйствіемъ погнѣпать проявленію гнѣвнаго чувства. Мать Коноплянниковой была крестьянка, тихая и ласковая.

С семи лѣтъ Зинаида Коноплянникова уже стала ходить въ школу. Училась всегда очень хорошо и была первой ученицей. 10-ти лѣтъ она окончила начальную школу и потомъ поступила въ 6-классное ремесленное училище вѣдомства императрицы Маріи. Объ этомъ училищѣ у нея сохранились, видимо, хорошія воспоминанія. Она чувствовала, вѣроятно, что тамъ получила толчокъ въ своемъ духовномъ развитіи, и считала себя какъ бы обязанной по отношенію къ этому вѣдомству. По крайней мѣрѣ, когда, въ періодъ самой усиленной дѣятельности «Боевой организации», кто-то предложилъ совершить набѣгъ на вѣдомство императрицы Маріи, Зинаида отказалась участвовать въ этомъ дѣлѣ, заявивъ, что получила въ школѣ этого вѣдомства свое воспитаніе. Насколько серьезно было это заявленіе, рѣшить не берусь, но думаю, что какія-то нити связывали сердце молодой дѣвушки съ той школой, гдѣ была положена основа ея духовнаго развитія.

Но въ этой же самой школѣ Зинаида Коноплянникова получила тотъ толчокъ, который направилъ ее на путь революціонной борьбы и въ концѣ концовъ привелъ къ висѣлицѣ.

Я спросила однажды Зинаиду, что впервые пробудило въ ней духъ возмущенія.

— Кажется, это было въ школѣ,—начала она, подумавъ немного.—Классная дама у насъ солгала что-то. Что именно и по какому поводу, я даже сейчасъ не помню. Но помню, что я страшно возмутилась и обругала ее. Она пожаловалась начальницѣ. Та потребовала, чтобы я извинилась. Я отказалась и требовала, чтобы классная дама извинилась въ томъ, что солгала. Исторію эту какъ-то уладили, а мнѣ велѣли идти и заниматься моимъ вышиваніемъ. А падо сказать, что вышивание у меня было особенное. Это была какая-то необыкновенно тонкая работа, которую предназначено было поднести государю въ какой-то высокотожественный день. Работа была въ полномъ разгарѣ. Я уже закончила фигуры двухъ ангеловъ и оставалось вышить ихъ глаза. Обыкновенно вышиваніе на меня дѣйствовало успокаивающимъ образомъ. Я считалась лучшей работницей, любила красивые узоры, сама ихъ составляла и за этой работой забывала всякія мелкія огорченія.

Но тутъ со мной что-то произошло необыкновенное. Работаю, стараюсь, чтобы у меня ангелы вышли съ глазами кроткими, ангельскими, а мои ангелы начинаютъ смотрѣть, какъ черти. Я это вижу и еще больше волнуюсь. Хочу исправить, а глаза еще злѣе смотреть. Побѣжала къ учительницѣ. Та говоритъ: «отдохните, пройдитесь по саду». Хожу я по саду и думаю: классная дама солгала, а меня заставляли прошеніе просить. Гдѣ же тутъ правда? Ходила по саду, пока не устала. Вернулась къ своимъ ангеламъ,—не могу ихъ вышивать. Молиться пробовала, не помогаетъ. Хочу въ себѣ вызвать смиреніе, сказать себѣ, что я неправа, а все внутри говоритъ: онѣ лгутъ, онѣ виноваты. Кончилось тѣмъ, что глаза у ангеловъ исправила учительница рукодѣля. Потомъ все, конечно, вошло въ свою колею, но, кажется, съ этого пустого случая началось мое критическое отношеніе къ существующему строю.

Эта жажда правды является характерной чертой Зинаиды, и, зная порядки нашихъ учебныхъ заведеній, надо лишь удивляться, какъ могла Коноплянникова окончить школу и послѣ школы учительскую семинарію.

Въ учительской семинаріи кромѣ обычныхъ занятій по программѣ Коноплянникова много работала надъ своимъ образованіемъ. Чего только не перечитала она за этотъ періодъ: Шекспиръ, Кантъ, Дарвинъ, Бѣлинскій, Влад. Соловьевъ. Сиенсеръ, Байронъ, Гюго, Михайловскій и много, много другихъ.

19 лѣтъ она окончила семинарію и получила мѣсто учительницы въ Лифляндской губерніи, на берегу Чудскаго озера, въ поселкѣ Черномъ.

Въ то время царское правительство особенно ревностно заботилось объ обрушеніи всякихъ инородцевъ. На школы смотрѣли главнымъ образомъ, какъ на средство обрушенія.

Зинаида мечтала посвятить себя служенію народу, а вмѣсто этого ей пришлось сдѣлаться орудіемъ правительственной политики. Вспоминая въ своей рѣчи на судѣ это время, она говорила:

— Нищета среди мѣстныхъ жителей была поразительная. Вся земля оставалась въ рукахъ остзейскихъ бароновъ и казны. Жили они тѣмъ, что давало озеро, т.-е. занимались рыбной ловлей. Какъ выросшая сама въ нищетѣ, я не удивлялась ихъ бѣдности, меня поразило одно: какъ можно жить такъ, жить безъ борьбы за лучшее будущее, какъ можно жить безъ единственнаго свѣтлаго луча въ будущемъ, безъ единого проблеска на темномъ горизонтѣ? Но внѣ стѣнъ школы я не могла работать, вслѣдствіе незнанія мѣстнаго эстонскаго языка. Въ стѣнахъ же школы мнѣ было слишкомъ тяжело, тяжело не физически, но морально. Всѣ занятія нужно было вести на русскомъ языкѣ. Тяжело было видѣть, какъ малютка-ученикъ, на мое требованіе говорить только по-русски, такими жалкими и безпомощными глазами смотрѣлъ на меня. «Отчего я не могу въ этихъ стѣнахъ говорить на своемъ родномъ языкѣ?» — читала я въ этихъ грустныхъ глазахъ.

Проработавъ въ этой школѣ годъ, Конопляникова переехала въ русскую земскую школу Петергофскаго уѣзда, верстахъ въ пятидесяти отъ Петербурга. Отношенія съ учениками сразу наладились: самыя лучшія. Со всей горячностью юной души принялась Зинаида за свое дѣло. Все, чѣмъ богата эта душа, все отдается ученикамъ. А душа дѣйствительно богата: и музыкальный талантъ, и художественный, и литературный есть. Природа, не жалѣя, одарила дѣвушку разнообразными способностями и сверхъ того наградила ее рѣдкимъ даромъ привлекать къ себѣ человѣческія сердца. Дѣти души въ ней не чаяли.

Но, вѣдь, дѣти бываютъ разныя; съ иными очень трудно ладить. Учительницѣ волей-неволей приходится иногда прибѣгать и къ наказанію. У Зинаиды было довольно своеобразное наказаніе для непослушныхъ учениковъ.

— Такъ ты не слушаешься,—говорила она,—ну, ладно, такъ я не буду на тебя смотрѣть.

Въ чемъ тутъ наказаніе?—можно подумать съ перваго раза. Строптивый шалуниъ очень быстро постигалъ весь ужасъ этого наказанія. Точно вдругъ стало темнѣе, точно вмѣсто яркаго солнечнаго дня настали унылыя сумерки. Что случилось? На него перестали смотрѣть эти милые сѣрые глаза. Изъ нихъ уже не льются на него, какъ прежде, снопы темныхъ ласковыхъ лучей. Эти глаза по-прежнему льютъ свою ласку на всѣхъ, только не на него... И мальчишкѣ чувствуетъ себя одинокимъ и несчастнымъ и пачинаетъ виновато тереться около учительницы и робко шептать: «Ну, будетъ, что ли, ну не надо. Помиримся»...

Откуда была эта власть? Почему такой властью были одарены эти глаза?

Дѣти этого, конечно, не понимали. Они не сознавали того, что горячая любовь къ правдѣ и къ людямъ, которой была полна эта дѣвушка, искрилась въ ея глазахъ и передавалась тѣмъ, на кого она смотрѣла, и будила въ нихъ лучшія чувства, какія только способны загораться въ груди человѣка. Дѣти этого не пони-

малы, но чувствовали притягательную силу своей учительницы и тянулись къ ней, какъ лозника къ водѣ, какъ травка къ солнцу.

На учителей и учительницъ, пользовавшихся исключительной любовью дѣтей, въ то время начальство глядѣло весьма подозрительно. Всюду мерещилась крамола. Въ доносахъ недостатка не было... И Коноплянникова была уволена.

Молодая дѣвушка поняла, что простая творческая работа невозможна. Надо было вступить въ борьбу.

Какъ раньше Зинаида цѣлкомъ отдавалась педагогической дѣятельности, такъ теперь она отдалась дѣятельности революціонной. Сперва это была мирная дѣятельность пропагандистки. Она убѣждала людей словомъ, разъясняя положеніе вещей, иногда составляла прокламаціи. Правительство не осталось равнодушнымъ и къ этому роду дѣятельности Зинаиды и отвѣтило тюремнымъ заключеніемъ. Держали ее въ домѣ предварительнаго заключенія и въ крѣпости цѣлый годъ. Потомъ выпустили, но черезъ двѣ недѣли вновь арестовали и продержали еще восемь мѣсяцевъ. Въ декабрь 1904 года она бѣжала за границу.

Тюремное заключеніе иногда является хорошей школой для революціонеровъ. Одноочное заключеніе даетъ большой просторъ для размысленія и нерѣдко превращаетъ мирнаго протестующаго прогрессиста въ убѣжденнаго боевика - революціонера.

Коноплянникова почувствовала и убѣдилась въ невозможности мирной дѣятельности. За границей она стала готовиться къ будущей борьбѣ и научилась дѣлать бомбы и мѣтко стрѣлять изъ револьвера. Интересно отмѣтить, что стрѣлять изъ револьвера ее училъ въ Швейцаріи князь Хилковъ. Когда-то самъ убѣжденный противникъ всякаго насилія, тяжело выстрадавшій свои взгляды, опъ тернистымъ путемъ душевной борьбы дошелъ до проповѣди террора. И дочь крестьянина и родовитый князь разными путями съ разныхъ сторонъ пришли къ одному и тому же убѣжденію, что мирная борьба невозможна.

Въ бурный 1905 годъ Зинаида вернулась на родину. Первую минуту она была готова повѣрить въ дѣйствительность возвращенныхъ съ трона российскихъ свободъ. Но событія скоро показали ей всю несбыточность ея надеждъ. И опять все вошло по-старому. Опять пришлось остерегаться, прятаться и, занимаясь организаціей Сиб. Общ. Крестьянскаго Союза, зорко оглядываться: не сторожить ли гдѣ-нибудь, вѣтъ ли засады на условленной для явки квартирѣ.

Зинаида съ головой окупалась въ организаціонную работу. Безъ паспорта, безъ квартиры, рискуя каждый день быть арестованной, она работала во-всю, работала до изнеможенія.

Придѣтъ, бывало, среди дня, придѣтъ измученная, блѣдная, бросится на диванъ и уже соннымъ кивкомъ головы благодаритъ за подпущенную подушку.

Чтобы обмануть бдительность сыщиковъ, приходилось перебѣжать изъ конца въ конецъ города, приходилось мѣнять всевозможные костюмы, даже перекрашивать волосы и изъ брюнетки превратиться въ блондинку. Последнее было сдѣлано не совсемъ удачно, такъ какъ смуглый цвѣтъ кожи совершенно не соответство-

З. Р. Конопляникова.
(1906 г.).

валь светлымъ окрашеннымъ перекисю водорода волосамъ, и это несоответствіе неволью привлекало вниманіе. Пришлось снова перекрашиваться въ свой естественный цвѣтъ и даже на время уѣхать въ Сестрорѣцкъ, чтобы сыщики окончательно потеряли слѣдъ.

Политическія событія шли, между тѣмъ, своимъ чередомъ. Одни дѣятели появлялись на горизонтѣ и привлекали всеобщее вниманіе, другіе исчезали. Особенно ярко обрисовалась фигура генерала Мина. Рѣшительный и безпощадный своими разстрѣлами въ Москвѣ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, онъ сжегъ свои корабли, отрѣзалъ себя навсегда отъ русскаго общества и сталъ настоящимъ царскимъ опричникомъ въ томъ смыслѣ, что опричь царя ему некуда было податься, и, что бы ни случилось, онъ долженъ былъ остаться вѣрнымъ.

— Надо мнѣ его поближе посмотреть, — говорила Зинаида, — какой онъ. Но осуществить это желаніе было довольно трудно. Наконецъ, во время какихъ-то торжественныхъ похоронъ, гдѣ долженъ былъ присутствовать Семеновскій полкъ, а съ нимъ и его командиръ, Зинаидѣ удалось хорошо разсмотрѣть Мина. Онъ не ѣхалъ съ полкомъ, а шелъ за гробомъ. Зинаида близко подошла къ нему и пошла почти рядомъ, внимательно всматриваясь своими большими сѣрыми глазами въ бравую фигуру безпощаднаго генерала.

Вернувшись съ похоронъ, она сказала:

— Да, это дяденька серьезный... левъ..

Ей возражали, что генераль Минъ вовсе не имѣетъ такого значенія, какое она ему придаетъ. Приводили мнѣнія людей, близко его знавшихъ, утверждавшихъ, что это человѣкъ весьма ограниченный и обыкновенный, и что только пустая случайность придала ему трагическій видъ. Но Зинаида стояла на своемъ. Съ другой стороны, было и такое мнѣніе, что дѣло не въ личныхъ качествахъ Мина, а въ томъ положеніи, которое онъ занялъ. А, кромѣ того, кровавыя жертвы семеновскихъ подвиговъ не должны были оставаться неотомщенными.

Участь генерала Мина была рѣшена. Зинаида взяла все дѣло въ свои руки, выделила летучій отрядъ боевой организаціи и начала слѣдить за Миномъ. Слѣжка была весьма затруднительна. Минъ жилъ въ небольшомъ деревянномъ особнякѣ въ саду, отдѣленномъ высокимъ заборомъ отъ Загороднаго проспекта. Проникнуть въ садъ черезъ заборъ нечего было и думать. А противоположная сторона дома выходила на дворъ, гдѣ были часовые, и у воротъ на улицѣ былъ тоже часовой.

Зинаида рѣшила дожидаться выхода Семеновскаго полка въ лагери, узнала, что назначенъ день и часъ выхода, и что полкъ долженъ пойти по Забалканскому проспекту. Она внимательно изучила весь путь, по которому долженъ былъ слѣдовать полкъ, и сперва рѣшила стать на желѣзнодорожномъ мосту, подъ которымъ проходятъ войска, направляющіяся въ лагери. Но это мѣсто представляло то неудобство, что тутъ на нее могли обратить вниманіе и желѣзнодорожные сторожа и даже случайные прохожіе. Въ концѣ концовъ, Зинаида рѣшила бросить бомбу на Забалканскомъ проспектѣ изъ окна какого-нибудь дома. Съ вечера она заняла по-

меръ въ гостиницѣ, зарядила бомбу и рано утромъ сѣла у окна, выходящаго на проспектъ.

Была тихая весенняя бѣлая ночь. Проспектъ былъ пустъ. Лишь изрѣдка показывался запоздавшій прохожій или медленно проѣзжалъ почной извозчикъ. Время шло. Солнца еще не было видно, но лучи его уже заблестѣли на крестахъ церкви. Улица все еще была пуста. Зинаида отворила окно. Издалека слышался мѣрный топотъ приближающихся солдатъ. Зинаида взяла бомбу въ руку и стала ждать. Пожкъ подходилъ все ближе и ближе. Впереди ѣхалъ какой-то незнакомый офицеръ. Рота за ротой проходили мимо гостиницы. Мина не было. Наконецъ, прошла послѣдняя рота, прошелъ обозъ... Мина не было. Зинаида разряжаетъ бомбу и съ разочарованіемъ ложится, чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть отъ безсонной ночи и успокоить взвинченные ожиданіемъ нервы.

Куда же дѣвался Минъ? Было получено свѣдѣніе, что онъ поселился въ Финляндіи, гдѣ-то далеко, за Териоками. Но оказалось, что это невѣрно. Въ концѣ-концовъ, было выяснено, что Минъ поселился на дачѣ въ деревнѣ Луизино, близъ Новаго Петергофа. Туда былъ направленъ одинъ изъ членовъ отряда, который поселился недалеко отъ Мина и занялся слѣжкой. Черезъ нѣкоторое время перекрестилась въ Луизино и Коноплянникова.

За нѣсколько дней до отъезда ей былъ поставленъ вопросъ: достаточно ли хорошо она обдумала то дѣло, за которое взялась. Не можетъ ли въслѣдствіи явиться сознаніе его безцѣльности и раскаяніе... Она обидѣлась... Она приняла рѣшеніе послѣ долгаго, мучительнаго размышленія и считала вопросъ рѣшеннымъ безповоротно.

— Когда я пропаду, — спокойно говорила она, — то надо будетъ сдѣлать то-то и то-то, — и давала соответствующія указанія.

— Когда ты бросишь бомбу, — совѣтовали ей, — то моментально кидайся на землю: тогда много шансовъ, что ты останешься цѣла.

— Ни за что! Никогда я этого не сдѣлаю, — отвѣчала она, упрямо трясая головой.

— Почему? Что за нелѣпая гордость?

— Нелѣпая или нѣтъ, но бросаться на землю я не могу.

Она считала себя обреченной на смерть, и смерть не пугала ее, а скорбеманила къ себѣ. Это сказалось въ ея стихотвореніи: «Хорошо умереть на зарѣ».

Всколыхнется рѣка и прошенчать трава:
Какъ темна была ночь на землѣ.
Встрепенется листва, пробудившись отъ сна, —
«Хорошо умереть на зарѣ».

Заалѣетъ востокъ, зазвенитъ ручеекъ...
Поблѣднѣвшей печальной луиѣ
Поцѣлуй свой пошлетъ вѣтерокъ, —
«Хорошо умереть на зарѣ».

Изумрудомъ, брильянтомъ роса заблеститъ,
Засіяетъ лучъ солнца на дальней горѣ...
Вмѣстѣ съ тѣмою печаль улетитъ, —
«Хорошо умереть на зарѣ».

Восходящаго солнышка первымъ лучамъ
Пропокуютъ птицы гимнъ въ вышинѣ,
Небеса улыбнутся цвѣтамъ, —
«Хорошо умереть на зарѣ».

Угнетенный проснется отъ долгаго сна
Властелиномъ на вольной землѣ —
И предъ нимъ вся природа свѣтла и ясна...
«Хорошо умереть на зарѣ».

Это не единственное стихотвореніе Коноплянниковой. У нея, видимо, была потребность выражать въ размѣренныхъ звукахъ и красивыхъ образахъ свои душевныя переживанія. Отдыхомъ ей была также и музыка. Она играла и на фортепiano, и на скрипкѣ, но чаще всего перебирала струны гитары. И до сихъ поръ вспоминается мнѣ ея пѣсня, ея небольшой, но красивый, задумчивый голосъ:

Ничего не пожалѣю,
Буйну голову отдамъ, —
Раздается голосъ властный
По окрестнымъ берегамъ...

Наступилъ роковой день 13 августа 1906 года. Съ бомбой въ бархатномъ дамскомъ рабочемъ мѣшочкѣ и съ револьверомъ въ карманѣ Зинаида отправилась къ тому дому, изъ котораго долженъ былъ выйти генералъ Минъ. Улица была пуста. Обстоятельства, казалось, складывались благоприятно. Но вдругъ изъ соседней дачи выбѣжали ребятишки и, увидѣвъ Зинаиду, кинулись къ своей пріятельницѣ, которую, несмотря на кратковременность знакомства, они уже успѣли полюбить...

Осторожно, поднявъ кверху бархатный мѣшочекъ, Зинаида вернулась и тихимъ голосомъ сказала товарищу:

— Не могу! Дѣти...

Въ тотъ же день она встрѣтилась съ генераломъ на вокзалѣ. Народу было немного. На рельсахъ стоялъ поѣздъ. Бросивъ бомбу, можно было воспользоваться всеобщимъ замѣшательствомъ, проскочить между вагонами и, перейдя на другую сторону вокзала, благополучно скрыться. Но съ Миномъ были жена и дочь. Онѣ пали бы лишними жертвами. Зинаида предпочла пожертвовать собой.

Поѣздъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ генералъ Минъ, подходилъ къ станціи. Генералъ съ женой и дочерью шелъ по платформѣ. Въ эту минуту одинъ за другимъ раздались три выстрѣла. Генералъ запатался и упалъ на платформу. Жена его обернулась и, увидя молодую дѣвушку съ револьверомъ,

бросилась на нее и схватила за волосы и горло. Носильщикъ, державшій велосипедъ, бросилъ его и тоже схватилъ Коноплянникову.

— Ты поосторожьге,—сказала она,—у меня бомба. Взорветь...

Освободивши одну руку, она достала изъ-подъ пальто бомбу, похожую на небольшую коробку конфетъ, завернутую въ бѣлую бумагу.

Слово «бомба» вызвало панику. Любопытные въ ужасѣ стали разбѣгаться въ разные стороны. Кондуктора прибывшаго поезда бѣжали въ вагоны вмѣстѣ съ пассажирами, и по всей платформѣ слышались крики: «Бомба, бомба»!..

Коноплянникову отвели въ жандармскую комнату. Она была спокойна и сказала, обращаясь къ арестовавшему ее офицеру:

— Если надо, я могу разрядить бомбу.

На всѣ вопросы о томъ, кто она, Зианда отказывалась отвѣчать. Поздно ночью былъ доставленъ арестантскій вагонъ. На Коноплянникову надѣли кандалы и подъ конвоемъ восьми жандармовъ отправили въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость.

26-го августа въ одной изъ камеръ Трубецкого бастіона Петропавловской крѣпости происходилъ судъ.

Во время суда Коноплянниковой, по обыкновенію, велѣли встать. Она отказалась. Ей пригрозили, что заставятъ ее стоять силой. Она отвѣтила, что подчиняется насилью, но заявляетъ, что вставаніемъ передъ судомъ выражается обыкновенно почтеніе къ суду, она же можетъ только презирать его.

Свою рѣчь на судѣ она закончила слѣдующими словами:

«Вы меня приговорите къ смертной казни. Гдѣ бы мнѣ ни пришлось умереть—на висѣлицѣ ли, въ каторгѣ ли, застѣнкахъ ли, я умру съ одной мыслью: прости, мой народъ! Я такъ мало могла тебѣ дать—только одну свою жизнь. Умру же я съ полной вѣрой въ то, что наступятъ

...тѣ дни недалекіе,

Когда тронъ, пошатнувшись, падетъ,

И надъ русской равниной широкою

Ярко солнце свободы взойдетъ.

Въ ночь съ 28 на 29 августа Коноплянникову перевезли изъ Петропавловской крѣпости въ Шлиссельбургскую, гдѣ рано утромъ была совершена казнь. Передъ казнью Зианда попросила присутствовавшего по обязанности судебнаго чиновника передать привѣтъ товарищамъ, сказала нѣсколько словъ священнику, бодрымъ шагомъ вошла на эшафотъ и сама надѣла на себя петлю.

Что еще можно добавить? Фамилія Зианды была мало кому извѣстна. Большинство знало ее подъ различными именами или подъ прозвищемъ Жукъ, Жучекъ, данному ей за ея темные волосы и смуглый цвѣтъ лица. Она привыкла къ этому прозвищу, и когда, бывало, кто-нибудь начнетъ упрекать ее за недостаточную

осторожность или за полное отсутствіе заботы о своей особѣ, она ласковымъ голосомъ балованнаго ребенка отвѣчаетъ:

— Не надо сердиться. На Жучка нельзя сердиться. На жучковъ никто не сердится.

И при этомъ милые глаза смотрять такъ, что всякій выговоръ самъ собою замираетъ.

Можно еще добавитъ, что Зинаидѣ было чуждо понятіе «мое», что она всегда готова была отдать все, что имѣла, первому встрѣчному, нуждающемуся человеку. Но, впрочемъ, едва ли это нужно прибавлять. Вѣдь, это подразумѣвается.

Одннадцати лѣтъ не прошло послѣ смерти Конопляниковой, и часть ея душевнаго желанія исполнилась: тронъ пошатнулся и палъ. Но солнце свободы надъ русской равниной не взошло. Люди, сдѣлавшіе «изъ вольности орудье палача», бросили въ толпу, какъ приманку, то самое понятіе, которое было чуждо такимъ борцамъ, какъ Зинаида Конопляникова. Знамя классовой борьбы только чуть-чуть прикрывало безстыдныхъ влеченія къ «моему». Соціалистическая республика оказалась безъ соціалистовъ...

Отрезвленіе придетъ. Но въ какихъ формахъ выльется это отрезвленіе? И неужели этимъ отрезвленіемъ не оправдаются всѣ тѣ жертвы, которыя принесены такимъ людьми, какъ Конопляникова, ради свободы русскаго народа?

А. Хирьяковъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

- 1) Бюллетень Народнаго комиссаріата труда № 1—4, 1918 г. 2) Вейсъ, Ю. А. Выборъ орудій для обработки луговъ. Ц. 75 к. 3) Вѣстникъ жизни. Итоги политки, науки и искусства. № 1, 1918 г. Ц. 5 р. 4) Губскій, Н. П. Споръ Жореса и Клемансо. М. 1918 г. Ц. 5 р. 5) Залевскій, М. Искусство и пролетаріатъ. М. 1918 г. Ц. 2 р. 50 к. 6) Исторія освободженія Россіи. Изд. В. Ц. И. К. У. Вып. 1. Ц. 10 р. 7) Карпинскій, В. А. Что такое совѣтская власть и какъ она строится. М. 1918 г. Ц. 50 к. 8) Каутскій, К. Происхождение первобытной библейской исторіи. Ц. 23 к. 9) Каутскій, К. Соціальная революція. М. 1918 г. Ц. 2 р. 25 к. 10) Керженцевъ, В. Революціонная Ирландія. М. 1918 г. Ц. 5 р. 11) Керженцевъ, В. Союзники и Россія. М. 1918 г. Ц. 1 р. 80 к. 12) „Книжный уголь“. Критико-библиографическая хроника. Ц. 1 р. 25 к. 13) Конституція Р. С. Ф. С. Р. 1918 г. Ц. 2 р. 14) Ленинъ, К. Н. Послѣдній русскій царь Николай II. М. 1918 г. Ц. 50 к. 15) Ленинъ, Н. Борьба за хлѣбъ. Ц. 50 к. 16) Ленинъ, Н. Очередныя задачи совѣтской власти. Ц. 50 к. 17) Ленинъ, Н. Письмо къ американскимъ рабочимъ. 18) Ленинъ, Н. Революціонная война. Ц. 25 к. 19) Мархлевскій, І. Б. Что такое политическая экономія и чему она учитъ. Ц. 40 к. 20) Мерингъ, Ф., Цеттинъ, Н., Балабанова, А. и др. Коммунисты Запада о совѣтской Россіи. Ц. 60 к. 21) Мещеряковъ, В. О сельско-хозяйственныхъ коммунахъ. Ц. 90 к. 22) Мещеряковъ, В. І. Организациа Народнаго комиссаріата земледѣлія и земельныхъ отдѣловъ. 23) Полгода коммунальнаго строительства. Ц. 75 к. 24) Милутичъ, В. П. Современное экономическое развитіе Россіи и диктатура пролетаріата. М. 1918 г. Ц. 1 р. 50 к. 25) Основныя правила техники поземельнаго устройства. Изд. Нар. Ком. Землед. 26) Павловичъ, М. П. Брестскій миръ и условія экономическаго возрожденія Россіи. Ц. 2 р. 27) Павловичъ, М. П. Итоги мировой войны. Ц. 2 р. 50 к. 28) Павловичъ, М. П. Мировая война и борьба за раздѣлъ чепнаго континента. Ц. 2 р. 29) Перевъ, П. Д. Упрощеніе русскаго правописанія. 30) Перцовъ, П. П. О Тургеневѣ. Русская и иностранная критика. М. 1918 г. Ц. 10 р. 31) Плехановъ, Г. В. Основные вопросы марксизма. М. 1918 г. Ц. 1 р. 50 к. 32) Радъ, К. О совѣтской конституціи. Ц. 45 к. 33) Рейснеръ, М. Что такое совѣтская власть. М. 1918 г. Ц. 1 р. 50 к. 34) Станишевскій, В. П. Какъ русскій мужикъ потерялъ землю и волю. Ц. 50 к. 35) Соединенное засѣданіе В. Ц. И. К., Москов. Сов. Представит. фабрично-заводск. ком. профес. союзовъ г. Москвы и Всеросс. Съѣзда Предсѣдат. совѣтовъ 29 VII. 1918 г. Ц. 30 к. 36) Соціалистическій Земледѣльческій календарь 1919 г. 37) Статистика труда. № 2-3, 1918 г. Ц. 5 р. 38) Стекловъ, Ю. Революція 1848 г. во Франціи. Ц. 90 к.

Изд. „Задруга“. 39) Есгоньевъ—Максимовъ, В. Е. Пѣвецъ народной свободы и печальникъ народнаго горя. (Жизнь и поэзія Н. А. Некрасова). Ц. 2 р. 50 к. 40) „Изъ нашего предплага“. Разказы по русской исторіи, ч. II, подъ ред. Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сърѣтчиковскихъ, Ц. 12 р. 41) Лункевичъ, В. В. Четвероногіе слуги челоуѣка. Ц. 3 р. 42) Марновская, О. Земля. Ц. 60 к. 43) Воздухъ. Ц. 70 к. 44) Вода. Ц. 70 к. 45) Олень, Ф. Н. Разказы. Ц. 12 р. 46) Перцовъ, В. Н. Политика Гогенцоллерновъ. Ц. 10 р. 47) Тутьшинъ. Организациа школьныхъ библиотекъ. Ц. 2 р. 50 к. 48) Чегляхъ, А. Карочка. Ц. 1 р.

Редакторъ-издатель С. Мельгуновъ.

Следующий номер „ГОЛОСА МИНУВШЕГО“ будет посвящен истории литературы.

Намеченное содержание книжки:

1) П. Н. Сакулин. В поисках научной методологии (Ө. И. Буслаев и Н. С. Тихонравов). 2) Неизданные письма *И. М. Карамзина* и *В. А. Жуковской*. 3) М. А. Цявловский. Пушкин и гр. Д. О. Фикельмон. 4) В. Ю. Язвицкий. Кто был герой повести Пушкина „Кирджали“. 5) М. М. Клевенский. Герцен и Огарев. 6) Дневник и письма *Я. П. Полонского*. 7) Н. А. Добролюбов. Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев. 8) В. Е. Максимов. Писарев и охранители. 9) Письма *И. А. Гончарова*. 10) Г. Юнкер. Детские годы Григоровича. 11) Е. А. Штакешнейдер. Из дневника (Ө. М. Достоевский). 12) М. М. Клевенский. Неизданные письма Тургенева. 13) Переселениов. Письма Тургенева к Карташевской. 14) М. М. Клевенский. Мелочи об отце Тургенева. 15) Б. Д. Федоров. Лорис-Меликов и Павленков.

Для одного из следующих сборников „ГОЛОСА МИНУВШЕГО“ редакцией намечены воспоминания *А. Ө. Кони*, *В. Н. Финер*, *Л. А. Дейча*, *В. М. Голицына*, *Т. Л. Сухотиной*, *Н. В. Давыдова* и др.

Издация журнала „ГОЛОСА МИНУВШЕГО“.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Быв. иеромонаха
ИЛИОДОРА.

„СВЯТОЙ ЧОРТ“ (ЗАПИСКИ О
РАСПУТИНЕ)
Цена 7 руб. (распр., печ. 3-е изд.)

„НИКОЛАЙ II“ Материалы для характеристики личности царствования. Издание 2-е. Ц. 8 руб. (распр.)

„Николай II в Москве в 1912 году“ (по данным бывшего Московского охранного отделения).
Приготовил к печати М. А. Цявловский. Ц. 1 р. 20 к. (распр.)

„Из истории революционного движения в России“ Статьи и воспоминания ц. к. Довнар-Запольского, В. Н. Финер, Е. Сазонова, П. Л. Лаврова, и друг.
(№ 7—8 „Голос Минувшего“ за 1917 г.) Цена 5 р. (распрод.)

В Б. ЖИЛИНСКИЙ.

„Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти“ (С иллюстрациями).
Цена 2 руб.

Год издания VII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1919 год

Год издания VII.

НА ЖУРНАЛ

ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОЛОС МИНУВШЕГО

Под редакцией **С. Л. Мельгунова**

В виду того, что редакции в настоящее время приходится выпускать по техническим причинам журнал через более или менее значительные промежутки времени, и у читателей теряется связь между отдельными книжками, редакция решила в 1919 году придать отдельным книжкам журнала характер **САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ СБОРНИКОВ**, посвященных определенной теме или определенному кругу вопросов.

В 1919 году **ЧЕТЫРЕ АЛЬМАНАХА**
в ы й д е т

Программа журнала и состав сотрудников остаются без изменений.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год 60 руб., на $\frac{1}{2}$ года 30 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В конторе журнала: Москва, Знаменка, 16, Книгоиздательство „Задруга“.

В отделении конторы: Петроград, Гончарная, 24, кн-во „Задруга“.

Комплекты за 1918 г. высылаются за 50 руб.; за предшествующие 1913—1917 гг. имеются лишь неполные комплекты по 25 руб.